

БЕНЕДИКТА СПИНОЗЫ
ЭТИКА.

БЕНЕДИКТА СПИНОЗЫ ЭТИКА,

ИЗЛОЖЕННАЯ
ГЕОМЕТРИЧЕСКИМЪ МЕТОДОМЪ
И
РАЗДѢЛЕННАЯ НА ПЯТЬ ЧАСТЕЙ

ВЪ КОИХЪ РАЗСУЖДАЕТСЯ:

I. О Богѣ.

II. О ПРИРОДѢ И НАЧАЛѢ ДУШИ.

III. О НАЧАЛѢ И ПРИРОДѢ АФФЕКТОВЪ.

IV. О РАВСТВѢ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ИЛИ О СИЛѢ АФФЕКТОВЪ.

V. О ВЛАСТИ РАЗУМА ИЛИ О ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ СВОБОДѢ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО ПОДЪ РЕДАКЦІЮ
ПРОФ. В. И. МОДЕСТОВА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНИЕ Л. Ф. ПАНТЕЛѢЕВА

1892

19354
Q23

574903

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
Предисловіе	—
Часть I. О Богѣ	I
Часть II. О природѣ и происхожденіи души	55
Часть III. О происхожденіи и природѣ аффектовъ	123
Часть IV. О человѣческомъ рабствѣ или о силѣ аффектовъ	213
Часть V. О могуществѣ разума или о человѣческой свободѣ	301

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Вышедшее въ свѣтъ въ концѣ 1886 года первое изданіе *Этики* Спинозы разошлось въ нѣсколько мѣсяцевъ. Столь быстрого хода книги, очень серьезной по содержанію и дорогой по цѣнѣ, не ожидали ни издатель, ни редакторъ перевода. Они, напротивъ, скорѣе склонны были думать, что выпущеннаго количества экземпляровъ хватитъ на многіе годы, и даже вовсе не рассчитывали на то, что отъ нихъ потребуется второе изданіе книги.

Между тѣмъ оно потребовалось, и при томъ такъ скоро, что могло бы появиться еще четыре года назадъ, еслибъ тому не мѣшали разныя случайныя обстоятельства и нѣкоторыя соображенія. Всего важнѣе было выяснить, насколько велика дѣйствительная потребность въ новомъ изданіи *Этики* Спинозы. Не прекращавшіяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ требованія на разошедшуюся книгу и обращающіяся съ разныхъ сторонъ запросы какъ къ издателю, такъ и къ редактору перевода, наконецъ, показали, что потребность эта настолько значительна, что для дальнѣйшаго откладыванія второго изданія книги уже нѣтъ никакого основанія. Мы выпускаемъ теперь это изданіе не только съ сознаніемъ долга передъ публикой, но и съ понятнымъ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія.

Текстъ перевода, точнаго и, насколько позволяет содержание книги, яснаго, не требовалъ измѣненій. Редактору перевода предстояло лишь исправить опечатки, пополнить пропуски и допустить въ текстъ (большую часть въ скобкахъ) одинъ изъ терминовъ, котораго онъ, по неудобопонятности его для читателя въ голомъ видѣ, обыкновенно избѣгалъ, стараясь его переводить соотвѣствующимъ ему въ данномъ случаѣ русскимъ словомъ. Это касается именно слова *modus*, которое русскіе философы, слѣдуя нѣмецкимъ, передаютъ на русскомъ языкѣ въ его латинской формѣ, не измѣняя даже ея окончанія (*модусъ*). Я ввелъ теперь въ текстъ перевода этотъ *модусъ*, не только по совѣту одного русскаго философа, но и потому, что слово *состояніе*, которымъ я замѣнялъ его, дѣйствительно не вездѣ умѣстно, какъ замѣняющее *modus*. Что же касается до исправленія переводомъ самого Спинозы, когда онъ выражается не точно или ошибочно, то я не считалъ этого своею обязанностью и даже своимъ правомъ, хотя у насъ и есть люди, которые на этотъ счетъ думаютъ иначе, находя для себя позволительнымъ навязывать переводимому автору то, чего у него въ текстѣ не имѣется.

Въ заключеніе не могу не высказать сожалѣнія, что, находясь, за границей, я не имѣлъ возможности лично слѣдить за печатаніемъ втораго изданія. Мнѣ не пришлось читать ни одной корректуры. Питаю однако увѣренность, что дѣло печатанія велось вполне исправно, и что изданіе въ корректурномъ отношеніи безукоризненно.

В. Модестовъ.

Римъ, 14 (2) февраля 1892.

Э Т И К И

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О Б О Г Ъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ.

I. Подъ именемъ *самопричины* (*causa sui*) я разумѣю то, сущность чего заключаетъ въ себѣ существованіе, или то, природа чего не можетъ быть представлена иначе, какъ существующею.

II. Та *вещь* называется въ своемъ родѣ *конечною*, которая можетъ быть ограничена другою вещью такой же природы. Напр., тѣло называется конечнымъ, потому что мы всегда представляемъ другое большее тѣло. Такъ мышленіе ограничивается другимъ мышленіемъ. Но тѣло не ограничивается мышленіемъ, а мышленіе—тѣломъ.

III. Подъ *субстанціей* я разумѣю то, что существуетъ въ себѣ и представляется само по себѣ, т. е. то, представленіе чего не нуждается въ представленіи другой вещи, изъ котораго оно должно было бы образоваться.

IV. Подъ *атттрибутомъ* я разумѣю то, что разумъ представляетъ о субстанціи какъ бы нѣчто, составляющее сущность ея.

V. Подъ *состояніемъ* (*модусомъ*, *modus*) я разумѣю видоизмѣненія (*affectiones*) субстанціи или то, что есть въ другомъ, посредствомъ чего оно также представляется.

VI. Подъ *Боюмъ* я разумѣю абсолютно безконечное существо, т. е. субстанцію, состоящую изъ безконечныхъ атрибутовъ, изъ которыхъ каждый выражаетъ вѣчную и безконечную сущность.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

Я говорю абсолютно, а не въ своемъ родѣ безконечное. Ибо что безконечно только въ своемъ родѣ, относительно того мы можемъ отрицать безконечные атрибуты; что же абсолютно безконечно, то содержитъ въ сущности своей все, что выражаетъ сущность и не заключаетъ въ себѣ никакого отрицанія.

VII. Та вещь называется *свободною*, которая существуетъ по одной только необходимости своей природы и опредѣляется къ дѣятельности только сама собою; *необходимая* же или, лучше, принужденная вещь та, которая опредѣляется къ существованію и дѣятельности другимъ по извѣстному и опредѣленному способу.

VIII. Подъ *вѣчностью* я разумѣю само существованіе, насколько оно представляется необходимо вытекающимъ уже изъ одного опредѣленія вѣчной вещи.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

Ибо такое существованіе, какъ вѣчная истина, представляется какъ сущность вещи и потому не можетъ быть объяснено продолжаемостью или временемъ, хотя бы мы представляли себѣ продолжаемость не имѣющею ни начала, ни конца.

АКСИОМЫ.

I. Все существующее существуетъ или въ себѣ, или въ другомъ.

II. То, что не можетъ быть представлено посредствомъ другого, должно быть представляемо само по себѣ.

III. Изъ данной опредѣленной причины необходимо вы-

текаетъ дѣйствіе, и наоборотъ, если нѣтъ опредѣленной причины, то невозможно, чтобы послѣдовало дѣйствіе.

IV. Познаніе дѣйствія зависитъ отъ познанія причины и заключаетъ ее въ себѣ.

V. Вещи, которыя не имѣютъ ничего общаго между собою, не могутъ быть и поняты одна посредствомъ другой, или понятіе одной вещи не заключаетъ въ себѣ понятія другой.

VI. Истинная идея должна быть согласна съ своимъ содержаніемъ (*cum suo ideato*).

VII. Что можетъ быть представлено не существующимъ, сущность того не содержитъ въ себѣ существованія.

ПОЛОЖЕНІЕ I.

Субстанція по природѣ предшествуетъ своимъ состояніямъ (модусамъ).

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

явствуетъ изъ опредѣленія 3 и 5.

ПОЛОЖЕНІЕ II.

Двѣ субстанціи, имѣющія различные атрибуты, не имѣютъ ничего общаго между собою.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

явствуетъ также изъ опредѣленія 3. Ибо каждая субстанція должна существовать въ себѣ и представляться сама по себѣ, или представленіе одной не заключаетъ въ себѣ представленія другой.

ПОЛОЖЕНІЕ III.

Изъ тѣхъ вещей, которыя не имѣютъ ничего общаго между собою, одна не можетъ быть причиною другой.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Если онѣ не имѣютъ ничего общаго, то, слѣдовательно (по аксіомѣ 5), не могутъ быть поняты взаимно, а потому (по аксіомѣ 4) одна не можетъ быть причиною другой,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ IV.

Два или многія различныя вещи различаются между собою или разностью атрибутовъ субстанцій, или разностью ихъ состояній (модусовъ).

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Все существующее существуетъ или въ себѣ, или въ другомъ (по аксіомѣ 1), т. е. (по опред. 3 и 5) внѣ разума не существуетъ ничего, кромѣ субстанцій и ихъ состояній. Итакъ, внѣ разума нѣтъ ничего другого, чѣмъ бы многія вещи могли различаться между собою, кромѣ субстанцій, или, что то же (по опред. 4), ихъ атрибутовъ и ихъ состояній,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ V.

Въ природѣ вещей не можетъ быть двухъ или нѣсколькихъ субстанцій той же самой природы или того же самаго атрибута.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Если бы было нѣсколько различныхъ субстанцій, то онѣ должны были бы различаться или разностью атрибутовъ, или разностью состояній (по предъидущему полож.). Если только разностью атрибутовъ, тогда, значить, допускается, что можетъ быть одна только субстанція съ однимъ и тѣмъ же атрибутомъ. Если же разностью состояній, то—такъ какъ субстанція по природѣ предшествуетъ своимъ состояніямъ (по полож. 1)—разсматриваемая

безъ состояній, а сама по себѣ, т. е. (*по опред. 3 и аксіомѣ 6*) разсматриваемая правильно, она не можетъ быть представлена отличною отъ другой, т. е. (*по предъидущ. полож.*) не можетъ быть нѣсколькихъ субстанцій, но только одна,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ VI.

Одна субстанція не можетъ быть произведена другой субстанціей.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Въ природѣ вещей не можетъ быть двухъ субстанцій съ одинаковымъ атрибутомъ (*по пред. полож.*), т. е. (*по полож. 2*) такихъ, которыя бы имѣли что-нибудь общаго между собою; поэтому (*по полож. 3*) одна не можетъ быть причиною другой, или одна не можетъ происходить отъ другой,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Изъ этого слѣдуетъ, что субстанція не можетъ быть произведена чѣмъ-нибудь другимъ. Ибо въ природѣ вещей нѣтъ ничего, кромѣ субстанцій и ихъ состояній, какъ явствуетъ изъ *акс. 1 и опред. 3 и 5*. Но она не можетъ быть произведена и другою субстанціей (*по пред. пол.*). Итакъ, субстанція абсолютно не можетъ быть произведена чѣмъ-нибудь другимъ, — что и требовалось доказать.

Иначе.

Это еще легче доказывается нелѣпостью противнаго. Ибо еслибъ субстанція могла быть произведена чѣмъ-нибудь другимъ, то познаніе ея должно было бы зависѣть отъ познанія ея причины (*по акс. 4*); а поэтому (*по опред. 3*) она не была бы субстанціей.

ПОЛОЖЕНИЕ VII.

Къ природѣ субстанціи принадлежитъ существованіе.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Субстанція не можетъ быть произведена чѣмъ-нибудь другимъ (*по королл. пред. пол.*); она, слѣдовательно, должна быть причина самой себя, т. е. (*по опред. 1*) сущность ея необходимо включаетъ въ себѣ существованіе, или къ природѣ ея принадлежитъ существованіе,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ VIII.

Всякая субстанція есть необходимо безконечна.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Существуетъ только одна субстанція съ однимъ и тѣмъ же атрибутомъ (*по пол. 5*), и къ ея природѣ принадлежитъ существованіе (*по пол. 7*). Итакъ, по своей природѣ она будетъ существовать конечною или безконечною. Но она не можетъ быть конечною. Ибо (*по опред. 2*) она должна была бы ограничиваться другою субстанціей такой же природы, которая также необходимо должна была бы существовать (*по пол. 7*); поэтому существовали бы двѣ субстанціи съ одинаковымъ атрибутомъ, что нелѣпо (*по пол. 5*). Слѣдовательно, существуетъ безконечная субстанція, — что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ I.

Такъ какъ быть конечнымъ на самомъ дѣлѣ составляетъ отчасти отрицаніе, а быть безконечнымъ—абсолютное утвержденіе существованія какой-либо природы, то уже изъ одного *полож. 7* слѣдуетъ, что всякая субстанція должна быть безконечна.

СХОЛІА II.

Я не сомнѣваюсь, что многимъ, которые спутанно рассуждаютъ о вещахъ и не привыкли познавать вещей посредствомъ ихъ первыхъ причинъ, будетъ трудно понять доказательство 7 *полож.*; потому особенно, что они не дѣлаютъ различія между видоизмѣненіями субстанцій и самими субстанціями и не знаютъ, какимъ образомъ происходятъ вещи. Отсюда происходитъ, что они субстанціямъ приписываютъ начало, которое, какъ они видятъ, имѣютъ вещи въ природѣ. Кто не знаетъ истинныхъ причинъ вещей, тотъ все смѣшиваетъ и безъ всякаго противодѣйствія со стороны ума представляетъ себѣ деревья такъ же говорящими, какъ люди, и воображаютъ, что люди могутъ произойти такъ же изъ камней, какъ изъ сѣмянъ, и что всякія формы могутъ измѣняться въ какія угодно формы. Такъ же точно и тѣ, которые смѣшиваютъ божественную природу съ человѣческою, легко приписываютъ Богу человѣческія страсти, особенно, когда они не знаютъ, какимъ образомъ страсти производятся въ душѣ. Но если бы люди вникали въ природу субстанціи, то нисколько не сомнѣвались бы въ истинѣ *полож. 7*; даже оно было бы для всѣхъ аксіомой и принадлежало бы къ общепринятымъ понятіямъ. Ибо подъ субстанціей они разумѣли бы то, что существуетъ въ себѣ и представляется само по себѣ, т. е. то, познаніе чего не нуждается въ познаніи какой-нибудь другой вещи; а подъ видоизмѣненіями — то, что есть въ другомъ, такъ что представленіе ихъ образуется отъ представленія той вещи, въ которой они существуютъ. Поэтому-то мы можемъ имѣть истинныя идеи о видоизмѣненіяхъ не существующихъ, такъ какъ, хотя они на дѣлѣ и не существуютъ внѣ разума, все-таки сущность ихъ такъ содержится въ другомъ, что они могутъ быть представлены посредствомъ его же. Истина же субстанцій внѣ разума находится только въ нихъ самихъ, поелику они представля-

ются посредствомъ самихъ себя. Итакъ, если кто-нибудь скажетъ, что онъ имѣетъ ясное и отчетливое, т. е. истинное понятіе о субстанціи и тѣмъ не менѣ сомнѣвается, существуетъ ли такая субстанція, то это будетъ все равно, какъ если бы онъ сказалъ, что онъ имѣетъ истинное понятіе и тѣмъ не менѣ сомнѣвается, не ложно ли оно (какъ это очевидно для всякаго достаточно внимательнаго): или, если кто утверждаетъ, что субстанція можетъ быть сотворена, то онъ этимъ утверждаетъ также, что ложная идея сдѣлалась истинною, а нелѣпѣ этого нельзя ничего себѣ и представить. Поэтому необходимо признать, что существованіе субстанціи, какъ ея сущность, есть вѣчная истина. А отсюда мы можемъ заключать другимъ способомъ, что существуетъ только одна субстанція одной и той же природы,—что я счелъ стоющимъ труда доказать здѣсь. Но чтобы сдѣлать это въ порядкѣ, необходимо замѣтить: 1) что истинное опредѣленіе каждой вещи не содержитъ и не выражаетъ ничего, кромѣ природы опредѣляемой вещи. Изъ чего слѣдуетъ, 2) что никакое опредѣленіе не содержитъ и не выражаетъ какого-нибудь извѣстнаго числа индивидуумовъ, такъ какъ оно ничего другого не выражаетъ, кромѣ природы опредѣляемой вещи. Напр., опредѣленіе треугольника не выражаетъ ничего другого, кромѣ простой природы треугольника, но оно не выражаетъ какого-нибудь извѣстнаго числа треугольниковъ. 3) Нужно замѣтить, что для каждой существующей вещи необходимо должна быть какая-нибудь опредѣленная причина, по которой она существуетъ. 4) Наконецъ, нужно замѣтить, что эта причина, по которой какая-нибудь вещь существуетъ, или должна содержаться въ самой природѣ и опредѣленіи существующей вещи (*именно потому, что къ природѣ ея принадлежитъ существованіе*), или должна быть внѣ ея. Изъ этихъ положеній слѣдуетъ, что если въ природѣ существуетъ какое-нибудь извѣстное число индивидуумовъ, то необходимо должна быть причина, почему су-

существуетъ именно столько индивидуумовъ и почему не больше и не меньше. Если бы, напр., въ мірѣ существовало двадцать человѣкъ (*для большей ясности я предполагаю, что они существуютъ одновременно, и что прежде нихъ не существовало другихъ*), то для того, чтобы объяснить, почему ихъ существуетъ двадцать, не достаточно было бы показать причину человѣческой природы вообще, но, кромѣ того, необходимо было бы показать причину, почему существуетъ именно двадцать, а не болѣе и не меньше, такъ какъ (*по замѣчанію 3*) относительно каждаго изъ нихъ должна существовать причина, почему онъ существуетъ. Но эта причина (*по замѣчанію 2 и 3*) не можетъ содержаться въ самой человѣческой природѣ, такъ какъ истинное опредѣленіе человѣка не заключаетъ въ себѣ двадцатеричнаго числа. Поэтому (*по замѣчанію 4*) причина, почему существуютъ эти 20 человѣкъ и, слѣдовательно, почему существуетъ каждый изъ нихъ, необходимо должна существовать внѣ каждаго изъ нихъ; а отсюда слѣдуетъ вывести абсолютное заключеніе, что все то, природа чего можетъ содержать нѣсколько индивидуумовъ, должно необходимо имѣть внѣшнюю причину, почему они существуютъ. Коль скоро существованіе принадлежитъ къ природѣ субстанции (*какъ уже показано въ этой схолии*), то опредѣленіе ея необходимо должно содержать въ себѣ существованіе и, слѣдовательно, уже изъ одного ея опредѣленія должно быть выведено заключеніе объ ея существованіи. Но изъ опредѣленія ея (*какъ мы уже показали въ замѣч. 2 и 3*) не можетъ вытекать существованіе нѣсколькихъ субстанцій. Итакъ, изъ него необходимо слѣдуетъ, что существуетъ только одна субстанція одной и той же природы,—что и было предложено доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ IX.

Чѣмъ больше вещь имѣетъ реальности или существованія, тѣмъ больше атрибутовъ принадлежитъ ей.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

это явствуешь изъ *опредѣленія 4.*

ПОЛОЖЕНИЕ X.

Каждый изъ атрибутовъ одной субстанции долженъ быть представляемъ посредствомъ себя.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо атрибутъ есть то, что разумъ воспринимаетъ о субстанции, какъ составляющее ея сущность (*по опредѣленію 4*); поэтому (*по опред. 3*) онъ долженъ быть представляемъ посредствомъ себя, — что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Изъ этого явствуешь, что хотя и могутъ быть представлены два атрибута, реально различные, т. е. одинъ безъ помощи другого, однако изъ этого мы не можемъ заключать, что они составляютъ два существа или двѣ различныя субстанции. Ибо природѣ субстанции свойственно, чтобы каждый изъ ея атрибутовъ представлялся самъ по себѣ, такъ какъ всѣ атрибуты, которые она имѣетъ, всегда вмѣстѣ были въ ней, и одинъ изъ нихъ не могъ быть произведенъ другимъ; но каждый изъ нихъ выражаетъ реальность или бытіе субстанции. Итакъ, далеко не было нѣлѣпостью приписывать одной субстанции нѣсколько атрибутовъ; даже ничего не можетъ быть яснѣе того, что каждое существо должно быть представляемо подъ какимъ-нибудь атрибутомъ и что чѣмъ больше оно имѣетъ реальности или бытія, тѣмъ больше имѣетъ и атрибутовъ, которые выражаютъ и необходимость или вѣчность, и безконечность; и, слѣдовательно, ничего не можетъ быть яснѣе того, что существо абсолютно безконечное необходимо должно быть опредѣляемо

(какъ мы выразили въ опред. 6) какъ существо, которое состоитъ изъ безконечныхъ атрибутовъ, изъ которыхъ каждый выражаетъ извѣстную сущность, вѣчную и безконечную. Если же кто-нибудь спроситъ, по какому же признаку мы можемъ распознать разность субстанцій, то пусть прочитаетъ слѣдующія положенія, которыя показываютъ, что въ природѣ вещей существуетъ только одна субстанція и она есть абсолютно безконечна, почему напрасно было бы искать этого признака.

ПОЛОЖЕНІЕ XI.

Богъ или субстанція, состоящая изъ безконечно многихъ атрибутовъ, изъ которыхъ каждый выражаетъ вѣчную и безконечную сущность, необходимо существуетъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Если отрицаешь это, то представь себѣ, можетъ ли быть, чтобы Богъ не существовалъ. Это значило бы (*по акс. 7*), что сущность его не заключаетъ въ себѣ существованія; но это (*по пол. 7*) нелѣпо. Слѣдовательно, Богъ необходимо существуетъ, — что и требовалось доказать.

Иначе.

Для каждой вещи должна быть показана причина или основаніе какъ того, почему она существуетъ, такъ и того, почему она не существуетъ. Напр., если существуетъ треугольникъ, то должна быть причина или основаніе, почему онъ существуетъ; если же онъ не существуетъ, то также должна быть причина или основаніе, которая препятствуетъ тому, чтобы онъ существовалъ, или которая уничтожаетъ его существованіе. Но это основаніе или причина должна содержаться или въ самой вещи, или внѣ ея. Напр., основаніе, почему не можетъ существовать квадратный кругъ, указываетъ сама его природа; потому именно, что это заключаетъ въ себѣ

противорѣчіе. Почему, напротивъ того, субстанція существуетъ, это слѣдуетъ также изъ одной ея природы, которая именно заключаетъ въ себѣ существованіе (*по пол. 7*). Но основаніе, почему существуетъ кругъ или треугольникъ, или почему они не существуютъ, не вытекаетъ изъ ихъ природы, а изъ порядка всей тѣлесной природы. Ибо изъ него должно вытекать, или чтобъ треугольникъ необходимо существовалъ, или чтобъ было невозможно, чтобъ онъ существовалъ. И это ясно само по себѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что необходимо существуетъ то, относительно чего нѣтъ никакого основанія или причины, которая препятствовала бы, чтобы оно существовало. Итакъ, если не можетъ быть никакого основанія или причины, которая препятствовала бы, чтобы Богъ существовалъ, или которая уничтожала бы его существованіе, то вполне слѣдуетъ заключить, что онъ необходимо существуетъ. Но если бы существовало такое основаніе или причина, то она должна была бы быть или въ самой природѣ Бога, или внѣ ея, т. е. въ другой субстанціи съ другою природою. Ибо если бы она была съ такою же природою, то этимъ самымъ допускалось бы, что Богъ существуетъ. Но субстанція, которая была бы другой природы, не имѣла бы ничего общаго съ Богомъ (*по пол. 2*), и потому не могла бы ни дать, ни уничтожить его существованія. Итакъ, если основаніе или причина, которая уничтожала бы божественное существованіе, не можетъ существовать внѣ божественной природы, то она необходимо должна находиться, если Богъ не существуетъ, въ самой его природѣ, которая поэтому заключала бы въ себѣ противорѣчіе. Но утверждать это о существѣ абсолютно безконечномъ и высочайше совершенномъ нелѣпо; слѣдовательно, ни въ Богѣ, ни внѣ Бога нѣтъ основанія или причины, которая уничтожала бы его существованіе, и потому Богъ необходимо существуетъ,—что и требовалось доказать.

Иначе.

Имѣть возможность не существовать есть безсиліе и, напротивъ, имѣть возможность существовать есть могущество (*какъ это понятно само собою*). Итакъ, если то, что уже необходимо существуетъ, суть только конечныя существа, то значить, что конечныя существа могущественнѣе существа абсолютно безконечнаго; а это (*какъ ясно само собою*) нелѣпо. Слѣдовательно, или ничто не существуетъ, или же необходимо существуетъ и абсолютно безконечное существо. Но мы существуемъ или въ насъ, или въ другомъ, что необходимо существуетъ (см. акс. 1 и пол. 7). Итакъ, абсолютно безконечное существо, т. е. Богъ (*по опред. 6*), необходимо существуетъ, — что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Въ этомъ послѣднемъ доказательствѣ я хотѣлъ показать существованіе Бога *a posteriori* для того, чтобы доказательство легче было понято, а не потому, чтобы изъ того же самаго основанія существованіе Бога не вытекало *a priori*. Ибо изъ того, что имѣть возможность существовать есть могущество, слѣдуетъ, что чѣмъ больше реальности свойственно природѣ какой-нибудь вещи, тѣмъ болѣе она имѣетъ въ себѣ силъ, чтобы существовать; поэтому абсолютно безконечное существо или Богъ имѣетъ въ себѣ абсолютную силу существованія, и потому онъ абсолютно существуетъ. Однако многіе, можетъ быть, не легко поймутъ очевидность этого доказательства, такъ какъ они привыкли видѣть только тѣ вещи, которыя происходятъ отъ внѣшнихъ причинъ; и тѣ вещи, которыя скоро происходятъ, т. е. которыя легко существуютъ, кажутся имъ и скоро погибающими, напротивъ, тѣ вещи они считаютъ болѣе трудными для исполненія, т. е. не столь легкими для существованія, для которыхъ, по ихъ мнѣнію, нужно многое. Но чтобы освободить ихъ отъ

этихъ предразсудковъ, мнѣ нѣтъ надобности показывать, въ какомъ смыслѣ вѣрно слѣдующее положеніе: *что скоро происходитъ, то скоро и погибаетъ*, а также и то, дѣйствительно ли относительно цѣлой природы все одинаково легко, или нѣтъ; но достаточно будетъ только замѣтить, что я говорю не о вещахъ, которыя происходятъ отъ внѣшнихъ причинъ, а объ однѣхъ субстанціяхъ, которыя (по положенію 6) не могутъ быть произведены никакою внѣшнею причиною. Ибо вещи, которыя происходятъ отъ внѣшнихъ причинъ, состоятъ ли онѣ изъ многихъ частей, или немногихъ, всѣмъ, что есть въ нихъ совершеннаго или реальнаго, обязаны доблести внѣшней причины, и потому ихъ существованіе проистекаетъ изъ одного совершенства внѣшней причины, а не ихъ собственной. Напротивъ, субстанція всѣмъ, что она имѣетъ совершеннаго, не обязана никакой внѣшней причинѣ; поэтому и ея существованіе должно вытекать изъ одной ея природы, которая, стало быть, есть не что иное, какъ ея сущность. Итакъ, совершенство не уничтожаетъ существованія вещи, но, напротивъ, даетъ его; несовершенство же уничтожаетъ его, и потому ни въ чемъ другомъ существованіи мы не можемъ быть болѣе увѣрены, чѣмъ въ существованіи существа абсолютно безконечнаго или совершеннаго, т. е. Бога. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ его сущность исключаетъ всякое несовершенство и заключаетъ въ себѣ абсолютное совершенство, то тѣмъ самымъ она устраняетъ всякую причину сомнѣнія въ его существованіи и даетъ высочайшую въ немъ увѣренность, что, я думаю, будетъ ясно и для посредственнаго вниманія.

ПОЛОЖЕНІЕ XII.

Не можетъ быть вѣрно понять ни одинъ атрибутъ субстанции, изъ котораго слѣдовало бы, что субстанція можетъ быть раздѣлена.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо части, на которыя раздѣлялась бы представляемая такъ субстанція, или сохранять сущность субстанціи, или нѣтъ. Если первое, тогда (по пол. 8) каждая часть должна будетъ быть безконечною и (по пол. 6) причиною себя, и (по пол. 5) должна будетъ состоять изъ различнаго аттрибута, а поэтому изъ одной субстанціи можетъ составиться нѣсколько ихъ, что (по пол. 6) нелѣпо. Къ этому нужно прибавить, что части (по пол. 2) не имѣли бы ничего общаго съ своимъ цѣлымъ, и цѣлое (по опред. 4 и по пол. 10) могло бы существовать и быть представляемымъ безъ своихъ частей; а что это нелѣпо, въ томъ не усумнится никто. Если же допустить второе, т. е. что части не сохранять природы субстанціи, то изъ этого слѣдовало бы, что когда вся субстанція раздѣлилась бы на равныя части, то она утратила бы природу субстанціи и перестала бы существовать, что (по пол. 7) нелѣпо.

ПОЛОЖЕНІЕ XIII.

Абсолютно безконечная субстанція недѣлима.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо если бы она была дѣлима, то части, на которыя она была бы раздѣлена, или сохранять природу субстанціи абсолютно безконечной, или нѣтъ. Если первое, то значить будетъ нѣсколько субстанцій съ одною и тою же природою, что (по пол. 5) нелѣпо. Если же принять второе, то это значило бы (какъ выше), что абсолютно безконечная субстанція можетъ перестать существовать, что (по пол. 11) также нелѣпо.

КОРОЛЛАРІЙ.

Изъ этого слѣдуетъ, что никакая субстанція и, слѣдовательно, никакая тѣлесная субстанція, поколику она—субстанція, не можетъ быть дѣлимою.

СХОЛІЯ.

Что субстанція не дѣлима, это еще проще можно понять изъ того уже, что природа субстанціи не можетъ быть представлена иначе, какъ безконечною, и что подъ частію субстанціи не можетъ быть представлено ничто другое, кромѣ конечной субстанціи,—что (по пол. 8) содержитъ въ себѣ явное противорѣчіе.

ПОЛОЖЕНІЕ XIV.

Кромѣ Бога, нѣтъ и не можетъ быть представлена никакая субстанція.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Такъ какъ Богъ есть абсолютно безконечное существо, у котораго нельзя отрицать никакого аттрибута, выражающаго сущность субстанціи (по опред. 6), и онъ необходимо существуетъ (по пол. 11), то, если бы была, кромѣ Бога, какая-нибудь другая субстанція, она должна была бы быть объясняема посредствомъ какого-нибудь аттрибута Бога, и такимъ образомъ существовали бы двѣ субстанціи съ однимъ и тѣмъ же аттрибутомъ, что (по пол. 5) нелѣпо; поэтому-то внѣ Бога не можетъ быть никакой субстанціи и, слѣдовательно, не можетъ быть и представлено. Ибо если бы она могла быть представлена, то необходимо должна была бы представляться какъ существующая; но это (по первой части этого доказ.) нелѣпо. Итакъ, внѣ Бога не существуетъ и не можетъ быть представлено никакой субстанціи,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ I.

Изъ этого яснѣйшимъ образомъ слѣдуетъ 1, что Богъ есть единъ, т. е. (по опред. 6) въ природѣ вещей существуетъ только одна субстанція, и она абсолютно безконечна, какъ мы уже дали понять въ схоліи къ положенію 10.

КОРОЛЛАРІЙ II.

Слѣдуетъ 2, что вещь протяженная и вещь мыслящая суть или атрибуты Бога, или (*по акс. 1*) состоянія атрибутовъ Бога.

ПОЛОЖЕНІЕ XV.

Все, что есть, есть въ Богѣ, и безъ Бога ничего не можетъ быть и не можетъ быть представлено.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

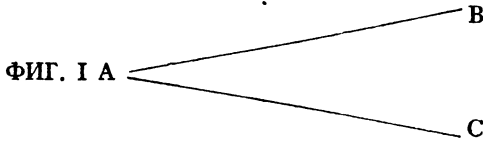
Кромѣ Бога, не существуетъ и не можетъ быть представлена существующею никакая субстанція (*по пол. 14*), т. е. (*по опр. 3*) вещь, которая существуетъ въ себѣ и представляется посредствомъ себя. Состоянія же (*по опр. 5*) безъ субстанціи не существуютъ и не могутъ быть представлены; поэтому они могутъ существовать въ одной божественной природѣ и черезъ нее одну могутъ быть представлены. А кромѣ субстанцій и состояній нѣтъ ничего (*по акс. 1*). Итакъ, безъ Бога нѣтъ ничего и ничего не можетъ быть представлено, — что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Нѣкоторые воображаютъ Бога на подобіе человѣка, состоящимъ изъ тѣла и души и подверженнымъ страстямъ. Но какъ они далеки отъ истиннаго понятія о Богѣ, достаточно видно изъ доказанныхъ уже положеній. Но я оставляю ихъ въ сторонѣ. Ибо всѣ, кто какимъ-нибудь образомъ представлялъ себѣ божественную природу, говорятъ, что Богъ безтѣлесенъ; и это они лучше всего доказываютъ тѣмъ, что подъ тѣломъ мы разумѣмъ какую-нибудь величину, имѣющую длину, ширину и глубину, опредѣленную извѣстной фигурой; но нелѣпѣ этого ничего нельзя сказать о Богѣ, т. е. существѣ абсолютно

безконечномъ. Впрочемъ и другими основаніями, которыми они стараются доказать то же самое, они ясно показываютъ, что они совершенно устраняютъ изъ божественной природы тѣлесную или протяженную субстанцію и утверждаютъ, что она создана Богомъ. Но изъ какой именно божественной потенціи она могла быть создана, они совершенно не знаютъ, а это ясно показываетъ, что они не понимаютъ того, что сами говорятъ. Я, по крайней мѣрѣ, достаточно ясно, какъ мнѣ кажется, доказалъ (*см. королл. пол. 6 и схол. 2 пол. 8*), что никакая субстанція не можетъ быть произведена или создана другою субстанціей. Далѣе, *положеніемъ 14* мы показали, что, кромѣ Бога, не можетъ быть другой субстанціи и она не можетъ быть представлена. А отсюда мы заключили, что протяженная субстанція есть одинъ изъ безконечныхъ атрибутовъ Бога. Но для болѣе полнаго разъясненія я опровергну аргументы противниковъ, которые всѣ сводятся къ слѣдующему. *Во-первыхъ*, тѣлесная субстанція, поколику она—субстанція, состоитъ, какъ они думаютъ, изъ частей; а потому они говорятъ, что она не можетъ быть безконечна и, слѣдовательно, не можетъ принадлежать Богу. Это они объясняютъ многими примѣрами, изъ которыхъ я приведу одинъ или два. Если, говорятъ они, тѣлесная субстанція безконечна, то представимъ себѣ, что она раздѣлена на двѣ части: каждая часть будетъ или конечна, или безконечна. Если первое, то, значить, безконечное слагается изъ двухъ конечныхъ частей, — что нелѣпо. Если же второе, то, значить, есть безконечное, которое вдвое больше другого безконечнаго, что также нелѣпо. *Далѣе*, если безконечная величина измѣряется частями равными футамъ, то она должна будетъ состоять изъ такихъ же безконечныхъ частей, какъ и въ томъ случаѣ, если бы она измѣрялась частями равными дюймамъ; и такимъ образомъ одно безконечное число было бы въ 12 разъ болѣе другого безконечнаго. *Наконецъ*, если представить, что изъ одной точки какой-нибудь безконечной величины двѣ линіи, какъ

напр., АВ, АС, въ извѣстномъ и сначала опредѣленномъ разстояніи продолжены въ безконечность, то, конечно, разстояніе между В и С будетъ постоянно увеличиваться

и, наконецъ, изъ опредѣленнаго сдѣлается неопредѣлимымъ. А такъ какъ эти нелѣпости вытекаютъ, по ихъ мнѣнію, изъ того, что предполагается безконечная величина, то они и заключаютъ отсюда, что тѣлесная субстанція должна быть конечною и, слѣдовательно, не принадлежитъ къ сущности Бога. Второй аргументъ также выводится изъ высочайшаго совершенства Бога. Богъ, говорятъ они, такъ какъ онъ есть существо высочайше совершенное, не можетъ страдать, а тѣлесная субстанція, такъ какъ она дѣлима, можетъ страдать; изъ этого слѣдуетъ, что она не принадлежитъ къ сущности Бога. Таковы аргументы, которые я нахожу у писателей и которыми они стараются показать, что тѣлесная субстанція недостойна божественной природы и не можетъ принадлежать ей. Но кто захочетъ быть надлежащимъ образомъ внимателенъ, тотъ сообразитъ, что я уже отвѣтилъ на это, такъ какъ эти аргументы основываются только на томъ, что тѣлесная субстанція предполагается состоящею изъ частей, нелѣпость чего я уже показалъ (*пол. 12 съ королл. пол. 13*). Затѣмъ, кто желаетъ правильно взвѣсить дѣло, тотъ увидитъ, что всѣ тѣ нелѣпости (*все ли это нелѣпости, объ этомъ я теперь не вхожу въ разсужденіе*), изъ которыхъ хотятъ вывести заключеніе, что протяженная субстанція конечна, вытекаютъ никакъ не изъ того, что величина предполагается безконечною, но изъ того, что безконечная величина предполагается измѣримою и состоящею изъ конечныхъ частей; поэтому изъ выте-

кающихъ отсюда нелѣпостей нельзя сдѣлать никакого другого заключенія, кромѣ того, что безконечная величина не можетъ быть измѣримою и не можетъ слагаться изъ конечныхъ частей. А это есть то самое, что мы уже доказали выше (*пол. 12 и проч.*). Такимъ образомъ стрѣла, которую пускають въ насъ, обращается на самихъ же нашихъ противниковъ. Итакъ, если они изъ этой своей нелѣпости желаютъ все-таки выводить заключеніе, что протяженная субстанція должна быть конечною, то они поступаютъ точно такъ же, какъ если бы кто-нибудь, вообразивши, что кругъ имѣетъ свойство квадрата, вывести изъ этого заключеніе, что кругъ не имѣетъ центра, проведенныя изъ котораго къ окружности линіи всѣ равны. Ибо для того, чтобы вывести заключеніе, что тѣлесная субстанція, которая на дѣлѣ не иначе можетъ быть представлена какъ безконечною, единою и недѣлимою (*см. 8, 5 и 12 пол.*), они представляютъ себѣ, что она состоитъ изъ конечныхъ частей, что она многократна и дѣлима. Подобнымъ же образомъ и другіе, вообразивши себѣ, что линія состоитъ изъ точекъ, умѣютъ придумывать много аргументовъ, которые доказываютъ, что линія не можетъ быть дѣлима до безконечности. И, дѣйствительно, одинаково нелѣпо какъ предполагать, что тѣлесная субстанція слагается изъ тѣлъ или частей, такъ и допускать, что тѣло слагается изъ поверхностей, поверхности изъ линій и линіи, наконецъ, изъ точекъ. Это должны признать всѣ, которые знаютъ, что ясное основаніе безошибочно, и особенно тѣ, которые отрицаютъ существованіе пустоты. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ тѣлесная субстанція могла быть раздѣлена такъ, чтобы части ея были реально отличны, то почему одна часть не могла бы быть уничтожена, въ то время какъ другія оставались бы по прежнему соединенными между собою? и почему всѣ онѣ должны быть такъ приспособлены, чтобы не было пустоты? Конечно, изъ вещей, которыя реально отличны другъ отъ друга, одна можетъ быть безъ другой и оста-

ваться въ своемъ состояніи. Итакъ, если въ природѣ нѣтъ пустоты (*о чемъ въ другомъ мѣстѣ*), но всѣ вещи должны соединяться такъ, чтобы не было пустоты, то изъ этого также слѣдуетъ, что онѣ не могутъ быть реально различны, т. е. тѣлесная субстанція, насколько она есть субстанція, не можетъ дѣлиться. Если же кто-нибудь спроситъ, почему мы отъ природы склонны дѣлать величину, то я отвѣчу ему, что величина представляется нами двумя способами, а именно: или отвлеченно и поверхностно, такъ, какъ мы именно ее воображаемъ себѣ, или какъ субстанція, чтó дѣлаетъ только одинъ разумъ. Итакъ, если мы разсматриваемъ величину такъ, какъ она представляется въ воображеніи, чтó мы часто и легче дѣлаемъ, то она является конечною, дѣлимою и состоящею изъ частей; если же мы станемъ разсматривать ее такою, какъ она есть въ разумѣ и представлять ее, насколько она есть субстанція, чтó очень трудно, тогда, какъ мы уже достаточно доказали, она окажется безконечною, единственною и недѣлимою. Это будетъ достаточно ясно для всѣхъ, кто умѣетъ отличать воображеніе отъ разума, особенно, если имѣть въ виду то, что *матерія вездѣ одна и та же* и что части въ ней различаются только тогда, когда мы представляемъ ее подверженною различнымъ состояніямъ, почему части ея различаются только модально (по способу существованія), а не реально. Напр., воду, насколько она есть вода, мы представляемъ дѣлимою и части ея отдѣлимыми одна отъ другой; но если разсматривать ее какъ тѣлесную субстанцію, то она не дѣлится и не распадается. Затѣмъ, вода, какъ вода, рождается и портится; но, какъ субстанція, она и не рождается и не портится. И этимъ, мнѣ кажется, я отвѣтилъ и на второй аргументъ, такъ какъ онъ также основывается на томъ, будто матерія, какъ субстанція, дѣлима и составляется изъ частей. И даже если бы не было этого, я все-таки не понимаю, почему она недостойна божественной природы, такъ какъ

(по пол. 14) внѣ Бога не можетъ быть другой субстанции, дѣйствіе которой она могла бы испытывать. Все, говорю я, существуетъ въ Богѣ и все, что совершается, совершается по однимъ только законамъ безконечной природы Бога и вытекаетъ изъ необходимости его сущности (какъ я сейчасъ покажу). Поэтому ни въ какомъ смыслѣ нельзя сказать, что Богъ испытываетъ дѣйствіе другой вещи, или что протяженная субстанція недостойна божественной природы, хотя бы она предполагалась дѣлимой, только бы при этомъ допускалось, что она вѣчна и безконечна. Но на этотъ разъ довольно объ этомъ.

ПОЛОЖЕНІЕ XVI.

Изъ необходимости божественной природы должно вытекать безконечное множество вещей (т. е. все, что можетъ подпадать безконечному разуму) безконечными способами.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это положеніе должно быть ясно всякому, если только вникнуть въ то, что изъ даннаго опредѣленія каждой вещи разумъ выводитъ многія свойства, которыя необходимо вытекаютъ изъ нея (т. е. изъ самой сущности вещи), и тѣмъ ихъ больше, чѣмъ больше реальности выражаетъ опредѣленіе вещи, т. е. чѣмъ больше реальности заключаетъ въ себѣ сущность опредѣленной вещи. Но такъ какъ божественная природа имѣетъ абсолютно безконечныя атрибуты (по опр. 6), изъ которыхъ каждый выражаетъ безконечную въ своемъ родѣ сущность, то изъ нея необходимости необходимо должно слѣдовать безконечное множество вещей (т. е. все, что можетъ подпадать безконечному разуму) безконечными способами,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ I.

Отсюда слѣдуетъ, *во-первыхъ*, что Богъ есть дѣйствующая причина всѣхъ вещей, которыя могутъ подпадать безконечному разуму.

КОРОЛЛАРІЙ II.

Слѣдуетъ, *во-вторыхъ*, что Богъ есть причина самъ по себѣ, а не по случайности.

КОРОЛЛАРІЙ III.

Слѣдуетъ, *въ-третьихъ*, что Богъ есть абсолютно первая причина.

ПОЛОЖЕНІЕ XVII.

Богъ дѣйствуетъ только по законамъ своей природы и не принуждаемый никѣмъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Что безконечное абсолютно вытекаетъ изъ одной необходимости божественной природы, или (что то же) только изъ законовъ той же природы, это мы уже показали въ *пол. 16*, а въ *пол. 15* доказали, что ничто не можетъ быть представлено безъ Бога, но что все существуетъ въ Богѣ. Поэтому внѣ его не можетъ быть ничего, что опредѣляло бы или принуждало бы его къ дѣйствию, и потому Богъ дѣйствуетъ только по законамъ своей природы и не принуждаемый никѣмъ,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ I.

Изъ этого слѣдуетъ, *во-первыхъ*, что не существуетъ никакой причины, которая внутренне или внѣшне побуждала бы Бога къ дѣйствию, кромѣ совершенства его природы.

КОРОЛЛАРИЙ II.

Слѣдуетъ, во-вторыхъ, что одинъ только Богъ есть свободная причина. Ибо одинъ только Богъ существуетъ по одной только необходимости своей природы (*по пол. 11 и королл. I пол. 14*) и дѣйствуетъ по одной только необходимости своей природы (*по пред. пол.*). Поэтому (*по опр. 7*) онъ одинъ есть свободная причина,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Нѣкоторые думаютъ, что Богъ есть свободная причина потому, что онъ, по ихъ мнѣнію, можетъ сдѣлать, чтобы то, что, какъ мы сказали, вытекаетъ изъ его природы, т. е. что находится въ его власти, не совершалось или не производилось имъ. Но это все равно, какъ если бы кто-нибудь сказалъ, что Богъ можетъ сдѣлать, чтобы изъ природы треугольника не вытекало, что его три угла равны двумъ прямымъ угламъ, или чтобы изъ данной причины не произошло дѣйствіе, что нелѣпо. Дальше и безъ помощи этого положенія я покажу, что ни разумъ, ни воля не принадлежать къ природѣ Бога. Я знаю, впрочемъ, что многіе думаютъ, будто они могутъ доказать, что къ природѣ Бога принадлежитъ высшій разумъ и свободная воля; ибо, по ихъ словамъ, они не знаютъ ничего совершеннѣе, что они могутъ приписать Богу, какъ то, что въ насъ есть высшее совершенство. Далѣе, хотя они и представляютъ Бога въ дѣйствиіи высочайше разумнымъ, однакоже не вѣрятъ, чтобы онъ могъ сдѣлать существующимъ все, что онъ дѣйствительно себѣ представляетъ; ибо этимъ, по ихъ мнѣнію, уничтожалось бы могущество Бога. Если бы, говорятъ они, онъ создалъ все, что есть въ его умѣ, то онъ уже не могъ бы создать ничего больше, что, по ихъ мнѣнію, противорѣчитъ всемогуществу Бога. Поэтому они предпочитаютъ утверждать, что Богъ ко всему относится равнодушно и не творитъ ничего, кромѣ

того, что онъ, по какой-то абсолютной волѣ, опредѣлили создать. Но мнѣ кажется, что я достаточно ясно доказалъ (см. пол. 16), что изъ высочайшаго могущества Бога или изъ безконечной природы вытекло безконечное множество вещей безконечными способами, т. е. все вытекло необходимо, или постоянно вытекаетъ съ такою же необходимостью; совершенно такъ же, какъ изъ природы треугольника отъ вѣчности слѣдовало и вѣчно будетъ слѣдовать, что его три угла равны двумъ прямымъ. Поэтому всемогущество Бога отъ вѣчности было дѣятельно и во вѣки будетъ оставаться въ той же дѣятельности. Этимъ способомъ, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, всемогущество Бога устанавливается гораздо совершеннѣе. Мои противники даже, кажется, отвергаютъ всемогущество божіе (если сказать откровенно). Ибо они вынуждены признать, что Богъ заключаетъ въ своемъ умѣ безконечное множество вещей, которыя могутъ быть созданы, но которыхъ однакожъ онъ никогда не будетъ въ состояніи сотворить. Въ противномъ же случаѣ, т. е. если бы онъ творилъ все, что онъ заключаетъ въ своемъ умѣ, то этимъ онъ, по ихъ мнѣнію, истощилъ бы свое всемогущество и сдѣлался бы несовершеннымъ. Поэтому, чтобы установить совершенство Бога, они принуждены вмѣстѣ съ тѣмъ утверждать, что онъ не можетъ произвести всего, на что простирается его могущество; но я не знаю, можно ли придумать что-нибудь нелѣпнѣе этого и несообразнѣе съ всемогуществомъ Бога. Далѣе (чтобы сказать здѣсь же что-нибудь объ умѣ и волѣ, которые мы вообще приписываемъ Богу), если къ вѣчной сущности Бога относятся умъ и воля, то, конечно, тотъ и другой изъ этихъ атрибутовъ нужно понимать иначе, чѣмъ это обыкновенно представляютъ люди. Ибо умъ и воля, которые составляли бы сущность Бога, должны были бы отличаться отъ нашего ума и воли, какъ небо отъ земли, и сходство между ними заключалось бы только въ названіи, точно такъ, какъ сходны между собой собака, со-

звѣздіе, и собака, *лающее животное*. Это я докажу слѣдующимъ образомъ: если разумъ принадлежитъ къ божественной природѣ, то онъ не можетъ, по природѣ своей, какъ нашъ разумъ, быть позади понятыхъ вещей (какъ многіе думаютъ) или же быть одновремененъ съ ними, такъ какъ Богъ, въ силу своей причинности, существуетъ прежде всѣхъ вещей (*по королл. I пол. 16*), но, напротивъ, истина и формальная сущность вещей потому именно такова, что таковою объективно существуетъ въ разумѣ Бога. Поэтому разумъ Бога, насколько онъ представляется составляющимъ сущность божію, есть дѣйствительно причина вещей, какъ ихъ сущности, такъ и ихъ существованія. И это, кажется, было замѣчено и тѣми, которые утверждали, что разумъ Бога, воля и сила одно и то же. Итакъ, если разумъ Бога есть единственная причина вещей, т. е. (какъ мы показали) какъ ихъ сущности, такъ и ихъ существованія, то онъ необходимо долженъ быть отличенъ отъ нихъ, какъ относительно сущности, такъ и относительно существованія. Ибо произведенное причиною отличается отъ своей причины именно тѣмъ, что оно получаетъ отъ причины. Напр., человѣкъ есть причина существованія, но не сущности другого человѣка (это вѣчная истина); отсюда по существу они могутъ быть совершенно сходными, но должны различаться по существованію. Поэтому, если существованіе одного кончится, то вслѣдствіе этого не кончится существованіе другого; но если бы сущность одного могла бы уничтожиться и сдѣлаться ложною, то уничтожилась бы также сущность другого. На этомъ основаніи, вещь, которая служить причиною и сущности и существованія какого-нибудь дѣйствія, должна отличаться отъ такого дѣйствія, какъ относительно сущности, такъ и относительно существованія. Но разумъ Бога есть причина и сущности и существованія нашего разума; слѣдовательно, разумъ Бога, поскольку онъ представляется составляющимъ божественную сущность, отличается отъ нашего

разума, какъ относительно сущности, такъ и относительно существованія, и ни въ чемъ другомъ не можетъ быть сходенъ съ нимъ, кромѣ названія, какъ намъ хотѣлось доказать. Относительно воли доказательство можетъ быть развито точно такимъ же образомъ, какъ это легко можетъ видѣть каждый.

ПОЛОЖЕНІЕ XVIII.

Богъ есть причина всѣхъ вещей постоянная (имманентная), а не переходящая.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Все, что существуетъ, существуетъ въ Богѣ и должно быть представляемо посредствомъ Бога (*по пол. 15*), и потому (*по королл. 1 пол. 16*) Богъ есть причина вещей, которыя находятся въ немъ. Это первое. Далѣе, внѣ Бога не можетъ быть никакой субстанции, т. е. (*по пол. 14*) вещи (*по опр. 3*), которая существовала бы внѣ Бога, въ себѣ. Это второе. Итакъ, Богъ есть причина вещей имманентная, а не переходящая,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XIX.

Богъ или всѣ атрибуты Бога вѣчны.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо Богъ есть (*по опр. 6*) субстанція, которая (*по полож. 11*) необходимо существуетъ, т. е. (*по пол. 7*) субстанція, къ природѣ которой принадлежитъ существованіе, или—что то же—изъ опредѣленія которой вытекаетъ, что онъ существуетъ; слѣдовательно (*по опр. 8*), онъ вѣченъ. Далѣе, подъ атрибутами Бога нужно разумѣть то, что (*по опр. 4*) выражаетъ сущность божественной субстанции, т. е. то, что принадлежитъ къ субстанции: то самое, говорю я, что должны заключать въ себѣ и атри-

буты. Но къ природѣ субстанціи (какъ я уже доказалъ пол. 7) относится вѣчность; слѣдовательно, каждый изъ атрибутовъ долженъ заключать въ себѣ вѣчность, а потому всѣ они вѣчны,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Это положеніе, какъ нельзя яснѣе, открывается также изъ того способа, какимъ я доказалъ (пол. 11) существованіе Бога. Изъ этого доказательства, говорю я, явствуетъ, что существованіе Бога, какъ и его сущность, есть вѣчная истина. Затѣмъ, въ 1-й части, 19 пол. «*Principiorum philosophiae Cartesii*» (Принципы Декартовой философіи) я и другимъ способомъ доказалъ вѣчность Бога, и здѣсь нѣтъ надобности повторять его.

ПОЛОЖЕНІЕ XX.

Существованіе Бога и его сущность—одно и то же.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Богъ (по предъид. пол.) и всѣ его атрибуты вѣчны, т. е. (по опр. 8) каждый изъ его атрибутовъ выражаетъ существованіе. слѣдовательно, тѣ же самые атрибуты Бога, которые (по опр. 4) выражаютъ его вѣчную сущность, выражаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его вѣчное существованіе, т. е. то самое, что составляетъ сущность Бога, составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его существованіе; поэтому существованіе и сущность его — одно и то же, — что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ I.

Отсюда слѣдуетъ 1, что существованіе Бога, какъ и его сущность, есть вѣчная истина.

КОРОЛЛАРІЙ II.

Слѣдуетъ 2, что Богъ или всѣ его атрибуты неизмѣнны. Ибо если бы они измѣнялись относительно суще-

ствованія, то должны были бы также (*по пред. пол.*) измѣняться и относительно сущности, т. е. (*какъ ясно само собою*) изъ истинныхъ сдѣлаться ложными,—что нелѣпо.

ПОЛОЖЕНІЕ XXI.

Все, что вытекаетъ изъ абсолютной природы какою-нибудь аттрибута Бога, должно было всегда и бесконечно существовать, или же посредствомъ того же аттрибута существовать вѣчно и бесконечно.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Кто отрицаетъ это, пусть вообразить, если возможно, что въ какомъ-нибудь аттрибутѣ Бога изъ его абсолютной природы вытекаетъ что-нибудь, что конечно и имѣетъ ограниченное существованіе или продолжительность; напр., въ мышленіи идея Бога. Но мышленіе, когда оно предполагается аттрибутомъ Бога, необходимо (*по пол. II*) бесконечно по своей природѣ. Поскольку же оно заключаетъ въ себѣ идею Бога, оно предполагается конечнымъ. Но конечнымъ (*по опред. 2*) оно можетъ быть представлено только тогда, когда оно ограничивается мышленіемъ же, но не мышленіемъ, поскольку оно устанавливаетъ идею Бога (*въ этомъ смыслѣ оно предполагается конечнымъ*), а, слѣдовательно, мышленіемъ, поскольку оно не устанавливаетъ идеи Бога, каковое однако (*по пол. II*) должно существовать необходимо. Такимъ образомъ намъ дается мышленіе, не устанавливающее идеи Бога, и потому изъ его природы, поскольку оно есть абсолютное мышленіе, не вытекаетъ необходимо идеи Бога (*ибо оно представляется устанавливающимъ и не устанавливающимъ идею Бога*), — что противно предположенію. Поэтому, если идея Бога въ мышленіи, или что-нибудь другое (*все равно, что бы ни взять, такъ какъ доказательство имѣетъ универсальный характеръ*) въ какомъ-нибудь аттрибутѣ Бога вытекаетъ изъ необходимости абсолютной его природы, то оно необходимо

должно быть безконечнымъ. Это первое. Далѣе, то, что такимъ образомъ вытекаетъ изъ необходимости природы какого-нибудь аттрибута, не можетъ имѣть опредѣленной продолжительности. Ибо если ты отрицаешь это, то предположи, что вещь, которая вытекаетъ изъ необходимости природы какого-нибудь аттрибута, заключается въ какомъ-нибудь аттрибутѣ Бога, напр., идея Бога въ мышленіи, и предположи, что она когда-нибудь не существовала или не будетъ существовать. Но такъ какъ мышленіе предполагается аттрибутомъ Бога, то оно и должно существовать необходимо и быть неизмѣняемымъ (*по пол. 11 и королл. II пол. 20*). Поэтому за предѣлами продолжительности идеи Бога (*ибо предполагается, что она когда-нибудь не существовала или не будетъ существовать*) должно существовать мышленіе безъ идеи Бога; но это противно высказанному предположенію, такъ какъ мы предположили, что изъ даннаго мышленія необходимо вытекаетъ идея Бога. Итакъ, идея Бога въ мышленіи или что-нибудь другое, что необходимо вытекаетъ изъ абсолютной природы какого-нибудь аттрибута Бога, не можетъ имѣть ограниченной продолжительности, но посредствомъ этого самаго аттрибута существуетъ вѣчно. Это второе. Замѣть, что это же самое нужно утверждать о всякой вещи, которая въ какомъ-нибудь аттрибутѣ Бога необходимо вытекаетъ изъ абсолютной природы Бога.

ПОЛОЖЕНІЕ XXII.

Все, что вытекаетъ изъ другою какого-либо аттрибута Бога, поскольку оно измѣнено такимъ видоизмѣненіемъ, которое по тому же аттрибуту существуетъ необходимо и безконечно, также должно существовать необходимо и безконечно.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Доказательство этого положенія ведется такимъ же способомъ, какъ и предъидущее.

ПОЛОЖЕНІЕ XXIII.

Всякое состояніе (modus), которое существуетъ необходимо и бесконечно, должно было необходимо вытекать или изъ абсолютной природы какого-нибудь атрибута Бога, или изъ какого-нибудь атрибута, измѣненнаго такимъ видоизмѣненіемъ, которое существуетъ и необходимо и бесконечно.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо состояніе заключается въ другомъ, посредствомъ чего оно должно представляться (*по опред. 5*), т. е. (*по пол. 15*) находится въ одномъ только Богѣ и можетъ быть представлено только посредствомъ Бога. Итакъ, если состояніе представляется необходимо существующимъ и бесконечнымъ, то о томъ и другомъ должно быть необходимо заключаемо: или оно должно быть представляемо посредствомъ какого-нибудь атрибута Бога, поскольку онъ представляется выражающимъ бесконечность и' необходимость существованія, или (*что, по опред. 8, то же самое*) вѣчность, т. е. (*по опред. 6 и пол. 19*) поскольку онъ разсматривается абсолютно. Слѣдовательно, состояніе, которое существуетъ и необходимо и бесконечно, должно вытекать изъ абсолютной природы какого-нибудь атрибута Бога; и это или непосредственно (*о чемъ пол. 21*), или при посредствѣ какого-нибудь видоизмѣненія, которое вытекаетъ изъ его абсолютной природы, т. е. (*по предъид. пол.*) которое существуетъ и необходимо и бесконечно,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXIV.

Сущность вещей, произведенныхъ Богомъ, не заключаетъ въ себѣ существованія.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

явствуешь изъ *отр.* 1. Ибо то, природа чего (разсматриваемая сама въ себѣ) заключаетъ въ себѣ существованіе, есть самопричина и существуетъ только вслѣдствіе одной необходимости своей природы.

КОРОЛЛАРИЙ.

Изъ этого слѣдуетъ, что Богъ не только есть причина того, чтобы вещи начали существовать, но также и того, что онѣ продолжаютъ существовать, или (употребляя схоластическій терминъ) Богъ есть причина бытія (*essendi*) вещей. Ибо, существуютъ ли вещи, или не существуютъ, но какъ только мы вникаемъ въ ихъ сущность, мы находимъ, что она не заключаетъ въ себѣ ни существованія, ни продолжительности; поэтому сущность вещей не можетъ быть причиной ни ихъ существованія, ни ихъ продолжительности, а можетъ быть причиною только Богъ, къ одной природѣ котораго принадлежитъ существованіе (*по королл. 1 пол. 14*).

ПОЛОЖЕНІЕ XXV.

Богъ есть не только дѣйствующая причина существованія вещей, но и ихъ сущности.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Если ты отрицаешь это, то, значить, Богъ не есть причина сущности вещей, и, слѣдовательно (*по акс. 4*), сущность вещей можетъ быть представлена безъ Бога. Но это (*по пол. 15*) нелѣпо. Итакъ, Богъ есть причина и сущности вещей,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Это положеніе еще яснѣе вытекаетъ изъ *положенія 16*. Ибо изъ него слѣдуетъ, что изъ данной божественной природы необходимо долженъ вытекать выводъ, какъ о

сущности вещей, такъ и объ ихъ существованіи; и, говоря однимъ словомъ, въ какомъ смыслѣ Богъ называется причиною себя, въ такомъ же онъ долженъ быть названъ и причиною всѣхъ вещей, что еще яснѣе будетъ видно изъ слѣдующаго королларія.

КОРОЛЛАРИЙ.

Отдѣльныя вещи суть не что иное, какъ видоизмѣненія атрибутовъ Бога, или состоянія, въ которыхъ атрибуты Бога выражаются извѣстнымъ и опредѣленнымъ образомъ. Доказательство явствуется изъ пол. 15 и опред. 5.

ПОЛОЖЕНІЕ XXVI.

Вещь, которая опредѣлена къ какой-нибудь дѣятельности, необходимо была такъ опредѣлена Богомъ; а которая не опредѣлена Богомъ, та не можетъ сама себя опредѣлить къ дѣятельности.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

То, что опредѣляетъ вещи къ какой-нибудь дѣятельности, необходимо есть нѣчто положительное (*какъ это ясно само собою*); поэтому Богъ, по необходимости своей природы, есть дѣйствующая причина, какъ его сущности, такъ и существованія (*по пол. 25 и 16*). Это первое. Изъ этого яснѣйшимъ образомъ слѣдуетъ вторая часть положенія. Ибо еслибъ вещь, которая не опредѣляется Богомъ, могла сама себя опредѣлять, то первая часть этого положенія была бы ложною,—что нелѣпо, какъ мы показали.

ПОЛОЖЕНІЕ XXVII.

Вещь, которая опредѣлена Богомъ къ какой-нибудь дѣятельности, не можетъ сдѣлать сама себя неопредѣленною къ дѣятельности.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это положеніе явствуетъ изъ акс. 3.

ПОЛОЖЕНІЕ XXVIII.

Все отдѣльное или каждая вещь, которая конечна и имѣетъ определенное существованіе, можетъ существовать и опредѣляться къ дѣятельности не иначе, какъ если она опредѣляется къ существованію и дѣятельности другою причиною, которая также конечна и имѣетъ определенное существованіе; и, въ свою очередь, эта причина можетъ существовать и опредѣляться къ дѣятельности не иначе, какъ если она опредѣляется къ существованію и дѣятельности другою причиною, которая также конечна и имѣетъ определенное существованіе, и такъ до безконечности.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Все, что опредѣлено къ существованію и дѣятельности, опредѣлено такъ Богомъ (по пол. 26 и королл. пол. 24). Но то, что конечно и имѣетъ опредѣленное существованіе, не могло быть произведено абсолютно природою какого-нибудь аттрибута Бога; ибо все, что вытекаетъ изъ абсолютной природы какого-нибудь аттрибута Бога, есть безконечно и вѣчно (по пол. 21). Слѣдовательно, оно должно было вытекать изъ Бога или какого-нибудь его аттрибута, поскольку онъ представляется измѣненнымъ (affectum) какимъ-нибудь образомъ; ибо, кромѣ субстанцій и состояній (modi), не существуетъ ничего (по акс. 1 и опред. 3 и 5), а состоянія (по королл. пол. 25) суть не что иное, какъ видоизмѣненія (affectiones) аттрибутовъ Бога. Но изъ Бога или какого-нибудь его аттрибута, поскольку онъ подвергнулся такому видоизмѣненію, которое вѣчно и безконечно, оно тоже не могло вытекать (по пол. 22). Слѣдовательно, оно должно было вытекать или опредѣляться къ существованію и дѣятельности Богомъ или

какимъ-нибудь его атрибутомъ, поскольку онъ измѣненъ видоизмѣненіемъ, которое конечно и имѣетъ опредѣленное существованіе. Это первое. Затѣмъ, въ свою очередь, эта причина или это состояніе (*на томъ же основаніи, которыми мы доказали первую часть этого положенія*) должно было опредѣляться другою причиною, которая также конечна и имѣетъ опредѣленное существованіе, а эта послѣдняя, въ свою очередь (*на томъ же основаніи*), еще другою, и такъ постоянно (*на томъ же основаніи*) до безконечности,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Такъ какъ нѣчто должно было быть произведено Богомъ непосредственно, именно то, что необходимо вытекаетъ изъ его абсолютной природы, черезъ посредство этихъ первыхъ атрибутовъ, которые однако не могутъ ни существовать, ни быть представлены безъ Бога, то изъ этого слѣдуетъ 1, что Богъ есть для вещей, непосредственно имъ произведенныхъ, абсолютно ближайшая причина, а не въ своемъ родѣ, какъ говорятъ. Ибо дѣйствія Бога не могутъ ни существовать, ни быть представлены безъ своей причины (*по пол. 15 и королл. пол. 24*). Слѣдуетъ 2, что Богъ не можетъ быть собственно названъ отдаленною причиною отдѣльныхъ вещей иначе, какъ только въ томъ смыслѣ, чтобы отличить эти вещи отъ тѣхъ, которыя онъ произвелъ непосредственно, или, лучше, которыя вытекаютъ изъ его абсолютной природы. Ибо подъ отдаленною причиною мы разумѣемъ такую, которая никакимъ образомъ не связана съ дѣйствіемъ. Но все, что существуетъ, существуетъ въ Богѣ и такъ зависитъ отъ Бога, что безъ него не можетъ ни существовать, ни быть представлено.

ПОЛОЖЕНІЕ XXIX.

Въ природѣ вещей нѣтъ ничего случайнаго, но все опредѣлено необходимостью божественной природы къ существованію и дѣйствованію извѣстнымъ образомъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Все, что существует, существует въ Богѣ (по пол. 15). Богъ же не можетъ быть названъ случайною вещью; ибо (по пол. 11) онъ существуетъ необходимо, а не случайно. Затѣмъ, состоянія божественной природы вытекли изъ нея тоже необходимо, а не случайно (по пол. 16); и это, разсматривается ли божественная природа абсолютно (по пол. 21), или поскольку она разсматривается опредѣленною къ дѣятельности извѣстнымъ образомъ (по пол. 27). Далѣе, Богъ не только есть причина этихъ состояній, поскольку они просто существуютъ (по королл. пол. 24), но даже и поскольку они разсматриваются опредѣленными къ какой-либо дѣятельности (по пол. 26). Если бы они (по тому же пол.) не были опредѣлены Богомъ, то невозможно, а не есть случайность, чтобы они сами себя опредѣляли; и наоборотъ (по пол. 27), если они опредѣлены Богомъ, то невозможно, а не есть случайность, чтобы они сдѣлали сами себя неопредѣленными. Поэтому все опредѣлено необходимостью божественной природы не только къ существованію, но и къ существованію и дѣятельности извѣстнымъ образомъ, и нѣтъ ничего случайнаго, — что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Прежде чѣмъ я буду продолжать дальше, я хочу здѣсь объяснить, или, лучше, напомнить, что должно разумѣть у насъ подъ *natura naturans* (природой дѣйствующей, создающей) и что подъ *natura naturata* (природой страдательной, созданной). Я думаю, что уже видно изъ предшествующаго, что подъ *natura naturans* нужно разумѣть то, что существуетъ въ себѣ и представляется посредствомъ себя, или тѣ атрибуты субстанции, которые выражаютъ вѣчную и безконечную сущность, т. е. (по королл. 1 пол. 14 и королл. 2 пол. 17) Бога, поскольку онъ разсматривается какъ свободная причина. Подъ *natura* же *naturata*

я разумѣю все то, что вытекаетъ изъ необходимости природы Бога или каждаго изъ атрибутовъ Бога, т. е. всѣ состоянія (*modi*) атрибутовъ Бога, поскольку они разсматриваются какъ вещи, которыя существуютъ въ Богѣ и которыя безъ Бога не могутъ ни существовать, ни быть представляемы.

ПОЛОЖЕНІЕ XXX.

Разумъ дѣйствующе-конечный или дѣйствующе-безконечный долженъ обнимать атрибуты Бога и видоизмѣненія (affectiones) Бога, и ничего другою.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Истинная идея должна быть согласна съ своимъ предметомъ (по акс. 6), т. е. (какъ ясно само собою) то, что содержится въ умѣ объективно, необходимо должно находиться въ природѣ. Но въ природѣ (по королл. 1 пол. 14) есть только одна субстанція, именно Богъ, и нѣтъ никакихъ другихъ видоизмѣненій (по пол. 15), кромѣ тѣхъ, которыя находятся въ Богѣ и которыя (по тому же пол.) безъ Бога не могутъ ни существовать, ни быть представляемы. Итакъ, разумъ дѣйствующе-конечный и дѣйствующе-безконечный долженъ обнимать атрибуты Бога и видоизмѣненія Бога, и ничего другого, — что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXI.

*Дѣйствующій разумъ, будетъ ли онъ конечный или безконечный, также какъ и воля, пожеланіе, любовь и пр., должны относиться къ созданной природѣ (*natura naturata*), а не къ создающей (*natura naturans*).*

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо подъ разумомъ (какъ ясно само собою) мы разумѣемъ не абсолютное мышленіе, но только извѣстное

состояніе (*modus*) мышленія, каковое состояніе отличается отъ другихъ, т. е. отъ пожеланія, любви и проч., и потому (*по опр. 5*) оно должно быть представляемо посредствомъ абсолютнаго мышленія; именно (*по пол. 15 и опр. 6*) оно должно посредствомъ какого-нибудь атрибута Бога, выражающаго вѣчную и безконечную сущность мышленія, быть такъ представляемо, что безъ него оно не можетъ ни существовать, ни быть представляемо. И поэтому (*по схол. пол. 29*) это состояніе (*modus*) должно относиться къ *natura naturata*, а не къ *naturans*, какъ и остальные состоянія мышленія,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Основаніе, почему я говорю здѣсь о дѣйствующемъ разумѣ, не то, будто бы я допускаю, что есть какой-нибудь разумъ только въ возможности; но такъ какъ я желаю избѣжать всякой запутанности, то и говорю только о вещи, представляемой нами наияснѣйшимъ образомъ, т. е. о самомъ разумѣни, такъ какъ мы ничего не представляемъ яснѣе его. Ибо мы не можемъ понимать ничего, что не вело бы къ болѣе совершенному познанію разумѣнія.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXII.

Воля не можетъ быть названа свободною причиною, но только необходимою.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Воля, также какъ и разумъ, есть только состояніе мышленія; поэтому (*по пол. 28*) каждое хотѣніе не можетъ существовать и опредѣляться къ дѣятельности, если оно не опредѣляется другою причиною, а это, въ свою очередь, опять другою, и такъ далѣе въ безконечность. Но если предположить волю безконечною, то она также должна опредѣляться къ существованію и дѣятельности Богомъ, не поскольку онъ есть абсолютная

субстанція, но поскольку онъ имѣетъ атрибутъ, который выражаетъ безконечную и вѣчную сущность мышленія (по пол. 23). Итакъ, во всякомъ случаѣ, представляется ли воля конечною, или безконечною, она требуетъ причины, которою должна опредѣляться къ существованію и дѣятельности; поэтому (по опр. 7) она не можетъ быть названа свободною причиною, но только необходимою или принужденною,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ I.

Изъ этого слѣдуетъ, во-первыхъ, что Богъ не дѣйствуетъ по свободной волѣ.

КОРОЛЛАРІЙ II.

Слѣдуетъ, во-вторыхъ, что воля и разумъ такъ относятся къ природѣ Бога, какъ движеніе и покой, и вообще какъ все естественное, что (по пол. 29) должно опредѣляться Богомъ къ существованію и дѣятельности извѣстнымъ образомъ. Ибо воля такъ же, какъ и все остальное, нуждается въ причинѣ, которою она опредѣлялась бы къ существованію и дѣятельности извѣстнымъ образомъ. И хотя изъ данной воли или разума слѣдуетъ безконечное множество вещей, однако на этомъ основаніи такъ же нельзя сказать, что Богъ дѣйствуетъ по свободѣ воли, какъ относительно вещей, которыя вытекаютъ изъ движенія и покоя (ибо и изъ нихъ также слѣдуетъ безконечное множество), нельзя сказать, что онѣ дѣйствуютъ по свободѣ движенія и покоя. Поэтому воля не болѣе принадлежитъ къ природѣ Бога, чѣмъ все остальное естественное, но относится къ ней такимъ же образомъ, какъ покой, движеніе и все остальное, что, какъ мы показали, слѣдуетъ изъ необходимости божественной природы и ею опредѣляется къ существованію и дѣятельности извѣстнымъ образомъ.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXIII.

Вещи не могли быть произведены Богомъ никакимъ другимъ образомъ и ни въ какомъ другомъ порядкѣ, какъ въ томъ, въ какомъ онѣ произведены.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо всѣ вещи необходимо слѣдовали изъ данной природы Бога (*по пол. 16*) и необходимостью природы Бога опредѣлены къ существованію и дѣйствию извѣстнымъ образомъ (*по пол. 29*). Итакъ, если бы вещи могли быть другой природы, или могли опредѣляться къ дѣятельности инымъ образомъ, такъ что порядокъ природы былъ бы другой, тогда и природа Бога могла бы быть другая, чѣмъ она есть; и поэтому (*по пол. 11*) она также должна была бы существовать, а, слѣдовательно, могло бы быть два или нѣсколько боговъ, что (*по королл. 1 пол. 14*) нелѣпо. Поэтому вещи не могли быть произведены никакимъ другимъ образомъ и ни въ какомъ другомъ порядкѣ и проч.,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ I.

Такъ какъ я этимъ яснѣе полуденнаго свѣта доказалъ, что въ вещахъ абсолютно нѣтъ ничего, почему бы онѣ могли назваться случайными, то я хочу объяснить здѣсь кратко, что мы будемъ разумѣть подъ *случайнымъ*; но прежде объясню, что такое *необходимое* и *невозможное*. Какая-нибудь вещь называется *необходимой* или относительно своей сущности, или относительно причины. Ибо существованіе какой-нибудь вещи необходимо вытекаетъ или изъ самой сущности ея и опредѣленія, или изъ данной дѣйствующей причины. Затѣмъ, на этомъ же основаніи, какая-нибудь вещь называется *невозможной*, потому ли именно, что сущность ея или опредѣленіе заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, или потому, что нѣтъ никакой внѣшней причины, опредѣленной къ произведенію этой

вещи. Случайною же какая-нибудь вещь называется не по другому какому-нибудь основанію, какъ только въ виду недостаточности нашего познанія. Ибо вещь, относительно которой мы не знаемъ, заключаетъ ли сущность ея въ себѣ противорѣчіе, или относительно которой мы хорошо знаемъ, что она не содержитъ въ себѣ никакого противорѣчія, и однако же ничего не можемъ утверждать на вѣрное относительно существованія ея, потому что отъ насъ скрытъ порядокъ причинъ, такая вещь не можетъ казаться намъ ни необходимою, ни невозможною; и по-этому мы называемъ её случайною, или возможною.

СХОЛІЯ II.

Изъ предшествующаго ясно слѣдуетъ, что вещи были произведены Богомъ съ высочайшимъ совершенствомъ, такъ какъ онѣ необходимо вытекли изъ данной совершеннѣйшей природы. И это не обличаетъ никакого несовершенства въ Богѣ; напротивъ, именно совершенство его побуждаетъ насъ утверждать это. Ибо изъ противнаго этому ясно слѣдовало бы (какъ я сейчасъ показалъ), что Богъ не есть высочайше совершененъ; именно потому, что если бы вещи были произведены какимъ-нибудь другимъ образомъ, то Богу нужно бы было приписать другую природу, отличную отъ той, которую мы принуждены были приписать ему, какъ существу совершеннѣйшему. Но я не сомнѣваюсь, что многіе отвергнутъ эту мысль, какъ нелѣпую, и не захотятъ внимательно вникнуть въ нее; и это единственно на томъ только основаніи, что они привыкли приписывать Богу иную свободу, совершенно отличную отъ той, какую мы указали (*опф. 7*), именно абсолютную волю. Но я также не сомнѣваюсь, что если бы они захотѣли обсудить предметъ и внимательно вникнуть въ рядъ нашихъ доказательствъ, то они эту свободу, какую они приписываютъ Богу, прямо отвергли бы не только какъ вздорную, но и какъ составляющую большое препятствіе наукѣ. Нѣтъ на-

добности повторять здѣсь то, что мы сказали въ *схолии къ положенію 17*. Но собственно для нихъ я теперь же покажу, что если даже и согласиться, что воля принадлежитъ къ сущности Бога, то тѣмъ не менѣе изъ его совершенства слѣдуетъ, что вещи не могли быть созданы Богомъ никакимъ другимъ ни образомъ, ни порядкомъ. И это легко будетъ доказать, если мы сначала рассмотримъ то, съ чѣмъ они сами согласны, т. е. что только отъ одного рѣшенія и воли Бога зависить то, чтобы каждая вещь была тѣмъ, что она есть. Ибо иначе Богъ не былъ бы причиною всѣхъ вещей; а потомъ рассмотримъ то, что всѣ рѣшенія Бога были отъ вѣчности приняты самимъ Богомъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ обличался бы въ несовершенствѣ и непостоянствѣ. Но такъ какъ въ вѣчности нѣтъ ни *когда*, ни *прежде*, ни *послѣ*, то отсюда, т. е. изъ одного уже совершенства Бога, слѣдуетъ, что Богъ никогда не можетъ и никогда не могъ рѣшить что-нибудь иначе, или, другими словами, Богъ не существовалъ прежде своихъ рѣшеній и не можетъ существовать безъ нихъ. — Но скажутъ, что если даже и предположить, что Богъ сдѣлалъ иную природу вещей, или что онъ отъ вѣчности рѣшилъ какъ-нибудь иначе относительно природы и ея порядка, то изъ этого не вытекало бы несовершенства въ Богѣ. — Но кто скажетъ это, тотъ долженъ допустить, что Богъ можетъ измѣнять свои рѣшенія. Ибо еслиъ Богъ рѣшилъ относительно природы и ея порядка иначе, чѣмъ какъ онъ рѣшилъ въ дѣйствительности, т. е. если допустить, что онъ представлялъ себѣ иначе природу и имѣлъ другія желанія относительно ея, то необходимо онъ имѣлъ бы тогда другой разумъ, чѣмъ какой онъ теперь имѣетъ, и другую волю, чѣмъ какую онъ теперь имѣетъ. А если Богу можно приписывать иной умъ и иную волю безъ всякаго измѣненія его сущности и его совершенства, то почему же онъ не могъ бы измѣнять своихъ рѣшеній относительно созданныхъ вещей и тѣмъ не менѣе оставаться

одинаково совершеннымъ? Въ самомъ дѣлѣ, относительно сущности его и совершенства рѣшительно все равно, какъ ни представлять его разумъ и волю по отношенію ихъ къ созданнымъ вещамъ и ихъ порядку. Затѣмъ, всѣ философы, какихъ я только знаю, согласны въ томъ, что въ Богѣ нѣтъ разума въ возможности, но есть разумъ только дѣйствующій. А такъ какъ и разумъ Бога и его воля не отличаются отъ его сущности, въ чемъ всѣ согласны, то изъ этого слѣдуетъ, что если бы онъ имѣлъ дѣйствующимъ иной разумъ и иную волю, то и его сущность необходимо была бы иная; и потому (какъ я заключилъ сначала) если бы вещи были произведены Богомъ иначе, чѣмъ каковы онѣ теперь, то разумъ Бога и его воля, т. е. (какъ съ этимъ соглашаются) его сущность была бы иная; что нелѣпо.

Итакъ, если вещи не могли быть произведены Богомъ инымъ образомъ и порядкомъ, и эта истина вытекаетъ изъ высочайшаго совершенства Бога, то никакое здравое основаніе не можетъ заставить насъ вѣрить, что Богъ не хотѣлъ создать всего, что есть въ его разумѣ, съ тѣмъ самымъ совершенствомъ, съ какимъ онъ это понимаетъ.— Но скажутъ: въ вещахъ нѣтъ ни совершенства, ни несовершенства, но то, что есть въ нихъ, ради чего онѣ считаются совершенными или несовершенными, хорошими или дурными, зависитъ только отъ воли Бога; и поэтому если бы Богъ пожелалъ, то могъ бы сдѣлать такъ, чтобы то, что теперь есть совершенство, стало бы величайшимъ несовершенствомъ, и наоборотъ.— Но не значитъ ли это открыто утверждать, что Богъ, который необходимо понимаетъ то, чего желаетъ, можетъ своею волею сдѣлать такъ, чтобы онъ понималъ вещи инымъ образомъ, чѣмъ какимъ понимаетъ? А это (какъ я сейчасъ показалъ) большая нелѣпость.

Поэтому я могу обратить доказательство противъ самихъ противниковъ слѣдующимъ образомъ: «Все зависитъ отъ власти Бога. Слѣдовательно, чтобы вещи могли су-

существовать иначе, и воля Бога необходимо должна была бы существовать иначе; но воля Бога не может существовать иначе (какъ мы сейчасъ яснѣйшимъ образомъ показали на основаніи совершенства Бога); слѣдовательно, и вещи не могутъ существовать иначе». Я признаюсь, что это мнѣніе, которое подчиняетъ все какой-то безразличной волѣ Бога и все ставитъ въ зависимость отъ его произвола, менѣе уклоняется отъ истины, чѣмъ мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, что Богъ дѣлаетъ все съ цѣлью добра. Ибо они принимаютъ нѣчто внѣ Бога, что не зависитъ отъ Бога, къ чему онъ въ своемъ дѣйствіи стремится, какъ къ образцу, или чего онъ старается достигнуть, какъ опредѣленной цѣли. Но это есть не что иное, какъ подчинять Бога судьбѣ, а нелѣпѣ этого нельзя ничего утверждать о Богѣ, который, какъ мы показали, есть первая и единственная свободная причина какъ сущности всѣхъ вещей, такъ и ихъ существованія. Поэтому не стоитъ тратить и времени на опроверженіе этой нелѣпости.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXIV.

Могущество Бога есть сама его сущность.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо изъ одной уже необходимости сущности Бога слѣдуетъ, что Богъ есть причина себя самого (*по пол. 11*) и (*по полож. 16 и его королл.*) всѣхъ вещей. Итакъ, могущество Бога, по которому онъ самъ и все существуетъ и дѣйствуетъ, есть сама сущность его,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXV.

Все, что мы представляемъ находящимся во власти Бога, необходимо.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо все, что есть во власти Бога, такъ (*по предъид. пол.*) должно заключаться въ его сущности, что оно необходимо изъ нея вытекаетъ, а потому оно есть необходимо,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXVI.

Не существуетъ ничего, изъ природы чего не вытекало бы какое-нибудь дѣйствіе.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Все, что существуетъ, выражаетъ извѣстнымъ и опредѣленнымъ образомъ природу или сущность Бога (*по королл. пол. 25*), т. е. (*по пол. 34*) все, что существуетъ, выражаетъ извѣстнымъ и опредѣленнымъ образомъ могущество Бога, которое есть причина всѣхъ вещей и потому (*по полож. 16*) изъ него должно вытекать какое-нибудь дѣйствіе,—что и требовалось доказать.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Тѣмъ, что сказано выше, я разъяснилъ природу Бога и его свойства, а именно, *что онъ необходимо существуетъ; что онъ есть единъ; что онъ существуетъ и дѣйствуетъ лишь по одной необходимости своей природы; что онъ есть свободная причина всѣхъ вещей, и какимъ образомъ; что все существуетъ въ Богѣ и такъ отъ него зависитъ, что безъ него не можетъ ни существовать, ни быть представлено, и наконецъ, что все было предопредѣлено Богомъ, но не по свободѣ воли или неограниченному произволу, но по абсолютной природѣ Бога или по его безконечному могуществу.*

Потомъ, вездѣ, гдѣ только представился случай, я старался устранять предразсудки, которые могли бы мѣшать пониманію моихъ доказательствъ. Но такъ какъ не мало осталось еще предразсудковъ, которые также, и даже всего болѣе, могли и могутъ мѣшать тому, чтобы

люди поняли связь вещей такъ, какъ я ее объяснилъ, то я счелъ стоящимъ труда подвергнуть ихъ здѣсь испытанію разсудка. И такъ какъ всѣ предразсудки, которые я предполагаю показать здѣсь, зависятъ отъ того одного предразсудка, по которому люди обыкновенно предполагаютъ, что всѣ вещи въ природѣ, подобно имъ самимъ, дѣйствуютъ для какой-нибудь цѣли, и даже за вѣрное утверждаютъ, что и самъ Богъ направляетъ все къ извѣстной опредѣленной цѣли (ибо они говорятъ, что Богъ сотворилъ все для человѣка, а человѣка сотворилъ для того, чтобы онъ почиталъ его),—то я прежде разсмотрю одинъ этотъ предразсудокъ, т. е. изслѣдую, *во-первыхъ*, причину, почему многіе свыкаются съ этимъ предразсудкомъ и почему всѣ отъ природы такъ расположены бываютъ принимать его; потомъ покажу его ложность и разъясню, какимъ образомъ произошли изъ него предразсудки *о добротѣ и злѣ, о заслугѣ и грѣхѣ, о похвалѣ и порицаніи, о порядкѣ и смущеніи, о красотѣ и безобразіи* и другихъ вещахъ въ томъ же родѣ. Но здѣсь не мѣсто выводить это изъ природы человѣческаго духа. Достаточно, если я приму за основаніе то, съ чѣмъ всѣ должны быть согласны, именно то, что всѣ люди рождаются, не зная причинъ вещей, и что всѣ имѣютъ стремленіе искать того, что для нихъ полезно, и они сознаютъ это. Изъ всего этого слѣдуетъ, *во-первыхъ*, что люди воображаютъ себя свободными, потому что сознаютъ свои желанія и свои стремленія, тогда какъ о причинахъ, которыя располагаютъ ихъ къ желаніямъ и стремленіямъ, поелику онѣ имъ неизвѣстны, они и во снѣ не думаютъ. *Слѣдуетъ, во-вторыхъ*, что люди дѣлаютъ все для какой-нибудь цѣли, именно для пользы, которой они желаютъ. Отсюда происходитъ, что они всегда желаютъ знать только конечныя причины совершившихся дѣйствій, и если услышатъ о нихъ, то на этомъ и успокаиваются, потому именно, что не имѣютъ причины къ дальнѣйшимъ сомнѣніямъ. Если же объ этихъ причинахъ они не могутъ услы-

шать отъ другихъ, то имъ ничего не остается, какъ обратиться къ самимъ себѣ и подумать о цѣляхъ, какими они сами обыкновенно опредѣляются къ подобнымъ дѣйствіямъ; такимъ-то образомъ по своимъ свойствамъ они необходимо судятъ о свойствахъ другого. Далѣе, такъ какъ они въ себѣ и внѣ себя находятъ не мало средствъ, которыя содѣйствуютъ имъ въ достиженіи ихъ пользы; напр., глаза, чтобы видѣть, зубы, чтобы жевать, растенія и животныя, чтобы ими питаться, солнце, чтобы ихъ освѣщать, море для того, чтобы питать рыбу и проч., то отсюда и произошло, что они смотрятъ на всѣ вещи въ природѣ, какъ на средства для своей пользы. Но такъ какъ они знаютъ, что всѣ эти средства ими найдены, но не ими приготовлены, то отсюда они получили поводъ думать, что есть кто-то другой, кто приготовилъ эти средства для ихъ пользы. Ибо, принявши вещи за средства, они не могли думать, чтобы эти вещи сдѣлались сами собою; но по средствамъ, какія они имѣютъ обыкновеніе готовить сами для себя, они должны были придти къ заключенію, что есть одинъ или нѣсколько правителей природы, одаренныхъ человѣческой свободой, которые обо всемъ для нихъ позаботились и все сдѣлали для ихъ пользы. И объ ихъ свойствахъ, такъ какъ объ нихъ они никогда ничего не слышали, они должны были судить по своимъ собственнымъ; и на этомъ основаніи они рѣшили, что боги все направляютъ къ пользѣ людей, чтобы этимъ привязать къ себѣ людей и пользоваться отъ нихъ наибольшимъ почтеніемъ. Отъ этого произошло, что каждый по своему характеру придумалъ различные способы почитать Бога, чтобы Богъ любилъ его больше другихъ и направлялъ всю природу къ удовлетворенію его слѣпыхъ пожеланій и ненасытной жадности. И такимъ образомъ этотъ предразсудокъ обратился въ суевѣріе и пустилъ въ умахъ глубокіе корни; а это и было причиною того, что каждый съ особеннымъ рвеніемъ старался понять *конечныя причины* всѣхъ вещей и объяснить

ихъ. Но, стараясь показать, что природа ничего не дѣлаетъ напрасно (т. е. ничего такого, что не служило бы для пользы людей), они, повидимому, ничего другого не показали, кромѣ того, что природа и боги бредятъ такъ же, какъ и люди. Посмотри, пожалуйста, къ чему наконецъ это пришло! Но, кромѣ столькихъ полезныхъ вещей въ природѣ, люди должны были найти не мало и неудобствъ, каковы: бури, землетрясенія, болѣзни и проч., и они рѣшили, что эти неудобства произошли вслѣдствіе того, что боги были разгнѣваны оскорбленіями, нанесенными имъ людьми, или промахами, учиненными въ ихъ культѣ; и хотя ежедневный опытъ опровергалъ это и безчисленными примѣрами доказывалъ, что удобство и неудобство одинаково достается, какъ благочестивымъ, такъ и нечестивымъ, но они все-таки не покидали застарѣлаго предразсудка. Ибо для нихъ удобнѣе было въ числѣ многого неизвѣстнаго, пользы чего они не знали, удерживать и это и такимъ образомъ оставаться въ своемъ настоящемъ и врожденномъ состояніи невѣжества, чѣмъ разрушать все это зданіе и придумывать новое. Поэтому они приняли за несомнѣнное, что рѣшенія боговъ далеко превышаютъ человѣческое разумѣніе. И эта мысль, конечно, была бы единственною причиною того, что свѣтъ истины вѣчно оставался бы сокрытымъ для человѣческаго рода, если бы математика, которая занимается не цѣлями, а только сущностями и свойствами формъ, не показала людямъ другой нормы истины. Но и кромѣ математики можно было бы указать другія причины (перечисленіе которыхъ излишне), которыя могли бы обратить вниманіе людей на эти общіе предразсудки и привести ихъ къ истинному познанію вещей.

Этимъ я достаточно объяснилъ то, что обѣщаль показать въ первомъ пунктѣ. А чтобы показать, что природа не имѣетъ никакой предначертанной цѣли и что всѣ конечныя причины суть только выдумки людей, для этого нужно немногое. Ибо я думаю, что это уже достаточно.

ясно какъ изъ основаній и причинъ, которыми я разъяснялъ происхожденіе этого предразсудка, такъ и изъ *пол. 16 и королларіевъ пол. 32* и, кромѣ того, изъ всего того, чѣмъ я доказывалъ, что все въ природѣ развивается по вѣчной необходимости и съ высочайшимъ совершенствомъ. Къ этому, впрочемъ, я еще прибавлю, что эта доктрина о цѣляхъ совершенно извращаетъ природу. Ибо то, что на самомъ дѣлѣ есть причина, она считаетъ дѣйствіемъ, и наоборотъ; затѣмъ, то, что въ природѣ предшествуетъ, она дѣлаетъ послѣдующимъ; и наконецъ, то, что, есть высочайшее и совершеннѣйшее, дѣлаетъ несовершеннѣйшимъ. Въ самомъ дѣлѣ (опуская два первыхъ пункта, которые ясны сами собою), какъ явствуетъ изъ *положеній 21, 22 и 23*, то дѣйствіе есть совершеннѣйшее, которое производится Богомъ непосредственно, и чѣмъ болѣе что-либо требуетъ посредствующихъ причинъ для своего произведенія, тѣмъ оно несовершеннѣе. Но если вещи, которыя непосредственно произведены Богомъ, созданы по той причинѣ, чтобы Богъ могъ достигнуть своей цѣли, тогда необходимо, чтобъ эти послѣднія вещи, изъ-за которыхъ произведены тѣ первыя, были совершеннѣйшими изъ всѣхъ. Затѣмъ это ученіе уничтожаетъ совершенство Бога; ибо если Богъ дѣйствуетъ для цѣли, то это необходимо значить, что онъ чего-нибудь желаетъ, чего у него нѣтъ. И хотя богословы и метафизики дѣлаютъ различіе между цѣлью потребности и цѣлью уподобленія, однако признаютъ, что Богъ дѣлалъ все для себя, а не для вещей, которыя должны были быть созданы, такъ какъ они не могутъ указать прежде творенія, кромѣ Бога, ничего другого, для чего дѣйствовалъ бы Богъ; поэтому они необходимо должны признать, что Богъ не имѣлъ того, для чего онъ пожелалъ приготовить средства, и что онъ стремился къ этому, какъ ясно само собою. Здѣсь нельзя оставить безъ вниманія и того, что послѣдователи этой доктрины, желавшіе показать свой умъ въ придумываніи цѣлей вещей, для того, чтобъ доказать свое ученіе, изъ

обрѣли новый способъ доказыванія, именно, посредствомъ доведенія противниковъ не къ невозможному, а къ незна- нію,—что показываетъ, что для этого ученія не было ни- какого другого средства аргументаціи. Если, напримѣръ, съ крыши упаль камень и убилъ кого-нибудь, то они этимъ своимъ способомъ будутъ доказывать, что камень упаль для того, чтобъ убить человѣка. Ибо если бы онъ, по волѣ Божіей, не упаль съ этою цѣлью, то какимъ образомъ могло бы случайно соединиться столько сошедшихся об- стоятельствъ (часто дѣйствительно стекается вмѣстѣ много обстоятельствъ)? Если ты, быть можетъ, отвѣтишь, что это случилось потому, что дуль вѣтеръ и человѣкъ въ то время проходилъ мимо, то они возразятъ, а по- чему же тогда дуль вѣтеръ и почему же именно чело- вѣкъ проходилъ мимо какъ-разъ въ то время? Если бы имъ опять отвѣтить, что вѣтеръ поднялся отъ того, что море наканунѣ, еще при тихой погодѣ, уже начинало волноваться и что человѣкъ шелъ по приглашенію къ своему другу, то они снова спросятъ — ибо нѣтъ конца ихъ вопросамъ — почему же волновалось море и почему человѣкъ былъ приглашенъ въ это время? И такъ далѣе они не перестанутъ спрашивать о причинахъ причинъ до тѣхъ поръ, пока не дойдутъ до воли Божіей, т. е. до убѣжища невѣжества. Такъ же точно, видя устройство человѣческаго тѣла, они приходятъ въ изумленіе и изъ того, что они не понимаютъ причинъ такого искуснаго строенія, они выводятъ заключеніе, что оно сдѣлано не механическимъ, а божественнымъ или сверхъестествен- нымъ искусствомъ, и устроено такъ, чтобы одна часть не вредила другой. Отсюда происходитъ, что всякій, кто ищетъ истинныхъ причинъ этихъ чудесъ и старается по- нять вещи въ природѣ, какъ ученый, а не просто уди- вляется имъ, какъ дуракъ, сплошь да рядомъ считается еретикомъ и нечестивцемъ и провозглашается таковымъ со стороны тѣхъ, которымъ народъ поклоняется какъ истолкователямъ природы и боговъ. Ибо они знаютъ, что

по устраненіи невѣжества уничтожится и тупое изумленіе, т. е. единственное, какимъ они обладаютъ, средство для ихъ аргументаціи и для поддержанія ихъ авторитета. Но я оставляю это и перехожу къ тому, что я намеренъ былъ сдѣлать въ третьемъ пунктѣ.

Послѣ того какъ люди убѣдили себя, что все, что ни дѣлается, дѣлается для нихъ же самихъ, они должны были въ каждой вещи считать главнымъ то, что особенно полезно для нихъ, и представлять самымъ прекраснымъ то, что дѣйствуетъ на нихъ самымъ пріятнымъ образомъ. Отсюда они должны были составить для себя понятія, при помощи которыхъ объясняли бы природу вещей, каковы именно: *добро, зло, порядокъ, смѣшеніе, тепло, холодъ, красота, безобразіе* и проч.; а такъ какъ они считаютъ себя свободными, то изъ этого возникли слѣдующія понятія: *похвала и порицаніе, цѣнь и заслуга*. Объ этихъ послѣднихъ я буду говорить ниже, когда уже скажу о человѣческой природѣ; но первыя я объясню здѣсь кратко. Все то, что ведетъ къ здоровью и почитанію Бога, люди называли *добромъ*; все же, что противоположно этому, *зломъ*. И такъ какъ тѣ, которые не понимаютъ природы вещей, ничего не могутъ утверждать о вещахъ, но только воображаютъ вещи и воображеніе принимаютъ за разумъ, то они твердо вѣрятъ, что есть порядокъ въ вещахъ, не зная однако природы вещей и своей собственной. Ибо когда вещи расположены такъ, что то, что представляютъ намъ чувства, легко можно представить въ воображеніи и, слѣдовательно, легко потомъ вспомнить его, тогда говорится, что вещи расположены въ хорошемъ порядкѣ; если же напротивъ, то мы говоримъ, что онѣ дурно расположены или находятся въ безпорядкѣ. И такъ какъ для насъ пріятнѣе другихъ тѣ вещи, которыя мы можемъ легко вообразить, то поэтому люди и предпочитаютъ порядокъ безпорядку, какъ если бы порядокъ существовалъ въ самой природѣ, а не въ нашемъ только вообра-

женіи; и они говорятъ, что Богъ создалъ все въ порядкѣ, приписывая такимъ образомъ, сами того не сознавая, воображеніе Богу, если только они не думаютъ, что Богъ, промышляющій о воображеніи людей, нарочно расположилъ вещи такимъ образомъ, чтобъ онѣ какъ нельзя легче могли быть воображаемы. Ихъ вѣдь не остановить тотъ фактъ, что есть многое, что далеко превосходитъ наше воображеніе, и еще больше такого, что его спутываетъ по причинѣ его слабости. Но довольно объ этомъ. Такъ точно и другія понятія суть не что иное, какъ образы воображенія, которыми разнообразно поражается способность воображенія, и которые, однако, не свѣдущими людьми считаются главными атрибутами вещей, на томъ основаніи, что, какъ мы уже сказали, они вѣрятъ, что всѣ вещи сотворены для нихъ, и потому называютъ природу какой-нибудь вещи доброю и худою, здоровою или гнилою и испорченною, смотря по тому, какъ она дѣйствуетъ на нихъ. Напр., если движеніе, которое сообщается нервамъ отъ предметовъ, представляемыхъ глазами, содѣйствуетъ здоровью, то предметы, которыми оно возбуждается, называются *красивыми*, въ противномъ же случаѣ *безобразными*. Тѣ вещи, которыя дѣйствуютъ на чувство посредствомъ носа, называютъ благовонными или зловонными, посредствомъ языка—сладкими или горькими, вкусными и противными и проч.; предметы же, дѣйствующіе черезъ осязаніе, называются твердыми или мягкими, шероховатыми или гладкими и т. д. А то, что дѣйствуетъ на слухъ, то называютъ издающимъ шумъ, звукъ или гармонію, и эта послѣдняя до того свела людей съ ума, что они думаютъ, будто Богъ услаждается гармоніей. Есть даже философы, которые убѣждены, будто небесныя движенія производятъ гармонію. Все это достаточно показываетъ, что каждый судить о вещахъ по расположенію своего головного мозга или, лучше, полученныя воображеніемъ впечатлѣнія принимаетъ за самыя вещи. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго (замѣ-

тимъ мимоходомъ), что между людьми, какъ мы знаемъ по опыту, происходило столько споровъ, изъ которыхъ, наконецъ, возникъ скептицизмъ. Ибо хотя человѣческія тѣла во многомъ сходны между собою, однакоже между ними еще больше несходства, и поэтому, что одинъ находитъ хорошимъ, то другому кажется дурнымъ; гдѣ одинъ видитъ порядокъ, тамъ другой находитъ безпорядокъ; что одному пріятно, то другому непріятно; и такъ во всемъ. Но я не буду распространяться объ этомъ, какъ потому, что здѣсь не мѣсто разбирать этотъ предметъ подробно, такъ и потому, что всѣ хорошо знаютъ это. Вѣдь всѣ повторяютъ фразы: сколько головъ, столько умовъ; у каждаго довольно своего ума; не меньше разностей между мозгами, чѣмъ между вкусами. Сентенціи эти достаточно показываютъ, что люди судятъ о вещахъ по расположенію своего мозга и что они больше воображаютъ вещи, чѣмъ понимаютъ ихъ. Ибо если бы они понимали вещи, то онѣ (свидѣтель математика) всѣхъ ихъ убѣдили бы по крайней мѣрѣ, если бы не обнаружили для нихъ привлекательности.

Итакъ, мы видимъ, что всѣ основанія, которыми толпа обыкновенно объясняетъ природу, суть не что иное, какъ только образы воображенія и показываютъ не природу той или другой вещи, а только устройство воображенія; и такъ какъ эти образы имѣютъ названія, какъ будто принадлежащія существамъ, дѣйствительно существующимъ внѣ воображенія, то я называю ихъ существами не ума, а воображенія; а потому всѣ аргументы, противъ насъ, заимствуемые изъ подобныхъ понятій, легко могутъ быть отражены. Въ самомъ дѣлѣ, многіе обыкновенно аргументируютъ такимъ образомъ: «Если все вытекло изъ необходимости совершеннѣйшей природы Бога, то откуда взялось столько несовершенствъ въ природѣ? каковы: порча вещей, доходящая до смрада, безобразіе вещей, возбуждающее отвращеніе, безпорядокъ, зло, грѣхъ и проч.» Но, какъ я сейчасъ сказалъ, это легко опровер-

гается. Ибо совершенство вещей нужно оцѣнивать только по одной ихъ природѣ и ихъ могуществу; и не потому вещи болѣе или менѣе совершенны, что онѣ услаждаютъ или оскорбляютъ чувство людей, что онѣ полезны человеческой природѣ или противны ей. Тѣмъ же, которые спросятъ, почему же Богъ не создалъ людей такимъ образомъ, чтобы они руководились только указаніями разума, я не отвѣчу ничего другого, какъ слѣдующее: потому, что у него былъ матеріалъ для созданія всего отъ самой высшей до самой низшей ступени совершенства, или, говоря точнѣе: потому, что законы его собственной природы были до такой степени широки, что они достаточны были для произведенія всего, что можетъ быть представлено какимъ-либо безконечнымъ разумомъ, какъ я доказалъ въ *положеніи* 16. Таковы предразсудки, на которые я хотѣлъ указать здѣсь. Если есть еще другіе въ такомъ же родѣ, то каждый, при посредственномъ размышленіи, можетъ исправить ихъ.

Э Т И К И

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О ПРИРОДѢ И ПРОИСХОЖДЕНИИ ДУШИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я перехожу теперь къ объясненію того, что необходимо должно было вытекать изъ сущности Бога или вѣчнаго и безконечнаго существа, но, конечно, не всего (ибо мы доказали 16 положеніемъ 1 части, что безконечное должно вытекать изъ нея безконечными способами), а лишь того, что можетъ вести насъ какъ рукою къ познанію человѣческой души и ея высочайшаго блаженства.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ.

I. Подъ *тыломъ* я разумѣю состояніе (*modus*), которое выражаетъ извѣстнымъ и опредѣленнымъ образомъ сущность Бога, насколько она разсматривается какъ вещь протяженная; *см. ч. 1, королл. пол. 25.*

II. Я говорю, что къ сущности какой-нибудь вещи принадлежит то, что если дано, то вещь необходимо полагается, а если отнято, то вещь необходимо уничтожается; другими словами, то, безъ чего вещь и, наоборотъ, что безъ вещи не можетъ ни существовать, ни быть представлено.

Ш. Подъ *идеей* я разумѣю представленіе (*conceptus*) души, которое душа образуетъ потому, что она есть вещь мыслящая.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Я говорю представленіе, а не воспріятіе (*perceptio*), на томъ основаніи, что это послѣднее слово какъ будто указываетъ, что душа находится въ страдательномъ отношеніи къ предмету. Но представленіе какъ будто выражаетъ дѣйствіе души.

IV. Подъ *полной* (*adaequata*) *идеей* я разумѣю ту, которая, поскольку она разсматривается сама въ себѣ безъ отношенія къ предмету, заключаетъ въ себѣ всѣ свойства или внутренніе признаки (*denominaciones intrinsecas*) истинной идеи.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Я говорю *внутренние*, чтобы исключить тотъ признакъ, который есть *внѣшній*, именно согласіе идеи съ своимъ предметомъ.

V. Продолжительность есть неопредѣленное продолженіе существованія.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Я говорю неопредѣленное, такъ какъ оно не можетъ быть определено самою природою существующей вещи и даже дѣйствующею причиною, которая именно полагаетъ необходимо существованіе вещи, но не уничтожаетъ его.

VI. Подъ *реальностью* и *совершенствомъ* я разумѣю одно и то же.

VII. Подъ *отдѣльными* (*singulares*) *вещами* я разумѣю вещи, которыя конечны и имѣютъ опредѣленное существованіе. Если нѣсколько индивидуумовъ участвуютъ въ одномъ дѣйствіи такимъ образомъ, что вмѣстѣ соста-

вляють причину одного дѣйствія, то я до тѣхъ поръ всѣхъ ихъ разсматриваю какъ одну единичную вещь.

АКСИОМЫ.

I. Сущность человѣка не содержитъ въ себѣ необходимаго существованія, т. е. по порядку природы такъ же можетъ быть, чтобы тотъ или другой человѣкъ существовалъ, какъ чтобъ и не существовалъ.

II. Человѣкъ мыслить.

III. Состоянія (modi) мышленія, какъ то: любовь, пожеланіе, или какими бы другими словами ни назывались душевныя страсти, могутъ быть только тогда, когда въ томъ же индивидуумѣ есть идея любимой, желаемой и проч. вещи. Но идея можетъ существовать, хотя бы не было никакого другого состоянія мышленія.

IV. Мы чувствуемъ, что извѣстное тѣло подвергается дѣйствию на него многими способами.

V. Мы не можемъ ни чувствовать, ни воспринимать никакихъ отдѣльныхъ вещей, кромѣ тѣль и состояній мышленія.

Постулаты см. послѣ положенія 13.

ПОЛОЖЕНІЕ I.

Мышленіе есть атрибутъ Бога; другими словами, Богъ есть вещь мыслящая.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Отдѣльныя мышленія, или то и другое мышленіе суть состоянія, которыя выражаютъ природу Бога извѣстнымъ и опредѣленнымъ образомъ (по королл. пол. 25 ч. 1). Такимъ образомъ Богу принадлежитъ атрибутъ (по опред. 5 части 1), представленіе котораго содержится во всѣхъ частныхъ мышленіяхъ и посредствомъ котораго они сами представляются. Итакъ, мышленіе есть одинъ изъ безконечныхъ атрибутовъ Бога, который выражаетъ вѣчную

и бесконечную сущность Бога (см. *опред.* 6 ч. 1), или Богъ есть вещь мыслящая,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Это положеніе явствуетъ также изъ того, что мы можемъ представить бесконечное мыслящее существо. Ибо чѣмъ больше можетъ мыслить мыслящее существо, тѣмъ больше оно, какъ мы представляемъ, содержитъ въ себѣ реальности или совершенства. Слѣдовательно, существо, которое можетъ мыслить бесконечное бесконечными способами, необходимо бесконечно въ силу своего мышленія. Итакъ, коль скоро, обращая вниманіе лишь на одно мышленіе, мы представляемъ бесконечное существо, то мышленіе необходимо (*по отр.* 4 и 6 ч. 1) есть одинъ изъ бесконечныхъ атрибутовъ Бога, чего мы и хотѣли.

ПОЛОЖЕНІЕ II.

Протяженіе есть атрибутъ Бога; другими словами, Богъ есть вещь протяженная.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

этого положенія развивается тѣмъ же способомъ, какъ и доказательство предшествующаго.

ПОЛОЖЕНІЕ III.

Въ Богѣ необходимо есть идея, какъ его сущности, такъ и всего, что необходимо вытекаетъ изъ его сущности.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо Богъ (*по пол. 1 этой части*) можетъ мыслить о бесконечномъ бесконечными способами, или (*что то же, по пол. 16 ч. 1*) можетъ образовать идею своей сущности и всего, что необходимо слѣдуетъ изъ нея. Но все то, что находится во власти Бога, необходимо существуетъ (*по пол. 35 ч. 1*). Слѣдовательно, такая идея существуетъ

и (по пол. 15 ч. 1) только въ Богѣ,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Толпа подѣ могуществомъ Бога понимаетъ свободную волю Бога и право на все, что существуетъ и что поэтому вообще разсматривается какъ случайное. Ибо, говорятъ, Богъ имѣетъ власть все разрушить и обратить въ ничто. Кромѣ того, могущество Бога весьма часто сравнивается съ могуществомъ царей. Но это мы опровергли въ *королл.* 1 и 2 пол. 32 ч. 1; а въ пол. 16 ч. 1 показали, что Богъ дѣйствуетъ съ такою же необходимостью, съ какою онъ самъ себя понимаетъ; т. е. съ какою необходимостью вытекаетъ изъ божественной природы, чтобы Богъ понималъ самъ себя (какъ всѣ единодушно согласны въ этомъ), съ такою же необходимостью вытекаетъ и то, чтобы Богъ производилъ безконечное множество вещей безконечными способами. Затѣмъ, въ пол. 34 ч. 1 мы показали, что могущество Бога есть не что иное, какъ дѣйствующая сущность Бога; и потому намъ такъ же невозможно представить себѣ Бога не дѣйствующимъ, какъ невозможно представить его не существующимъ. Если бы я захотѣлъ развивать это далѣе, то могъ бы здѣсь же показать, что то могущество, которое толпа приписываетъ Богу, не только человѣческое (что показываетъ, что толпа представляетъ Бога человѣкомъ или подобнымъ человѣку), но и заключаетъ въ себѣ безсиліе. Но я не хочу столько разъ говорить объ одномъ и томъ же. Я только опять и опять прошу читателя, чтобы онъ снова вникнулъ въ то, что сказано объ этомъ предметѣ въ 1 части отъ пол. 16 до конца. Ибо никто не будетъ въ состояніи понять правильно моихъ мыслей, если не будетъ тщательно остерегаться того, чтобы не смѣшивать могущества Бога съ человѣческимъ могуществомъ или правомъ царей.

ПОЛОЖЕНИЕ IV.

Идея Бога, изъ которой безконечное вытекает безконечными способами, можетъ быть только одна.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Безконечный умъ не обнимаетъ ничего другого, кромѣ атрибутовъ Бога и его видоизмѣненій (по пол. 30 ч. 1). Но Богъ одинъ (по королл. 1 пол. 14 ч. 1). Итакъ, идея Бога, изъ которой вытекаетъ безконечное безконечными способами, можетъ быть только одна,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ V.

Формальное бытіе идей признаетъ Бога причиной, поскольку мнѣ онъ разсматривается какъ вещь мыслящая, а не поскольку онъ выражается какимъ-нибудь атрибутомъ; т. е. идеи, какъ атрибутовъ Бога, такъ и отдельныхъ вещей, признаютъ дѣйствующей причиной не самое содержаніе идей или воспріятыя вещи, но самою Бога, поскольку онъ есть вещь мыслящая.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это явствуетъ уже изъ пол. 3 этой части. Ибо мы тамъ пришли къ заключенію, что Богъ идею своей сущности и всего, что изъ нея необходимо вытекаетъ, можетъ образовать по одному тому, что онъ есть вещь мыслящая, а не потому, что онъ есть предметъ своей идеи. Потому-то формальное бытіе идей признаетъ Бога причиной, поскольку онъ есть вещь мыслящая. Но это доказывается и иначе. Формальное бытіе идей есть состояніе мышленія (какъ ясно само собою), т. е. (по королл. пол. 25 ч. 1) состояніе, которое природу Бога, насколько онъ есть вещь мыслящая, выражаетъ извѣстнымъ образомъ, и потому (по пол. 10 ч. 1) не содержитъ въ себѣ пред-

ставленія ни о какомъ другомъ атрибутѣ Бога, а, слѣдовательно (по акс. 4 ч. 1), есть дѣйствіе не какого-нибудь другого атрибута, какъ мышленія. Слѣдовательно, формальное бытіе признаетъ Бога причиной, поскольку лишь онъ разсматривается какъ вещь мыслящая, и проч.,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ VI.

Состоянія всякаго атрибута имѣютъ причиной Бога, поскольку лишь онъ разсматривается подъ тѣмъ атрибутомъ, котораго они суть состоянія, а не поскольку подъ какимъ-нибудь другимъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо каждый атрибутъ представляется посредствомъ себя, безъ другого (по пол. 10 ч. 1). Почему состоянія каждаго атрибута содержать въ себѣ представленіе своего атрибута, а не другого; и, слѣдовательно, они (по акс. 4 ч. 1) имѣютъ причиной Бога, поскольку онъ разсматривается лишь подъ тѣмъ атрибутомъ, котораго они состоянія, а не подъ какимъ-нибудь другимъ, — что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Отсюда слѣдуетъ, что формальное бытіе вещей, которыя не суть состоянія мышленія, вытекаетъ изъ божественной природы не потому, что она прежде познала вещи; но вещи, составляющія предметъ идей, вытекаютъ и слѣдуютъ изъ своихъ атрибутовъ тѣмъ же способомъ и съ такою же необходимостью, съ какою, какъ мы показали, идеи вытекаютъ изъ атрибута мышленія.

ПОЛОЖЕНІЕ VII.

Порядокъ и связь идей — то же, что и порядокъ и связь вещей.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это явствуется изъ *акс. 4 ч. 1.* Ибо идея того, что произведено какою-нибудь причиною, зависеть отъ познанія той причины, которой она составляетъ дѣйствіе.

КОРОЛЛАРІЙ.

Изъ этого слѣдуетъ, что могущество Бога въ мышленіи равно его могуществу въ активномъ дѣйствіи, т. е. все, что вытекаетъ изъ безконечной природы Бога *формально*, все это изъ идеи Бога тѣмъ же порядкомъ и въ той же связи вытекаетъ въ Богѣ *объективно*.

СХОЛІЯ.

Прежде чѣмъ мы пойдемъ далѣе, необходимо припомнить то, что мы показали выше, а именно, все, что безконечный разумъ можетъ представить, какъ составляющее сущность субстанціи, все то принадлежитъ только единой субстанціи; и, слѣдовательно, субстанція мыслящая и субстанція протяженная есть одна и та же субстанція, которая представляется то подъ однимъ, то подъ другимъ атрибутомъ. Такъ же точно модусъ протяженія и идея этого модуса суть одна и та же вещь, но только выраженная двумя способами, — что повидимому представляли себѣ какъ бы въ туманѣ нѣкоторые изъ евреевъ, которые именно утверждаютъ, что Богъ, разумъ Бога и понимаемая имъ вещи одно и то же. Напр., кругъ, существующій въ природѣ, и идея существующаго круга, которая находится также въ Богѣ, одна и та же вещь, но выражающаяся разными атрибутами. И поэтому, будемъ ли мы разсматривать природу подъ атрибутомъ протяженія, или подъ атрибутомъ мышленія, или подъ другимъ какимъ-нибудь, мы найдемъ одинъ и тотъ же порядокъ или одну и ту же связь причинъ, т. е. однѣ и тѣ же вещи, вытекающія взаимно однѣ изъ другихъ. И я сказалъ, что Богъ есть причина идеи, напр., круга, по-

скольку онъ лишь есть вещь мыслящая, и самого круга, поскольку онъ есть лишь вещь протяженная, только на томъ основаніи, что формальное бытіе идеи круга можетъ быть представлено лишь посредствомъ другого состоянія мышленія, какъ ближайшей причины, а этотъ опять посредствомъ другого, и такъ далѣе до безконечности; такъ что, пока мы разсматриваемъ вещи какъ состоянія (модусы) мышленія, мы должны объяснять порядокъ всей природы или связь причинъ посредствомъ одного атрибута мышленія; а поскольку онѣ разсматриваются какъ модусы протяженія, и порядокъ всей природы долженъ быть объясняемъ только посредствомъ атрибута протяженія; то же самое я разумѣю и относительно другихъ атрибутовъ. Поэтому Богъ, поскольку онъ состоитъ изъ безконечныхъ атрибутовъ, есть на самомъ дѣлѣ причина вещей, какъ онѣ существуютъ въ себѣ. Яснѣе я не могу развить этого въ настоящее время.

ПОЛОЖЕНІЕ VIII.

Идеи не существующихъ отдѣльныхъ вещей или состояній такъ должны содержаться въ безконечной идее Бога, какъ формальныя сущности отдѣльныхъ вещей или состояній содержатся въ атрибутахъ Бога.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это положеніе явствуетъ изъ предъидущаго; но яснѣе понимается изъ предъидущей схолиі.

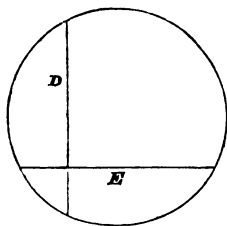
КОРОЛЛАРІЙ.

Изъ этого слѣдуетъ, что пока отдѣльныя вещи существуютъ лишь постольку, поскольку онѣ заключаются въ атрибутахъ Бога, ихъ объективное бытіе или идеи существуютъ лишь постольку, поскольку существуетъ безконечная идея Бога; а если объ отдѣльныхъ вещахъ говорится, что онѣ существуютъ, не только поколику онѣ

содержатся въ атрибутахъ Бога, но и поколику считаются имѣющими продолжительность, то и ихъ идеи заключаютъ въ себѣ также существованіе, по которому онѣ считаются имѣющими продолжительность.

СХОЛІЯ.

Если бы кто-нибудь пожелалъ примѣра для болѣе полнаго разъясненія этого предмета, то я не могу найти ни одного, который могъ бы объяснить вполнѣ предметъ, о которомъ я здѣсь говорю, такъ какъ онъ единственный. Однако я попытаюсь освѣтить его, насколько возможно. Именно, кругъ имѣетъ такое свойство, что всѣ прямоугольники, образуемые въ немъ всѣми прямыми, взаимно пересѣкающимися линіями, равны между собою. Поэтому въ кругѣ находится безконечное множество прямоугольниковъ равныхъ между собою. Однако каждый изъ нихъ существуетъ лишь постольку, поскольку существуетъ кругъ, и идея каждаго изъ этихъ прямоугольниковъ можетъ быть названа существующею лишь постольку, поскольку она содержится въ кругѣ. Но представимъ, что

изъ безконечнаго числа ихъ существуютъ только два, именно E и D. Тогда уже идеи ихъ существуютъ не только потолику, поколику онѣ содержатся лишь въ идеѣ круга, но и поколику онѣ заключаютъ въ себѣ существованіе этихъ прямоугольниковъ. Вслѣдствіе этого онѣ отличаются отъ другихъ идей другихъ прямоугольниковъ.

ПОЛОЖЕНІЕ IX.

Идея отдѣльной вещи, существующей въ дѣйствиіи, имѣетъ причиной Бога, не поскольку онъ безконеченъ, но поскольку онъ разсматривается подвергшимся дѣйствию

другой идеи отдѣльной вещи, существующей въ дѣйствиі, которой Богъ есть причина опять-таки постольку, поскольку онъ подвергся дѣйствию третьей идеи, и такъ далѣе до бесконечности.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Идея отдѣльной, существующей въ дѣйствиі вещи, есть отдѣльное состояніе мышленія и отличное отъ остальныхъ (по королл. и схол. пол. 8 этой части); поэтому имѣетъ причиной Бога (по пол. 6 этой части), поскольку лишь онъ есть вещь мыслящая; но не поскольку (по пол. 28 ч. 1) онъ есть вещь абсолютно мыслящая, а поскольку онъ разсматривается подвергшимся дѣйствию другого состоянія мышленія, а этого послѣдняго Богъ есть причина опять постольку, поскольку онъ подвергся дѣйствию другого, и такъ до бесконечности. Но порядокъ и связь идей тѣ же (по пол. 7 этой части), что и порядокъ и связь причинъ. Итакъ, каждой отдѣльной вещи причина есть другая идея или Богъ, поскольку онъ разсматривается подвергшимся дѣйствию другой идеи, а причина этой послѣдней, поскольку онъ подвергся дѣйствию другой, и такъ въ бесконечность,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Познаніе всего, что случается въ отдѣльномъ предметѣ какой-либо идеи, существуетъ въ Богѣ, но лишь постольку, поскольку онъ имѣетъ идею этого самаго предмета.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Идея всего, что случается въ предметѣ какой-либо идеи, существуетъ въ Богѣ (по пол. 3 этой части), не поскольку онъ бесконеченъ, но поскольку онъ разсматривается какъ подвергшійся дѣйствию другой идеи отдѣль-

ной вещи (*по предъид. пол.*); но (*по пол. 7 этой части*) порядокъ и связь идей тѣ же, что порядокъ и связь вещей. Итакъ, познаніе того, что случается въ какомъ-нибудь отдѣльномъ предметѣ, будетъ въ Богѣ, поскольку лишь онъ имѣетъ идею этого предмета, — что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ X.

Бытіе субстанціи не принадлежитъ къ сущности человѣка; друими словами, субстанція не составляетъ формы человѣка.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо бытіе субстанціи заключаетъ въ себѣ необходимое существованіе (*по пол. 7 ч. 1*). Если бы такимъ образомъ къ сущности человѣка принадлежало бытіе субстанціи, то, коль скоро субстанція дана, человѣкъ необходимо долженъ бы былъ существовать (*по опр. 2 этой части*) и, слѣдовательно, онъ необходимо существовалъ бы, что (*по акс. 1 этой части*) нелѣпо. Итакъ, бытіе субстанціи, и пр.,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Это положеніе доказывается также *пол. 5 ч. 1*, именно, что нѣтъ двухъ субстанцій одинаковой природы. Но такъ какъ могутъ существовать многіе люди, что составляетъ форму человѣка, то это, значитъ, не есть бытіе субстанціи. Кромѣ того, это положеніе явствуетъ изъ остальныхъ свойствъ субстанціи, т. е. что субстанція по своей природѣ безконечна, неизмѣнна, недѣлима и проч., какъ это легко можетъ понять каждый.

КОРОЛЛАРІЙ.

Изъ этого слѣдуетъ, что сущность человѣка составляетъ извѣстными видоизмѣненіями атрибутовъ Бога.

Ибо бытіе субстанціи (*по предъид. пол.*) не принадлежитъ къ сущности человѣка. Итакъ, она есть (*по пол. 15 ч. 1*) нѣчто такое, что существуетъ въ Богѣ, и что безъ Бога не можетъ ни существовать, ни быть представлено, или (*по королл. пол. 25 ч. 1*) видоизмѣненіе или состояніе, которое выражаетъ природу Бога извѣстнымъ и определеннымъ образомъ.

СХОЛІЯ.

Всѣ должны согласиться съ тѣмъ, что безъ Бога не можетъ быть ничего и ничего не можетъ быть представлено. Ибо всѣ признають, что Богъ есть единственная причина всѣхъ вещей, какъ ихъ сущности, такъ и ихъ существованія, т. е. Богъ есть причина вещей не только по ихъ происхожденію (*secundum fieri*), какъ говорятъ, но и по ихъ бытію (*secundum esse*). А между тѣмъ многіе говорятъ, что къ сущности какой-нибудь вещи относится то, безъ чего вещь не можетъ ни существовать, ни быть представлена; и поэтому они думаютъ, что или природа Бога относится къ сущности созданныхъ вещей, или что созданныя вещи могутъ существовать или быть представлены безъ Бога, или, что вѣрнѣе, они не достаточно вѣрны самимъ себѣ. Причина этого, какъ я думаю, заключается въ томъ, что они не держатся порядка въ философствованіи. Ибо божественную природу, которую они должны были созерцать прежде всего, такъ какъ она въ порядкѣ познанія предшествуетъ какъ познанію, такъ и природѣ, они разсматривали послѣднюю, а вещи, которыя называются предметами чувственныхъ воспріятій, считали предшествующими всему. Отсюда и произошло, что, въ то время, какъ они разсматривали естественныя вещи, они менѣе всего думали о божественной природѣ, а потомъ, когда они обращались къ разсматриванію божественной природы, то они всего менѣе могли думать о своихъ первыхъ измышленіяхъ, на которыхъ они основывали познаніе естественныхъ вещей, такъ какъ эти из-

мышленія ничѣмъ не могли помочь имъ при познаніи божественной природы; и потому неудивительно, что они тамъ и сямъ сами себѣ противорѣчили. Но я оставляю это въ сторонѣ. Ибо мое намѣреніе здѣсь состояло только въ томъ, чтобы указать основаніе, почему я не говорю, что къ сущности какой-нибудь вещи принадлежить то, безъ чего вещь не можетъ ни существовать, ни быть представлена, именно потому, что отдѣльныя вещи не могутъ ни существовать, ни быть представлены безъ Бога, и однакоже Богъ не принадлежить къ сущности ихъ. Но я сказалъ, что къ сущности какой-нибудь вещи принадлежить то, что, коль скоро оно дано, вещь полагается, а коль скоро оно отнято, вещь уничтожается; другими словами, то, безъ чего вещь и, наоборотъ, что безъ вещи не можетъ ни существовать, ни быть представлено.

ПОЛОЖЕНІЕ XI.

Первое, что составляетъ дѣйствительное бытіе человѣческой души, есть не что иное, какъ идея какой-либо отдѣльной вещи, существующей въ дѣйствиіи.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Сущность человѣка (по королл. предъид. пол.) состоитъ изъ извѣстныхъ состояній (modi) атрибутовъ Бога, именно (по акс. 2 этой части) изъ состояній мышленія, идея которыхъ по природѣ предшествуетъ всѣмъ имъ (по акс. 3 этой части), и коль скоро она дана, то и остальные состоянія (modi) (т. е. тѣ, которымъ по природѣ предшествуетъ идея), также должны существовать въ томъ же индивидуумѣ (по акс. 4 этой части). Поэтому-то идея и есть первое, что составляетъ бытіе человѣческой души. Но это не есть идея вещи не существующей; ибо въ такомъ случаѣ сама идея не могла бы быть названа существующею (по королл. пол. 8). Итакъ, это будетъ идея вещи существующей въ дѣйствиіи. Но не вещи безконеч-

ной, ибо вещь безконечная (по пол. 21 и 23 ч. 1) необходимо должна существовать всегда. Но это (по акс. 1 этой части) нелѣпо. Итакъ, первое, что составляетъ дѣйствительное бытіе человѣческой души, есть идея отдѣльной вещи, существующей въ дѣйствиіи, — что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Изъ этого слѣдуетъ, что человѣческая душа есть часть безконечнаго разума Бога. И поэтому, когда мы говоримъ, что человѣческая душа представляетъ то или другое, то мы выражаемъ этимъ не что иное какъ то, что Богъ, не посколькѣ онъ безконеченъ, а посколькѣ онъ выражается посредствомъ природы человѣческой души, или посколькѣ онъ составляетъ сущность человѣческой души, имѣетъ ту или другую идею; а когда мы говоримъ, что Богъ имѣетъ ту или другую идею не только поколику онъ составляетъ природу человѣческой души, но и поколику онъ вмѣстѣ съ человѣческой душой имѣетъ также идею другой вещи, то выражаемъ этимъ, что душа человѣческая, воспринимаетъ вещь только отчасти, или не полно (inadaequate).

СХОЛІЯ.

Здѣсь безъ сомнѣнія читатели остановятся и припомнятъ многое, что ихъ заставитъ остановиться; поэтому прошу ихъ, чтобы они продолжали и шли со мною медленнымъ шагомъ и не произносили сужденія обо всемъ этомъ до тѣхъ поръ, пока не прочитаютъ всего.

ПОЛОЖЕНІЕ XII.

Все, что случается въ предметъ идеи, составляющей человѣческую душу, должно быть воспринимаемо человѣческой душою, другими словами, о томъ необходимо будетъ въ душѣ идея; т. е., если предметъ идеи, составляющей человѣческую душу, будетъ тѣло, то ничею не можетъ

случиться въ этомъ тѣлѣ, что не было бы воспринимаемо душою.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо обо всемъ, что случается въ предметъ каждой идеи, необходимо есть познаніе въ Богѣ (*по королл. пол. 9 этой части*), поскольку онъ разсматривается какъ подвергшійся дѣйствию идеи того же предмета, т. е. (*по пол. 11 этой части*), поскольку онъ составляетъ душу какой-нибудь вещи. Слѣдовательно, все, что ни случается въ предметъ идеи, составляющей человѣческую душу, о томъ необходимо существуетъ познаніе въ Богѣ, поскольку онъ составляетъ природу человѣческой души, т. е. (*по королл. пол. 11 этой части*) познаніе того необходимо будетъ въ душѣ, или душа воспринимаетъ его,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Это положеніе явствуетъ также и яснѣе понимается изъ *схоліи. пол. 7 этой части*, что и смотри.

ПОЛОЖЕНІЕ XIII.

Объектъ идеи, составляющей человѣческую душу, есть тѣло или извѣстный существующій актуально модусъ протяженія, и ничто другое.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо если бы тѣло не было объектомъ человѣческой души, то идеи производимыхъ на тѣло впечатлѣній не существовали бы въ Богѣ (*по королл. пол. 9 этой части*), поскольку онъ составляетъ нашу душу, а поскольку онъ составляетъ душу другой вещи; т. е. (*по королл. пол. 11 этой части*) идеи производимыхъ на тѣло впечатлѣній не существовали бы въ нашей душѣ. Но мы (*по акс. 4 этой части*) имѣемъ идеи производимыхъ на тѣло впечатлѣній.

Слѣдовательно, предметъ идеи, составляющей человѣческую душу, есть тѣло, и притомъ (*по пол. 11 этой части*) существующее актуально. Потомъ, если бы, кромѣ тѣла, былъ еще другой объектъ души; то такъ какъ (*по пол. 36 ч. 1*) не существуетъ ничего, изъ чего не вытекало бы какого-нибудь дѣйствія, то въ нашей душѣ (*по пол. 11 этой части*) необходимо была бы идея какого-нибудь дѣйствія его. Но (*по акс. 5*) никакой идеи этого объекта нѣтъ въ нашей душѣ. Итакъ, объектъ нашей души есть существующее тѣло и ничто другое,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Изъ этого слѣдуетъ, что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла и тѣло человѣческое существуетъ такъ, какъ мы его чувствуемъ.

СХОЛІЯ.

Изъ этого мы видимъ не только то, что человѣческая душа соединена съ тѣломъ, но и то, какъ нужно понимать это соединеніе души съ тѣломъ. Никто не можетъ вполне или отчетливо понять его, если прежде не узнаетъ вполне природы нашего тѣла: ибо то, что мы до сихъ поръ показали, имѣетъ очень общій характеръ и приложимо къ людямъ не болѣе, чѣмъ къ остальнымъ индивидуумамъ, которые всѣ одушевлены, хотя и въ различныхъ степеняхъ. Въ самомъ дѣлѣ, идея каждой вещи, которой Богъ есть причина, также необходимо должна быть въ Богѣ и такимъ же образомъ, какъ и идея человѣческаго тѣла; и потому все, что мы сказали объ идеѣ человѣческаго тѣла, должно примѣняться необходимо къ идеѣ всякой вещи. Однакоже нельзя отрицать, что идеи, такъ же, какъ и самые предметы, разнятся между собою, и одна изъ нихъ совершеннѣе другой и имѣетъ больше реальности, такъ же, какъ и предметъ одной совершеннѣе предмета другой и содержитъ въ себѣ больше реально-

сти. И потому, чтобы опредѣлить, чѣмъ душа человѣческая отличается отъ другихъ и чѣмъ она превосходитъ другихъ, намъ необходимо знать природу ея предмета, т. е. человѣческаго тѣла. Но я не могу здѣсь разъяснить эту природу, и притомъ это и не необходимо для того, чтб я хочу доказать. Впрочемъ, я скажу вообще, что чѣмъ какое-нибудь тѣло способнѣе другихъ больше дѣйствовать и страдать одновременно, тѣмъ и душа его способнѣе другихъ больше воспринимать въ одно время, и чѣмъ больше дѣйствія какого-нибудь тѣла зависятъ только отъ него одного и чѣмъ менѣе другія тѣла содѣйствуютъ ему въ его дѣятельности, тѣмъ больше способна его душа къ отчетливому пониманію. Отсюда мы можемъ познать превосходство одной души надъ другою; а также видѣть и причину, почему мы имѣемъ лишь очень смутное познаніе о нашемъ тѣлѣ, и многое другое, чтб я дальше изъ этого выведу. По этой причинѣ я счелъ стоющимъ труда тщательнѣе изложить и доказать это, для чего необходимо предварительно сказать немного о природѣ тѣла.

АКСИОМА I.

Всѣ тѣла или движутся, или находятся въ покоѣ.

АКСИОМА II.

Каждое тѣло движется то медленнѣе, то скорѣе.

ЛЕММА I.

Тѣла различаются между собою относительно движенія и покоя, скорости и медленности, но не относительно субстанции.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Первую часть этой леммы я считаю ясною самою по себѣ. А почему тѣла не различаются относительно субстанции, это явствуетъ какъ изъ пол. 5, такъ и изъ пол. 8

части I, но еще яснѣе изъ того, что сказано въ *схоліи* положенія 15 части I.

ЛЕММА II.

Всѣ тѣла въ чемъ-нибудь сходны между собою.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Всѣ тѣла сходны именно въ томъ, что они содержатъ въ себѣ представленіе одного и того же атрибута (*по опр. I этой части*), затѣмъ въ томъ, что они могутъ двигаться то медленнѣе, то скорѣе, и, абсолютно, то двигаться, то быть въ покоѣ.

ЛЕММА III.

Движущееся или покоящееся тѣло должно было быть приведено въ движеніе или покой другимъ тѣломъ, которое также было приведено въ движеніе или покой другимъ, а это еще другимъ, и такъ въ безконечность.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Тѣла (*по опр. I этой части*) суть отдѣльныя вещи, которыя (*по леммѣ I*) различаются между собою движеніемъ и покоемъ; поэтому (*по пол. 28 ч. I*) каждое изъ нихъ должно было быть приведено въ движеніе или покой другою отдѣльною вещью, именно (*по пол. 6 этой части*) другимъ тѣломъ, которое (*по акс. I*) также или движется, или находится въ покоѣ. Но это послѣднее (*по тому же основанію*) не могло двигаться или находиться въ покоѣ иначе, какъ если оно было приведено въ движеніе или покой другимъ тѣломъ, а это (*по тому же основанію*) опять другимъ, и т. д. въ безконечность,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Изъ этого слѣдуетъ, что движущееся тѣло до тѣхъ поръ будетъ двигаться, пока оно не будетъ приведено въ

покой другимъ тѣломъ; и тѣло покоющееся до тѣхъ поръ будетъ находиться въ покоѣ, пока не будетъ приведено въ движеніе другимъ. Это ясно само собою. Въ самомъ дѣлѣ, когда я предполагаю, что какое-нибудь тѣло, напр., А, находится въ покоѣ, и не обращаю вниманія на другія движущіяся тѣла, то я ничего другого не могу сказать о тѣлѣ А, кромѣ того, что оно находится въ покоѣ. Если же потомъ случится, что тѣло А станетъ двигаться, то это, конечно, не можетъ произойти отъ того, что оно находилось въ покоѣ; ибо изъ этого могло произойти только то, чтобы тѣло А находилось въ покоѣ. Если же, напротивъ, мы предположимъ, что А движется и постоянно будемъ имѣть въ виду только А, то мы ничего не можемъ утверждать о немъ, кромѣ того, что оно движется. Если же потомъ случится, что А находится въ покоѣ, то это конечно не могло произойти отъ движенія, которое оно имѣло; ибо изъ движенія не могло произойти ничего другого, кромѣ того, чтобы А двигалось. Это происходитъ стало быть отъ вещи, которой не было въ А, именно отъ внѣшней причины, которая привела его въ покой.

АКСИОМА I.

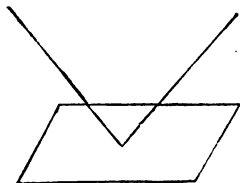
Всѣ состоянія, какія принимаетъ какое-нибудь тѣло отъ дѣйствія другого тѣла, вытекаютъ изъ природы подверженнаго дѣйствію тѣла и вмѣстѣ изъ природы тѣла, производящаго дѣйствіе, такъ что одно и то же тѣло движется различно, смотря по различію природы движущихъ его тѣлъ, и, наоборотъ, различныя тѣла однимъ и тѣмъ же тѣломъ приводятся въ различныя движенія.

АКСИОМА II.

Когда движущееся тѣло ударяется о другое покоющееся тѣло, котораго оно не можетъ двинуть, то оно отражается, чтобы продолжать движеніе, и уголь, образуемый линіей отраженнаго движенія съ плоскостью покоющагося тѣла, о которое ударилося движущееся, бу-

детъ равенъ углу, который образуетъ линія движенія при паденіи съ тою же плоскостью.

Все это мы говоримъ о *простѣйшихъ тѣлахъ*, т. е. такихъ, которыя различаются между собою только движеніемъ и покоемъ, скоростью и медленностью. Перейдемъ теперь къ *сложнымъ*.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ.

Когда нѣсколько тѣлъ одинаковой или различной величины такъ стѣсняются другими, что налегаютъ одни на другія, или когда, двигаясь съ одинаковою скоростью или различными скоростями, сообщаютъ другъ другу свои движенія въ определенномъ отношеніи, то мы называемъ эти тѣла взаимно соединенными и говоримъ, что всѣ они вмѣстѣ составляютъ одно тѣло, или индивидуумъ, который отличается отъ другихъ этимъ соединеніемъ тѣлъ.

АКСІОМА III.

Тѣмъ большими или меньшими поверхностями части индивидуума или сложнаго тѣла налегаютъ другъ на друга, тѣмъ труднѣе или легче заставить ихъ измѣнить свое положеніе, и, слѣдовательно, тѣмъ легче или труднѣе можетъ быть сдѣлано, чтобъ этотъ самый индивидуумъ принялъ другую фигуру. Поэтому тѣла, части которыхъ налегаютъ другъ на друга большими поверхностями, я назову *твердыми*, а тѣ, которыя налегаютъ малыми, *мягкими*, а, наконецъ, части которыхъ движутся одна относительно другой, назову *жидкими*.

ЛЕММА IV.

Если изъ тѣла или индивидуума, сложеннаго изъ многихъ тѣлъ, выдѣлятся какія-нибудь тѣла, и въ то же время на ихъ мѣсто войдутъ другія тѣла той же при-

роды, то индивидуумъ сохранитъ свою природу по прежнему безъ всякаго измѣненія своей формы.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо тѣла (по леммѣ I) не различаются между собою относительно субстанціи. То же, что составляетъ форму индивидуума, состоитъ въ соединеніи тѣлъ (по предъид. отр.). А это послѣднее (по предположенію) сохраняется, хотя бы въ тѣлѣ происходило постоянное измѣненіе. Следовательно, индивидуумъ сохранить свою природу по прежнему, какъ относительно субстанціи, такъ и относительно состоянія,—что и требовалось доказать.

ЛЕММА V.

Если части, составляющія индивидуумъ, уйдутъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ, но въ такой пропорціи, что всѣ части сохраняютъ попрежнему то же взаимное отношеніе движенія и покоя, то индивидуумъ сохранитъ попрежнему свою природу, безъ всякаго измѣненія формы.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

этой леммы такое же, какъ и предъидущей.

ЛЕММА VI.

Если нѣкоторыя тѣла, составляющія индивидуумъ, свое движеніе, которое они имѣли въ одну сторону, принуждены повернуть въ другую сторону, но такъ, что они могутъ продолжать свои движенія и сообщать ихъ другъ другу такимъ же образомъ, какъ прежде, то индивидуумъ сохранитъ свою природу, безъ всякаго измѣненія формы.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

это ясно само собою. Ибо предполагается, что индивидуумъ сохранить все, что, какъ мы сказали въ его опредѣленіи, составляетъ его форму.

ЛЕММА VII.

Кромѣ того, составленный такимъ образомъ индивидуумъ сохранить свою природу, будетъ ли онъ двигаться какъ цѣлое, или оставаться въ покой, будетъ ли онъ двигаться въ одну сторону, или въ другую, только бы каждая часть сохраняла свое движеніе и сообщала его, какъ прежде, другимъ частямъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

это явствуетъ изъ опредѣленія индивидуума, которое см. передъ леммой 4.

СХОЛІЯ.

Такимъ образомъ, изъ этого мы видимъ, какъ сложный индивидуумъ можетъ испытывать на себѣ многоразличные дѣйствія и тѣмъ не менѣе сохранять свою природу. Но до сихъ поръ мы представляли себѣ индивидуумомъ то, что состоитъ лишь изъ тѣлъ, различающихся между собою только движеніемъ и покоемъ, скоростью и медленностью, т. е. то, что составляется изъ простѣйшихъ тѣлъ. Если мы затѣмъ представимъ себѣ другой индивидуумъ, состоящій изъ многихъ индивидуумовъ различной природы, то мы найдемъ, что онъ можетъ испытывать на себѣ еще болѣе многоразличныя дѣйствія и тѣмъ не менѣе сохранять свою природу. Ибо такъ какъ каждая часть его состоитъ изъ многихъ тѣлъ, то повтому каждая часть (*по предгид. леммѣ*), безъ всякаго измѣненія своей природы, можетъ двигаться то медленнѣе, то скорѣе и, слѣдовательно, сообщать свои движенія остальнымъ частямъ быстрѣе или медленнѣе. Если мы, далѣе, представимъ себѣ еще третій родъ индивидуумовъ, состоящій изъ этихъ вторыхъ, то мы найдемъ, что онъ можетъ испытывать на себѣ многія другія дѣйствія, безъ всякаго измѣненія ихъ формы. И если мы такимъ образомъ будемъ продолжать въ безконечность, то легко

поймемъ, что *вся природа есть одинъ индивидуумъ*, части котораго, т. е. всѣ тѣла, видоизмѣняются безконечными способами, безъ всякаго измѣненія цѣлаго индивидуума. И это я долженъ былъ бы разъяснить и доказать подробнѣе, если бы я имѣлъ намѣреніе специально трактовать о тѣлѣ. Но я уже сказалъ, что я имѣю въ виду нѣчто другое, и изложилъ все это единственно потому, что я могу легко вывести изъ него то, что я рѣшилъ доказать.

ПОСТУЛАТЫ.

I. *Человѣческое тѣло* состоитъ изъ многихъ (различной природы) индивидуумовъ, изъ которыхъ каждый очень сложенъ.

II. Изъ индивидуумовъ, составляющихъ человѣческое тѣло, нѣкоторые *жидки*, нѣкоторые *мяки*, и нѣкоторые, наконецъ, *тверды*.

III. Индивидуумы, составляющіе человѣческое тѣло, и, слѣдовательно, само тѣло, подвергаются дѣйствию внѣшнихъ предметовъ очень многими способами.

IV. Тѣло человѣческое для своего сохраненія нуждается во многихъ тѣлахъ, которыми оно постоянно какъ бы возрождается.

V. Когда жидкая часть человѣческаго тѣла опредѣляется внѣшнимъ тѣломъ такимъ образомъ, что она часто наталкивается на другую мягкую часть, то она измѣняетъ плоскость послѣдней и отпечатывается на ней какъ бы нѣкоторые слѣды внѣшняго толкающаго тѣла.

VI. Человѣческое тѣло можетъ многими способами двигать внѣшнія тѣла и многими способами располагать ихъ.

ПОЛОЖЕНІЕ XIV.

Душа человѣческая способна воспринимать многое и тѣмъ способнѣе, чѣмъ большими способами ея тѣло можетъ быть распологаемо.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо человѣческое тѣло (*по пост. 3 и 6*) очень многими способами подвергается дѣйствию внѣшнихъ тѣлъ и расположено подвергать дѣйствию внѣшнія тѣла очень многими способами. Но все, что случается въ человѣческомъ тѣлѣ (*по пол. 12 этой части*), душа человѣческая должна воспринимать. Слѣдовательно, душа человѣческая способна воспринимать многое, и тѣмъ способнѣе, и проч.,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ XV.

Идея, которая составляетъ формальное бытіе человеческой души, не проста, но сложена изъ очень многихъ идей.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Идея, которая составляетъ формальное бытіе человеческой души, есть идея тѣла (*по пол. 13 этой части*), которое (*по пост. 1*) состоитъ изъ многихъ очень сложныхъ индивидуумовъ. Но идея каждого индивидуума, составляющаго тѣло, необходимо существуетъ въ Богѣ (*по королл. пол. 8 этой части*). Слѣдовательно (*по пол. 7 этой части*), идея человѣческаго тѣла составлена изъ этихъ очень многихъ идей составныхъ частей,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ XVI.

Идея всякаго состоянія, которому человеческое тѣло подвергается отъ дѣйствія внѣшнихъ тѣлъ, должна заключать въ себѣ природу человеческого тѣла и вмѣстить природу внѣшнюю тѣла.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо всѣ состоянія, которымъ подвергается какое-нибудь тѣло, вытекаютъ изъ природы подверженнаго

дѣйствию и вмѣстѣ изъ природы подвергающаго дѣйствию тѣла (*по акс. 1, слѣдующей за королл. лем. 3*). Поэтому идея ихъ необходимо содержитъ въ себѣ (*по акс. 4 ч. 1*) природу того и другого тѣла. А слѣдовательно, идея всякаго состоянія, которое принимаетъ человѣческое тѣло отъ дѣйствія внѣшняго тѣла, заключаетъ въ себѣ природу человѣческаго тѣла и внѣшняго тѣла,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ I.

Изъ этого слѣдуетъ, *во-первыхъ*, что душа человѣческая можетъ воспринимать природу очень многихъ тѣлъ вмѣстѣ съ природою своего тѣла.

КОРОЛЛАРІЙ II.

Слѣдуетъ, *во-вторыхъ*, что идеи, которыя мы имѣемъ о внѣшнихъ тѣлахъ, скорѣе показываютъ устройство нашего тѣла, чѣмъ природу внѣшнихъ тѣлъ, что я объяснилъ многими примѣрами въ приложеніи къ первой части.

ПОЛОЖЕНІЕ XVII.

Если человѣческое тѣло подверглось такому дѣйствию, которое содержитъ въ себѣ природу какого-нибудь внѣшняго тѣла, то душа человѣческая будетъ созерцать это внѣшнее тѣло какъ дѣйствительно существующее или какъ присутствующее при ней до тѣхъ поръ, пока тѣло не подвергнется другому дѣйствию, которое исключало бы существованіе или присутствіе этого тѣла.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

ясно. Ибо пока тѣло человѣческое испытываетъ такое дѣйствіе, до тѣхъ поръ человѣческая душа (*по пол. 12 этой части*) будетъ созерцать это дѣйствіе на свое тѣло, т. е. (*по предгид. пол.*) будетъ имѣть идею состоянія, дѣйствительно существующаго, которая содержитъ въ

себѣ природу внѣшняго тѣла, т. е. идею, которая не исключаетъ существованія или присутствія природы внѣшняго тѣла, а полагаетъ его. Слѣдовательно, душа (*по королл. 1 предвид. пол.*) будетъ созерцать внѣшнее тѣло какъ дѣйствительно существующее и присущее себѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ испытывать, и проч.,— что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Тѣ внѣшнія тѣла, которыя однажды произвели дѣйствіе на человѣческое тѣло, хотя бы они уже не существовали и не были присутствующими, душа можетъ все-таки созерцать, какъ бы они были присутствующими.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Когда внѣшнія тѣла такъ опредѣляютъ жидкія части человѣческаго тѣла, что онѣ часто ударяются о мягкія, то плоскости послѣднихъ измѣняются (*по пост. 5*). Отсюда происходитъ (*см. акс. 2 послѣ королл. лемм. 3*), что отъ этихъ плоскостей онѣ отражаются иначе, чѣмъ какъ имѣли обыкновеніе отражаться прежде, что онѣ и послѣ того, при своемъ произвольномъ движеніи, встрѣчая эти новыя плоскости, отражаются отъ нихъ тѣмъ же способомъ, какъ когда онѣ были толкнуты къ этимъ плоскостямъ внѣшними тѣлами, и, слѣдовательно, когда онѣ, отразившись такимъ образомъ, продолжаютъ свое движеніе, то обнаруживаютъ на тѣло человѣческое такое же дѣйствіе, о которомъ душа (*по полож. 12 этой части*) будетъ мыслить вторично, т. е. (*по полож. 17 этой части*) душа вторично будетъ созерцать внѣшнее тѣло какъ присутствующее; и это столько разъ, сколько жидкія части человѣческаго тѣла при своемъ произвольномъ движеніи будутъ встрѣчать тѣ же плоскости. Поэтому хотя внѣшнія тѣла, которыя обнаружили однажды дѣйствіе на человѣческое тѣло, и не существуютъ, но душа все-таки будетъ созерцать ихъ какъ присутствующія всякій разъ,

какъ будетъ повторяться это дѣйствіе тѣла,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Итакъ, мы видимъ, какимъ образомъ можетъ случиться, что мы созерцаемъ какъ бы присутствующее то, чего нѣтъ, какъ это бываетъ часто. Быть можетъ, это происходитъ и отъ другихъ причинъ. Но мнѣ достаточно было показать хотя одну изъ нихъ, которою я могъ бы объяснить дѣло такъ, какъ если бы я его объяснилъ посредствомъ истинной причины. Однако я думаю, что я не далекъ отъ истинной причины, такъ какъ всѣ тѣ постулаты, которые я принялъ, едва ли содержатъ въ себѣ что-нибудь такое, что не подтверждалось бы опытомъ, въ которомъ нельзя сомнѣваться послѣ того, какъ мы показали, что человѣческое тѣло существуетъ такъ, какъ мы его чувствуемъ (*см. королл. послѣ пол. 13 этой части*). Кромѣ того (*изъ королл. предвид. и королл. 2 пол. 16 этой части*), мы ясно понимаемъ, какое существуетъ различіе между идеей, напр., Петра, которая составляетъ сущность души самого Петра, и между идеей того же Петра, которая находится въ другомъ человѣкѣ, напр., въ Павлѣ. Ибо первая прямо выражаетъ сущность тѣла самого Петра и заключаетъ въ себѣ существованіе только до тѣхъ поръ, пока существуетъ Петръ; вторая же идея показываетъ скорѣе устройство тѣла Павла, чѣмъ природу Петра, и потому, пока продолжается это устройство тѣла Павла, душа Павла, хотя бы Петръ и не существовалъ, созерцаетъ его все-таки, какъ присутствующаго при немъ. Далѣе, употребляя общепринятые выраженія, мы будемъ называть тѣ дѣйствія на человѣческое тѣло, идеи которыхъ представляютъ внѣшнія тѣла какъ бы присутствующими при насъ, *образами вещей*, хотя они и не воспроизводятъ фигуры вещей; и когда душа этимъ способомъ созерцаетъ тѣла, то мы будемъ говорить, что она *воображаетъ*. И здѣсь, чтобы начать объясненіе того, что

такое заблужденіе, я хотѣлъ бы, чтобъ вы замѣтили, что воображенія души, разсматриваемыя сами въ себѣ, не содержать въ себѣ ничего ошибочнаго; другими словами, душа въ томъ, что она воображаетъ, не заблуждается, а заблуждается, лишь поскольку она разсматривается, какъ не имѣющая идеи, которая исключала бы существованіе тѣхъ вещей, какія она воображаетъ ей присущими. Ибо если бы душа, воображая не существующія вещи присущими себѣ, въ то же время знала, что этихъ вещей на самомъ дѣлѣ нѣтъ, то эту способность воображенія она, конечно, приписала бы преимуществу своей природы, а не недостатку; особенно если бы эта способность зависѣла только отъ ея природы, т. е. (по опр. 7 ч. 1) если бы эта способность души воображать была свободна.

ПОЛОЖЕНІЕ XVIII.

Если человѣческое тѣло однажды испытало на себѣ дѣйствіе двухъ или нѣсколькихъ тѣлъ разомъ, то, когда вполнѣдствіи душа вообразитъ какое-нибудь изъ нихъ, тотчасъ же вспоминаются и другія.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Душа (по предвид. кор.) воображаетъ какое-нибудь тѣло потому, что человѣческое тѣло отъ слѣдовъ, оставшихся отъ впечатлѣній внѣшняго тѣла, испытываетъ такое же дѣйствіе и располагается ими такимъ же образомъ, какъ съ нимъ было, когда нѣкоторыя его части получили толчекъ отъ самого внѣшняго тѣла. Но (по предположенію) тѣло было тогда приведено въ такое расположеніе, что душа воображала одновременно два тѣла. Такимъ образомъ она будетъ и теперь воображать два вмѣстѣ, и какъ только душа вообразитъ одно изъ нихъ, тотчасъ же вспомнить и о другомъ.

СХОЛІЯ.

Отсюда мы ясно понимаемъ, что такое *память*. Она есть не что иное, какъ нѣкоторое сцѣпленіе идей, содержащихъ въ себѣ природу вещей, находящихся внѣ человѣческаго тѣла, сцѣпленіе, которое совершается въ душѣ по порядку и сцѣпленію дѣйствій на человѣческое тѣло. Я говорю, *во-первыхъ*, что это есть сцѣпленіе только тѣхъ идей, которыя содержатъ въ себѣ природу вещей, находящихся внѣ человѣческаго тѣла, но не тѣхъ идей, которыя объясняютъ природу этихъ самыхъ вещей. Ибо въ дѣйствительности (*по пол. 16 этой части*) есть идеи дѣйствій на человѣческое тѣло, которыя заключаютъ въ себѣ какъ его природу, такъ и внѣшнихъ тѣлъ. Я говорю, *во-вторыхъ*, что это сцѣпленіе совершается по порядку и сцѣпленію дѣйствій на человѣческое тѣло, чтобы отличить его отъ той связи идей, которая образуется по порядку разума, по которому душа воспринимаетъ вещи по ихъ первымъ причинамъ и который во всѣхъ людяхъ одинаковъ. И далѣе изъ этого мы ясно понимаемъ, почему душа отъ мышленія объ одной вещи тотчасъ же переходитъ къ мышленію о другой, которая не имѣетъ никакого сходства съ первою; напр., отъ мышленія о словѣ *ротит* (яблоко) римлянинъ тотчасъ же переходитъ къ мышленію о самомъ плодѣ, который съ тѣмъ членораздѣльнымъ звукомъ не имѣетъ никакого сходства и ничего общаго, кромѣ того только, что тѣло одного и того же человѣка часто получало впечатлѣнія отъ этихъ двухъ предметовъ, т. е. что человѣкъ часто слышалъ слово *ротит* (яблоко), когда видѣлъ самый плодъ. И такимъ образомъ каждый отъ одной мысли переходитъ къ другой, смотря по тому, какъ привычка каждаго расположила въ его тѣлѣ образы вещей. Такъ напр., солдатъ, увидѣвъ на пескѣ слѣды лошади, тотчасъ же переходитъ отъ мысли о лошади къ мысли о всадникѣ, и отсюда къ мысли о войнѣ, и такъ далѣе. Земледѣлецъ

же отъ мысли о лошади перейдетъ къ мысли о плугѣ, полѣ, и такъ далѣе. И такимъ образомъ каждый, смотря по тому, привыкъ ли онъ соединять и сцѣплять образы вещей такимъ или инымъ образомъ, перейдетъ отъ одной мысли къ той или другой.

ПОЛОЖЕНІЕ XIX.

Душа человѣческая не познаетъ самаю человѣческаго тѣла и знаетъ о его существованіи не иначе, какъ посредствомъ идей тѣхъ впечатлѣній, которыя испытываетъ тѣло.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо человѣческая душа есть сама идея или познаніе человѣческаго тѣла (*по пол. 13 этой части*), каковая идея (*по пол. 9 этой части*) есть и въ Богѣ, поскольку онъ разсматривается испытывающимъ дѣйствіе другой идеи отдѣльной вещи; или, такъ какъ (*по пост. 4*) тѣло человѣческое нуждается въ весьма многихъ вещахъ, которыми оно какъ бы постоянно возрождается, а порядокъ и связь идей—то же (*по пол. 7 этой части*), что и порядокъ и связь причинъ, эта идея будетъ въ Богѣ, поскольку онъ разсматривается испытывающимъ дѣйствіе идей весьма многихъ отдѣльныхъ вещей. Итакъ, Богъ имѣетъ идею человѣческаго тѣла, или знаетъ человѣческое тѣло, поскольку онъ испытываетъ дѣйствіе весьма многихъ другихъ идей, а не поскольку онъ составляетъ природу человѣческой души; т. е. (*выв. пол. 11*) душа человѣческая не знаетъ человѣческаго тѣла. Но идеи испытываемыхъ тѣломъ впечатлѣній находятся въ Богѣ, поскольку онъ составляетъ природу человѣческой души, или поскольку человѣческая душа воспринимаетъ тѣ же впечатлѣнія (*по пол. 12 этой части*) и, слѣдовательно (*по пол. 16 этой части*), представляетъ само человѣческое тѣло, и притомъ (*пол. 17*) какъ дѣйствительно существующее. Итакъ ду-

ша человѣческая только такимъ путемъ познаетъ человѣческое тѣло,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ XX.

Въ Богѣ также находится идея или познание человѣческой души, каковая идея слѣдуетъ въ Богѣ такимъ же образомъ и относится къ Богу такимъ же образомъ, какъ и идея или познание человѣческаго тѣла.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Мышленіе есть атрибутъ Бога (*по пол. I этой части*); поэтому (*по пол. 3 этой части*) въ Богѣ необходимо должна быть идея какъ его самого, такъ и всѣхъ испытываемыхъ имъ впечатлѣній, а слѣдовательно (*по пол. II этой части*), также и идея человѣческаго духа. Далѣе, эта идея или знаніе человѣческаго духа, есть въ Богѣ, не поскольку онъ безконеченъ, но поскольку онъ испытываетъ дѣйствіе идеи другой частной вещи (*по пол. 9 этой части*). Но порядокъ и связь идей тѣ же, что порядокъ и связь причинъ (*по пол. 7 этой части*). Такимъ образомъ эта идея или познание души, слѣдуетъ въ Богѣ и относится къ Богу тѣмъ же способомъ, какъ и идея или познание тѣла,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ XXI.

Эта идея души такимъ же образомъ соединена съ душой, какъ сама душа соединена съ тѣломъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Что душа соединена съ тѣломъ, это мы доказали тѣмъ, что тѣло есть объектъ души (*см. пол. 12 и 13 этой части*); поэтому на томъ же самомъ основаніи идея души должна быть соединена съ своимъ объектомъ, т. е. съ самой душой, такимъ же образомъ, какъ сама душа соединена съ тѣломъ,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Это положеніе гораздо яснѣе можно понять изъ того, что сказано въ *схоліи пол. 7 этой части*. Ибо тамъ мы показали, что идея тѣла и тѣло, т. е. (*по пол. 13 этой части*) душа и тѣло составляютъ одинъ и тотъ же индивидуумъ, который представляется то подъ атрибутомъ мышленія, то подъ атрибутомъ протяженія. Потому-то идея души и самая душа суть одна и та же вещь, которая разсматривается подъ однимъ и тѣмъ же атрибутомъ мышленія. Идея души, говорю я, и сама душа вытекаютъ въ Богѣ съ одинаковою необходимостью изъ одной и той же способности мышленія. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, идея души, т. е. идея идеи есть не что иное, какъ форма идеи, поскольку она разсматривается, какъ состояніе мышленія, безъ отношенія къ объекту. Ибо коль скоро кто-нибудь знаетъ что-нибудь, то онъ тѣмъ самымъ знаетъ и о томъ, что онъ имѣетъ это знаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ знаетъ и то, что онъ знаетъ то, что онъ знаетъ, и т. д. въ безконечность. Но объ этомъ послѣ.

ПОЛОЖЕНІЕ XXII.

Душа человѣческая воспринимаетъ не только испытываемыя тѣломъ впечатлѣнія, но также и идеи этихъ впечатлѣній.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Идеи идей испытываемыхъ впечатлѣній слѣдуютъ въ Богѣ такимъ же образомъ и относятся къ Богу такимъ же образомъ, какъ и сами идеи испытываемыхъ впечатлѣній; это доказывается такимъ же способомъ, какъ и *положеніе 20 этой части*. Но идеи испытываемыхъ тѣломъ впечатлѣній находятся въ человѣческой душѣ (*по пол. 12 этой части*), т. е. (*по королл. пол. 11 этой части*) въ Богѣ, поскольку онъ составляетъ сущность человѣческой души. Итакъ, идеи этихъ идей будутъ въ Богѣ, поскольку онъ

имѣть познаніе или идею человѣческой души, т. е. (по пол. 21 этой части) въ самой человѣческой душѣ, которая поэтому воспринимаетъ не только испытываемыя тѣломъ впечатлѣнія, но и идею ихъ, — что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXIII.

Душа познаетъ саму себя лишь постольку, поскольку она воспринимаетъ идеи испытываемыхъ тѣломъ впечатлѣній.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Идея или познаніе души (по пол. 20 этой части) такимъ же образомъ слѣдуетъ въ Богѣ и такимъ же образомъ относится къ Богу, какъ и идея или познаніе тѣла. Но такъ какъ (по пол. 19 этой части) человѣческая душа не познаетъ самого человѣческаго тѣла, т. е. (по королл. пол. 11 этой части) такъ какъ познаніе человѣческаго тѣла не относится къ Богу, поскольку онъ составляетъ природу человѣческой души, то и познаніе души также не относится къ Богу, поскольку онъ составляетъ сущность человѣческой души; и поэтому (по королл. пол. 11 этой части) душа человѣческая въ этомъ смыслѣ не познаетъ саму себя. Затѣмъ идеи впечатлѣній, которымъ, подвергается тѣло, заключаютъ въ себѣ природу самого человѣческаго тѣла (по пол. 16 этой части), т. е. (по пол. 13 этой части) они согласны съ природою души. Посему познаніе этихъ идей необходимо заключаетъ въ себѣ познаніе души. Но (по предвид. пол.) познаніе этихъ идей находится въ самой человѣческой душѣ. Слѣдовательно, душа человѣческая лишь до этой степени знаетъ себя, — что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXIV.

Человѣческая душа не заключаетъ въ себѣ полного знанія частей, составляющихъ человѣческое тѣло.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Части, составляющія человѣческое тѣло, принадлежать къ сущности самого тѣла лишь настолько, насколько онѣ сообщаютъ другъ другу свои движенія какимъ-нибудь опредѣленнымъ образомъ (*см. опр. постъ королл. лемм. 3*), а не насколько онѣ могутъ разсматриваться какъ индивидуумы безъ отношенія къ человѣческому тѣлу. Ибо части человѣческаго тѣла (*по пост. 1*) суть весьма сложные индивидуумы, составныя части которыхъ (*по леммѣ 4*) могутъ выдѣляться изъ человѣческаго тѣла, нисколько не измѣняя его природы и формы, и могутъ сообщать свои движенія (*см. акс. 2 постъ леммы 3*) другимъ тѣламъ другимъ образомъ. Поэтому (*по пол. 3 этой части*) идея или знаніе каждой части находится въ Богѣ, и притомъ (*по пол. 9 этой части*) поскольку онъ разсматривается испытывающимъ дѣйствіе другой идеи отдѣльной вещи, а эта отдѣльная вещь по порядку природы предшествуетъ самой части (*по пол. 7 этой части*). То же самое нужно сказать и о каждой части индивидуума, составляющаго человѣческое тѣло. Поэтому знаніе каждой части, составляющей человѣческое тѣло, находится въ Богѣ, поскольку онъ испытываетъ дѣйствіе многихъ идей вещей, а не поскольку онъ имѣетъ только идею человѣческаго тѣла, т. е. (*по пол. 13 этой части*) идею, которая составляетъ природу человѣческой души. И потому (*по королл. пол. 11 этой части*) человѣческая душа не заключаетъ въ себѣ полного познанія частей, составляющихъ человѣческое тѣло, — что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXV.

Идея какою бы то ни было испытанная человѣческимъ тѣломъ впечатлѣнія не содержитъ въ себѣ полную познанія вѣншнюю тѣла.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Мы показали (см. пол. 16 этой части), что идея испытаннаго человѣческимъ тѣломъ впечатлѣнія заключаетъ въ себѣ природу внѣшняго тѣла постольку, поскольку внѣшнее тѣло опредѣляетъ извѣстнымъ образомъ само человѣческое тѣло. А такъ какъ внѣшнее тѣло есть индивидуумъ, который не относится къ человѣческому тѣлу, то идея или познаніе его находится въ Богѣ (по пол. 9 этой части), поскольку онъ разсматривается испытывшимъ дѣйствіе идеи другой вещи, каковая идея по природѣ (по пол. 7 этой части) предшествуетъ самому внѣшнему тѣлу. Поэтому въ Богѣ нѣтъ полнаго знанія внѣшняго тѣла, поскольку онъ имѣетъ идею испытаннаго человѣческимъ тѣломъ впечатлѣнія; другими словами, идея испытаннаго человѣческимъ тѣломъ впечатлѣнія не заключаетъ въ себѣ полнаго познанія внѣшняго тѣла, — что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXVI.

Человѣческая душа не воспринимаетъ никакого внѣшняго тѣла, какъ дѣйствительно существующаго, иначе, какъ только посредствомъ идей испытанныхъ отъ нея тѣломъ впечатлѣній.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Если какое-нибудь внѣшнее тѣло не обнаружило никакого дѣйствія на человѣческое тѣло, то (по пол. 7 этой части) и идея человѣческаго тѣла, т. е. (по пол. 13 этой части) человѣческая душа никакимъ образомъ не могла испытать на себѣ дѣйствіе идеи существованія этого тѣла, или никакимъ образомъ не можетъ воспринимать существованія этого внѣшняго тѣла. Но, поскольку человѣческое тѣло испытываетъ на себѣ какое-либо дѣйствіе внѣшняго тѣла, постольку (по пол. 16 этой части съ ея корол.) оно воспринимаетъ внѣшнее тѣло, — что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Поскольку человѣческая душа воображаетъ внѣшнее тѣло, постольку она полного познанія его не имѣетъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Когда человѣческая душа созерцаетъ внѣшнія тѣла посредствомъ идей впечатлѣній, испытанныхъ своимъ тѣломъ, тогда мы говоримъ, что она воображаетъ (см. *схолоію пол. 17 этой части*); и душа никакимъ другимъ образомъ (*по предъид. пол.*) не можетъ воображать внѣшнихъ тѣлъ дѣйствительно существующими. А поэтому (*по пол. 25 этой части*), по скольку душа воображаетъ внѣшнія тѣла, она не имѣетъ о нихъ полного познанія, — что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXVII.

Идея всякаго испытаннаго человѣческимъ тѣломъ впечатлѣнія не содержитъ въ себѣ полного познанія самого человѣческаго тѣла.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Всякая идея какого бы то ни было испытаннаго человѣческимъ тѣломъ впечатлѣнія содержитъ въ себѣ природу человѣческаго тѣла настолько, насколько само тѣло разсматривается подвергшимся какому-нибудь опредѣленному впечатлѣнію (см. *пол. 16 этой части*). Но поскольку человѣческое тѣло есть индивидуумъ, который можетъ подвергаться впечатлѣніямъ многими другими способами, то идея его и проч. См. *док. пол. 25 этой части*.

ПОЛОЖЕНІЕ XXVIII.

Идеи испытанныхъ человѣческимъ тѣломъ впечатлѣній, поскольку онѣ относятся лишь къ человѣческой душѣ, не бываютъ ясны и отчетливы, но спутанны.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо идеи испытанныхъ человѣческимъ тѣломъ впечатлѣній содержатъ въ себѣ какъ природу внѣшнихъ тѣлъ, такъ и природу самого человѣческаго тѣла (*по пол. 16 этой части*); и онѣ должны содержать въ себѣ природу не только человѣческаго тѣла, но также и его частей. Ибо испытанныя тѣломъ впечатлѣнія суть способы (*по пост. 3*), которыми измѣняются части человѣческаго тѣла, а слѣдовательно, и все тѣло. Но (*по пол. 24 и 25 этой части*) полное познаніе внѣшнихъ тѣлъ, также какъ и частей, составляющихъ человѣческое тѣло, находится въ Богѣ, не посколькѣ онъ разсматривается, подвергшимся дѣйствию человѣческой души, а посколькѣ подвергшимся дѣйствию другихъ идей. Слѣдовательно, подобныя идеи испытанныхъ впечатлѣній, посколькѣ онѣ относятся къ одной только человѣческой душѣ, представляются какъ бы заключеніями безъ посылокъ, т. е. (*какъ это ясно само собою*) суть идеи спутанныя,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Такимъ же образомъ доказывается, что идея, которая составляетъ природу человѣческой души, разсматриваемая сама въ себѣ, не ясна и не отчетлива; какъ и идея человѣческой души и идей испытанныхъ человѣческимъ тѣломъ впечатлѣній, посколькѣ онѣ относятся къ одной душѣ, что легко можетъ видѣть каждый.

ПОЛОЖЕНИЕ XXIX.

Идея идеи каждою испытаннаго человѣческимъ тѣломъ впечатлѣній не содержитъ въ себѣ полнаго познанія человѣческой души.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо идея испытаннаго человѣческимъ тѣломъ впечатлѣнія (*по пол. 27 этой части*) не заключаетъ въ себѣ

полнаго познанія самого тѣла, или не вполне выражаетъ его природу, т. е. *(по пол. 13 этой части)* не вполне согласуется съ природою души. Поэтому *(по акс. 6 части 1)* и идея этой идеи не выражаетъ вполне природы человеческой души, или не содержитъ въ себѣ полнаго ея познанія,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Изъ этого слѣдуетъ, что человеческая душа, когда она воспринимаетъ вещи по обыкновенному порядку природы, имѣетъ познаніе о самой себѣ, о своемъ тѣлѣ и о внѣшнихъ тѣлахъ не полное, но только спутанное и обрубленное. Ибо душа знаетъ саму себя лишь постольку, поскольку она воспринимаетъ идеи испытываемыхъ тѣломъ впечатлѣній *(по пол. 23 этой части)*. Тѣло же свое воспринимаетъ *(по пол. 19 этой части)* только посредствомъ тѣхъ же идей испытываемыхъ впечатлѣній, посредствомъ которыхъ она только *(по пол. 26 этой части)* и воспринимаетъ внѣшнія тѣла. Слѣдовательно, поскольку она имѣетъ эти идеи, она не имѣетъ полнаго познанія ни о себѣ самой *(по пол. 29 этой части)*, ни о своемъ тѣлѣ *(по пол. 27 этой части)*, ни о внѣшнихъ тѣлахъ *(по пол. 25 этой части)*, но имѣетъ лишь познаніе *(по пол. 28 этой части съ ея схоліей)* обрубленное и спутанное,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Я положительно говорю, что душа имѣетъ познаніе о себѣ самой, о своемъ тѣлѣ и о внѣшнихъ тѣлахъ не полное, а лишь спутанное, всякій разъ какъ она воспринимаетъ вещи по обыкновенному порядку природы, т. е. всякій разъ какъ она внѣшнимъ образомъ, именно случайною встрѣчею вещей, возбуждается къ созерцанію того или другого, а не тогда, когда она внутреннимъ образомъ, именно одновременнымъ созерцаніемъ многихъ вещей, возбуждается къ пониманію ихъ сходствъ, разли-

чій и противоположностей. Ибо всякій разъ какъ она располагается къ этому такимъ или другимъ внутреннимъ образомъ, она тогда представляетъ вещи ясно и отчетливо, какъ я покажу ниже.

ПОЛОЖЕНІЕ XXX.

Мы не можемъ имѣть о продолжительности существованія нашего тѣла никакою познанія, кромѣ очень неполнаго.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Продолжительность существованія нашего тѣла не зависитъ отъ его сущности (по акс. 1 этой части), ни даже отъ абсолютной природы Бога (по пол. 21 части 1); но оно (по пол. 28 части 1) опредѣляется къ дѣятельности и существованію такими причинами, которыя въ свою очередь опредѣлены къ существованію и дѣятельности извѣстнымъ и опредѣленнымъ образомъ другими, а эти опять другими, и такъ въ безконечность. Такимъ образомъ, продолжительность существованія нашего тѣла зависитъ отъ общаго порядка природы и отъ устройства вещей. Какимъ же образомъ устроены вещи, полное знаніе этого находится въ Богѣ, поскольку онъ имѣетъ идеи всѣхъ ихъ, а не поскольку имѣетъ лишь идею человѣческаго тѣла (по королл. пол. 9 этой части). Поэтому познаніе продолжительности существованія нашего тѣла находится въ Богѣ очень не полнымъ, поскольку онъ разсматривается составляющимъ природу человѣческаго духа, т. е. (по королл. пол. 11 этой части) это познаніе въ нашей душѣ очень неполно,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXI.

О продолжительности существованія отдѣльныхъ вещей, которыя находятся внѣ насъ, мы не можемъ имѣть никакой, кромѣ очень неполнаго познанія.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо каждая отдѣльная вещь, такъ же какъ и человѣческое тѣло, должна опредѣляться къ существованію и дѣятельности другою отдѣльною вещью извѣстнымъ и опредѣленнымъ образомъ, а эта опять другою, и такъ въ безконечность (*по пол. 28 части 1*). Но такъ какъ въ предъидущемъ положеніи мы доказали, что на основаніи общаго свойства отдѣльныхъ вещей мы не можемъ имѣть о продолжительности существованія нашего тѣла никакого, кромѣ очень неполнаго, познанія, то то же самое мы должны заключить и о продолжительности отдѣльныхъ вещей, т. е. что мы можемъ имѣть объ нихъ развѣ только очень неполное познаніе,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Изъ этого слѣдуетъ, что всѣ отдѣльныя вещи случайны и разрушимы. Ибо о продолжительности ихъ мы не можемъ имѣть никакого полнаго познанія (*по предъид. пол.*); а это и есть то, что мы должны разумѣть подъ случайностью вещей и возможностью ихъ разрушенія (*см. схол. 1 пол. 33 части 1*). Ибо (*по пол. 29 части 1*) кромѣ этого нѣтъ ничего случайнаго.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXII.

Всѣ идеи, поскольку онѣ относятся къ Богу, истинны.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо всѣ идеи, которыя находятся въ Богѣ, вполнѣ соотвѣтствуютъ своимъ предметамъ (*по королл. пол. 7 этой части*); поэтому (*по акс. 6 части 1*) всѣ онѣ истинны,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXIII.

Въ идеяхъ нѣтъ ничего положительнаго такого, ради чего ихъ называютъ ложными.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

* Если ты не согласенъ съ этимъ, то представь себѣ, если это можно, какой-нибудь положительный образъ мышленія, который составлялъ бы форму заблужденія или ложности. Такого образа мышленія не можетъ быть въ Богѣ (*по предъид. пол.*); а внѣ Бога онъ не можетъ существовать и не можетъ быть представленъ (*по пол. 15 части 1*). А поэтому въ идеяхъ не можетъ быть ничего положительнаго такого, ради чего онѣ называются ложными,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXIV.

Всякая идея, которая въ насъ абсолютна или полна и совершенна, есть истинна.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Когда мы говоримъ, что въ насъ есть полная и совершенная идея, то выражаемъ этимъ не что иное (*по королл. пол. 11 этой части*), какъ то, что въ Богѣ, поскольку онъ составляетъ сущность нашего духа, есть полная и совершенная идея и, слѣдовательно (*по пол. 32 этой части*), выражаемъ не что иное, какъ то, что такая идея истинна,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXV.

Ложность состоитъ въ недостаткѣ познанія, который свойственъ идеямъ неполнымъ или обрубленнымъ и спутаннымъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Въ идеяхъ нѣтъ ничего положительнаго, что составляло бы форму ложности (*по пол. 33 этой части*). Но ложность не можетъ состоять въ совершенномъ неимѣніи познанія (вѣдь о душахъ, а не о тѣлахъ говорится, что онѣ заблуждаются или ошибаются) и въ совершенномъ

незнаніи; ибо иное дѣло не знать, и иное—заблуждаться. Потому-то ложность состоитъ въ недостаткѣ познанія, который свойственъ неполному познанію вещей или неполнымъ и спутаннымъ идеямъ, — что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Въ (*схоліи пол. 17 этой части*) я объяснилъ, какимъ образомъ ошибка состоитъ въ недостаткѣ познанія. Но для бѣльшаго разъясненія этого дѣла я приведу примѣръ. Именно, люди ошибаются, когда считаютъ себя свободными; это мнѣніе состоитъ только въ томъ, что они сознаютъ свои дѣйствія, но не знаютъ причинъ, которыми они опредѣляются къ дѣйствіямъ. Слѣдовательно, идея объ ихъ свободѣ состоитъ въ томъ, что они не знаютъ никакой причины своихъ дѣйствій. Ибо, когда они говорятъ, что человѣческія дѣйствія зависятъ отъ воли, то это просто слова, съ которыми у нихъ не соединяется никакого понятія. Въ самомъ дѣлѣ, что такое воля и какимъ образомъ она приводитъ въ движеніе тѣло, этого никто не знаетъ; тѣ же, которые хвастаются знаніемъ этого и придумываютъ мѣстопробыванія и жилища души, обыкновенно вызываютъ или смѣхъ, или тошноту. Такъ, когда мы смотримъ на солнце, мы воображаемъ, что оно отстоитъ отъ насъ приблизительно футовъ на двѣсти. Такая ошибка состоитъ не въ одномъ только этомъ воображеніи, но и въ томъ, что мы, воображая его такимъ, не знаемъ его истиннаго разстоянія и причины такого нашего воображенія. Если же мы впослѣдствіи и узнаемъ, что оно отстоитъ отъ насъ болѣе чѣмъ на 600 земныхъ поперечниковъ, то все-таки будемъ воображать, что оно близко отъ насъ; ибо мы воображаемъ солнце близкимъ не потому, что не знаемъ его истиннаго разстоянія, но потому, что испытываемое нашимъ тѣломъ впечатлѣніе заключаетъ въ себѣ сущность солнца, поскольку само тѣло испытываетъ отъ него впечатлѣніе.

ПОЛОЖЕНИЕ XXXVI.

Идеи неполныя и спутанныя слѣдуютъ съ такою же необходимостью, какъ и полныя, т. е. Ясныя и отчетливыя.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Всѣ идеи находятся въ Богѣ (по пол. 15 части 1) и, поскольку относятся къ Богу, онѣ истинны (по пол. 32 этой части) и (по королл. пол. 7 этой части) полны; поэтому онѣ бываютъ неполными или смутными, лишь поскольку онѣ относятся къ отдѣльной душѣ какого-нибудь человѣка (объ этомъ см. пол. 24 и 28 этой части). Слѣдовательно, всѣ, какъ полныя, такъ и неполныя идеи (по королл. пол. 6 этой части) слѣдуютъ съ одинаковою необходимостью.

ПОЛОЖЕНИЕ XXXVII.

То, что обще всему (см. выше лемму 2) и что одинаково находится, какъ въ части, такъ и въ цѣломъ, не составляетъ сущности никакой отдѣльной вещи.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Если ты отрицаешь это, то представь себѣ, если можно, что оно составляетъ сущность какой-нибудь отдѣльной вещи, положимъ сущность В. Стало быть (по опред. 2 этой части), оно не можетъ безъ В ни существовать, ни быть представлено. Но это противно предположенію. Слѣдовательно, оно не принадлежитъ къ сущности В и не составляетъ сущности никакой отдѣльной вещи,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ XXXVIII.

То, что обще всему и что одинаково находится, какъ въ части, такъ и въ цѣломъ, не можетъ быть понято иначе, какъ вполне.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Положимъ, что А есть нѣчто, что обще всѣмъ тѣламъ и что одинаково находится, какъ въ части каждаго тѣла, такъ и въ цѣломъ. Я говорю, что А можетъ быть понято не иначе, какъ полно. И дѣйствительно, его идея (*по королл. пол. 7 этой части*) въ Богѣ необходимо будетъ полною, какъ поскольку онъ имѣетъ идею человѣческаго тѣла, такъ и поскольку онъ имѣетъ идеи испытываемыхъ имъ впечатлѣній, которыя (идеи) содержатъ въ себѣ (*по пол. 16, 55 и 27 этой части*) какъ природу человѣческаго тѣла, такъ отчасти и природу внѣшнихъ тѣлъ, т. е. (*по пол. 12 и 13 этой части*) эта идея необходимо будетъ въ Богѣ полною, поскольку онъ составляетъ человѣческую душу или поскольку имѣетъ идеи, которыя находятся въ человѣческой душѣ. Итакъ, душа (*по королл. пол. 11 этой части*) необходимо понимаетъ А полно, и притомъ, какъ поскольку она понимаетъ себя, такъ и поскольку она воспринимаетъ свое или какое-нибудь внѣшнее тѣло и А иначе не можетъ быть понимаемо,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРИЙ.

Изъ этого слѣдуетъ, что существуютъ нѣкоторыя идеи, или понятія, которыя общи всѣмъ людямъ. Ибо (*по леммѣ 2*) всѣ тѣла сходны въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, которыя (*по предвид. пол.*) всѣми должны быть понимаемы полно, т. е. ясно и раздѣльно.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXIX.

Что обще и свойственно человѣческому тѣлу и некоторымъ внѣшнимъ тѣламъ, обыкновенно дѣйствующимъ на человѣческое тѣло, и что одинаково находится, какъ въ части каждаго изъ этихъ тѣлъ, такъ и въ цѣломъ, того и идея будетъ въ душѣ полна.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Положимъ, А есть то, что обще и свойственно человеческому тѣлу и нѣкоторымъ внѣшнимъ тѣламъ, что одинаково находится какъ въ человеческомъ тѣлѣ, такъ и въ тѣхъ же внѣшнихъ тѣлахъ и что, наконецъ, одинаково находится, какъ въ части каждого внѣшняго тѣла, такъ и въ цѣломъ. Идея самого А въ Богѣ будетъ полна (*по королл. пол. 7 этой части*), какъ поскольку онъ имѣетъ идею человеческого тѣла, такъ и поскольку онъ имѣетъ идеи упомянутыхъ внѣшнихъ тѣлъ. Предположимъ, что внѣшнее тѣло производитъ дѣйствіе на человеческое тѣло тѣмъ, что оно имѣетъ общаго съ нимъ, т. е. посредствомъ А. Идея этого дѣйствія будетъ содержать въ себѣ свойство А (*по пол. 16 этой части*); а слѣдовательно (*по королл. пол. 7 этой части*), идея этого дѣйствія, поскольку она содержитъ свойство А, будетъ въ Богѣ полна, поскольку онъ испытываетъ дѣйствіе идеи человеческого тѣла, т. е. (*по пол. 13 этой части*) поскольку онъ составляетъ природу человеческой души. Стало быть (*по королл. пол. 11 этой части*), эта идея полна и въ человеческой душѣ,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРИЙ.

Изъ этого слѣдуетъ, что душа тѣмъ способнѣе воспринимать больше предметовъ вполнѣ, чѣмъ болѣе ея тѣло имѣетъ общаго съ другими тѣлами.

ПОЛОЖЕНІЕ XL.

Вся идея, вытекающая въ душу изъ идей, которыя въ ней полны, сами тоже полны.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это ясно. Ибо когда мы говоримъ, что въ человеческой душѣ идея вытекаетъ изъ идей, которыя въ ней полны, то выражаемъ этимъ не что другое, какъ то

(по королл. пол. 11 этой части), что въ самомъ божественномъ разумѣ есть идея, причина которой есть Богъ, не поскольку онъ безконеченъ и не поскольку онъ испытываетъ дѣйствіе идей многихъ отдѣльныхъ вещей, но лишь поскольку онъ составляетъ сущность человѣческаго духа.

СХОЛІА I.

Этимъ я объяснилъ причину понятій, которыя называются *общими* и которыя служатъ основаніями для нашихъ умозаключеній. Но есть еще другія причины нѣкоторыхъ аксіомъ или понятій, которыя слѣдовало бы объяснить по нашему методу. Изъ нихъ бы выяснилось, какія понятія полезнѣе другихъ и какія едва ли полезны; затѣмъ какія общи и какія ясны и отчетливы только для тѣхъ людей, которые не заражены предразсудками, и какія, наконецъ, имѣютъ плохія основанія. Кромѣ того, выяснилось бы, откуда берутъ начало тѣ понятія, которыя называются *вторичными* и, слѣдовательно, аксіомы, которыя на нихъ основываются, и многое другое, о чемъ я нѣкогда размышлялъ. Но такъ какъ я предназначилъ это для другого трактата, и чтобы не возбуждать скуки излишними подробностями объ этомъ предметѣ, я рѣшился не говорить здѣсь о немъ. Впрочемъ, чтобы не опустить того, что необходимо знать, я кратко скажу еще о причинахъ, отъ которыхъ берутъ свое начало термины, называемые *трансцендентальными*, каковы: *существо, вещь, ничто*. Эти термины происходятъ отъ того, что человѣческое тѣло, такъ какъ оно ограничено, способно отчетливо образовать въ себѣ одновременно только извѣстное число образовъ (*что такое образъ, я объяснилъ въ схоліи пол. 17 этой части*); если количество образовъ превышаетъ это число, то образы начинаютъ смѣшиваться; а если количество образовъ ужъ слишкомъ превышаетъ число образовъ, могущихъ отчетливо образоваться одновременно, то они всѣ совершенно смѣшиваются между собою. А если это такъ, то изъ королл. пол. 17 и пол. 18 этой части

явствуешь, что человѣческая душа можетъ вмѣстѣ вообразить отчетливо столько тѣлъ, сколько можетъ одновременно образоваться въ ея тѣлѣ образовъ. Но какъ только образы въ тѣлѣ совершенно смѣшиваются, то и душа будетъ воображать всѣ тѣла смѣшанно, безъ всякаго различенія ихъ, и представлять ихъ какъ бы подъ однимъ атрибутомъ, именно подъ атрибутомъ существа, вещи и проч. Можно это вывести также и изъ того, что образы не всегда одинаково сильны, и изъ другихъ аналогичскихъ причинъ, которыя объяснять здѣсь нѣтъ надобности; ибо для той цѣли, которую мы имѣемъ въ виду, намъ достаточно имѣть въ виду только одну. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ онѣ сводятся къ тому, что эти термины обозначаютъ идеи въ высшей степени спутанныя. Затѣмъ, изъ подобныхъ же причинъ произошли и тѣ понятія, которыя называются *общими*, каковы, напр., человѣкъ, лошадь, собака и проч. Именно, въ человѣческомъ тѣлѣ образуется одновременно столько образовъ, напр., людей, что они превышаютъ силу воображенія, если и не совершенно, то до такой степени, что душа не можетъ вообразить небольшихъ различій отдѣльныхъ лицъ (именно цвѣта каждаго изъ нихъ, величины и проч.) и ихъ опредѣленнаго числа, и отчетливо воображаетъ только то, въ чемъ они, поскольку человѣческое тѣло испытываетъ ихъ дѣйствіе, всѣ сходны между собою; ибо то особенно, что въ каждой отдѣльной вещи есть общаго, произвело на тѣло впечатлѣніе, и это-то душа выражаетъ названіемъ *человѣка* и придаетъ его безконечному множеству индивидуумовъ. Ибо, какъ мы сказали, душа не можетъ вообразить опредѣленнаго числа отдѣльныхъ вещей. Но нужно замѣтить, что эти понятія не всѣми образуются одинаковымъ образомъ, а у каждаго различны, смотря по той вещи, какая чаще дѣйствовала на тѣло, и которую душа легче воображаетъ или вспоминаетъ. Напр., кто чаще съ удивленіемъ разсматривалъ человѣческій станъ, тотъ подъ именемъ *человѣка* представляетъ животное прямо стоящее; кто же

привыкъ смотрѣть на него иначе, тотъ иначе составить для себя общій человѣческій образъ, наприм., что человѣкъ есть животное смѣющееся, двуногое, безъ перьевъ, разумное; и такимъ же образомъ во всемъ остальномъ каждый будетъ составлять общіе образы вещей, смотря по расположенію своего тѣла. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что между философами, которые желали объяснить естественныя вещи только одними образами вещей, возникло такъ много разногласій.

СХОЛІА II.

Изъ всего вышесказаннаго ясно видно, что мы многое воспринимаемъ и образуемъ общія понятія 1) изъ частныхъ, которыя чувства представляютъ уму въ извращенномъ, спутанномъ и безпорядочномъ видѣ (см. *королл. пол. 29 этой части*); и потому такія воспріятія я обыкновенно называю *познаніемъ изъ неяснаго опыта*. 2) Изъ признаковъ, напр., изъ того, что, слыша или читая какія-нибудь слова, мы вспоминаемъ о вещахъ и образуемъ о нихъ нѣкоторыя идеи, подобныя тѣмъ, посредствомъ которыхъ мы воображаемъ вещи (см. *схолію пол. 18 этой части*). Тотъ и другой способъ разсмотрѣнія вещей я буду называть дальше *познаніемъ перваго рода, мнѣніемъ или воображеніемъ*. 3) Наконецъ, изъ того, что мы имѣемъ общія понятія и полныя идеи о свойствахъ вещей (см. *королл. пол. 38 и 39 съ ея королл. и пол. до этой части*). Это я называю *разумомъ и познаніемъ втораго рода*. Кромѣ этихъ двухъ родовъ познанія, есть еще, какъ я покажу дальше, иной третій, который мы будемъ называть *интуитивнымъ знаніемъ*. И этотъ родъ познанія идетъ отъ полной идеи формальной сущности какихъ-нибудь атрибутовъ Бога къ полному познанію сущности вещей. Все это я объясню однимъ примѣромъ. Положимъ, даны три числа и требуется узнать четвертое, которое бы такъ относилось къ третьему, какъ второе къ первому. Купецъ, не задумываясь, помножить второе на третье и произведение раз-

дѣлать на четвертое, или потому, что онъ то, что слышалъ отъ учителя безъ всякаго доказательства, еще не забылъ, или потому, что онъ часто дѣлалъ этотъ опытъ съ самыми простыми числами, или же въ силу доказательства 19 положенія 7 книги элементовъ Эвклида, т. е. въ силу общаго свойства пропорцій. Но при самыхъ простыхъ числахъ не нужно ничего этого. Напр., когда даны числа 1, 2, 3, то всякій видитъ, что четвертое пропорциональное есть 6, и притомъ гораздо яснѣе, потому что изъ самаго отношенія перваго числа ко второму, которое мы видимъ однимъ созерцаніемъ, мы прямо выводимъ четвертое.

ПОЛОЖЕНІЕ ХLI.

Познаніе перваго рода есть единственная причина ложности, а второго и третьяго есть необходимо истинно.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Къ первому роду познанія, какъ мы сказали въ предыдущей схолиі, относятся всѣ тѣ идеи, которыя неполны и спутанны; а поэтому (по пол. 35 этой части) такое познаніе есть единственная причина ложности. Затѣмъ, къ познанію второго и третьяго рода, какъ мы сказали, относятся тѣ, которыя полны, а поэтому (по пол. 34 этой части) оно необходимо истинно,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ ХLII.

Познаніе второго и третьяго рода, но не перваго, учитъ насъ отличать истинное отъ ложнаго.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это положеніе ясно само собою. Ибо кто умѣетъ отличать истинное отъ ложнаго, тотъ долженъ имѣть полную идею истиннаго и ложнаго, т. е. (по схолиі 2 пол. 40 этой части) узнавать истинное и ложное по второму или третьему роду знанія.

ПОЛОЖЕНІЕ XLIII.

Кто имѣетъ истинную идею, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ знаетъ, что онъ имѣетъ истинную идею и не можетъ сомнѣваться въ истинѣ вещи.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Истинная идея въ насъ та, которая полна въ Богѣ, поскольку онъ выражается природою человѣческой души (*по королл. пол. 11 этой части*). Итакъ, положимъ, что въ Богѣ, поскольку онъ выражается природою человѣческой души, есть полная идея А. Въ Богѣ тогда необходимо должна быть и идея этой идеи, которая относится къ Богу такимъ же образомъ, какъ и идея А (*по пол. 20 этой части, доказательство котораго имѣетъ общій характеръ*). Но предполагается, что идея А относится къ Богу, поскольку онъ выражается природою человѣческой души; слѣдовательно и идея идеи А должна относиться къ Богу такимъ же образомъ, т. е. (*по тому же королл. пол. 11 этой части*) эта полная идея идеи А будетъ въ самой душѣ, которая имѣетъ полную идею А. Поэтому кто имѣетъ полную идею, или (*по пол. 34 этой части*) кто истинно знаетъ вещь, долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть полную идею или истинное познаніе своего познанія, т. е. (*какъ ясно само собою*) долженъ быть увѣренъ въ немъ,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Въ схоліи положенія 21 этой части я объяснилъ, что такое идея идеи. Но нужно замѣтить, что предшествующее положеніе достаточно ясно само по себѣ. Ибо всякій, кто имѣетъ истинную идею, знаетъ, что истинная идея заключаетъ въ себѣ высшую достовѣрность. Имѣть истинную идею значитъ не что иное, какъ совершенно или наилучшимъ образомъ знать вещь; и, конечно, никто не можетъ въ этомъ сомнѣваться, если онъ не думаетъ,

что идея есть нѣчто нѣмое, въ родѣ живописи на доскѣ, а не образъ мышленія, именно само пониманіе. И я спрашиваю, кто можетъ знать, что онъ понимаетъ какую-нибудь вещь, если онъ прежде не понимаетъ этой вещи? т. е. кто можетъ знать, что онъ увѣренъ въ какой-нибудь вещи, если онъ прежде не получилъ увѣренности въ ней? И далѣе, что такое можетъ быть яснѣе и достовѣрнѣе истинной идеи, что могло бы быть нормою истины? Конечно, какъ свѣтъ дѣлаетъ явнымъ себя самого и дѣлаетъ явную тьму, такъ и истина есть норма самой себя и того, что ложно. И я думаю, что этимъ я отвѣтилъ на слѣдующіе вопросы, а именно: если истинная идея отличается отъ ложной, лишь поскольку она признается согласной съ своимъ содержаніемъ, то истинная идея сравнительно съ ложною не имѣетъ болѣе реальности или совершенства (такъ какъ онѣ различаются только внутреннимъ наименованіемъ), и, слѣдовательно, человѣкъ, имѣющій истинныя идеи, не имѣетъ никакого преимущества передъ тѣмъ, который имѣетъ ложныя идеи. Далѣе, отчего происходитъ, что люди имѣютъ ложныя идеи? И наконецъ, почему кто-либо можетъ знать съ увѣренностью, что онъ имѣетъ идеи, которыя согласны съ своимъ содержаніемъ? Повторяю: на эти вопросы я уже, полагаю, отвѣтилъ. Ибо, что касается различія между истинною и ложною идеею, то изъ *положенія 35 этой части* явствуетъ, что первая относится ко второй, какъ существующее къ несуществующему; причины же ложности я весьма ясно показаль, начиная съ *положенія 19 до 35 съ ея схоліей*. Изъ нихъ видно, какая разница между человѣкомъ, имѣющимъ истинныя идеи, и человѣкомъ, который имѣетъ только ложныя. Что, наконецъ, касается послѣдняго, именно какъ человѣкъ можетъ знать, что онъ имѣетъ идею, которая согласна съ своимъ содержаніемъ, то я только-что предостаточно показаль, что это узнается лишь по тому одному, что онъ имѣетъ идею, которая согласна съ своимъ содержаніемъ, или что истина сама для себя слу-

жить нормою. Прибавь къ этому, что наша душа, поскольку она истинно воспринимаетъ вещь, есть часть безконечнаго разума Божія (*по королл. пол. 11 этой части*); и по тому-то такъ необходимо, чтобъ ясныя и отчетливыя идеи нашей души должны были быть столь же истинны, какъ и идеи Бога.

ПОЛОЖЕНИЕ XLIV.

Въ природѣ ума не лежитъ разсматривать вещи какъ случайныя, но какъ необходимыя.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Къ природѣ ума принадлежитъ воспринимать вещи истинно (*по пол. 14 этой части*), именно (*по акс. 6 части 1*) какъ онѣ суть въ себѣ, т. е. (*по пол. 29 части 1*) не какъ случайныя, но какъ необходимыя,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ I.

Отсюда слѣдуетъ, что это зависитъ только отъ воображенія, что мы представляемъ вещи случайными какъ относительно прошедшаго, такъ и относительно будущаго.

СХОЛІЯ.

Какимъ образомъ это происходитъ, я объясню кратко. Мы показали выше (*пол. 17 этой части съ его королл.*), что душа, хотя бы вещи и не существовали, можетъ однако всегда воображать ихъ присутствующими, если нѣтъ причинъ, которыя исключали бы ихъ присутствіе. Потомъ (*пол. 18 этой части*) мы показали, что если на человѣческое тѣло дѣйствовали одновременно два внѣшнія тѣла, то, когда душа впослѣдствіи вообразить одно изъ нихъ, немедленно вспомнить и другое, т. е. она будетъ созерцать передъ собой оба присутствующими, если

не встрѣтятся причинъ, которыя исключали бы ихъ присутствіе. Кромѣ того, никто не сомнѣвается въ томъ, что мы воображаемъ время именно по тому, что мы воображаемъ, что одни тѣла движутся медленнѣе или скорѣе другихъ или одинаково скоро. Итакъ, предположимъ, что мальчикъ, который вчера въ первый разъ утромъ увидѣлъ Петра, въ полдень увидѣлъ Павла и вечеромъ Симеона, а сегодня утромъ опять Петра. Изъ положенія 18 явствуетъ, что какъ только онъ видитъ утро, тотчасъ же вообразитъ солнце проходящимъ по той же части неба, въ которой онъ видѣлъ его въ предыдущій день, или вообразитъ весь день и вмѣстѣ съ утромъ будетъ воображать Петра, съ полднемъ Павла, а съ вечеромъ Симеона, т. е. существованіе Павла и Петра будетъ воображать съ отношеніемъ къ будущему времени; и напротивъ, если онъ вечеромъ увидитъ Симеона, то Павла и Петра отнесетъ къ прошедшему времени, т. е. будетъ воображать ихъ вмѣстѣ съ прошедшимъ временемъ; и это тѣмъ постояннѣе, чѣмъ чаще будетъ видѣть ихъ въ этомъ самомъ порядкѣ. Если же когда-нибудь случится, что онъ вечеромъ вмѣсто Симеона увидитъ Якова, тогда онъ на слѣдующее утро вмѣстѣ съ вечеромъ будетъ воображать то Симеона, то Якова, но не обоихъ вмѣстѣ. Ибо мы предполагаемъ, что онъ вечеромъ видѣлъ одного кого-нибудь изъ нихъ, а не обоихъ вмѣстѣ. Итакъ, его воображеніе будетъ колебаться и съ будущимъ вечеромъ будетъ воображать то того, то другого, т. е. ни того, ни другого навѣрное, но обоихъ будетъ представлять въ будущемъ случайно. И это колебаніе воображенія будетъ та кое же, если мы будемъ воображать вещи, которыя мы такимъ же образомъ разсматриваемъ съ отношеніемъ къ прошедшему или настоящему времени; и, слѣдовательно, вещи, отнесенныя какъ къ настоящему, такъ и къ прошедшему или будущему времени, мы будемъ воображать какъ случайныя.

КОРОЛЛАРІЙ II.

Къ природѣ ума принадлежитъ воспринимать вещи подъ какою-нибудь формою вѣчности.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Въ самомъ дѣлѣ, уму по его природѣ свойственно представлять вещи какъ необходимыя, а не какъ случайныя (*по предъид. пол.*). Но эту необходимость вещей (*по пол. 41 этой части*) онъ воспринимаетъ истинно, т. е. (*по акс. 6 части 1*) какъ она есть сама въ себѣ. Но (*по пол. 16 части 1*) эта необходимость вещей есть сама необходимость вѣчной природы Бога. Итакъ, уму, по его природѣ, свойственно представлять вещи подъ этою формою вѣчности. Прибавъ къ этому, что основы ума суть понятія (*по пол. 38 этой части*), которыя выражаютъ то, что обще всѣмъ вещамъ, и которыя (*по пол. 37 этой части*) не выражаютъ сущности никакой отдѣльной вещи, которыя, кромѣ того, должны быть представляемы безъ всякаго отношенія времени, но подъ какою-нибудь формою вѣчности,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XLV.

Всякая идея какою бы то ни было тѣла или отдѣльной вещи, дѣйствительно существующей, необходимо содержитъ въ себѣ вѣчную и безконечную сущность Бога.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Идея отдѣльной вещи, дѣйствительно существующей, необходимо содержитъ въ себѣ, какъ сущность, такъ и существованіе самой вещи (*по королл. пол. 8 части 1*). Но отдѣльныя вещи (*по пол. 15 части 1*) не могутъ быть представлены безъ Бога; и такъ какъ (*по пол. 6 этой части*) онъ имѣютъ причиной Бога, поскольку онъ разсматривается подъ атрибутомъ, котораго эти вещи суть состоянія, то идеи ихъ (*по акс. 4 части 1*) необходимо

должны содержать въ себѣ концептъ ихъ атрибута, т. е. (по *опр. 6 части 1*) вѣчную и безконечную сущность Бога,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Здѣсь подъ существованіемъ я не разумѣю продолжаемости, т. е. существованія, поскольку оно представляется абстрактно, и какъ бы нѣкоторый видъ количества. Ибо я говорю о самой природѣ существованія, которое приписывается отдѣльнымъ вещамъ потому, что онѣ вытекаютъ безконечными способами изъ вѣчной необходимости природы Бога (*см. пол. 16 части 1*). Я говорю о самомъ существованіи отдѣльныхъ вещей, поскольку онѣ сѣ въ Богѣ. Ибо хотя каждая изъ нихъ опредѣляется къ существованію извѣстнымъ образомъ другою отдѣльною вещью, однакоже сила, которою каждая вещь сохраняетъ существованіе, вытекаетъ изъ вѣчной необходимости природы Бога. *См. объ этомъ королл. пол. 24 части 1.*

ПОЛОЖЕНІЕ XLVI.

Познаніе вѣчной и безконечной сущности Бога, которую заключаетъ въ себѣ каждая идея, есть полное и совершенное.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Доказательство предъидущаго положенія имѣетъ общій характеръ и, разсматривается ли вещь какъ часть, или какъ цѣлое, идея ея какъ цѣлаго или какъ части (по *предъид. пол.*) заключаетъ въ себѣ вѣчную и безконечную сущность Бога. Поэтому-то, что даетъ познаніе вѣчной и безконечной сущности Бога, обще всѣмъ и одинаково какъ въ части, такъ и въ цѣломъ; и, слѣдовательно (по *пол. 38 этой части*), это познаніе будетъ полнымъ,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XLVII.

Человѣческая душа имѣетъ полное познаніе вѣчной и безконечной сущности Бога.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Человѣческая душа имѣетъ идеи (*по пол. 22 этой части*), изъ которыхъ она воспринимаетъ (*по пол. 23 этой части*) себя и свое тѣло (*по пол. 19 этой части*), равно какъ и внѣшнія тѣла (*по королл. 1 пол. 16 и пол. 17 этой части*), какъ дѣйствительно существующія; слѣдовательно (*по пол. 45 и 46 этой части*), имѣетъ полное познаніе вѣчной и безконечной сущности Бога, — что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Изъ этого мы видимъ, что безконечная сущность Бога и его вѣчность извѣстны всѣмъ. А такъ какъ все находится въ Богѣ и представляется посредствомъ Бога, то слѣдуетъ, что мы изъ этого познанія можемъ вывести многое, что мы знаемъ полно, и, значить, образовать тотъ третій родъ познанія, о которомъ мы говорили въ *схоліи 2 пол. 40 этой части*, и о превосходствѣ и пользѣ котораго мы будемъ говорить въ пятой части. Если же люди имѣютъ не такое ясное познаніе Бога, какъ общихъ понятій, то это происходитъ отъ того, что они не могутъ вообразить Бога, какъ воображаютъ тѣла, и что они прилагаютъ названіе *Бога* къ образамъ вещей, которыя они обыкновенно видятъ; а этого люди едва ли могутъ избѣжать, потому что на нихъ постоянно дѣйствуютъ внѣшнія тѣла. И дѣйствительно, большая часть ошибокъ состоитъ въ томъ именно, что мы неправильно прилагаемъ къ вещамъ названія. Когда, напр., кто-нибудь говорить, что линіи, идущія отъ центра круга къ его окружности, неравны, то онъ, конечно, по крайней мѣрѣ въ это время, понимаетъ подъ кругомъ нѣчто иное, чѣмъ математики.

Если люди ошибаются въ вычисленіи, то у нихъ бываютъ одни числа въ умѣ, а другія на бумагѣ. Поэтому если мы будемъ брать во вниманіе ихъ умъ, то они, конечно, не ошибаются; но они намъ кажутся ошибающимися потому, что мы думаемъ, что они и въ умѣ имѣютъ тѣ же числа, которыя стоятъ на бумагѣ. Если бы мы этого не думали, то и не считали бы ихъ ошибающимися, какъ я не счелъ ошибшимся человѣка, который недавно закричалъ при мнѣ, что его дворъ полетѣлъ на курицу сосѣда, потому, что я хорошо понималъ, что онъ хотѣлъ сказать. Но отсюда проистекаютъ многіе споры, потому именно, что люди невѣрно объясняютъ свою мысль, или потому, что дурно истолковываютъ мысль другого. Ибо, на самомъ дѣлѣ, когда они наиболѣе противорѣчатъ себѣ, то думаютъ или то же самое, или думаютъ другое, такъ что тѣ ошибки и нелѣпости, которыя они находятъ въ другомъ, не существуютъ.

ПОЛОЖЕНІЕ XLVIII.

Въ душѣ нѣтъ неограниченной или свободной воли, но душа къ желанію того или другою опредѣляется какою-нибудь причиною, которая въ свою очередь опредѣляется другою причиною, а эта опять другою, и такъ въ безконечность.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Душа есть извѣстное и опредѣленное состояніе мышленія (по пол. 11 этой части), и потому (по королл. 2 пол. 17 части 1) не можетъ быть свободною причиною своихъ дѣйствій, или не можетъ имѣть неограниченной способности желанія или нежеланія; но къ желанію того или другого (по пол. 28 части 1) должна опредѣляться какою-нибудь причиною, которая опредѣляется другою, а эта опять другою и проч.,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Такимъ же образомъ доказывается, что въ душѣ нѣтъ никакой неограниченной способности пониманія, желанія, любви и проч. Отсюда слѣдуетъ, что эти и подобныя способности суть или совершенно фиктивны, или же не что иное, какъ метафизическія или общія существа, которыя мы обыкновенно образуемъ изъ частныхъ; такъ что разумъ и воля такъ относятся къ той или другой идеѣ или къ тому и другому желанію, какъ *каменность* къ тому или другому камню, или какъ *человѣкъ* къ Петру и Павлу. Причину же, почему люди считаютъ себя свободными, мы объяснили въ *Приложеніи къ 1 части*. Но, прежде чѣмъ продолжать далѣе, слѣдуетъ замѣтить, что подъ волею я разумѣю *способность* утверждать и отрицать, а не желаніе; разумѣю, говорю я, способность, по которой душа утверждаетъ или отрицаетъ то, что истинно или ложно, а не желаніе, по которому душа стремится къ вещамъ или отвращается отъ нихъ. Но, послѣ того какъ мы доказали, что эти способности суть общія понятія, которыя не отличаются отъ отдѣльныхъ вещей, изъ которыхъ мы образуемъ ихъ, нужно изслѣдовать, дѣйствительно-ли желанія суть что-нибудь другое, а не самыя идеи вещей. Нужно, говорю я, изслѣдовать, есть ли въ душѣ другое какое-нибудь утвержденіе или отрицаніе, кромѣ того, которое содержитъ въ себѣ идея, поскольку она есть идея, о чемъ *см. слѣдующее положеніе и опредѣленіе 3 этой части*, чтобы мышленіе не впало въ картины. Ибо подъ идеями я разумѣю не образы, которые составляютъ въ глубинѣ глаза, или, если угодно, внутри головного мозга, но представленія (*conceptus*) мышленія.

ПОЛОЖЕНІЕ XLIX.

Въ душѣ нѣтъ никакого желанія или утвержденія и отрицанія, кромѣ того, которое заключаетъ въ себѣ идея, поскольку она есть идея.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Въ душѣ (*по предъид. пол.*) нѣтъ неограниченной способности желанія или нежеланія; но есть только отдѣльныя желанія, именно то или другое утвержденіе, то или другое отрицаніе. Итакъ, представимъ себѣ какое-нибудь отдѣльное желаніе, напр., то состояніе мышленія, по которому душа утверждаетъ, что три угла треугольника равны двумъ прямымъ. Это утвержденіе заключаетъ въ себѣ представленіе или идею треугольника, т. е. оно не можетъ быть представлено безъ идеи треугольника. Ибо это будетъ одно и то же, скажу ли я, что А должно содержать въ себѣ представленіе В, или что А не можетъ быть представлено безъ В. Далѣе, это утвержденіе (*по акс. 3 этой части*) также не можетъ быть безъ идеи треугольника. Итакъ, это утвержденіе не можетъ ни существовать, ни быть представлено безъ идеи треугольника. Затѣмъ, эта идея треугольника должна заключать въ себѣ это же утвержденіе, именно, что три его угла равняются двумъ прямымъ. Поэтому, и наоборотъ, эта идея треугольника не можетъ ни существовать, ни быть представлена безъ этого утвержденія; слѣдовательно (*по отр. 2 этой части*), это утвержденіе принадлежитъ къ сущности идеи треугольника и есть не что иное, какъ она сама. И что мы сказали объ этомъ желаніи (такъ какъ мы взяли его произвольно), то же должно сказать и о каждомъ желаніи, именно, что оно есть не что иное, какъ идея,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Воля и разумъ одно и то же.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Разумъ и воля не что иное, какъ сами отдѣльныя желанія и идеи (*по пол. 48 этой части и его схоліи*). Но отдѣльное желаніе и идея (*по предъид. пол.*) одно и то же.

Слѣдовательно, воля и разумъ одно и то же, — что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Этимъ мы устранили причину, которой обыкновенно приписываются ошибки. Выше мы показали, что ложность состоятъ въ недостаткѣ познанія, которымъ страдаютъ извращенныя и спутанныя идеи. Поэтому ложная идея, поскольку она ложна, не заключаетъ въ себѣ достовѣрности. Итакъ, когда мы говоримъ, что человѣкъ успокоился на чемъ-нибудь ложномъ и не сомнѣвается въ немъ, то говоримъ не то, что онъ увѣренъ въ немъ, но только то, что онъ не чувствуетъ сомнѣнія или что онъ успокоился на ложномъ потому, что не было причинъ, которыя заставляли бы его воображеніе колебаться (*см. объ этомъ схолю положенія 44 этой части*). Итакъ, какъ бы много, по нашему предположенію, человѣкъ ни держался ложнаго, мы все-таки никогда не скажемъ, что онъ увѣренъ въ немъ. Ибо подъ увѣренностью мы разумѣемъ нѣчто положительное (*см. пол. 43 этой части съ ея схолией*), а не отсутствіе сомнѣнія. Подъ отсутствіемъ же увѣренности мы разумѣемъ ложность. Но для большаго разъясненія предыдущаго положенія нужно сказать еще кое-что. Затѣмъ остается отвѣтить на возраженія, которыя могутъ быть приведены противъ нашего ученія. И наконецъ, для устраненія всякихъ сомнѣній, я счелъ стоящимъ труда показать нѣкоторыя выгоды этого ученія. Я говорю нѣкоторыя—потому, что главныя выгоды яснѣе будутъ поняты изъ того, что мы скажемъ въ части V.

Итакъ, я начну съ перваго, и предупреждаю читателей, чтобы они тщательно дѣлали различіе между идеей или представленіемъ (*conceptus*) души и образами вещей, которыя мы воображаемъ. Затѣмъ необходимо дѣлать различіе между идеями и словами, которыми мы обозначаемъ вещи. Ибо потому, что многіе или прямо смѣшиваютъ эти три вещи, т. е. образы, слова и идеи, или недо-

статочно старательно, или же недостаточно осторожно различаютъ ихъ, они не знаютъ совсѣмъ этого ученія о волѣ, которое однако необходимо знать какъ для умозрѣнія, такъ и для мудраго устроенія жизни. Въ самомъ дѣлѣ, кто думаетъ, что идеи состоятъ въ образахъ, которые образуются въ насъ вслѣдствіе движенія тѣлъ, тотъ убѣжденъ, что тѣ идеи вещей, составить подобнаго образа которыхъ мы не можемъ, не суть идеи, а лишь вымыслы, которые мы составляемъ по свободному произволу воли; стало быть, онъ смотритъ на идеи, какъ на нѣмыя изображенія на картинѣ, и, зараженный этимъ предразсудкомъ, не видитъ, что идея, поскольку она есть идея, включаетъ въ себѣ утвержденіе или отрицаніе. Далѣе тѣ, которые смѣшиваютъ слова съ идеей или съ самымъ утвержденіемъ, которое содержится въ идеѣ, думаютъ, что они могутъ желать противное тому, что они чувствуютъ, тогда какъ они только на словахъ утверждаютъ или отрицаютъ что-нибудь противное тому, что они чувствуютъ. Но этихъ предразсудковъ легко можетъ избѣжать тотъ, кто вникаетъ въ природу мышленія, которая вовсе не содержитъ въ себѣ представленія (*conceptus*) протяженія; и потому тотъ ясно пойметъ, что идея (такъ какъ она есть состояніе (*modus*) мышленія) не можетъ состоять ни въ образѣ какой-нибудь вещи, ни въ словахъ. Ибо сущность словъ и образовъ составляется одними тѣлесными движеніями, которыя вовсе не содержатъ представленія (*conceptus*) мышленія.

Этихъ немногихъ замѣчаній достаточно для этого предмета. Поэтому я перехожу къ упомянутымъ *возраженіямъ*. Изъ нихъ *первое* состоитъ въ томъ, что считаютъ несомнѣннымъ, что воля простирается дальше, чѣмъ разумъ, и потому она отлична отъ него. Основаніе же, почему думаютъ, что воля простирается дальше, чѣмъ разумъ, заключается въ томъ, что, какъ говорятъ эти люди, они знаютъ по опыту, что для того, чтобы соглашаться на безконечное множество другихъ вещей, которыхъ мы не

воспринимаемъ, намъ не нужно болѣе способности соглашаться или утверждать и отрицать противъ той, какую мы уже имѣемъ; но нужна большая способность пониманія. Слѣдовательно, воля отличается отъ разума тѣмъ, что онъ конеченъ, а она безконечна. *Во-вторыхъ*, намъ могутъ возразить, что опытъ, повидимому, самымъ яснымъ образомъ учить, что мы можемъ задерживать наше сужденіе, чтобы не соглашаться на вещи, которыя мы воспринимаемъ; что подтверждается также и тѣмъ, что ни о комъ не говорится, что онъ обманывается, поскольку онъ воспринимаетъ что-нибудь, но лишь поскольку онъ соглашается или не соглашается. Напр., кто воображаетъ крылатого коня, тотъ этимъ самымъ еще не соглашается, что существуетъ конь съ крыльями, т. е. онъ при этомъ не обманывается, если только вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не допускаетъ, что существуетъ крылатый конь. Итакъ опытъ, повидимому, яснѣйшимъ образомъ учить, что воля или способность соглашаться свободна и отлична отъ способности пониманія. *Въ-третьихъ*, могутъ возразить, что одно утвержденіе, повидимому, содержитъ не больше реальности, чѣмъ другое, т. е. намъ нужно, повидимому, не больше силы для того, чтобы утверждать какъ истинное то, что истинно, чѣмъ для того, чтобы утверждать какъ истинное нѣчто такое, что ложно. Но мы чувствуемъ, что одна идея имѣетъ больше реальности или совершенства, чѣмъ другая; ибо чѣмъ больше одни предметы совершенства передъ другими, тѣмъ и идеи ихъ совершеннѣе другихъ идей: изъ этого, повидимому, также открывается различіе между разумомъ и волею. *Въ-четвертыхъ*, могутъ возразить: если человѣкъ дѣйствуетъ не по свободѣ воли, то что произойдетъ, если онъ будетъ находиться въ равновѣсіи подобно ослицѣ Буридана? Ужели онъ погибнетъ отъ голода и жажды? Если я соглашусь съ этимъ, то буду казаться представляющимъ ослицу, или статую человѣка, а не человѣка; если же не соглашусь, то долженъ буду признать, что онъ самъ себя опредѣляетъ и, слѣдо-

вательно, имѣть способность ходить и дѣлать, что хочетъ. Кромѣ этихъ возраженій, могутъ быть, вѣроятно, сдѣланы и другія; но такъ какъ я не обязанъ разбирать все, что каждому можетъ взбрести на умъ, то я постараюсь отвѣтить только на эти возраженія и какъ можно кратче.— На *первое* возраженіе я скажу, что я согласенъ, что воля простирается дальше, чѣмъ разумъ, если подъ разумомъ понимать только ясныя и отчетливыя идеи; но я отрицаю, чтобы воля простиралась дальше, чѣмъ воспріятія или способность представленія. И я не понимаю, почему способность желанія скорѣе можетъ быть названа 'безконечною, чѣмъ способность чувствованія; ибо какъ мы можемъ утверждать безконечное множество вещей, одно впрочемъ послѣ другого, потому что безконечнаго множества вещей нельзя утверждать разомъ, тою же способностью желанія, такъ же точно мы можемъ ощущать или воспринимать безконечное множество тѣлъ (именно, одно послѣ другого) тою же способностью чувствованія. Если мнѣ скажутъ, что есть безконечное множество вещей, котораго мы не можемъ воспринимать, то я возражу, что мы его также не можемъ достигнуть никакимъ мышленіемъ и, слѣдовательно, никакою способностью желанія. Но скажутъ, что если бы Богъ захотѣлъ, чтобы мы воспринимали и это множество вещей, то онъ долженъ бы былъ дать намъ большую способность воспріятія, но не большую способность желанія, чѣмъ какую онъ далъ намъ. Это все равно, какъ если бы сказали, что когда бы Богъ захотѣлъ сдѣлать, чтобы мы понимали безконечное множество другихъ существъ, то онъ долженъ бы былъ дать намъ болѣе разумъ, но не болѣе общую, чѣмъ какую онъ далъ, идею существа, чтобы мы могли обнять это безконечное множество существъ. Ибо мы показали, что воля есть всеобщее существо или идея, которою мы выражаемъ отдѣльныя желанія, т. е. то, что обще имъ всѣмъ. И потому, когда эту общую идею всѣхъ желаній или всеобщую идею считаютъ способностью, то нѣтъ ничего удивительнаго,

если они говорятъ, что эта способность простирается дальше границъ разума, въ безконечность. Ибо всеобщее одинаково приложимо къ одному, къ многому и къ безконечному множеству индивидуумовъ. На *второе* возраженіе я отвѣчу, что я отрицаю, будто мы можемъ свободно задерживать наше сужденіе. Ибо когда мы говоримъ, что кто-нибудь задерживаетъ свое сужденіе, то мы этимъ говоримъ только то, что онъ видитъ, что онъ не вполне воспринимаетъ вещь. Итакъ, задержка сужденія есть на самомъ дѣлѣ воспріятіе, а не свободная воля. Чтобъ яснѣе понять это, предположимъ, что мальчикъ воображаетъ лошадь и не воспринимаетъ ничего другого. Такъ какъ это воображеніе содержитъ въ себѣ существованіе лошади (*по королл. пол. 17 этой части*), и мальчикъ не воспринимаетъ ничего, что уничтожало бы существованіе лошади, то онъ необходимо будетъ представлять лошадь присутствующею и не будетъ сомнѣваться въ ея существованіи, хотя и не будетъ увѣренъ въ немъ. Да это мы ежедневно испытываемъ въ сновидѣніяхъ, и я не полагаю, чтобы кто-нибудь думалъ, что при сновидѣніяхъ онъ имѣетъ свободную власть задерживать сужденія о томъ, что онъ видитъ во снѣ, или сдѣлать такъ, чтобы ему не снилось то, что снится; и тѣмъ не менѣе случается, что мы и во снѣ задерживаемъ сужденіе, именно, когда намъ снится, что мы видимъ сонъ. Далѣе, я согласенъ, что никто не обманывается, поскольку онъ воспринимаетъ, т. е. согласенъ, что образы воображенія въ душѣ, разсматриваемые сами по себѣ, не заключаютъ въ себѣ ошибки (*см. схолию пол. 17 этой части*); но я отрицаю, чтобъ человѣкъ ничего не утверждалъ, поскольку онъ воспринимаетъ. Ибо что значитъ воспринимать крылатого коня, какъ не утверждать о конѣ, что онъ имѣетъ крылья? Ибо если душа не воспринимаетъ ничего другого, кромѣ крылатого коня, то она будетъ представлять его присущимъ себѣ и не будетъ имѣть ни причины сомнѣваться въ его существованіи, ни способности не соглашаться, если только во-

ображеніе крылатаго коня не соединено съ идеей, которая уничтожаетъ существованіе этого коня, или если она воспринимаетъ, что ея идея крылатаго коня неполна, и тогда она или будетъ необходимо отрицать существованіе такого коня, или необходимо будетъ въ немъ сомнѣваться. Этимъ, по моему мнѣнію, я отвѣтилъ и на *третье* возраженіе, именно, что воля есть нѣчто всеобщее, что приложимо ко всѣмъ идеямъ, и что она означаетъ только то, что обще всѣмъ идеямъ, именно утвержденіе, котораго полная сущность, поскольку она представляется абстрактно, должна находиться въ каждой идеѣ и въ этомъ только отношеніи одна и та же во всѣхъ, а не поскольку воля разсматривается, какъ составляющая сущность какой-либо идеи; ибо въ этомъ смыслѣ отдѣльныя утвержденія столь же различны между собою, какъ и самыя идеи. Напр., утвержденіе, которое содержится въ идеѣ круга, такъ же отлично отъ утвержденія, содержащагося въ идеѣ треугольника, какъ сама идея круга отлична отъ идеи треугольника. Затѣмъ я безусловно отрицаю, чтобы намъ нужна была одинаковая сила мышленія, какъ для утвержденія истиннымъ того, что истинно, такъ и для утвержденія истиннымъ того, что ложно. Ибо эти два утвержденія, если посмотрѣть на душу, относятся между собою какъ бытіе и небытіе; въ самомъ дѣлѣ, въ идеяхъ нѣтъ ничего положительнаго, что составляло бы форму лжи (см. пол. 35 этой части съ ея схоліей и схол. пол. 47 этой части). Поэтому здѣсь нужно обратить особенное вниманіе на то, какъ мы легко обманываемся, когда смѣшиваемъ общее съ частнымъ и существа мыслимыя и отвлеченныя съ реальными. Что касается, наконецъ, до *четвертаго* возраженія, то я говорю, что я вполне согласенъ, что человѣкъ, поставленный въ такое состояніи равновѣсія (именно когда онъ чувствуетъ жажду и голодъ и видитъ пищу и питье, которыя находятся отъ него въ одинаковомъ разстояніи), умереть отъ голода и жажды. Если же меня спросятъ, не слѣдуетъ ли такого человѣка

считать скорѣе осломъ, чѣмъ человѣкомъ, то я скажу, что не знаю, такъ же какъ я не знаю, чѣмъ нужно считать того, кто надѣваетъ себѣ петлю на шею и какъ нужно смотрѣть на мальчишекъ, дураковъ, безумныхъ и проч.

Остается, наконецъ, показать, какъ много знаніе этого ученія полезно для жизни, что легко видѣть изъ слѣдующаго. I. Оно учитъ насъ, что мы дѣйствуемъ только по мановенію Бога, и причастны божественной природѣ, и притомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ совершеннѣе наши дѣйствія и чѣмъ болѣе мы познаемъ Бога. Слѣдовательно, это ученіе, кромѣ того, что всячески успокаиваетъ душу, заключаетъ въ себѣ еще то, что оно учитъ насъ, въ чемъ состоитъ наше высшее счастіе или блаженство, именно въ одномъ познаніи Бога, которое побуждаетъ насъ поступать только такъ, какъ внушаетъ любовь и благочестіе. Изъ этого мы ясно понимаемъ, до какой степени уклоняются отъ истинной оцѣнки добродѣтели тѣ, которые за добродѣтель и за прекрасныя дѣйствія, какъ бы за величайшее рабство, ожидаютъ, что Богъ украситъ ихъ высочайшими наградами, какъ будто сама добродѣтель и служеніе Богу еще не составляютъ настоящаго счастія и высшей свободы. II. Оно учитъ насъ, какъ мы должны вести себя въ дѣлахъ судьбы, иначе въ тѣхъ, которыя не въ нашей власти, т. е. въ дѣлахъ, которыя не вытекаютъ изъ нашей природы: именно, мы должны съ одинаковымъ настроеніемъ ожидать и переносить и то и другое лицо судьбы, такъ какъ все съ одинаковою необходимостью вытекаетъ изъ вѣчнаго опредѣленія божія, совершенно такъ же, какъ изъ сущности треугольника вытекаетъ, что три его угла равны двумъ прямымъ. III. Это ученіе полезно для общественной жизни, поскольку оно учитъ ни къ кому не питать ненависти, никого не презирать, не раздражать, ни на кого не гнѣваться, никому не завидовать; кромѣ того, поскольку оно учитъ, что каждый долженъ быть доволенъ своимъ и помогать ближнему, не по женскому

сердоболію, пристрастію или суевѣрію, но единственно по руководству разсудка, т. е. смотря по тому, какъ того требуютъ время и обстоятельства, что я покажу въ третьей части. IV. Наконецъ, это ученіе полезно для гражданскаго общества, поскольку оно учить, какимъ образомъ граждане должны управляться и вести себя, именно, чтобы они не были рабами, но свободно исполняли то, что есть наилучшее. И этимъ я исполнилъ все, что предполагалъ въ этой схоліи, и потому заканчиваю здѣсь нашу вторую часть. Я думаю, что въ ней природу человѣческой души и ея свойства я изложилъ довольно подробно и, насколько позволяла сущность предмета, довольно ясно, причемъ передалъ нѣчто такое, изъ чего можно вывести много прекраснаго, очень полезнаго и такого, что необходимо знать, какъ это отчасти видно будетъ изъ послѣдующаго.

Э Т И К И

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ПРИРОДѢ АФФЕКТОВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Многіе, писавшіе объ аффектахъ и объ образѣ жизни людей, разсуждаютъ о нихъ, повидимому, не какъ объ естественныхъ вещахъ, которыя слѣдуютъ общимъ законамъ природы, но какъ о вещахъ, которыя находятся внѣ природы; и даже, повидимому, представляютъ себѣ человѣка въ природѣ какъ бы государство въ государствѣ. Ибо они думаютъ, что человѣкъ скорѣе возмущаетъ порядокъ природы, чѣмъ слѣдуетъ ему, что онъ имѣетъ въ своихъ дѣйствіяхъ неограниченную свободу и опредѣляется только самъ собою и ничѣмъ другимъ. Далѣе, причину человѣческаго безсилія и непостоянства они приписываютъ не общему свойству природы, но какому-то поврежденію человѣческой природы, которую поэтому они оплакиваютъ, осмѣиваютъ, презираютъ, или же, что бываетъ чаще, чувствуютъ къ ней отвращеніе; и кто умѣетъ краснорѣчивѣе и остроумнѣе изображать безсиліе человѣческаго духа, тотъ считается какъ бы божественнымъ. Однако не было недостатка и въ отличнѣйшихъ мужахъ (труду и усердію которыхъ мы признаемъ себя обязанными многимъ), которые написали много прекраснаго о правильномъ образѣ жизни людей и дали смертнымъ совѣты, полные благоразумія: но истинной природы и силы аффектовъ и того, что можетъ сдѣлать душа для того, чтобы умѣрять ихъ, насколько мнѣ извѣстно, не опредѣлилъ никто. Я знаю, конечно, что знаменитый Декартъ, хотя онъ и

думалъ, что душа имѣетъ неограниченную власть надъ своими дѣйствіями, старался однако объяснить человѣческіе аффекты ихъ первыми причинами и вмѣстѣ показать путь, какимъ душа можетъ имѣть неограниченную власть надъ аффектами; но, по моему мнѣнію, онъ при этомъ ничего не обнаружилъ, кромѣ проникаемости своего ума, какъ я докажу это въ своемъ мѣстѣ. А я хочу теперь возвратиться къ тѣмъ, которые желаютъ лучше осмѣивать и презирать человѣческіе аффекты и дѣйствія, чѣмъ понимать ихъ. Имъ, безъ сомнѣнія, покажется страннымъ, что я собираюсь трактовать о порокахъ и безразсудствахъ людей геометрическимъ методомъ и хочу извѣстнымъ образомъ объяснить то, о чемъ они кричатъ, что оно противно разсудку, что оно суетно, нелѣпо и отвратительно. Но я имѣю для этого слѣдующее основаніе. Въ природѣ нѣтъ ничего, что можно было бы приписать ея несовершенству; ибо она всегда и вездѣ одна и та же, и ея сила и способность дѣйствія всегда одинакова; т. е. законы и правила природы, по которымъ все совершается и измѣняется изъ однихъ формъ въ другія, всегда и вездѣ одни и тѣ же, и поэтому существуетъ только одинъ способъ понять природу всякихъ вещей, именно посредствомъ общихъ законовъ и правилъ природы. Такимъ образомъ, аффекты ненависти, гнѣва, зависти и проч., разсматриваемые сами въ себѣ, вытекаютъ изъ такой же необходимости и силы природы, какъ и остальные отдѣльныя вещи; и поэтому они указываютъ на извѣстныя причины, при помощи которыхъ они могутъ быть поняты, и имѣютъ извѣстныя свойства, столь же достойныя нашего познанія, какъ и свойства всякой другой вещи, однимъ созерцаніемъ которой мы наслаждаемся. Итакъ, я буду изслѣдовать природу и силу аффектовъ по тому же методу, какого я держался въ предшествующихъ частяхъ о Богѣ и душѣ, и человѣческія дѣйствія и стремленія буду разсматривать такъ, какъ если бы дѣло шло о линіяхъ, плоскостяхъ или о тѣлахъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ.

¹ I. *Полною* (adaequata) *причиною* я называю ту, дѣйствіе которой можетъ быть понято ясно и отчетливо посредствомъ ея же самой. *Неполною же* или *частною* я называю ту, дѣйствіе которой не можетъ быть понято посредствомъ ея одной.

II. Я говорю, что мы *дѣйствуемъ*, тогда, когда въ насъ или внѣ насъ совершается нѣчто, полную причину чего составляемъ мы, т. е. (*по предъид. опред.*) когда въ насъ или внѣ насъ вытекаетъ изъ нашей природы нѣчто такое, что только посредствомъ ея можетъ быть понято ясно и отчетливо. И напротивъ, я говорю, что мы *страдаемъ*, тогда, когда въ насъ совершается нѣчто, или изъ нашей природы вытекаетъ нѣчто, чего мы составляемъ только частную причину.

III. Подъ *аффектомъ* я разумѣю испытываемыя тѣломъ ощущенія, которыми способность дѣйствія нашего тѣла увеличивается или уменьшается, усиливается или задерживается, и вмѣстѣ съ тѣмъ идеи этихъ ощущеній.

Итакъ, если мы можемъ быть полною причиною какою-нибудь изъ этихъ испытываемыхъ нами ощущеній, тогда подъ аффектомъ я разумѣю дѣйствіе, а въ другихъ случаяхъ—страсть.

ПОСТУЛАТЫ.

I. Тѣло человѣческое можетъ испытывать различныя ощущенія, которыя увеличиваютъ или уменьшаютъ способность его къ дѣятельности, а также и другія, которыя не дѣлаютъ этой способности ни большею, ни меньшею.

Этотъ постулатъ или аксіома основывается на постулатахъ I и II и леммахъ 5 и 7, которые см. послѣ положенія 13 части II.

II. Тѣло человѣческое можетъ претерпѣвать многія измѣненія и тѣмъ не менѣе сохранять впечатлѣнія или слѣды предметовъ (*о чемъ см. постул. 5 части II*) и, слѣдовательно, тѣ же самые образы вещей; *опредѣленіе ихъ см. въ схолии пол. 17 части II.*

ПОЛОЖЕНІЕ I.

Наша душа въ однихъ случаяхъ дѣйствуетъ, въ другихъ страдаетъ; именно, поскольку она имѣетъ полныя идеи,

постольку она необходимо извѣстнымъ образомъ дѣйствуетъ, а поскольку она имѣетъ неполныя идеи, постольку она необходимо что-либо претерпѣваетъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Идеи каждой человѣческой души инья полны, а инья неполны и спутанны (*по схол. пол. до части 11*). Идеи же, которыя въ чьей-нибудь душѣ полны, полны въ Богѣ, поскольку онъ составляетъ сущность этой души (*по королл. пол. 11 части 11*); а тѣ, которыя въ душѣ неполны, въ Богѣ также полны (*по тому же королл.*), не поскольку онъ содержитъ въ себѣ сущность только этой души, но и поскольку онъ содержитъ въ себѣ въ то же время и души другихъ вещей. Далѣе, изъ каждой данной идеи необходимо должно вытекать какое-нибудь дѣйствіе (*по пол. 36 части 1*), полная причина котораго есть Богъ (*см. опр. 1 этой части*), не поскольку онъ безконеченъ, но поскольку онъ разсматривается испытывающимъ дѣйствіе этой данной идеи (*см. пол. 9 части 11*). Но для того дѣйствія, причина котораго есть Богъ, поскольку онъ испытываетъ дѣйствіе идеи, которая въ чьей-нибудь душѣ полна, та же самая душа служить полною причиною (*по королл. пол. 11 части 11*). Слѣдовательно, душа наша (*по опр. 2 этой части*), поскольку она имѣетъ полныя идеи, необходимо въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствуетъ; это первое. Затѣмъ, всего, что необходимо вытекаетъ изъ идеи, которая полна въ Богѣ, не поскольку онъ имѣетъ въ себѣ душу одного лишь человѣка, но поскольку онъ вмѣстѣ съ душой этого человѣка содержитъ въ себѣ души и другихъ вещей, всего того (*по тому же королл. 11 части 11*) душа этого человѣка есть не полная причина, а только частная. Поэтому (*по опр. 2 этой части*) душа, поскольку она имѣетъ неполныя идеи, необходимо что-либо претерпѣваетъ; это второе. Итакъ, душа наша и т. д., — что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Изъ этого слѣдуетъ, что душа тѣмъ болѣе подвержена страстямъ, чѣмъ больше имѣетъ неполныхъ идей, и, напротивъ, тѣмъ больше дѣйствуетъ, чѣмъ больше имѣетъ идей полныхъ.

ПОЛОЖЕНІЕ II.

Ни тѣло не можетъ опредѣлить души къ мышленію, ни душа тѣла къ движенію или къ покою или къ чему-нибудь другому (если есть что-нибудь такое).

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Всѣ состоянія (модусы) мышленія имѣютъ причиной Бога, поскольку онъ есть вещь мыслящая, а не поскольку онъ выражается другимъ атрибутомъ (*по пол. 6 части II*). Слѣдовательно, то, что опредѣляетъ душу къ мышленію, есть модусъ мышленія, а не протяженія, т. е. (*по опр. 1 части II*) не есть тѣло; это первое. Далѣе, движеніе и покой должны происходить отъ другого тѣла, которое было опредѣлено къ движенію или покою другимъ тѣломъ, и вообще, все, что совершается въ тѣлѣ, должно было произойти отъ Бога, поскольку онъ разсматривается испытывающимъ дѣйствіе какого-нибудь модуса протяженія, а не какого-нибудь модуса мышленія (*по тому же пол. 6, части II*), т. е. отъ души, которая (*по пол. II части II*) есть состояніе (модусъ) мышленія, оно происходит не можетъ; это второе. Итакъ, ни тѣло душу и т. д.,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Это еще яснѣе можно понять изъ того, что сказано въ *схоліи положенія 7 части II*, именно, что душа и тѣло одна и та же вещь, которая разсматривается то подъ атрибутомъ мышленія, то подъ атрибутомъ протяженія. Изъ этого слѣдуетъ, что порядокъ или сѣпле-

ніе вещей—одно, разсматривается ли природа подъ тѣмъ или подъ другимъ атрибутомъ, и, слѣдовательно, порядокъ дѣйствій и страстей нашего тѣла по природѣ существуетъ вмѣстѣ съ порядкомъ дѣйствій и страстей души. Это также явствуетъ изъ способа, какимъ мы доказали *положеніе 12 части 11*. Но хотя дѣло таково, что не остается никакого основанія для сомнѣнія, я все-таки думаю, что люди едва ли станутъ спокойно обсуждать этотъ предметъ, если я не подтверждаю его опытомъ: до такой степени они твердо убѣждены, что тѣло по одному мановенію души то движется, то приходитъ въ покой и дѣлаетъ весьма многое, что зависитъ только отъ воли души и отъ искусства изобрѣтенія! Но на самомъ дѣлѣ до сихъ поръ никто еще не опредѣлилъ, что въ состояніи дѣлать тѣло, т. е. никто не узналъ изъ опыта того, что тѣло можетъ дѣлать только по законамъ природы, поскольку она разсматривается лишь какъ тѣлесная, и чего не можетъ сдѣлать, если не опредѣляется душою. Ибо до сихъ поръ никто не изучилъ устройства тѣла такъ тщательно, чтобы могъ объяснить всѣ его функціи, не говоря уже о томъ, что и у животныхъ наблюдается многое, что далеко превышаетъ человѣческую проницательность, и что лунатики дѣлаютъ во время сна многое, на что они не рѣшились бы въ бодрственномъ состояніи; это ясно показываетъ, что само тѣло по однимъ только законамъ природы можетъ дѣлать многое, чему удивляется его душа. Далѣе, никто не знаетъ, какимъ образомъ и какими средствами душа движетъ тѣло, какую степень движенія можетъ сообщить тѣлу и съ какою скоростью можетъ двигать его. Поэтому, когда люди говорятъ, что то или другое дѣйствіе тѣла происходитъ отъ души, которая имѣетъ власть надъ тѣломъ, то они сами не знаютъ, что они говорятъ, и дѣлаютъ не что иное, какъ въ красивыхъ словахъ сознаются въ томъ, что они не знаютъ истинной причины этихъ дѣйствій и даже не удивляются этому. На это возражать, что знаютъ они или не знаютъ,

какими средствами душа движетъ тѣло, однако они знаютъ по опыту, что если бы душа человѣческая была неспособна къ мышленію, то и тѣло было бы недѣтельно; далѣе, они знаютъ изъ опыта, что во власти только души какъ молчать, такъ и говорить, и многое другое, что по ихъ мнѣнію зависитъ отъ рѣшенія души. Но что касается перваго, то я спрошу ихъ, не показываетъ ли нашъ опытъ также и того, что и наоборотъ, когда тѣло бываетъ недѣтельнымъ, то и душа вмѣстѣ съ этимъ бываетъ неспособна къ мышленію? Ибо когда тѣло покоится во время сна, то и душа вмѣстѣ съ нимъ спитъ и не имѣетъ способности къ измышленію, какъ когда она находится въ бодрственномъ состояніи. Далѣе, я думаю, всѣ знаютъ по опыту, что душа не всегда одинаково способна къ мышленію объ одномъ и томъ же предметѣ; но сообразно съ тѣмъ, какъ тѣло бываетъ болѣе способно къ тому, чтобы въ немъ возбудился образъ того или другого предмета, и душа бываетъ болѣе способна къ созерцанію того или другого предмета. Но скажутъ, изъ однихъ законовъ природы, поскольку она разсматривается лишь какъ тѣлесная, не могутъ быть выведены причины зданій, картинъ и другихъ предметовъ подобнаго рода, которые производятся лишь человѣческимъ искусствомъ, и человѣческое дѣло было бы не въ состояніи построить какой-нибудь храмъ, если бы оно не опредѣлялось и не руководилось душою. Но я уже показалъ, что эти люди сами не знаютъ, что можетъ дѣлать тѣло, и что можетъ быть выведено изъ одного созерцанія законовъ самой природы, равно какъ и то, что имъ самимъ извѣстно изъ опыта, что по однимъ только законамъ природы совершается много такого, что по ихъ мнѣнію никогда бы не могло совершиться иначе, какъ по: руководству души, каково напр. то, что дѣлаютъ во снѣ лунатики, и чему они сами удивляются, находясь въ бодрственномъ состояніи. Къ этому я прибавлю здѣсь, что устройство самого тѣла далеко превосходитъ все, что сдѣлано человѣческимъ

искусствомъ, не говоря уже о томъ, что я выше доказалъ, что изъ природы, подъ какимъ бы атрибутомъ ее ни разсматривать, вытекаетъ безконечное множество вещей. Что же касается второго возраженія, то человѣческія дѣла были бы гораздо счастливѣе, если бы во власти человѣка одинаково было какъ молчать, такъ и говорить. Но опытъ болѣе, чѣмъ достаточно, показываетъ, что люди ни надъ чѣмъ не имѣютъ такъ мало власти, какъ надъ языкомъ *), и такъ же мало могутъ умѣрить его, какъ свои позывы. Поэтому многіе думаютъ, что мы дѣлаемъ свободно только то, чего мы желаемъ не сильно, такъ какъ позывъ къ этимъ вещамъ легко можетъ быть побужденъ воспоминаніемъ о другой вещи, о которой мы часто воспоминаемъ; но это невозможно относительно того, чего мы желаемъ съ сильнымъ аффектомъ, котораго не можетъ ослабить воспоминаніе о другой вещи. Но еслибъ они не знали, что мы дѣлаемъ многое, въ чемъ послѣ раскаиваемся, и что мы часто, именно когда обураваемся противоположными аффектами, видимъ лучшее, а слѣдуемъ худшему **), то ничто не мѣшало бы имъ думать, что мы во всемъ дѣйствуемъ свободно. Такъ ребенокъ думаетъ, что онъ свободно желаетъ молока, а разсерженный мальчикъ, что онъ хочетъ мести, и трусъ, что онъ хочетъ бѣжать. Такимъ же образомъ пьяный думаетъ, что онъ по свободному рѣшенію души говоритъ то, о чемъ онъ потомъ въ трезвомъ видѣ желалъ бы, чтобъ онъ умолчалъ. Такъ помѣшанный, болтунъ, ребенокъ и многіе подобнаго сорта люди думаютъ, что они говорятъ по свободному рѣшенію души, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они не могутъ сдерживать своего порыва говорить; такъ что самъ опытъ не менѣе ясно, чѣмъ разсудокъ, учитъ, что люди только потому считаютъ себя свободными, что

*) Посл. Іакова III, 8. Τὴν γλῶσσαν οὐδεὶς δύναται ἀνθρώπων διαρῆσαι. (Никто изъ людей не можетъ укротить языкъ).

**) Слова изъ Овидіевыхъ *Метам.* 7, 20 слд. Video meliora proboque, Deteriora sequor. (Вижу и одобряю лучшее, а слѣдую худшему).

сознають свои дѣйствія, а причинъ, которыми они опредѣляются, не знаютъ; и, кромѣ того, рѣшенія души суть не что иное, какъ самые позывы, которые бываютъ различны, смотря по различному расположенію тѣла. Ибо каждый направляетъ все по своему аффекту, и тѣ, которые волнуются противоположными аффектами, сами не знаютъ чего они желаютъ, а тѣ, которые не имѣютъ никакого аффекта, толкаются туда и сюда легкимъ побужденіемъ. Все это ясно показываетъ, что какъ рѣшеніе души, такъ и позывъ и опредѣленіе тѣла по природѣ существуютъ вмѣстѣ или, лучше, составляютъ одно и то же, одну вещь, которую, когда она разсматривается подъ атрибутомъ мышленія и объясняется имъ, мы называемъ *рѣшеніемъ*, а когда она разсматривается подъ атрибутомъ протяженія и выводится изъ законовъ движенія и покоя, тогда мы называемъ *опредѣленіемъ* (*determinatio*); это еще яснѣе видно будетъ изъ того, что мы скажемъ далѣе. Ибо то, что я прежде всего хочу замѣтить здѣсь, есть уже нѣчто другое, именно, что мы ничего не можемъ дѣлать по рѣшенію души, если не вспомнимъ о немъ. Напр., мы не можемъ сказать слова, если предварительно не вспомнимъ его. Далѣе, душа наша не имѣетъ свободной власти вспомнить какую-нибудь вещь или забыть ее. Поэтому находящимся во власти души считается только то, что о вещи, о которой мы воспоминаемъ, мы можемъ молчать или говорить лишь по рѣшенію души. Но когда намъ снится, что мы говоримъ, то мы также думаемъ, будто мы говоримъ по свободному рѣшенію души, и однако же въ этомъ случаѣ мы не говоримъ, или если и говоримъ, то по самопроизвольному движенію тѣла. Затѣмъ, мы видимъ во снѣ, что мы что-либо отъ людей скрываемъ, и это по тому же рѣшенію души, по которому мы и въ бодрственномъ состояніи умалчиваемъ о томъ, что мы знаемъ. Наконецъ, мы видимъ во снѣ, что мы по рѣшенію души дѣлаемъ нѣчто, на что мы не отваживаемся въ бодрственномъ состояніи. Поэтому я очень

желалъ бы знать, не существуетъ ли въ душѣ двухъ родовъ рѣшеній, изъ которыхъ одни фантастичны, а другія свободны. Итакъ, если мы не хотимъ доходить до нелѣпостей, то необходимо должны согласиться, что то рѣшеніе души, которое считается свободнымъ, не отличается отъ самого воображенія или памяти, и есть не что иное, какъ то утвержденіе, которое необходимо содержитъ въ себѣ идея, поскольку она есть идея (см. пол. 49 части II). И потому эти рѣшенія души происходятъ въ ней съ тою же необходимостью, какъ и идеи вещей, дѣйствительно существующихъ. Итакъ, тѣ, которые думаютъ, что они говорятъ, молчатъ или вообще дѣлаютъ что-нибудь по свободному рѣшенію души, просто грезятъ съ открытыми глазами.

ПОЛОЖЕНІЕ III.

Дѣйствія души происходятъ только отъ полныхъ идей; страсти же зависятъ только отъ неполныхъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Первое, что составляетъ сущность души, есть не что иное, какъ идея тѣла, дѣйствительно существующаго (по пол. II и 13 части II), которая (по пол. 15 части II) слагается изъ многихъ идей, изъ которыхъ нѣкоторыя (по королл. пол. 38 части II) полны, а нѣкоторыя неполны (по королл. пол. 29 части II). Слѣдовательно, все, что вытекаетъ изъ природы души и чего ближайшая причина есть душа, посредствомъ которой оно должно быть понимаемо, необходимо должно вытекать или изъ полной, или неполной идеи. Но поскольку душа (по пол. I этой части) имѣетъ неполныя идеи, постольку она необходимо страдаетъ. Слѣдовательно, дѣйствія души вытекаютъ только изъ полныхъ идей, и душа страдаетъ только потому, что она имѣетъ не полныя идеи,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Итакъ, мы видимъ, что страсти принадлежать душѣ лишь постольку, поскольку она имѣетъ нѣчто, что содержитъ въ себѣ отрицаніе, или поскольку она разсматривается какъ часть природы, которая сама по себѣ безъ другого не можетъ быть представлена ясно и отчетливо. И на этомъ основаніи я могъ бы показать, что страсти такимъ же образомъ относятся къ отдѣльнымъ вещамъ, какъ и къ душѣ, и не могутъ быть представлены инымъ образомъ. Но моя цѣль говорить только о человѣческой душѣ.

ПОЛОЖЕНІЕ IV.

Никакая вещь не можетъ быть разрушена иначе, какъ только внѣшнею причиною.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это положеніе ясно само собою. Ибо опредѣленіе каждой вещи утверждаетъ сущность самой вещи, а не отрицаетъ ея; иначе, полагаетъ сущность вещи, а не уничтожаетъ ея. Итакъ, если мы вникаемъ только въ самую вещь, а не во внѣшнія причины, то не можемъ найти въ ней ничего, что могло бы разрушить ее,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ V.

Вещи постольку противны природѣ, т. е. постольку не могутъ быть въ одномъ и томъ же субъектѣ, поскольку одна изъ нихъ можетъ разрушить другую.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо если бы онѣ могли быть согласны между собою или могли находиться вмѣстѣ въ одномъ и томъ же субъектѣ, то, слѣдовательно, въ одномъ и томъ же субъектѣ могло бы находиться нѣчто такое, что могло бы

его разрушить,—а это (*по предвид. пол.*) нелѣпо. Итакъ, вещи и т. д.,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ VI.

Каждая вещь, насколько отъ нея зависитъ, стремится сохранить свое существованіе.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо вещи суть отдѣльныя состоянія, которыми извѣстнымъ опредѣленнымъ образомъ выражаются атрибуты Бога (*по королл. пол. 25 части 1*), т. е. (*по пол. 34 части 1*) вещи, которыя извѣстнымъ и опредѣленнымъ образомъ выражаютъ могущество Бога, которымъ онъ существуетъ и дѣйствуетъ. Ни одна вещь не заключаетъ въ себѣ ничего такого, чѣмъ бы она могла быть разрушена, или что уничтожало бы ея существованіе (*по пол. 4 этой части*); но, напротивъ, она сопротивляется всему тому (*по предвид. пол.*), что можетъ уничтожить ея существованіе. Поэтому, насколько она можетъ и насколько отъ нея зависитъ, она стремится сохранить свое существованіе,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ VII.

Стремленіе, по которому каждая вещь стремится сохранить свое существованіе, есть не что иное, какъ дѣйствительная сущность самой вещи.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Изъ данной сущности каждой вещи необходимо слѣдуетъ что-нибудь (*по пол. 36 части 1*), и вещи не имѣютъ другой силы, кромѣ той, которая вытекаетъ необходимо изъ ихъ опредѣленной природы (*по пол. 29 части 1*). Поэтому сила или стремленіе вещи, по которому она дѣлаетъ что-нибудь одна или вмѣстѣ съ другими или стремится дѣлать, т. е. (*по пол. 6 этой части*) сила или

стремленіе, по которому она стремится сохранить свое существованіе, есть не что иное, какъ сама данная или дѣйствительная сущность вещи,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ VIII.

Стремленіе, по которому каждая вещь стремится сохранить свое существованіе, не заключаетъ въ себя никакой опредѣленную времени, а неопредѣленное.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо если бы оно заключало въ себѣ ограниченное время, которымъ бы опредѣлялась продолжительность вещи, тогда изъ одной только способности, по которой вещь существуетъ, слѣдовало бы, что вещь послѣ этого ограниченного времени не можетъ существовать, а должна разрушиться; но это (*по пол. 4 этой части*) нелѣпо. Слѣдовательно, стремленіе, по которому вещь существуетъ, не заключаетъ въ себѣ опредѣленного времени, а напротивъ, если она не разрушается внѣшнею причиною (*по тому же пол. 4 этой части*), то въ силу той же способности, по которой она уже существуетъ, будетъ продолжать существовать всегда; слѣдовательно, это стремленіе заключаетъ въ себѣ неопредѣленное время,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ IX.

Душа, какъ поскольку она имѣетъ ясныя и отчетливыя идеи, такъ и поскольку она имѣетъ идеи спутанныя, стремится сохранить свое существованіе нѣкоторымъ неопредѣленнымъ ею продолженіемъ и сознаетъ это свое стремленіе.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Сущность души составляется изъ полныхъ и неполныхъ идей (какъ мы показали въ пол. 3 этой части); по-

этому (по пол. 7 этой части), поскольку она имѣетъ какъ тѣ, такъ и эти, она стремится сохранить свое существованіе, и притомъ (по пол. 8 этой части) нѣкоторымъ неопредѣленнымъ его продолженіемъ. Но такъ какъ душа (по пол. 23 части 11) необходимо сознаетъ себя посредствомъ идей испытываемыхъ тѣломъ впечатлѣній, то слѣдовательно, она сознаетъ (по пол. 7 этой части) и свое стремленіе,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Это стремленіе, когда оно относится къ одной душѣ, называется *волей*; но когда оно относится вмѣстѣ къ душѣ и тѣлу, то называется *позывомъ* (appetitus), который есть не что иное, какъ сама сущность человѣка, изъ природы которой необходимо вытекаетъ то, что служить для его сохраненія; и потому человѣкъ опредѣленъ дѣлать это самое. Затѣмъ, между позывомъ и пожеланіемъ только та разница, что пожеланіе относится къ людямъ большею частью, поскольку они сознаютъ свой позывъ, и потому его можно опредѣлить такъ: *пожеланіе* (cupiditas) *есть позывъ, соединенный съ его сознаніемъ*. Изъ всего этого вытекаетъ, что мы стремимся къ чему-нибудь, хотимъ, имѣемъ позывъ или желаемъ чего-нибудь не потому, что считаемъ это хорошимъ, но, напротивъ, мы считаемъ что-нибудь хорошимъ потому, что мы къ нему стремимся, хотимъ его, имѣемъ къ нему позывъ или желаемъ его.

ПОЛОЖЕНІЕ X.

Идеи, исключаяющей существованіе нашего тѣла, не можетъ быть въ нашей душѣ, но она противоположна ей.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Что можетъ разрушить наше тѣло, того не можетъ быть въ немъ (по пол. 5 этой части). Поэтому и идеи этой вещи не можетъ быть въ Богѣ, поскольку онъ имѣетъ идею нашего тѣла (по королл. пол. 9 части 11), т. е.

(по пол. 11 и 13 части 11) идеи этой вещи не можетъ быть и въ нашей душѣ; но, напротивъ, такъ какъ первое (по пол. 11 и 13 части 11), что составляетъ сущность души, есть идея тѣла, дѣйствительно существующаго, то первое и главное стремленіе нашей души (по пол. 7 этой части) состоитъ въ томъ, чтобы утверждать существованіе нашего тѣла. И поэтому идея, которая отрицаетъ существованіе нашего тѣла, противоположна нашей душѣ, — что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XI.

Что увеличиваетъ или уменьшаетъ способность нашего тѣла къ дѣятельности, что содѣйствуетъ ей или стѣсняетъ ее, идея всего того увеличиваетъ или уменьшаетъ способность нашей души къ мышленію, содѣйствуетъ ей или стѣсняетъ ее.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это положеніе явствуетъ изъ положенія 7 части 11 или также изъ положенія 14 части 11.

СХОЛІЯ.

Итакъ, мы видимъ, что душа можетъ претерпѣвать много перемѣнъ и переходить то къ большому, то къ меньшему совершенству, и эти страдательныя состоянія выражаютъ намъ аффекты печали и радости. Подъ радостью я буду такимъ образомъ разумѣть дальше *страсть*, посредствомъ которой душа переходитъ къ большому совершенству; а подъ печалью *страсть*, посредствомъ которой она переходитъ къ меньшему совершенству. Далѣе, аффектъ радости, относящійся вмѣстѣ къ душѣ и тѣлу, я называю *игривостью* или *веселостью*; а аффектъ печали — *скорбью* или *меланхоліей*. Но нужно замѣтить, что игривость и скорбь относятся къ человѣку тогда, когда одна его часть испытываетъ на себѣ больше сторонняго дѣйствія, чѣмъ остальные; веселость же и меланхолія, когда всѣ части испы-

тываютъ на себѣ стороннее дѣйствіе одинаково. Затѣмъ, что такое *пожеланіе*, это я объяснилъ въ *схоліи положенія 9 этой части* и, кромѣ этихъ трехъ, я не знаю никакого первичнаго аффекта; ибо всѣ остальные вытекаютъ изъ этихъ трехъ, какъ я покажу дальше. Но, прежде чѣмъ продолжать дальше, я хочу подробнѣе объяснить *положеніе 10*, чтобы было болѣе понятно, какимъ образомъ идея можетъ быть противоположна идеѣ.

Въ *схоліи положенія 17 части II* мы показали, что идея, которая составляетъ сущность души, заключается въ себѣ существованіе тѣла во все время, пока существуетъ само тѣло. Далѣе, изъ того, что мы показали въ *королларіи положенія 8 части II и въ схоліи къ нему*, слѣдуетъ, что настоящее существованіе нашей души зависитъ только отъ того, что душа заключаетъ въ себѣ дѣйствительное существованіе тѣла. Наконецъ, мы показали, что способность души, по которой она воображаетъ вещи и вспоминаетъ ихъ, зависитъ отъ того (*см. пол. 17 и 18 части II съ ея схоліей*), что она заключаетъ въ себѣ дѣйствительное существованіе тѣла. Изъ этого слѣдуетъ, что настоящее существованіе души и ея способность воображенія уничтожаются, какъ только душа перестаетъ утверждать настоящее существованіе тѣла. Но причиною того, почему душа перестаетъ утверждать существованіе тѣла, не можетъ быть сама душа (*по пол. 4 этой части*), а также и не то, что тѣло перестало существовать. Ибо (*по пол. 6 части II*) причина, почему душа утверждаетъ существованіе тѣла, состоитъ не въ томъ, что тѣло начало существовать (потому, на томъ же основаніи, она не перестаетъ утверждать существованіе тѣла отъ того, что тѣло перестаетъ существовать); но (*по пол. 17 части II*) это происходитъ отъ другой идеи, которая исключаетъ настоящее существованіе нашего тѣла и, слѣдовательно, нашей души, и которая поэтому противоположна идеѣ, составляющей сущность нашей души.

ПОЛОЖЕНІЕ XII.

Душа, насколько можетъ, стремится вообразать то, что увеличиваетъ способность тѣла къ дѣятельности или содѣйствуетъ ей.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Пока человѣческое тѣло испытываетъ впечатлѣніе, которое заключаетъ въ себѣ природу какого-нибудь внѣшняго тѣла, до тѣхъ поръ человѣческая душа созерцаетъ это тѣло, какъ себѣ присущее (*по пол. 17 части 11*), а слѣдовательно (*по пол. 7 части 11*), пока человѣческая душа созерцаетъ какое-нибудь внѣшнее тѣло какъ присущее, т. е. (*по схолии къ тому же пол. 17*) вообразаетъ его, до тѣхъ поръ человѣческое тѣло испытываетъ впечатлѣніе, которое заключаетъ въ себѣ природу этого внѣшняго тѣла. И поэтому, пока душа вообразаетъ то, что увеличиваетъ или поддерживаетъ способность нашего тѣла къ дѣятельности, до тѣхъ поръ тѣло подвергается впечатлѣніямъ, которыя увеличиваютъ или поддерживаютъ его способность къ дѣятельности (*см. постул. 1 этой части*); и, слѣдовательно (*по пол. 11 этой части*), до тѣхъ поръ увеличивается и поддерживается способность души къ мышленію. Отсюда (*по пол. 6 или 9 этой части*) душа, насколько можетъ, стремится вообразать это, — что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XIII.

Когда душа вообразаетъ то, что уменьшаетъ или задерживаетъ способность тѣла къ дѣятельности, то она стремится, сколько можетъ, вспоминать тѣ вещи, которыя исключаютъ существованіе этого.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Пока душа вообразаетъ что-нибудь подобное, до тѣхъ поръ уменьшается или задерживается сила души и тѣла

(какъ мы доказали въ предъид. пол.), и тѣмъ не менѣе она до тѣхъ поръ будетъ воображать это, пока она не вообразитъ чего-нибудь другого, что исключаетъ настоящее существованіе этой вещи (по пол. 17 части II), т. е. (какъ мы сейчасъ показали) сила души и тѣла уменьшается и задерживается до тѣхъ поръ, пока душа не вообразитъ что-нибудь другое, что исключаетъ существованіе этой вещи, и что, слѣдовательно, душа (по пол. 9 этой части), насколько можетъ, будетъ стремиться вообразить или вспомнить, — что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Отсюда слѣдуетъ, что душа не любитъ воображать то, что уменьшаетъ или задерживаетъ силу ея и тѣла.

СХОЛІЯ.

Изъ этого мы ясно понимаемъ, что такое *любовь* и что такое *ненависть*. Именно любовь есть не что иное, какъ *радость, сопровождаемая идеей внѣшней причины*, а *ненависть* не что иное, какъ *печаль, сопровождаемая идеей внѣшней причины*. Поэтому мы видимъ, что тотъ, кто любитъ, необходимо стремится имѣть при себѣ и сохранять ту вещь, которую любитъ, а напротивъ, кто ненавидитъ, тотъ стремится удалить и разрушить ту вещь, которую ненавидитъ. Но обо всемъ этомъ подробнѣе будетъ говорить далѣе.

ПОЛОЖЕНІЕ XIV.

Если душа одновременно подверглась дѣйствию двухъ аффектовъ, то, когда она впоследствии подвергается дѣйствию одного изъ нихъ, подвергнется также и дѣйствию другому.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Если человѣческое тѣло одновременно подверглось дѣйствию двухъ тѣлъ, то, когда душа вообразитъ впо-

слѣдствіи одно изъ нихъ, она тотчасъ же вспомнить и о другомъ (по пол. 18 части 11). Но воображенія души скорѣе показываютъ аффектъ нашего тѣла, чѣмъ природу внѣшнихъ тѣлъ (по королл. 2 пол. 16 части 11); поэтому если тѣло, а слѣдовательно, и душа подверглась одновременно дѣйствию двухъ аффектовъ (см. оір. 3 этой части), то, когда впослѣдствіи она подвергается дѣйствию одного изъ нихъ, подвергнется также и дѣйствию другого,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XV.

Каждая вещь можетъ быть случайно причиною радости, печали или желанія.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Предположимъ, что душа подвергается одновременно дѣйствию двухъ аффектовъ, изъ которыхъ одинъ не увеличиваетъ и не уменьшаетъ ея способности къ дѣятельности, а другой увеличиваетъ или уменьшаетъ (см. пост. 1 этой части). Изъ предъидущаго положенія явствуетъ, что когда душа впослѣдствіи подвергнется дѣйствию перваго аффекта, какъ своей истинной причины, которая (по предположенію) сама собою не увеличиваетъ и не уменьшаетъ ея способности мышленія, то сейчасъ же подвергнется дѣйствию и другого, который увеличиваетъ или уменьшаетъ ея способность мышленія, т. е. (по схоли пол. 11 этой части) почувствуетъ радость или печаль; и потому та вещь не сама по себѣ, но только случайно будетъ причиною радости или печали. Этимъ же самымъ путемъ легко показать, что та же вещь можетъ быть случайно и причиною пожеланія,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

На основаніи того одного, что мы созерцаемъ какую нибудь вещь съ аффектомъ радости или печали, кото-

раго она не есть дѣйствующая причина, мы можемъ ее любить или ненавидѣть.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо изъ одного этого происходитъ то (*по пол. 14 этой части*), что душа, воображая эту вещь вполнѣдствіи, испытываетъ дѣйствіе аффекта радости или печали, т. е. (*по схоли пол. 11 этой части*) то, что сила души и тѣла увеличивается или уменьшается, и т. д. и, слѣдовательно (*по положенію 12 этой части*), то, что душа желаетъ вообразать вещь или (*по королл. пол. 13 этой части*) отвращается отъ нея; т. е. (*прим. пол. 13*) что она любить или ненавидитъ ее,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Отсюда мы видимъ, какимъ образомъ можетъ случиться, что мы любимъ или ненавидимъ что-нибудь безъ всякой извѣстной намъ причины, но только по *симпатіи* (какъ говорятъ) и *антипатіи*. Сюда относятся также и тѣ предметы, которые возбуждаютъ въ насъ радость или печаль только потому, что они имѣютъ нѣчто сходное съ тѣми предметами, которые обыкновенно возбуждаютъ въ насъ такіе же аффекты, какъ я покажу дальше. Я знаю, правда, что авторы, которые первые стали употреблять термины симпатіи и антипатіи, хотѣли обозначить ими какія-то скрытыя качества вещей; но тѣмъ не менѣе, я думаю, что мы можемъ разумѣть подъ ними также извѣстные или явные качества.

ПОЛОЖЕНІЕ XVI.

Только на томъ основаніи, что мы воображаемъ, будто какая-нибудь вещь имѣетъ нѣчто сходное съ предметомъ, который обыкновенно возбуждаетъ въ души радость или печаль, мы будемъ любить или ненавидѣть эту вещь, хотя то, въ чемъ она сходна съ предметомъ, не есть дѣйствующая причина этихъ аффектовъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

То, что сходно съ предметомъ, мы созерцали въ самомъ предметѣ (*по предположенію*) съ аффектомъ радости или печали; поэтому когда въ душѣ возбуждается его образъ (*по пол. 14 этой части*), то тотчасъ же возбуждается тотъ или другой аффектъ, и, слѣдовательно, вещь, которая представляется намъ имѣющею то же самое, будетъ (*по пол. 15 этой части*) случайно причиною радости или печали. Поэтому, хотя то, въ чемъ она сходна съ предметомъ, и не есть дѣйствующая причина этихъ аффектовъ, мы все-таки будемъ ее любить или ненавидѣть,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XVII.

Если мы воображаемъ, что вещь, которая обыкновенно возбуждаетъ въ насъ печаль, имѣетъ въ себѣ нѣчто сходное съ другою вещью, которая равнымъ образомъ обыкновенно возбуждаетъ въ насъ большую радость, то мы будемъ ненавидѣть ее и въ то же время любить.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо эта вещь (*по предположенію*) есть сама по себѣ причина печали, и (*по схоли пол. 13 этой части*), поскольку мы воображаемъ ее съ этимъ аффектомъ, мы ненавидимъ ее; но, кромѣ того, поскольку мы воображаемъ, что она имѣетъ нѣчто подобное другой вещи, которая равнымъ образомъ обыкновенно возбуждаетъ въ насъ большой аффектъ радости, мы будемъ любить ее съ большимъ напряженіемъ радости (*по предвид. пол.*). И, слѣдовательно, мы будемъ ее ненавидѣть и въ то же время любить,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Это состояніе души, происходящее отъ двухъ противоположныхъ аффектовъ, называется *колебаніемъ души*,

которое такъ относится къ аффекту, какъ сомнѣніе къ воображенію (см. *схол. пол. 44 части II*); а колебаніе и сомнѣніе различаются между собою только по степени. Но нужно замѣтить, что въ предыдущемъ положеніи я вывелъ эти колебанія души изъ причинъ, которыя сами по себѣ бываютъ причиною одного аффекта, а случайно другого. Это я сдѣлалъ потому, что ихъ легче было вывести изъ предыдущаго, а не потому, чтобъ я отрицалъ, что колебанія души болѣею частью происходятъ отъ предмета, который бываетъ дѣйствующею причиною обоихъ аффектовъ. Ибо человѣческое тѣло (*по пост. I части II*) состоитъ изъ многихъ индивидуумовъ различной природы, и потому (*по акс. I послѣ лемм. 3, слѣд. за пол. 13 части II*) можетъ испытывать на себѣ дѣйствіе одного и того же тѣла различными способами; и наоборотъ, такъ какъ на одну и ту же вещь можно дѣйствовать многими способами, то на одну и ту же часть тѣла тоже можно дѣйствовать разными способами. Изъ этого мы легко можемъ понять, что одинъ и тотъ же предметъ можетъ быть причиною многихъ и противоположныхъ аффектовъ.

ПОЛОЖЕНІЕ XVIII.

Человѣкъ посредствомъ образа вещи минувшей или будущей возбуждается такимъ же аффектомъ радости и печали, какъ и посредствомъ образа вещи настоящей.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Пока человѣкъ испытываетъ впечатлѣніе образа какой-нибудь вещи, онъ будетъ представлять вещь присутствующею, хотя бы она не существовала (*по пол. 17 части II съ ею королл.*), и онъ воображаетъ ее минувшею или будущею только тогда, когда ея образъ соединенъ съ образомъ прошедшаго или будущаго времени (см. *схол. пол. 44 части II*). Поэтому образъ вещи, разсматриваемый самъ по себѣ, бываетъ одинаковъ, относится

ли онъ къ будущему или прошедшему времени, или къ настоящему, т. е. (*по королл. 2 пол. 16 части 11*) состояніе тѣла или аффектъ бываетъ одинаковъ, будетъ ли это образъ прошедшей или будущей вещи, или настоящей; а слѣдовательно, и аффектъ радости и печали бываетъ одинаковъ, будетъ ли это образъ вещи минувшей или будущей, или настоящей,—что и требовалось доказать.

СХОЛІА I.

Я называю вещь минувшею или будущею,—постольку, поскольку мы испытали уже ея впечатлѣніе или будемъ испытывать. Напр., поскольку мы ее видѣли или увидимъ, она подкрѣпила насъ или подкрѣпитъ, повредила намъ или повредитъ и проч. Ибо поскольку мы такимъ образомъ воображаемъ ее, постольку утверждаемъ ея существованіе, т. е. тѣло не подвергается никакому аффекту, который исключалъ бы существованіе вещи; и потому (*по пол. 17 части 11*) образъ какой-нибудь вещи производитъ на тѣло то же дѣйствіе, какъ если бы сама вещь находилась на лицо. Но такъ какъ большею частью бываетъ такъ, что тѣ, которые много испытали, колеблются все время, пока созерцаютъ вещь какъ будущую или какъ минувшую, и очень много сомнѣваются въ исходѣ вещи (*см. схол. пол. 44 части 11*), то отъ этого происходитъ, что аффекты, вытекающіе изъ подобныхъ образовъ вещей, не бывають постоянными, а большею частію возмущаются образами многихъ другихъ вещей, пока люди не приобрѣтутъ большей увѣренности въ исходѣ вещи.

СХОЛІА II.

Изъ только-что сказаннаго мы понимаемъ, что такое надежда, страхъ, безопасность, отчаяніе, удовольствіе и угрызеніе совѣсти. И въ самомъ дѣлѣ, надежда есть не что иное, какъ *непостоянная радость, происшедшая отъ образа вещи будущей или минувшей, въ исходъ которой мы*

сомнѣваемся. Страхъ, напротивъ, есть непостоянная печаль, происшедшая отъ образа сомнительной вещи. Затѣмъ, если уничтожается сомнѣніе этихъ аффектовъ, то изъ надежды происходитъ чувство безопасности, а изъ страха отчаяніе, именно радость или печаль, происшедшая отъ образа вещи, которой мы боялись или надѣялись. Далѣе, удовольствіе есть радость, происшедшая отъ образа вещи минувшей, въ исходъ которой мы сомнѣвались. Наконецъ, уныніе совѣсти есть печаль, противоположная удовольствію.

ПОЛОЖЕНІЕ XIX.

Если кто вообразитъ, что то, что онъ любитъ, разрушается, то онъ будетъ печалиться; если же онъ вообразитъ, что оно сохраняется, то онъ будетъ радоваться.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Душа, насколько можетъ, стремится воображать то, что увеличиваетъ или поддерживаетъ способность тѣла къ дѣятельности (по пол. 12 этой части), т. е. (по схол. пол. 13 этой части), то, что она любитъ. Но воображенію содѣйствуетъ то, что полагаетъ существованіе вещи, и препятствуетъ то, что исключаетъ существованіе вещи (по пол. 17 части 11). Слѣдовательно, образы вещей, которые полагаютъ существованіе любимой вещи, содѣйствуютъ стремленію души, по которому она стремится воображать любимую вещь, т. е. (по схол. пол. 11 этой части) причиняютъ въ душѣ радость; а, напротивъ, тѣ образы, которые исключаютъ существованіе любимой вещи, препятствуютъ тому же стремленію души, т. е. (по той же схол.) причиняютъ душѣ печаль. Такимъ образомъ, если кто вообразитъ, что то, что онъ любитъ, разрушается, то онъ будетъ печалиться, и проч., — что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XX.

Если кто вообразитъ, что то, что онъ ненавидитъ, разрушается, то онъ будетъ радоваться.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Душа (*по пол. 13 этой части*) стремится воображать то, что исключаетъ существованіе вещей, которыми уменьшается или задерживается способность тѣла къ дѣятельности, т. е. (*по схол. того же пол.*) стремится воображать то, что исключаетъ существованіе вещей, которыя она ненавидитъ. Поэтому образъ вещи, исключаящій существованіе того, что душа ненавидитъ, помогаетъ этому стремленію души, т. е. (*по схол. пол. 11 этой части*) причиняетъ душѣ радость. Такимъ образомъ, кто вообразитъ, что то, что онъ ненавидитъ, разрушается, тотъ будетъ радоваться,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ ХХІ.

Если кто вообразитъ, что то, что онъ любитъ, испытываетъ радость или печаль, то и онъ будетъ испытывать радость или печаль; и каждый изъ этихъ аффектовъ будетъ въ любящемъ больше или меньше, смотря по тому, будетъ ли онъ больше или меньше въ любимой вещи.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Образы вещей (*какъ въ пол. 19 этой части мы доказали*), которые полагаютъ существованіе любимой вещи, содѣйствуютъ стремленію души, которымъ она стремится воображать саму любимую вещь. Но радость полагаетъ существованіе радостной вещи, и тѣмъ больше, чѣмъ больше аффектъ радости; ибо она (*по схол. пол. 11 этой части*) есть переходъ къ большому совершенству. Слѣдовательно, образъ радости любимой вещи содѣйствуетъ въ любящемъ стремленію его души, т. е. (*по схол. пол. 11 этой части*) возбуждаетъ въ любящемъ радость, и тѣмъ большую, чѣмъ больше былъ этотъ аффектъ въ любимой вещи. Это первое. Затѣмъ, поскольку какая-нибудь вещь удручается печалью, постольку она разрушается, и тѣмъ больше, чѣмъ большею удручена печалью (*по той же схол.*

пол. 11 этой части). Слѣдовательно (по пол. 19 этой части), если кто вообразить, что то, что онъ любить, удручено печалью, тотъ и самъ будетъ удрученъ печалью, и тѣмъ больше, чѣмъ больше этотъ аффектъ въ любимой вещи,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXII.

Если мы вообразимъ, что кто-нибудь причиняетъ радость вещи, которую мы любимъ, то мы почувствуемъ къ нему любовь. Если же, напротивъ, мы вообразимъ, что онъ причиняетъ ей печаль, то мы почувствуемъ къ нему ненависть.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Кто вещи, которую мы любимъ, причиняетъ радость или печаль, тотъ и намъ причиняетъ радость или печаль, когда именно мы воображаемъ, что любимая нами вещь испытываетъ радость или печаль (по предъид. пол.). Но эта радость или печаль предполагается существующею въ насъ въ сопровожденіи идеи внѣшней причины. Слѣдовательно (по схол. пол. 13 этой части), если мы вообразимъ, что кто-нибудь причиняетъ радость или печаль вещи, которую мы любимъ, то мы почувствуемъ къ нему любовь или ненависть,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Положеніе 21 объясняетъ намъ, что такое *состраданіе*, которое мы можемъ опредѣлить такъ, что оно есть *печаль, происшедшая отъ несчастія другого*. Но, какимъ именемъ нужно назвать радость, вызываемую счастьемъ другого, я не знаю. Далѣе, *любовь къ тому, кто дѣлаетъ добро другому*, мы будемъ называть *благосклонностью*, а *ненависть къ тому, кто дѣлаетъ зло другимъ*, *неудовольствіемъ*. Наконецъ, нужно замѣтить, что мы сострадаемъ не только той вещи, которую любили (какъ мы показали въ пол. 21), но также и той, къ которой мы прежде не имѣли ника-

кого аффекта, лишь бы только мы считали ее подобною себѣ (какъ я покажу ниже); и поэтому мы бываемъ благосклонны и къ тому, кто дѣлаетъ добро подобному намъ, и чувствуемъ негодованіе къ тому, кто наноситъ вредъ подобному намъ.

ПОЛОЖЕНІЕ XXIII.

Если кто вообразитъ, что то, что онъ ненавидитъ, удручено печалью, то онъ будетъ радоваться, и если, напротивъ, онъ вообразитъ, что оно испытываетъ радость, то онъ будетъ печалиться; и каждый изъ этихъ аффектовъ будетъ тѣмъ больше или меньше, чѣмъ больше или меньше противоположный ему аффектъ находится въ томъ, что онъ ненавидитъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Поскольку ненавистная вещь удручается печалью, постольку она разрушается, и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣею печалью удручается (по схол. пол. 11 этой части). Итакъ, кто вообразитъ (по пол. 20 этой части), что вещь, которую онъ ненавидитъ, испытываетъ печаль, тотъ самъ, наоборотъ, будетъ испытывать радость, и тѣмъ большую, чѣмъ большую печаль воображаетъ въ ненавистной ему вещи. Это первое. Затѣмъ, радость полагаетъ существованіе вещи (по схол. пол. 11 этой части), и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣею представляется радость. Если кто воображаетъ, что тотъ, кого онъ ненавидитъ, испытываетъ радость, то это воображеніе (по пол. 13 этой части) будетъ стѣснять его стремленіе, т. е. (по схол. пол. 11 этой части) тотъ, кто ненавидитъ, будетъ испытывать печаль,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Эта радость едва ли можетъ быть прочною и едва ли можетъ существовать безъ всякаго столкновенія въ душѣ.

Ибо (какъ я *тотчасъ* покажу въ пол. 27), поскольку мы воображаемъ, что вещь, подобная намъ, удручена печалью, постольку мы должны печалиться; и наоборотъ, если мы вообразимъ, что она радуется. Но здѣсь мы имѣемъ въ виду только ненависть.

ПОЛОЖЕНИЕ XXIV.

Если мы вообразимъ, что кто-нибудь причиняетъ радость вещи, которую мы ненавидимъ, то мы будемъ питать и къ нему ненависть. Если же, напротивъ, мы вообразимъ, что онъ причиняетъ ей печаль, то мы будемъ питать къ нему любовь.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это положеніе доказывается такимъ же образомъ, какъ и положеніе 22 этой части, которое и смотри.

СХОЛІЯ.

Эти и подобные аффекты ненависти относятся къ зависти, которая поэтому есть не что иное, какъ сама ненависть, поскольку она разсматривается располагающею человека такимъ образомъ, что онъ радуется при несчастіи друіюго, и, наоборотъ, печалится при его счастіи.

ПОЛОЖЕНИЕ XXV.

Мы стремимся утверждать о себѣ и о любимомъ предметѣ все то, что, какъ мы воображаемъ, причиняетъ намъ или любимой вещи радость; и, напротивъ, стремимся отрицать все то, что, какъ мы воображаемъ, намъ или любимой вещи причиняетъ печаль.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Что мы воображаемъ причиняющимъ любимой вещи радость или печаль, то и намъ причиняетъ радость или печаль (по пол. 21 этой части). Но душа (по пол. 12

этой части), насколько можетъ, стремится воображать то, что причиняетъ намъ радость, т. е. (*по пол. 17 части 11 и его королл.*) представлять это присутствующимъ; и, напротивъ (*по пол. 13 этой части*), исключать существование того, что намъ причиняетъ печаль. Слѣдовательно, мы стремимся утверждать о себѣ и о любимой вещи все то, что мы воображаемъ причиняющимъ намъ или любимой вещи радость, и наоборотъ, — что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXVI.

Мы стремимся утверждать о вещи, которую ненавидимъ, все то, что, какъ мы воображаемъ, причиняетъ ей печаль и, напротивъ, стремимся отрицать то, что, какъ мы воображаемъ, причиняетъ ей радость.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это положеніе вытекаетъ изъ положенія 23, какъ предыдущее изъ положенія 21 *этой части*.

СХОЛІЯ.

Изъ этого мы видимъ, что часто можетъ случаться, что человѣкъ о себѣ и о любимой вещи имѣетъ преувеличенное мнѣніе и, напротивъ, ненавистную вещь цѣнитъ ниже ея достоинства. Такое воображеніе, когда оно относится къ самому человѣку, имѣющему о себѣ преувеличенное мнѣніе, называется *гордостью* и есть видъ помѣшательства, такъ какъ человѣкъ грезитъ съ открытыми глазами, будто онъ можетъ сдѣлать все то, что существуетъ только въ его воображеніи и что онъ представляетъ себѣ какъ дѣйствительность и услаждается этимъ, пока не представитъ себѣ что-нибудь такое, что исключаетъ существование этихъ грезъ и ограничиваетъ его способность дѣйствія. Итакъ, *гордость есть радость, происходящая отъ того, что человѣкъ имѣетъ преувеличенное о себѣ мнѣніе. Далѣе, радость, происходящая отъ того, что человѣкъ цѣ-*

нить другую выше лежащаго, называется *превознесениемъ*, и, наконецъ, та радость, которая происходитъ отъ того, что человекъ цѣнитъ другую меньше лежащаго, называется *пренебрежениемъ*.

ПОЛОЖЕНІЕ XXVII.

Если мы воображаемъ, что вещь, намъ подобная и не сопровождающаяся въ насъ никакимъ аффектомъ, испытываетъ какой-нибудь аффектъ, то вслѣдствіе этого и мы чувствуемъ подобный же аффектъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Образы вещей суть впечатлѣнія человѣческаго тѣла, идеи которыхъ представляютъ внѣшнія тѣла какъ бы присутствующими при насъ (по *схол. пол. 17 части 11*), т. е. (по *пол. 16 части 11*) идеи которыхъ заключаютъ въ себѣ природу нашего тѣла и вмѣстѣ присутствующую природу внѣшняго тѣла. Итакъ, если природа внѣшняго тѣла подобна природѣ нашего тѣла, тогда идея внѣшняго тѣла, которое мы воображаемъ, будетъ содержать въ себѣ впечатлѣніе нашего тѣла; вмѣстѣ съ впечатлѣніемъ внѣшняго тѣла и, слѣдовательно, если мы вообразимъ, что кто-нибудь, подобный намъ, испытываетъ какой-нибудь аффектъ, то это воображеніе будетъ выражать впечатлѣніе нашего тѣла, подобное этому аффекту. Поэтому-то, если мы воображаемъ, что какая-нибудь вещь, подобная намъ, испытываетъ какой-нибудь аффектъ, и мы вмѣстѣ съ ней испытываемъ подобный же аффектъ. Если же мы ненавидимъ подобную намъ вещь, то (по *пол. 23 этой части*) испытываемъ аффектъ противоположный съ нею, а не подобный, — что и требовалось доказать.

СХОЛІА I.

Это подражаніе аффектовъ, когда оно относится къ печали, называется *состраданіемъ* (см. о немъ *схол. пол. 22*

этой части), а когда относится къ желанію, то *совершенно-ваніемъ*, которое поэтому *есть не что иное, какъ пожеланіе какой-нибудь вещи, зарождающееся въ насъ вслѣдствіе того, что мы воображаемъ, что другіе, подобные намъ, имѣютъ это же пожеланіе.*

КОРОЛЛАРІЙ I.

Если мы воображаемъ, что кто-нибудь, къ кому мы относимся безъ всякаго аффекта, причиняетъ радость вещи намъ подобной, то мы и къ нему чувствуемъ любовь. Если же, напротивъ, мы воображаемъ, что онъ причиняетъ ей печаль, то мы къ нему чувствуемъ ненависть.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это доказывается изъ предъидущаго *положенія* такъ же, какъ *положеніе 22 этой части изъ положенія 21.*

КОРОЛЛАРІЙ II.

Мы не можемъ ненавидѣть вещи, которой сострадаемъ, изъ-за того, что страданіе ея причиняетъ намъ печаль.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо если бы мы могли изъ-за этого ненавидѣть ее, то (*по пол. 23 этой части*) мы радовались бы изъ-за ея печали, что противно предположенію.

КОРОЛЛАРІЙ III.

Вещь, которой мы сострадаемъ, мы стараемся, на сколько можемъ, освободить отъ страданія.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

То, что причиняетъ печаль вещи, которой мы сострадаемъ, причиняетъ и намъ подобную же печаль (*по предъид. пол.*); поэтому мы стараемся вспоминать все то, что

уничтожаетъ существованіе той вещи или что разрушаетъ ее (*по пол. 13 этой части*), т. е. (*по схол. пол. 9 этой части*) стремимся разрушить это или опредѣляемся къ его разрушенію; и, слѣдовательно, вещь, которой мы сострадаемъ, мы стараемся освободить отъ ея страданія,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ II.

Это желаніе или стремленіе благотворить, вытекающее изъ того, что мы сострадаемъ той вещи, которой желаемъ оказать благодѣяніе, называется *благожеланіемъ*, которое поэтому *есть не что иное, какъ пожеланіе, вытекающее изъ состраданія*. Впрочемъ, о любви и ненависти къ тому, кто, какъ мы воображаемъ, дѣлаетъ добро или зло вещи, которую мы воображаемъ подобною намъ, см. *схолію положенія 22 этой части*.

ПОЛОЖЕНІЕ XXVIII.

Мы стараемся содѣйствовать тому, чтобы дѣлалось все то, что мы воображаемъ способствующимъ радости; то же, что мы воображаемъ противодѣйствующимъ ей или способствующимъ печали, мы стараемся устранить или разрушить.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

То, что мы воображаемъ способствующимъ радости, мы стараемся, насколько можемъ, воображать (*по пол. 12 этой части*), т. е. (*по пол. 17 части II*), будемъ стараться, насколько можемъ, представлять его присутствующимъ при себѣ или дѣйствительно существующимъ. Но стремленіе души или способность мышленія по природѣ равна и одновременна съ стремленіемъ или способностью тѣла къ дѣйствованію (*что ясно слѣдуетъ изъ королл. пол. 7 и королл. пол. II части II*). Поэтому мы всячески стремимся, или (*что по схол. пол. 9 этой*

части одно и то же) желаемъ и ставимъ цѣлью, чтобы это такъ существовало. Это первое. Затѣмъ, если мы вообразимъ, что то, что мы считаемъ причиною печали, т. е. *(по схол. пол. 13 этой части)* то, что мы ненавидимъ, разрушается, то мы будемъ радоваться *(по пол. 20 этой части)*. Слѣдовательно *(по первой части этого пол.)*, мы будемъ стремиться разрушить это или *(по пол. 13 этой части)* устранить отъ насъ, чтобы не созерцать его присутствующимъ. Это второе. Итакъ, мы стараемся содѣйствовать тому и проч.,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXIX.

Мы будемъ также стремиться дѣлать все то, о чемъ воображаемъ, что люди смотрятъ на него съ радостью и, напротивъ, будемъ избѣгать дѣлать то, о чемъ воображаемъ, что люди избѣгаютъ его.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Если мы вообразимъ, что люди любятъ или ненавидятъ что-нибудь, то и мы также это будемъ любить или ненавидѣть *(по пол. 27 этой части)*, т. е. *(по схол. пол. 13 этой части)* будемъ радоваться или печалиться изъ-за присутствія этой вещи; слѣдовательно *(по предъид. пол.)*, мы будемъ стремиться дѣлать все то, о чемъ воображаемъ, что люди любятъ его или смотрятъ на него съ радостью и проч.,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Это стремленіе дѣлать что-нибудь или воздерживаться отъ чего-нибудь по той одной причинѣ, чтобы понравиться людямъ, называется *честолюбіемъ*, особенно когда мы такъ неумѣренно стремимся понравиться толпѣ, что дѣлаемъ нѣкоторыя вещи или избѣгаемъ ихъ даже во вредъ себѣ и другому; въ другихъ же случаяхъ это обыкновенно называютъ *чуманностью*. Далѣе, радость, съ ка-

кою мы воображаемъ дѣйствіе другого, которымъ онъ стремится понравиться намъ, я называю *похвалою*; печаль же, съ которою мы отвращаемся отъ его дѣйствія, я называю *порицаніемъ*.

ПОЛОЖЕНІЕ XXX.

Если кто-нибудь сдѣлалъ нѣчто такое, что, какъ онъ воображаетъ, причиняетъ другимъ радость, то онъ самъ будетъ испытывать радость, сопровождающуюся идеей ея самого какъ причины, или будетъ созерцать самого себя съ радостью. Если же, напротивъ, онъ сдѣлалъ нѣчто такое, что, какъ онъ воображаетъ, причиняетъ другимъ печаль, то онъ будетъ созерцать и себя самого съ печалью.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Кто воображаетъ, что онъ причиняетъ другимъ радость или печаль, тотъ по тому самому (по пол. 27 этой части) самъ будетъ испытывать радость или печаль. Но такъ какъ человѣкъ (по пол. 19 и 23 части II) сознаетъ себя посредствомъ впечатлѣній, которыми опредѣляется къ дѣятельности, то, слѣдовательно, тотъ, кто сдѣлалъ нѣчто такое, что, какъ онъ воображаетъ, причиняетъ другимъ радость, и самъ будетъ испытывать радость съ сознаніемъ себя какъ причины, или самъ себя будетъ созерцать вмѣстѣ съ радостью, и наоборотъ,—что и требовалось доказать. ●

СХОЛІЯ.

Такъ какъ любовь (по схол. пол. 13 этой части) есть радость, сопровождаемая идеей внѣшней причины, а ненависть есть печаль, также сопровождаемая идеей внѣшней причины, то эта радость и печаль будутъ видами любви и ненависти. Но такъ какъ любовь и ненависть относятся къ внѣшнимъ предметамъ, то мы будемъ обозначать эти аффекты другими названіями; именно радость,

сопровождаемую идеей внѣшней причины, будемъ называть *славою*, а печаль, противоположную ей, *стыдомъ*; это въ томъ случаѣ, когда радость и печаль происходитъ отъ того, что человѣкъ думаетъ, что его хвалятъ или порицаютъ. Въ другихъ случаяхъ радость, сопровождаемую идеей внѣшней причины, я буду называть *успокоеніемъ въ самомъ себѣ*, а печаль, противоположную ей, *раскаяніемъ*. Затѣмъ, такъ какъ (по *королл. пол. 17 части 11*) можетъ случиться, что радость, которую кто-либо, по его мнѣнію, причиняетъ другимъ, есть только воображаемая, и (по *пол. 25 этой части*) такъ какъ каждый стремится воображать о себѣ все то, что, какъ онъ воображаетъ, причиняетъ ему радость, то легко можетъ быть, что славолюбивый станетъ гордымъ и вообразить, что онъ всѣмъ пріятель, тогда какъ онъ всѣмъ тягостенъ.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXI.

Если мы вообразимъ, что кто-нибудь любитъ, желаетъ или ненавидитъ что-нибудь, что мы сами любимъ, чего желаемъ или что ненавидимъ, то мы вслѣдствіе этого тѣмъ постояннѣе будемъ любить вещь, и проч. Если же мы вообразимъ, что онъ питаетъ отвращеніе къ тому, что мы любимъ, или наоборотъ, тогда въ насъ произойдетъ колебаніе души.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО. ■

По тому одному, что мы воображаемъ, что кто-нибудь любить что-нибудь, и мы будемъ любить то же самое (по *пол. 27 этой части*). Но предположимъ, что и безъ того мы уже любимъ это: тогда, слѣдовательно, къ любви присоединяется новая причина, которая поддерживаетъ ее; и потому то, что мы любимъ, мы будемъ любить еще постояннѣе. Затѣмъ, на томъ основаніи, что кто-нибудь чувствуетъ отвращеніе къ чему-нибудь, и мы тоже будемъ чувствовать къ этому отвращеніе (по *тому же*

пол.). Но если предположить, что мы въ то же время любимъ это, то отсюда въ одно и то же время мы будемъ любить это и чувствовать отвращеніе къ нему, или (по схол. пол. 17 этой части) въ насъ будетъ колебаніе души,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Отсюда и изъ положенія 28 слѣдуетъ, что каждый стремится, насколько можетъ, къ тому, чтобы всѣ любили то, что онъ любитъ, и ненавидѣли то, что онъ ненавидитъ. Это поэтъ выражаетъ такъ *).

Speremus pariter, pariter metuamus amantes,
Ferreus est, si quis, quod sinit alter, amat.

СХОЛІЯ.

Это стремленіе къ тому, чтобы каждый былъ согласенъ съ нами относительно того, что мы любимъ или ненавидимъ, есть собственно *честомобіе* (см. схол. пол. 29 этой части). И поэтому мы видимъ, что каждый по природѣ желаетъ того, чтобы всѣ жили согласно съ его понятіями; но такъ какъ всѣ одинаково желаютъ этого, то и приходятъ въ столкновеніе между собою, и въ то время, какъ всѣ хотятъ, чтобы ихъ всѣ любили и хвалили, всѣ ненавидятъ другъ друга.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXII.

Если мы вообразимъ, что кто-нибудь наслаждается вещью, которою только онъ одинъ можетъ владѣть, то мы будемъ стараться сдѣлать такъ, чтобы онъ не владѣлъ ею.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

По тому одному, что мы воображаемъ, что кто-нибудь наслаждается какою-нибудь вещью, мы (по пол. 28 этой

*) Ovid. Amor. II, 19, 4—5.

части съ ею і королл.) будемъ любить ее и будемъ желать наслаждаться ею. Но (*по предвид. положенію*) мы воображаемъ, что этой нашей радости стоитъ на дорогѣ то, что другой наслаждается тою же вещью. Слѣдовательно (*по пол. 28 этой части*), мы будемъ стараться, чтобы онъ не владѣлъ ею,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Итакъ, мы видимъ, что природа людей большею частью такъ сложена, что они чувствуютъ состраданіе къ тому, кому живется худо, и завидуютъ тому, кому живется хорошо, и (*по предвид. пол.*) ненавидятъ его тѣмъ больше, чѣмъ больше любятъ ту вещь, которою въ ихъ воображеніи обладаетъ другой. Далѣе, мы видимъ, что изъ того же свойства человѣческой природы, изъ котораго вытекаетъ то, что люди бываютъ милосерды, вытекаетъ также и то, что они бываютъ завистливы и честолюбивы. Наконецъ, если мы обратимся къ опыту, то мы найдемъ, что и онъ учитъ насъ всему этому, особенно если мы обратимъ вниманіе на ранніе годы нашей жизни. Ибо дѣти, тѣло которыхъ постоянно находится какъ бы въ равновѣсіи, смѣются, или плачутъ, какъ показываетъ опытъ, только потому, что видятъ, какъ плачутъ или смѣются другіе; и кромѣ того, видя то, что дѣлаютъ другіе, тотчасъ же желаютъ подражать этому и, наконецъ, желаютъ для себя всего того, чѣмъ наслаждаются, какъ имъ кажется, другіе. Дѣло въ томъ, что образы вещей, какъ мы сказали, суть впечатлѣнія, испытываемыя человѣческимъ тѣломъ, или состоянія, которыя человѣческое тѣло претерпѣваетъ отъ дѣйствія внѣшнихъ причинъ и которыми располагается къ такому или другому дѣйствию.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXIII.

Когда мы любимъ вещь подобную намъ, то стараемся, насколько можемъ, сдѣлать такъ, чтобы и она насъ любила.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Вещь, которую мы любимъ, мы стараемся, насколько можемъ, воображать предпочтительно передъ другими (*по пол. 12 этой части*). Итакъ, если вещь подобна намъ, то мы будемъ стараться причинять ей радость предпочтительно передъ другими (*по пол. 29 этой части*), или будемъ стараться, насколько можемъ, сдѣлать такъ, чтобы любимая вещь испытывала радость, сопровождаемую идеей насъ самихъ, т. е. (*по схолии пол. 13 этой части*) чтобы она насъ взаимно любила, — что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ XXXIV.

Чѣмъ больше тотъ аффектъ, который, какъ мы воображаемъ, испытываетъ по отношенію къ намъ любимая вещь, тѣмъ больше будемъ мы хвалиться этимъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Мы (*по предъид. пол.*) стараемся, насколько можемъ, чтобы любимая вещь насъ взаимно любила, т. е. (*по схолии пол. 13 этой части*) чтобы любимая вещь испытывала радость, сопровождаемую идеей объ насъ самихъ. Поэтому чѣмъ больше та радость, которую, какъ мы воображаемъ, любимая вещь испытываетъ изъ-за насъ, тѣмъ больше это стараніе поддерживается, т. е. (*по пол. 11 этой части съ ея схолией*) тѣмъ больше мы испытываемъ радости. А когда мы радуемся изъ-за того, что причиняемъ радость другому, намъ подобному, тогда и на себя мы смотримъ съ радостью (*по пол. 30 этой части*). Слѣдовательно, чѣмъ больше тотъ аффектъ, который, какъ мы воображаемъ, испытываетъ по отношенію къ намъ любимая вещь, тѣмъ съ бѣльшею радостью мы будемъ созерцать себя самихъ, или (*по схолии пол. 30 этой части*) тѣмъ больше будемъ хвалиться этимъ, — что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXV.

Если кто-нибудь вообразитъ, что любимая вещь соединяется съ другимъ такими же или еще больше тѣсными узами дружбы, чѣмъ какими онъ только самъ былъ связанъ съ нею, то онъ будетъ испытывать къ самой любимой вещи ненависть и будетъ завидовать этому другому.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Чѣмъ больше въ чѣмъ воображеніи любовь, которую питаетъ къ нему любимая вещь, тѣмъ больше тотъ будетъ этимъ похвалиться (*по предгид. пол.*), т. е. (*по схол. пол. 30 этой части*) тѣмъ больше будетъ радоваться; по этому (*по пол. 28 этой части*) онъ будетъ стараться, насколько можетъ, воображать любимую вещь связанною съ нимъ тѣснѣйшимъ образомъ, каковое стремленіе или пожеланіе будетъ въ немъ усиливаться, если онъ вообразитъ, что и другой желаетъ для себя того же. Но мы предполагаемъ, что это стремленіе или пожеланіе его обуздывается образомъ самой любимой вещи въ сопровожденіи образа того, съ кѣмъ соединяется любимая вещь; слѣдовательно (*по схол. пол. 11 этой части*), по тому самому онъ будетъ удрученъ печалью, сопровождаемою идеей любимой вещи, какъ причиною, и вмѣстѣ съ тѣмъ образомъ другого, т. е. (*по схол. пол. 13 этой части*) будетъ чувствовать ненависть къ любимой вещи и въ то же время къ тому другому (*по королл. пол. 15 этой части*), которому изъ-за того (*по пол. 23 этой части*), что онъ наслаждается любимой вещью, будетъ завидовать,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Эта ненависть къ любимой вещи, соединенная съ завистью, называется *ревностью*, которая такимъ образомъ есть не что иное, какъ колебаніе души, происходящее изъ любви и вмѣстѣ изъ ненависти, сопровождаемой

идеей того, кому завидуютъ. Кромѣ того, эта ненависть къ любимой вещи будетъ больше (или меньше) по мѣрѣ радости, какую ревнивецъ обыкновенно получаетъ отъ взаимной любви любимой вещи, а также по мѣрѣ того аффекта, который онъ испытывалъ по отношенію къ тому, кого онъ представляетъ себѣ присвоившимъ любимую вещь. Ибо если онъ его возненавидѣлъ, то по тому самому и любимую вещь (по пол. 24 этой части) будетъ ненавидѣть, такъ какъ онъ представляетъ ее себѣ доставляющею радость предмету, который онъ ненавидитъ, и также потому (по королл. пол. 15 этой части), что онъ принужденъ бываетъ соединять образъ любимой вещи съ образомъ того, кого онъ ненавидитъ. Это большею частью бываетъ при любви къ женщинѣ. Ибо кто представить себѣ, что женщина, которую онъ любитъ, отдается другому, тотъ не только будетъ опечаленъ тѣмъ, что его собственное пожеланіе встрѣчаетъ противодѣйствіе, но еще чувствуетъ отвращеніе къ ней изъ-за того, что образъ любимой вещи онъ невольно соединяетъ съ срамными частями и изверженіями другого. Къ этому, наконецъ, присоединяется и то, что любимая женщина принимаетъ ревнивца уже не съ тѣмъ видомъ, съ какимъ она обыкновенно принимала его, чѣмъ также любящій опечаливается, какъ я скоро покажу.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXVI.

Кто воспоминаетъ о вещи, которою онъ наслаждался однажды, тотъ желаетъ обладать ею при тѣхъ же обстоятельствахъ, при которыхъ наслаждался въ первый разъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Все, что человѣкъ видитъ вмѣстѣ съ вещью, доставившею ему наслажденіе, будетъ (по пол. 15 этой части) случайно причиною радости; поэтому (по пол. 28 этой части) онъ будетъ желать владѣть всѣмъ этимъ вмѣстѣ

съ вещью, которая ему доставила удовольствіе, другими словами—вещью со всѣми тѣми обстоятельствами, при какихъ онъ наслаждался ею въ первый разъ,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Если, такимъ образомъ, любящій замѣтитъ, что недостаетъ одного изъ этихъ обстоятельствъ, то онъ будетъ печалиться.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо поскольку онъ замѣчаетъ отсутствіе какого-нибудь обстоятельства, постольку воображаетъ нѣчто, что исключаетъ существованіе той вещи. Но такъ какъ онъ желаетъ этой вещи или обстоятельства (*по предъид. пол.*) изъ любви, то (*по пол. 19 этой части*) онъ и будетъ печалиться, насколько представляетъ себѣ ея отсутствіе,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Эта печаль, поскольку она относится къ отсутствію того, что мы любимъ, называется *тоскою*.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXVII.

Желаніе, происходящее изъ печали или радости, изъ ненависти или любви, бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше аффектъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Печаль (*по схол. пол. 11 этой части*) уменьшаетъ или стѣсняетъ способность человѣка къ дѣятельности, т. е. (*по пол. 7 этой части*) уменьшаетъ или стѣсняетъ стремленіе, по которому человѣкъ стремится сохранить свое существованіе; поэтому (*по пол. 5 этой части*) она противоположна этому стремленію; и все стремленіе чело-

вѣка, удрученнаго печалью, состоитъ въ томъ, чтобы устранить печаль. Но чѣмъ больше (*по опред. печали*) печаль, тѣмъ большей части' человеческой способности къ дѣятельности она необходимо противодѣйствуетъ. Слѣдовательно, чѣмъ больше печаль, тѣмъ съ большею способностью къ дѣятельности человѣкъ будетъ стараться устранить ее, т. е. (*по схол. пол. 9 этой части*) тѣмъ съ большимъ желаніемъ или позывомъ будетъ стремиться къ ея устраненію. Далѣе, такъ какъ радость (*по той же схол. пол. 11 этой части*) усиливаетъ или поддерживаетъ способность человѣка къ дѣятельности, то легко доказать тѣмъ же способомъ, что человѣкъ, испытывающій радость, ничего столько не желаетъ, какъ того, чтобы сохранить ее, и притомъ тѣмъ большимъ желаніемъ, чѣмъ больше будетъ радость. Наконецъ, такъ какъ ненависть и любовь сами суть аффекты радости или печали, то изъ этого также слѣдуетъ, что стремленіе, позывъ или желаніе, порождаемое ненавистью или любовью, будетъ больше (или меньше) по мѣрѣ ненависти и любви,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXVIII.

Если кто начнетъ ненавидѣть любимую вещь, такъ что любовь совершенно исчезнетъ, то онъ при одинаковой причинѣ будетъ преслѣдовать ее большею ненавистью, чѣмъ если бы онъ никогда не любилъ ее, и тѣмъ большею, чѣмъ больше была прежде любовь.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо если кто начинаетъ ненавидѣть вещь, которую любить, то у него стѣсняется больше позывовъ, чѣмъ какъ если бы онъ не любилъ ее. Въ самомъ дѣлѣ, любовь есть радость (*по схол. пол. 13 этой части*), которую человѣкъ стремится, насколько можетъ (*по пол. 28 этой части*), сохранить; и притомъ тѣмъ (*по той же схол.*), что

онъ представляетъ любимую вещь присутствующею и (по пол. 21 этой части), насколько можетъ, доставляетъ ей радость; каковое стремленіе (по предъид. пол.) бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше была любовь, также какъ и стремленіе сдѣлать такъ, чтобы и любимая вещь любила его взаимно (см. пол. 33 этой части). Но эти стремленія задерживаются ненавистью къ любимой вещи (по королл. пол. 13 и по пол. 23 этой части). Слѣдовательно любящій (по схол. пол. 11 этой части) по этой самой причинѣ будетъ удрученъ печалью, и тѣмъ большею, чѣмъ больше была любовь; т. е. кромѣ печали, которая была причиною ненависти, является еще другая, вслѣдствіе того, что онъ любилъ вещь, и, слѣдовательно, онъ будетъ созерцать любимую вещь съ бѣльшимъ аффектомъ печали, т. е. (по схол. пол. 13 этой части) будетъ преслѣдовать ее большею ненавистью, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы раньше онъ не любилъ ея, и тѣмъ большею, чѣмъ больше была любовь,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXIX.

Если кто ненавидитъ кого-нибудь, то будетъ стремиться дѣлать ему зло, если только не будетъ бояться, что отъ этого произойдетъ для него большее зло; и напротивъ, кто любитъ кого-нибудь, тотъ по тому же закону будетъ стремиться дѣлать ему добро.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ненавидѣть кого-нибудь значить (по схол. пол. 13 этой части) воображать его причиною печали; поэтому (по пол. 28 этой части) тотъ, кто ненавидитъ кого-нибудь, будетъ стремиться устранить его или уничтожить. Но если онъ боится отъ этого большей печали, или (что—то же) еще бѣльшаго зла для себя и думаетъ, что онъ можетъ избѣжать его, не дѣлая тому, кого ненавидитъ, задуманнаго зла, то онъ пожелаетъ воздержаться отъ нанесенія зла, и

пожелаетъ (*по пол. 37 этой части*) съ бѣлымъ стремленіемъ, чѣмъ было то, которое обуждало его нанести зло, и поэтому оно одержитъ перевѣсъ, какъ мы предполагали. Доказательство второй части идетъ такимъ же способомъ. Слѣдовательно, если кто ненавидитъ кого-нибудь, и проч.,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Подъ *добромъ* я разумѣю всякаго рода радость и потому все, что ведетъ къ ней, и въ особенности то, что удовлетворяетъ всякому желанію, каково бы оно ни было. Подъ *зломъ* же я разумѣю всякаго рода печаль и въ особенности то, что обманываетъ наши желанія. Ибо выше (*въ схоліи пол. 9 этой части*) мы показали, что мы желаемъ чего-нибудь не потому, что считаемъ его добромъ, но, напротивъ, называемъ добромъ то, чего желаемъ, и, слѣдовательно, то, къ чему чувствуемъ отвращеніе, называемъ зломъ. Поэтому каждый по собственному аффекту судить или оцѣниваетъ, что хорошо, что худо, что лучше, что хуже и что, наконецъ, всего лучше или что всего хуже. Такъ, скупой считаетъ самымъ лучшимъ обиліе денегъ, а неимѣніе ихъ считаетъ самымъ худшимъ. Честолюбивецъ же ничего столько не желаетъ, какъ славы, и, напротивъ, ничего такъ не боится, какъ стыда. Для завистливаго ничего не можетъ быть пріятнѣ несчастія другихъ и ничего несноснѣ ихъ счастья. И такимъ образомъ каждый по своему аффекту считаетъ какую-нибудь вещь хорошею или дурною, полезною или бесполезною. Затѣмъ, тотъ аффектъ, который настраиваетъ чловѣка такъ, что онъ не желаетъ того, чего ему хочется, или желаетъ того, чего ему не хочется, называется *опасеніемъ*, которое есть не что иное, какъ *страхъ, побуждающій чловѣка избѣгать зла, которое онъ считаетъ будущимъ, посредствомъ меньшаго зла* (*см. пол. 28 этой части*). Но если зло, котораго онъ опасается, есть стыдъ, то опасеніе называется *стыдливостію*. Наконецъ, если желаніе избѣгать будущаго зла задер-

живается опасеніемъ другого зла, такъ что человѣкъ не знаетъ, чего ему лучше желать, то страхъ называется *смущеніемъ*, особенно если зло, котораго опасаются, принадлежитъ числу наибольшихъ.

ПОЛОЖЕНІЕ XL.

Кто вообразитъ, что другой ненавидитъ его, и не думаетъ, чтобы самъ онъ подалъ ему какую-нибудь причину для ненависти, тотъ будетъ взаимно ненавидѣть его.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Кто вообразитъ, что другой чувствуетъ ненависть, тотъ на этомъ основаніи и самъ будетъ чувствовать ненависть (по пол. 27 этой части), т. е. (по схол. пол. 13 этой части) печаль, сопровождаемую идеей внѣшней причины. Но онъ (по предположенію) не воображаетъ никакой другой причины этой печали, кромѣ того лица, которое его ненавидитъ. Слѣдовательно, потому, что онъ воображаетъ себя ненавидимымъ кѣмъ-нибудь, онъ будетъ удручаться печалью, сопровождаемую идеей того, кто его ненавидитъ, или (по той же схол.) будетъ его ненавидѣть, — что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ I.

Если кто вообразитъ, что онъ подалъ основательную причину къ ненависти, то онъ (по пол. 30 этой части и его схол.) будетъ чувствовать стыдъ. Но это (по пол. 25 этой части) случается рѣдко. Кромѣ того, эта взаимность ненависти можетъ произойти отъ того, что за ненавистью слѣдуетъ стремленіе дѣлать зло тому, кого ненавидятъ (по пол. 39 этой части). Итакъ, кто воображаетъ, что онъ ненавидимъ кѣмъ-нибудь, тотъ будетъ воображать его причиною какого-нибудь зла или печали; и поэтому онъ будетъ удрученъ печалью или страхомъ, сопровождаемыми идеей того, кто его ненавидитъ, какъ причиной, т. е. будетъ его ненавидѣть, какъ было сказано выше.

КОРОЛЛАРІЙ I.

Если кто вообразить, что тотъ, кого онъ любить, питаетъ къ нему ненависть, то онъ будетъ чувствовать вмѣстѣ и ненависть, и любовь. Ибо поскольку онъ воображаетъ, что онъ ненавидимъ любимымъ человекомъ, постольку онъ опредѣляется (*по предвид. пол.*) имѣть къ нему взаимную ненависть. Но (*по предположенію*) онъ тѣмъ не менѣе любить его. Слѣдовательно, онъ будетъ чувствовать вмѣстѣ и ненависть, и любовь.

КОРОЛЛАРІЙ II.

Если кто вообразить, что кто-нибудь, къ кому онъ относился безъ всякаго аффекта, причинилъ ему изъ ненависти какое-нибудь зло, то онъ тотчасъ же станетъ стремиться отплатить ему тѣмъ же зломъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Кто вообразить, что кто-нибудь питаетъ къ нему ненависть, тотъ также (*по предвид. пол.*) возненавидитъ его и (*по пол. 26 этой части*) будетъ стремиться припомнить все то, что можетъ причинить ему печаль, и будетъ стараться (*по пол. 39 этой части*) сдѣлать ему это. Но (*по предположенію*) первое, что онъ вообразить въ этомъ родѣ, это—причиненное себѣ зло. Слѣдовательно, онъ немедленно станетъ стремиться отплатить ему этимъ же зломъ,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ II.

Стремленіе причинить зло тому, кого мы ненавидимъ, называется *инвоомъ*; стремленіе же отплатить зломъ за причиненное намъ зло называется *мestью*.

ПОЛОЖЕНІЕ XLI.

Если кто вообразить, что кто-нибудь любитъ его, и думаетъ, что онъ не подалъ никакой причины къ этому

(что можетъ быть по королл. пол. 15 и по пол. 16 этой части), то и онъ будетъ его любить.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это положеніе доказывается тѣмъ же путемъ, какъ и предъидущее; см. также его *схолою*.

СХОЛІА I.

Если кто подумаетъ, что онъ подать основательную причину любви къ нему, то онъ будетъ хвалиться этимъ (по пол. 30 этой части съ его *схол.*); это случается довольно часто. А противоположный этому случай, какъ мы сказали, бываетъ тогда, когда кто вообразить, что кто-нибудь его ненавидитъ (см. *схол. предъид. пол.*). Далѣе, эта взаимная любовь и, слѣдовательно (по пол. 39 этой части), стремленіе дѣлать добро тому, кто насъ любить и кто (по пол. 39 этой части) стремится намъ дѣлать добро, называется *благодарностью*. Но мы видимъ, что люди гораздо болѣе склонны мстить, чѣмъ платить благодареніями за благодаренія.

КОРОЛЛАРІЙ.

Кто вообразить, что тотъ, кого онъ ненавидитъ, любить его, тотъ будетъ чувствовать вмѣстѣ и ненависть, и любовь. Это доказывается тѣмъ же путемъ, какъ и первый королларій предъидущаго положенія.

СХОЛІА II.

Если ненависть возьметъ перевѣсъ, то онъ будетъ стремиться тому, кто его любить, причинить зло: аффектъ этотъ называется *жестокостью*, особенно, если думаютъ, что тотъ, кто любить, не подаль никакой обыкновенной причины къ ненависти.

ПОЛОЖЕНИЕ XLII.

Кто изъ любви или въ надеждѣ славы дѣлаетъ кому-нибудь благодѣяніе, тотъ будетъ опечаленъ, если увидитъ, что его благодѣяніе принимается безъ благодарности.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Кто любить какую-нибудь вещь, себѣ подобную, тотъ стремится, насколько можетъ, сдѣлать такъ, чтобы и она его любила (по пол. 33 этой части). Кто, такимъ образомъ, дѣлаетъ кому-нибудь благодѣяніе изъ любви, тотъ дѣлаетъ это побуждаемый желаніемъ, чтобы и его любили, т. е. (по пол. 34 этой части) въ надеждѣ на славу, или (по схол. пол. 30 этой части) на радость; поэтому (по пол. 12 этой части) онъ будетъ стремиться, насколько можетъ, воображать эту причину славы или представлять ее дѣйствительно существующею. Но (по предположенію) онъ воображаетъ иное, что исключаетъ существованіе этой причины. Слѣдовательно (по пол. 19 этой части), этимъ самымъ онъ будетъ опечаленъ, — что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ XLIII.

Ненависть усиливается взаимною ненавистью и можетъ быть, наоборотъ, уничтожена любовью.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Кто воображаетъ, что тотъ, кого онъ ненавидитъ, чувствуетъ къ нему ненависть, у того по тому самому возникаетъ (по пол. 40 этой части) новая ненависть, въ то время какъ (по предположенію) еще продолжается прежняя. Если же, напротивъ, онъ вообразитъ, что тотъ чувствуетъ къ нему любовь, то, поскольку онъ воображаетъ это, постольку (по пол. 29 этой части) созерцаетъ себя съ радостью и постольку (по пол. 29 этой части) будетъ стремиться нравиться ему, т. е. (по пол. 40 этой части)

постольку будетъ стремиться не имѣть ненависти къ нему и не причинять ему печали. Это стремленіе (*по пол. 37 этой части*) будетъ больше или меньше по мѣрѣ аффекта, изъ котораго оно проистекаетъ. И потому, если это стремленіе будетъ больше того, которое возникаетъ изъ ненависти и которое побуждаетъ причинять печаль ненавидимой вещи (*по пол. 26 этой части*), то оно одержитъ перевѣсъ и уничтожить въ душѣ ненависть, — что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XLIV.

Ненависть, которая вполне побѣждается любовью, переходитъ въ любовь, и любовь отсюда бываетъ больше, чѣмъ была бы, если бы ей не предшествовала ненависть.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это доказывается такимъ же образомъ, какъ и *положеніе 38 этой части*. Ибо кто вещь, которую ненавидитъ или которую обыкновенно созерцаетъ съ печалью, начинаетъ любить, тотъ радуется уже по тому одному, что онъ любитъ, и къ этой радости, которая заключается въ любви (*см. опредѣлен. ея въ схоліи пол. 13 этой части*), присоединяется еще другая, которая происходитъ отъ того, что стремленіе устранить печаль, заключающуюся въ ненависти (*какъ мы показали въ пол. 37 этой части*), вполне поддерживается, сопровождаемое идеей того, кого ненавидѣли, какъ причиной.

СХОЛІЯ.

Хотя все это на дѣлѣ такъ, однако же никто не будетъ стремиться ненавидѣть или причинять печаль какой-нибудь вещи съ тѣмъ, чтобы потомъ насладиться этою большею радостью, т. е. никто не пожелаетъ, въ надеждѣ на вознагражденіе вреда, нанести себѣ вредъ, и не пожелаетъ заболѣть въ надеждѣ на выздоровленіе. Ибо вся-

кій всегда стремится сохранять свое существованіе и, насколько возможно, устранять печаль. Если бы можно было думать противное, что человѣкъ можетъ желать ненавидѣть кого-нибудь съ тѣмъ, чтобы потомъ любить его болѣею любовью, тогда это значило бы, что онъ всегда будетъ желать ненавидѣть его. Ибо чѣмъ больше будетъ ненависть, тѣмъ больше будетъ любовь, и поэтому онъ всегда будетъ желать, чтобы ненависть усиливалась болѣе и болѣе, и по этой же причинѣ человѣкъ будетъ стремиться сильнѣе болѣть, чтобы впослѣдствіи наслаждаться болѣею радостью при восстановленіи здоровья; а слѣдовательно, онъ будетъ стремиться всегда болѣть,— что (по пол. 6 этой части) нелѣпо.

ПОЛОЖЕНІЕ XLV.

Если кто вообразитъ, что кто-нибудь, подобный ему, питаетъ ненависть къ вещи, подобной ему, которую онъ любитъ, то онъ его будетъ ненавидѣть.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо любимая вещь взаимно ненавидитъ того, кто ее ненавидитъ (по пол. 40 этой части). Поэтому любящій, воображая, что кто-нибудь ненавидитъ любимую вещь, тѣмъ самымъ воображаетъ, что любимая вещь испытываетъ ненависть, т. е. (по схол. пол. 13 этой части) печаль и вслѣдствіе того (по пол. 21 этой части) онъ печалится, и притомъ въ сопровожденіи идеи того, кто любимую вещь ненавидитъ, какъ причины, т. е. (по схол. пол. 13 этой части) будетъ его самого ненавидѣть,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XLVI.

Если кто отъ человѣка другою сословія или другой, различной отъ его, націи испытаетъ радость или печаль, сопровождаемую идеей его, подъ общимъ именемъ сословія и

нации, какъ причиной, то онъ будетъ любить или ненавидѣть не только этою челоѣкъ, но и всѣхъ, принадлежащихъ къ тому же сословію или къ той же нации.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Доказательство этого явствуетъ изъ положенія 16 этой части.

ПОЛОЖЕНІЕ XLVII.

Радость, происходящая отъ того, что мы воображаемъ, что ненавидимая нами вещь разрушается или терпитъ другое зло, не происходитъ безъ нѣкоторой душевной печали.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это явствуетъ изъ положенія 27 этой части. Ибо поскольку мы воображаемъ, что вещь подобная намъ удручается печалью, постольку мы и сами печалимся.

СХОЛІЯ.

Это положеніе можетъ быть доказано также изъ коментарія положенія 17 части 11. Ибо какъ скоро мы вспоминаемъ вещь, то, хотя она дѣйствительно не существуетъ, мы ее представляемъ присутствующею, и тѣло испытываетъ то же впечатлѣніе. Поэтому, поскольку вещь жива въ памяти, постольку челоѣкъ опредѣляется къ созерцанію ея съ печалью, и это опредѣленіе, пока существуетъ образъ вещи, хотя и задерживается воспоминаніемъ о тѣхъ вещахъ, которыя исключаютъ ея существованіе, но не уничтожается. А потому челоѣкъ радуется лишь постольку, поскольку задерживается это опредѣленіе; и отсюда происходитъ, что эта радость, вызываемая зломъ вещи, которую мы ненавидимъ, будетъ повторяться каждый разъ, какъ мы вспоминаемъ объ этой вещи. Ибо, какъ мы сказали, когда возбуждается образъ этой вещи, то, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ существованіе этой

вещи, это самое опредѣляетъ человѣка представлять вещь съ тою же печалью, съ какою онъ обыкновенно представлялъ ее, когда она существовала. Но такъ какъ съ образомъ этой вещи онъ соединяетъ другіе образы, которые исключаютъ ея существованіе, то это опредѣленіе къ печали тотчасъ же ограничивается, и человѣкъ снова радуется, и притомъ всякій разъ, какъ это будетъ повторяться. И это есть причина того, почему люди радуются, вспоминая о какомъ-нибудь прошломъ бѣдствіи, и почему имъ пріятно рассказывать объ опасностяхъ, отъ которыхъ они освободились. Ибо, воображая, какую-нибудь опасность, они представляютъ ее какъ бы еще въ будущемъ и потому опредѣляются къ страху; но это опредѣленіе снова задерживается идеей освобожденія, которая соединилась у нихъ съ идеей этой опасности, когда они освободились отъ нея, и которая снова возвращаетъ имъ безопасность; и потому они снова радуются.

ПОЛОЖЕНІЕ XLVIII.

Любовь и ненависть, наприм., къ Петру уничтожаются, если печаль, которую заключаетъ въ себя ненависть, и радость, которую заключаетъ въ себя любовь, соединяются съ идеей другой причины; и объ онѣ уменьшаются постольку, поскольку мы воображаемъ, что Петръ не одинъ былъ причиною той или другой.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это явствуется уже изъ опредѣленія любви и ненависти, которое см. въ сходимъ положенія 13 этой части. Ибо радость называется любовью и печаль ненавистью къ Петру только потому, что Петръ считается причиною того или другого аффекта. Такимъ образомъ, когда этотъ аффектъ уничтожается отчасти или совершенно, тогда уменьшается отчасти или совершенно и аффектъ къ Петру,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XLIX.

Любовь и ненависть къ вещи, которую мы воображаемъ свободною, должна быть при одинаковой причинѣ больше, чѣмъ къ вещи необходимой.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Вещь, которую мы воображаемъ свободною, должна быть представляема (по опр. 7 части 1) посредствомъ себя безъ другихъ. Итакъ, если она воображается причиною радости или печали, то по этому самому (по схол. пол. 13 этой части) мы будемъ любить или ненавидѣть ее (по предъид. пол.), и притомъ наибольшую любовью или ненавистью, какая только можетъ быть возбуждена даннымъ аффектомъ. Но если мы вещь, которая есть причина этого аффекта, представимъ себѣ необходимою, тогда (по опр. 7 части 1) мы будемъ воображать, что она не одна, но вмѣстѣ съ другими есть причина этого аффекта; и поэтому (по предъид. пол.) любовь и ненависть къ ней будетъ меньше,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Изъ этого слѣдуетъ, что люди, воображая себя свободными, питаютъ другъ къ другу большую ненависть или любовь, чѣмъ къ другимъ вещамъ; къ этому присоединяется и подражаніе аффектамъ, о которомъ см. положенія 27, 34, 40 и 43 этой части.

ПОЛОЖЕНІЕ L.

Всякая вещь можетъ быть случайно причиною надежды или страха.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это положеніе доказывается тѣмъ же путемъ, какимъ и положеніе 15 этой части, которое см. вмѣстѣ съ схоліей положенія 18 этой части.

СХОЛІЯ.

Вещи, которыя случайно бываютъ причиною надежды или страха, называются *хорошими* или *дурными предзнаменованіями*. Затѣмъ, поскольку эти предзнаменованія бываютъ причиною надежды или страха, постольку (*по отф. надежды и страха, которое см. въ схоліи 2 пол. 18 этой части*) они бываютъ причиною радости или печали и, слѣдовательно (*по королл. пол. 15 этой части*), постольку мы будемъ ихъ любить или ненавидѣть и (*по пол. 28 этой части*) пользоваться ими какъ средствами для достиженія того, чего мы надѣмся, или будемъ стремиться устранить ихъ, какъ препятствія или какъ причину страха. Кромѣ того, изъ *положенія 25 этой части* слѣдуетъ, что мы отъ природы такъ устроены, что считаемъ то, чего надѣмся, легкимъ, и то, чего боимся, труднымъ, и судимъ объ этомъ или преувеличенно или считаемъ его менѣе важнымъ противъ дѣйствительности. Изъ этого и произошли суевѣрія, съ которыми люди борются вездѣ. Впрочемъ я не считаю стоющимъ труда показывать здѣсь колебанія души, которыя происходятъ отъ надежды или страха, такъ какъ уже изъ одного опредѣленія этихъ аффектовъ слѣдуетъ, что нѣтъ надежды безъ страха и страха безъ надежды (какъ мы объяснимъ это подробнѣе въ своемъ мѣстѣ), и такъ какъ, кромѣ того, поскольку мы надѣмся или боимся чего-нибудь, постольку любимъ его или ненавидимъ. Потому все, что мы сказали о любви и ненависти, каждый легко можетъ примѣнить къ надеждѣ и страху.

ПОЛОЖЕНІЕ LI.

Разные люди могутъ отъ одного и того же предмета испытывать разные впечатлѣнія, и одинъ и тотъ же человекъ отъ одного и того же предмета можетъ испытывать въ разное время разные впечатлѣнія.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Тѣло человѣческое (*по постул. 3 части II*) испытываетъ многоразличныя дѣйствія внѣшнихъ тѣлъ. Такимъ образомъ, два человѣка въ одно и то же время могутъ испытывать разныя впечатлѣнія; а поэтому (*по акс. I послѣ лемм. 3, которую см. послѣ пол. 13 части II*) отъ одного и того же предмета могутъ получать разныя впечатлѣнія. Затѣмъ (*по тому же постул.*), человѣческое тѣло можетъ испытывать впечатлѣнія то одного, то другого рода, и, слѣдовательно (*по той же акс.*), отъ одного и того же предмета въ разное время получать разныя впечатлѣнія,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Изъ этого мы видимъ, какимъ образомъ можетъ случиться, что одинъ любить то, что другой ненавидитъ, и чего одинъ боится, того другой не боится, и что одинъ и тотъ же человѣкъ любить то, что прежде ненавидѣлъ, и осмѣливается на то, чего прежде боялся, и проч. Далѣе, такъ какъ каждый по своему аффекту судить о томъ, что хорошо, что дурно, что лучше и что хуже (*см. схол. пол. 39 этой части*), то изъ этого слѣдуетъ, что люди могутъ разнообразиться какъ по сужденіямъ, такъ и по аффектамъ *); а вслѣдствіе этого бываетъ, что когда мы сравниваемъ однихъ съ другими, то они отличаются отъ насъ только различіемъ аффектовъ, и потому мы однихъ называемъ безстрашными, другихъ робкими, а иныхъ еще иначе. Напр., я назову безстрашнымъ того, кто презираетъ зло, котораго я обыкновенно боюсь; и если, кромѣ того, я обращаю вниманіе на то, что его желаніе причинять зло тому, кого онъ ненавидитъ, и дѣлать добро тому, кого онъ любитъ, не сдерживается

*) Что это можетъ быть, несмотря на то, что душа человѣческая составляетъ часть божественнаго разума, мы показали въ *схол. пол. 17 части II*.

опасеніемъ зла, которое меня обыкновенно сдерживаетъ, то я назову его отважнымъ. Затѣмъ, мнѣ покажется робкимъ тотъ, кто боится зла, которое я обыкновенно презираю, и если, кромѣ того, я обращу вниманіе на то, что его желаніе сдерживается опасеніемъ зла, которое меня не можетъ сдерживать, то я назову его малодушнымъ; и такъ будетъ судить каждый. Наконецъ, изъ этой природы человѣка и непостоянства сужденія—такъ какъ человѣкъ часто судить о вещахъ только по аффекту и такъ какъ вещи, которыя, по его мнѣнію, причиняютъ радость и печаль, и которыя онъ старается вызвать къ существованію или устранить, часто существуютъ только въ его воображеніи, не говоря уже о многомъ другомъ, что мы показали о недостоверности вещей во II части,—мы легко понимаемъ, что человѣкъ часто бываетъ причиною какъ того, чтобы печалиться, такъ и того, чтобы радоваться, другими словами, какъ своей радости, такъ и печали, сопровождаемыхъ идеей его самого, какъ причины. Изъ этого также мы легко понимаемъ, что такое раскаяніе, и что довольство собою; именно, *раскаяніе есть печаль, сопровождаемая идеей самого себя, а довольство собою есть радость, сопровождаемая идеей самого себя, какъ причиной.* И эти аффекты бываютъ самыми сильными, такъ какъ люди считаютъ себя свободными. См. положеніе 49 этой части.

ПОЛОЖЕНІЕ III.

Предметъ, который мы видѣли прежде съ другими предметами, или въ которомъ мы не воображаемъ ничего, кромѣ того, что обще ему со многими, мы будемъ представлять себѣ не такъ доло, какъ тотъ, о которомъ мы воображаемъ, что онъ имѣетъ нѣчто особенное.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Какъ только мы вообразимъ предметъ, который мы видѣли вмѣстѣ съ другими, то тотчасъ же вспомнимъ и

другіе (по пол. 18 части II, и см. также ея схолоію), и такимъ образомъ отъ представленія одного мы тотчасъ переходимъ къ представленію другого. Точно то же бываетъ и съ предметомъ, въ которомъ мы не воображаемъ ничего, что не было бы обще ему съ другими. Ибо мы тѣмъ самымъ предполагаемъ, что мы въ немъ не находимъ ничего, чего прежде не видѣли бы въ другихъ предметахъ. Но когда мы предполагаемъ, что мы въ какомъ-нибудь предметѣ представляемъ себѣ нѣчто особенное, чего мы прежде никогда не видали, то выражаемъ этимъ не что иное, какъ то, что душа, пока представляетъ себѣ этотъ предметъ, не имѣетъ въ себѣ ничего другого, къ представленію чего она могла бы перейти отъ представленія этого предмета. И поэтому она опредѣлена къ представленію себѣ только его одного. Слѣдовательно, предметъ, который и проч.,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Это впечатлѣніе души или воображеніе отдѣльной вещи, поскольку она носится въ душѣ одна, называется *удивленіемъ*; если же оно возбуждается предметомъ, котораго мы боимся, то называется *смущеніемъ*, потому что удивленіе ко злу до того приковывается къ себѣ представленія человѣка, что онъ не можетъ разсуждать о чемъ-нибудь другомъ, посредствомъ чего можно было бы избѣжать этого зла. Но если то, чему мы удивляемся, есть благоразуміе человѣка, прилежаніе или что-нибудь въ этомъ родѣ, и мы представляемъ, что этимъ онъ далеко превосходитъ насъ, тогда удивленіе называется *уваженіемъ*; а въ другомъ случаѣ—*ужасомъ*, если мы удивляемся гнѣву человѣка, его зависти и проч. Затѣмъ, если въ человѣкѣ, котораго мы любимъ, мы удивляемся благоразумію, дѣятельности и проч., то наша любовь по тому самому (по пол. 12 этой части) будетъ еще больше, и эту любовь, соединенную съ уваженіемъ, мы называемъ *преданностью*.

И такимъ образомъ мы можемъ также понять, какъ ненависть, надежда, безопасность и другіе аффекты соединены съ удивленіемъ, а потому мы могли бы вывести больше аффектовъ, чѣмъ сколько существуетъ въ общепринятомъ языкѣ словъ для ихъ обозначенія. Отсюда видно, что названія аффектовъ скорѣе составились изъ употребленія ихъ въ житейскомъ языкѣ, чѣмъ на основаніи ихъ точнаго познанія.

Удивленію противоположается *презрѣніе*, причина котораго впрочемъ болѣею частью лежитъ въ томъ, что мы на томъ основаніи, что видимъ, какъ кто-нибудь какой-нибудь вещи удивляется, любить ее и боится ея, и проч., или на томъ, что какая-либо вещь съ перваго взгляда кажется намъ похожею на вещи, которымъ мы удивляемся, которыя любимъ, которыхъ боимся, и проч. (по пол. 15 съ ею королл. и пол. 27 этой части), опредѣляемся къ тому, чтобъ удивляться этой вещи, любить ее, бояться ея и пр. Но если, вслѣдствіе присутствія самой вещи или болѣе тщательнаго разсмотрѣнія ея, мы вынуждены бываемъ отрицать въ ней все то, что можетъ быть причиною удивленія, любви, страха и проч., тогда душа въ силу самого присутствія вещи пребываетъ опредѣленною къ мышленію скорѣе того, чего нѣтъ въ предметѣ, чѣмъ того, что есть въ немъ; хотя обыкновенно, наоборотъ, вслѣдствіе присутствія предмета, она преимущественно мыслить то, что есть въ предметѣ. Далѣе, какъ преданность происходитъ отъ удивленія къ вещи, которую мы любимъ, такъ *издѣвательство* происходитъ отъ презрѣнія къ той вещи, которую мы ненавидимъ или боимся, а *пренебреженіе* — изъ презрѣнія къ глупости, какъ почитаніе — изъ уваженія къ благоразумію. Наконецъ, мы можемъ понять, какъ любовь, надежда, слава и другіе аффекты соединены съ презрѣніемъ, и отсюда вывести еще другіе аффекты, которыхъ мы обыкновенно не обозначаемъ особыми названіями.

ПОЛОЖЕНІЕ ІІІ.

Когда душа представляетъ себя саму себя и свою способность къ дѣятельности, то она радуется, и тѣмъ больше, чѣмъ отчетливѣе она воображаетъ себя и свою способность къ дѣятельности.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Человѣкъ знаетъ самого себя не иначе, какъ посредствомъ испытываемыхъ его тѣломъ впечатлѣній и ихъ идей (*по пол. 19 и 23 части 11*). Слѣдовательно, когда бываетъ, что душа можетъ созерцать саму себя, тогда она этимъ самымъ переходитъ къ большому совершенству, т. е. (*по схоли пол. 11 этой части*) предполагается испытывающею радость, и тѣмъ болѣе, чѣмъ отчетливѣе она можетъ вообразить себя и свою способность къ дѣятельности,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Эта радость поддерживается все болѣе и болѣе, чѣмъ болѣе человѣкъ воображаетъ, что другіе хвалятъ его. Ибо чѣмъ болѣе онъ воображаетъ, что другіе хвалятъ его, тѣмъ болѣе воображаетъ ту радость, которую онъ причиняетъ другимъ, и притомъ въ сопровожденіи идеи себя самого (*по схол. пол. 29 этой части*). И потому (*по пол. 27 этой части*) онъ и самъ испытываетъ большую радость, сопровождаемую идеей самого себя,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ ІІV. .

Душа стремится вообразать только то, что полагаетъ ея способность къ дѣятельности.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Стремленіе души или способность есть сама сущность души (*по пол. 7 этой части*). Сущность же души (какъ

ясно само собою) утверждаетъ только то, что она есть и что можетъ (дѣлать), а не то, что она не есть, и чего не можетъ (дѣлать). Поэтому она стремится воображать только то, что утверждаетъ или полагаетъ ея способность къ дѣятельности,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ LV.

Когда душа воображаетъ свое безсиліе, то она отъ этого печалится.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Сущность души утверждаетъ только то, что душа есть и что она можетъ (дѣлать), или природѣ души свойственно воображать только то, что полагаетъ ея способность къ дѣятельности (*по предъид. пол.*). Стало быть, когда мы говоримъ, что душа, созерцая саму себя, воображаетъ свое безсиліе, то говоримъ этимъ не что иное, какъ то, что, въ то время какъ душа стремится воображать что-нибудь такое, что полагаетъ ея способность къ дѣятельности, это стремленіе ея задерживается, другими словами (*по схол. пол. II этой части*), что она печалится,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ I.

Эта печаль еще болѣе поддерживается, если человѣкъ воображаетъ, что другіе порицаютъ его; это доказывается такимъ же образомъ, какъ и королларій *пол. 53 этой части*.

СХОЛІЯ.

Эта печаль, сопровождаемая идеею нашей слабости, называется *приниженностью*; радость же, происходящая отъ представленія самого себя, называется *самолюбіемъ* или *самодовольствомъ*. И такъ какъ это повторяется всякій разъ, какъ только человѣкъ созерцаетъ свои добродѣтели или свою способность къ дѣятельности, то отсюда

и происходитъ, что каждый охотно разсказываетъ о своихъ дѣйствіяхъ и желаетъ показывать силы какъ своего тѣла, такъ и души, и отъ того люди бываютъ тягостны другъ другу. А изъ этого опять слѣдуетъ, что люди по природѣ завистливы (см. *схол. пол. 24 и схол. пол. 32 этой части*) или радуются слабости себѣ равныхъ и, напротивъ, печалются при видѣ ихъ доблестей. Ибо каждый всякій разъ, какъ воображаетъ свои дѣйствія, испытываетъ радость (*по пол. 53 этой части*), и тѣмъ болѣе, чѣмъ дѣйствія его выражаютъ больше совершенства, и чѣмъ отчетливѣе онъ ихъ воображаетъ, т. е. (*по тому, что сказано въ схол. 1, пол. 40 части 11*) чѣмъ болѣе онъ можетъ ихъ отличать отъ другихъ и созерцать какъ особыя вещи. Поэтому каждый при созерцаніи самого себя будетъ больше всего радоваться тогда, когда онъ созерцаетъ въ себѣ нѣчто такое, что онъ отрицаетъ въ остальныхъ. Но если то, что онъ утверждаетъ о себѣ, относится къ общей идеѣ человѣка или животнаго, тогда онъ радуется не такъ сильно; наоборотъ, онъ будетъ печалиться, если вообразить, что его дѣйствія сравнительно съ дѣйствіями другихъ слабѣе, и эту печаль (*по пол. 28 этой части*) онъ будетъ стремиться устранить, и притомъ тѣмъ, что будетъ превратно толковать дѣйствія подобныхъ себѣ, или разукрашивать, сколько возможно, свои собственные. Изъ этого открывается, что люди по природѣ склонны къ ненависти и зависти, чему содѣйствуетъ также и само воспитаніе. Ибо родители обыкновенно возбуждаютъ дѣтей къ доблести только однимъ стимуломъ чести и зависти. Но здѣсь остается, можетъ быть, то недоразумѣніе, что нерѣдко мы удивляемся доблестямъ людей и почитаемъ ихъ. Для устраненія его, я прибавлю слѣдующій короларій.

КОРОЛЛАРІЙ II.

Каждый завидуетъ доблести только равнаго себѣ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Зависть есть сама ненависть (*см. схол. пол. 24 этой части*), или (*по схол. пол. 13 этой части*) печаль, т. е. (*по схол. пол. 11 этой части*) аффектъ, которымъ задерживается способность или стремленіе человѣка къ дѣятельности. Но человѣкъ (*по схол. пол. 9 этой части*) не стремится ничего дѣлать и не желаетъ ничего, кромѣ того, что можетъ вытекать изъ данной его природы. Слѣдовательно, человѣкъ не будетъ желать, чтобы его хвалили за какую-нибудь способность къ дѣятельности или (что то же) за какую-нибудь добродѣтель, которая свойственна природѣ другого и чужда его собственной. Поэтому его пожеланіе не можетъ встрѣчать затрудненія, т. е. (*по схол. пол. 11 этой части*) онъ не можетъ печалиться отъ того, что онъ видитъ въ комъ-нибудь, на него не похожемъ, какую-нибудь добродѣтель, и, слѣдовательно, онъ не можетъ и завидовать ему; но можетъ завидовать равному, который предполагается одинаковой съ нимъ природы,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ I.

Итакъ, когда мы говорили выше въ *схол. положенія 52 этой части*, что мы почитаемъ человѣка потому, что удивляемся его благоразумію, храбрости и проч., то это бываетъ потому (*какъ видно изъ самаго положенія*), что мы воображаемъ, что эти добродѣтели особенно свойственны ему и не составляютъ чего-нибудь общаго съ нашей природой; и поэтому мы будемъ завидовать имъ не болѣе, чѣмъ деревьямъ въ высотѣ и лвамъ въ силѣ, и проч.

ПОЛОЖЕНІЕ LVI.

Есть столько видовъ радости, печали, пожеланія и, слѣдовательно, каждая аффекта, который составляется изъ нихъ, какъ, напр., душевнаго колебанія, или который произ-

водится отъ этихъ послѣднихъ, именно любви, ненависти, надежды, страха и проч., сколько есть видовъ предметовъ, которые производятъ на насъ дѣйствіе.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Радость и печаль, и, слѣдовательно, аффекты, которые изъ нихъ составляются или отъ нихъ производятся, суть страсти (*по схол. пол. 11 этой части*); но мы (*по пол. 1 этой части*) необходимо страдаемъ, поскольку имѣемъ неполныя идеи; и поскольку имѣемъ ихъ (*по пол. 3 этой части*), постольку лишь и страдаемъ, т. е. (*см. схол. 1 пол. 40 части 11*) постольку лишь необходимо страдаемъ, поскольку воображаемъ, другими словами (*см. пол. 17 части 11 съ его схол.*), поскольку испытываемъ дѣйствіе аффекта, который заключаетъ въ себѣ природу нашего тѣла и природу внѣшняго тѣла. Такимъ образомъ, природа каждой страсти необходимо должна раскрываться такъ, чтобы въ этомъ выражалась природа предмета, который возбуждаетъ аффектъ. Именно, радость, которая происходитъ, напр., отъ предмета А, заключаетъ въ себѣ природу самого предмета А, а радость, которая происходитъ отъ предмета В, заключаетъ въ себѣ природу самого предмета В; и стало быть эти два аффекта радости различны по природѣ, потому что происходятъ отъ причинъ различной природы. Такимъ же образомъ аффектъ печали, происходящій отъ одного предмета, отличенъ по природѣ отъ печали, происходящей отъ другой причины; и это же самое нужно разумѣть относительно любви, ненависти, надежды, страха, колебанія души, и проч. И поэтому необходимо существуетъ столько видовъ радости, печали, любви, ненависти и проч., сколько есть видовъ предметовъ, которые производятъ на насъ дѣйствіе. Но пожеланіе есть сама сущность или природа каждаго, поскольку она разсматривается опредѣляемою къ извѣстному дѣйствию какимъ-нибудь даннымъ ея состояніемъ (*см. схолю пол. 9 этой части*). Слѣ-

довательно, смотря по тому, какъ каждый отъ дѣйствія внѣшнихъ причинъ испытываетъ тотъ или другой видъ радости, печали, любви, ненависти и проч., т. е. смотря по тому, какъ его природа устраивается такимъ или другимъ образомъ, и пожеланіе его необходимо бываетъ такое или другое, и природа пожеланія одного должна отличаться отъ природы пожеланія другого настолько, насколько разнятся между собою аффекты, отъ которыхъ происходитъ каждое пожеланіе. Итакъ, существуетъ столько видовъ пожеланія, сколько есть видовъ радости, печали, любви и проч., и, слѣдовательно (какъ это уже показано), сколько есть видовъ предметовъ, которые производятъ на насъ дѣйствіе,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Между видами аффектовъ, которыхъ (*по пред. пол.*) должно быть весьма много, выдаются *роскошество, пьянство, сладострастіе, корыстолюбіе и честолюбіе*, которыя суть не что иное, какъ понятія любви или пожеланія, и которыя раскрываютъ природу этихъ двухъ аффектовъ посредствомъ предметовъ, къ которымъ относятся. Ибо подъ роскошествомъ, пьянствомъ, сладострастіемъ, корыстолюбіемъ и честолюбіемъ мы разумѣемъ не что иное, какъ неумѣренную любовь или пожеланіе пировать, пьянствовать, имѣть половыя удовольствія, богатство и славу. Кромѣ того, эти аффекты, поскольку мы ихъ отличаемъ отъ другихъ лишь по предмету, къ которому они относятся, не имѣютъ противоположныхъ себѣ аффектовъ. Ибо умѣренность, которую мы обыкновенно противопоставляемъ роскошеству, трезвость, которую противопоставляемъ пьянству, и, наконецъ, цѣломудріе, противопоставляемое сладострастію, не суть аффекты или страсти, но указываютъ на силу души, которая умѣряетъ эти аффекты. Остальныхъ же видовъ аффектовъ я не могу объяснить здѣсь (такъ какъ ихъ столько, сколько видовъ предметовъ), и даже если бы могъ, то нѣтъ надобности въ

этомъ. Ибо для нашей цѣли, именно для опредѣленія силы аффектовъ и власти души надъ ними, намъ достаточно имѣть общее опредѣленіе каждаго аффекта. Достаточно, говорю я, понимать общія свойства аффектовъ и души для того, чтобъ можно было опредѣлить, какова и какъ велика власть души въ дѣлѣ умѣренія и сдерживанія аффектовъ. Итакъ, хотя и велико различіе между тѣмъ и другимъ аффектомъ любви, ненависти или пожеланія, напр., между любовью къ дѣтямъ и любовью къ женѣ, однако не наше дѣло разбирать эти различія и изслѣдовать далѣе природу и происхожденіе аффектовъ.

ПОЛОЖЕНІЕ LVII.

Какой бы то ни было аффектъ всякаго индивидуума отличается отъ аффекта другою настолько, насколько сущность одного отличается отъ сущности другою.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это положеніе явствуется изъ акс. 1, которую см. послѣ леммы 3 схол. пол. 13 части 11. Но тѣмъ не менѣе мы докажемъ его на основаніи опредѣленій трехъ первоначальныхъ аффектовъ. Всѣ аффекты относятся къ пожеланію, радости или печали, какъ показываютъ данныя нами опредѣленія ихъ. Но пожеланіе есть сама природа или сущность каждаго (см. его опред. въ схол. пол. 9 этой части); слѣдовательно, пожеланіе каждаго индивидуума отличается отъ пожеланія другого настолько, насколько природа или сущность одного отличается отъ природы или сущности другого. Далѣе, радость и печаль суть страсти, которыми увеличивается или уменьшается, поддерживается или стѣсняется способность или стремленіе каждаго сохранять свое существованіе (по пол. 11 этой части и его схол.). Но подъ стремленіемъ сохранять свое существованіе, поскольку оно относится вмѣстѣ къ душѣ и къ тѣлу, мы разумѣемъ позывъ и пожеланіе (см. схол.

пол. 9 этой части); слѣдовательно, радость и печаль есть само пожеланіе или позывъ, поскольку онъ увеличивается или уменьшается, поддерживается или стѣсняется внѣшними причинами, т. е. *(по той же схол.)* есть сама природа каждаго. Поэтому радость или печаль каждаго отличается отъ радости или печали другого настолько, насколько природа и сущность одного отличается отъ природы и сущности другого; и, слѣдовательно, какой бы то ни было аффектъ всякаго индивидуума отличается отъ аффекта другого настолько и проч., — что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Изъ этого слѣдуетъ, что аффекты животныхъ, которыя называются неразумными (мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что животныя мыслятъ, послѣ того, какъ мы узнали происхожденіе души), отличаются отъ аффектовъ людей настолько, насколько ихъ природа отличается отъ человѣческой природы. Лошадь и человѣкъ одинаково возбуждаются сладострастнымъ чувствомъ, но лошадь лошадинымъ, а человѣкъ человѣческимъ. Такъ же точно должны различаться между собою сладострастные стремленія и позывы насѣкомыхъ, рыбъ и птицъ. Итакъ, хотя каждый индивидуумъ живетъ, довольный своею, свойственною ему, природою и наслаждается ею; однако же жизнь, которою каждый доволенъ, и удовольствіе каждаго есть не что иное, какъ идея или душа этого индивидуума; и поэтому удовольствіе одного отличается по природѣ отъ удовольствія другого настолько, насколько сущность одного отличается отъ сущности другого. Наконецъ, изъ предшествующаго положенія слѣдуетъ, что существуетъ не малая разница между удовольствіемъ, которое ощущаетъ, напр., пьяный, и удовольствіемъ, которымъ обладаетъ философъ, — о чемъ я хотѣлъ упомянуть здѣсь мимоходомъ. До сихъ поръ мы говорили объ аффектахъ, которые относятся къ человѣку, поскольку

онъ страдаетъ; остается теперь прибавить нѣчто о тѣхъ аффектахъ, которые относятся къ человѣку, поскольку онъ дѣйствуетъ.

ПОЛОЖЕНІЕ LVIII.

Кромѣ радости и пожеланія, которыя суть страсти, есть еще другіе аффекты радости и пожеланія, которые относятся къ намъ, поскольку мы дѣйствуемъ.

КОРОЛЛАРІЙ.

Когда душа представляетъ себѣ саму себя и свою способность къ дѣятельности, то она радуется (*по пол. 53 этой части*). Душа же необходимо представляетъ себѣ саму себя, когда получаетъ истинную или полную идею (*по пол. 43 части 11*). Но душа получаетъ нѣкоторыя полныя идеи (*по схол. 2 пол. 40 части 11*). Слѣдовательно, она радуется постольку, поскольку получаетъ полныя идеи, т. е. (*по пол. 1 этой части*) поскольку дѣйствуетъ. Затѣмъ, душа, какъ поскольку она имѣетъ ясныя и отчетливыя идеи, такъ и поскольку имѣетъ идеи спутанныя, стремится сохранить свое существованіе (*по пол. 9 этой части*). Но подъ стремленіемъ мы понимаемъ пожеланіе (*по схол. тою же пол. этой части*). Слѣдовательно, пожеланіе относится къ намъ, поскольку мы понимаемъ, или (*по пол. 1 этой части*) поскольку мы дѣйствуемъ,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ LIX.

Между всеми аффектами, относящимися къ душѣ, поскольку она дѣйствуетъ, нѣтъ никакихъ, кромѣ тѣхъ, которые относятся къ радости или къ пожеланію.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Всѣ аффекты относятся къ пожеланію, радости или печали, какъ показываютъ данныя нами опредѣленія ихъ.

Подъ печалью же мы разумѣмъ то, чѣмъ уменьшается или задерживается способность мышленія души (*по пол. и этой части и его схол.*); поэтому, поскольку душа печалится, постольку уменьшается или задерживается ея способность мышленія, т. е. дѣятельности. Слѣдовательно, никакіе аффекты печали не могутъ относиться къ душѣ, поскольку она дѣйствуетъ, но лишь аффекты радости и пожеланія, которые (*по предъид. пол.*) постольку и относятся къ душѣ,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Всѣ дѣйствія, которыя вытекаютъ изъ аффектовъ, относящихся къ душѣ, поскольку она понимаетъ, я отношу къ храбрости, которую я раздѣляю на мужество и великодушіе. Ибо подъ мужествомъ я понимаю пожеланіе, по которому каждый стремится сохранять свое существованіе, слѣдуя единственно внушенію разума. Подъ великодушіемъ же я разумѣю пожеланіе, по которому каждый, слѣдуя единственно только внушенію разума, стремится помогать другимъ людямъ и привязывать ихъ къ себѣ дружбою. Итакъ, тѣ дѣйствія, которыя имѣютъ цѣлью только одну пользу дѣйствующаго, я отношу къ мужеству, а тѣ, которыя имѣютъ цѣлью также пользу другихъ, я отношу къ великодушію. Поэтому умѣренность, трезвость и присутствіе духа въ опасностяхъ и проч. суть виды мужества; а скромность, милосердіе и проч. суть виды великодушія. И я думаю, что этимъ я объяснилъ главные аффекты и душевные волненія, которыя происходятъ отъ соединенія трехъ первоначальныхъ аффектовъ, именно: пожеланія, радости и печали, и свелъ ихъ къ ихъ первымъ причинамъ. Изъ этого видно, что мы движемся внѣшними причинами различнымъ образомъ и что мы колеблемся, подобно морскимъ волнамъ, гонимымъ противоположными вѣтрами, изъ стороны въ сторону, сами не зная своего исхода и судьбы. Но я сказалъ, что я показаль только главнѣйшія столкновенія души, а не всѣ, какія могутъ

быть. Ибо, идя тѣмъ же путемъ, какимъ мы слѣдовали выше, мы легко можемъ показать, что любовь соединяется съ раскаяніемъ, пренебреженіемъ, стыдомъ и проч. Изъ сказаннаго уже, я думаю, всякому ясно видно, что аффекты могутъ столь разными способами соединяться одни съ другими и что отсюда можетъ происходить столько разныхъ оттѣнковъ, что ихъ нельзя выразить никакимъ числомъ. Но для моей цѣли достаточно перечислить только главнѣйшіе; ибо остальные, опущенные мною, болѣе любопытны, чѣмъ полезны. Впрочемъ, о любви остается еще замѣтить то, что весьма часто случается, именно, что въ то время, когда мы пользуемся тою вещью, которой желали, тѣло вслѣдствіе этого пользованія пріобрѣтаетъ новое расположеніе, которое опредѣляетъ его уже иначе, и въ немъ возбуждаются другіе образы вещей, и вмѣстѣ съ тѣмъ душа начинаетъ воображать иное и желать иного. Напр., когда мы воображаемъ что-нибудь дѣйствующее пріятно на нашъ вкусъ, то желаемъ пользоваться этою вещью; т. е. ѣсть ее. Но пока мы ею такъ пользуемся, желудокъ наполняется, и тѣло получаетъ иное расположеніе. Если, такимъ образомъ, въ то время, когда тѣло уже получило другое расположеніе, образъ той же пищи вслѣдствіе присутствія ея самой будетъ поддерживаться, а вмѣстѣ съ нимъ стремленіе или пожеланіе ѣсть ее, то этому стремленію или пожеланію будетъ противоѣствовать то новое состояніе тѣла и, слѣдовательно, присутствіе вещи, которой мы желали, будетъ намъ ненавистно: это мы и называемъ *пресыщеніемъ* и *отвращеніемъ*. Но внѣшнія состоянія тѣла, которыя наблюдаются при аффектахъ, каковы дрожь, блѣдность, рыданія, смѣхъ и проч., я оставилъ безъ вниманія, такъ какъ они относятся только къ тѣлу безъ всякаго отношенія къ душѣ. Въ заключеніе нужно сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно *опредѣлений аффектовъ*, и потому я повторяю ихъ здѣсь въ порядкѣ и прибавлю къ каждому то, что нужно замѣтить о немъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ АФФЕКТОВЪ.

I.

Пожеланіе есть сама сущность человѣка, поскольку она разсматривается какъ опредѣленная къ какому-нибудь дѣйствию какимъ-нибудь даннымъ состояніемъ ея.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Мы сказали выше *въ схоли положенія 9 этой части*, что пожеланіе есть позывъ, соединенный съ сознаніемъ его; позывъ же есть сама сущность человѣка, поскольку она опредѣляется къ такимъ дѣйствіямъ, которыя служатъ для ея сохраненія. Но въ той же схоли я доказывалъ, что на самомъ дѣлѣ я не признаю различія между человѣческимъ позывомъ и пожеланіемъ. Ибо, сознаетъ ли человѣкъ свои позывы, или не сознаетъ, позывъ все-таки остается однимъ и тѣмъ же; поэтому, чтобъ не дѣлать тавтологіи, я не хотѣлъ объяснять пожеланіе посредствомъ позыва, а старался опредѣлять его такимъ образомъ, чтобы всѣ стремленія человѣческой природы, которыя мы обозначаемъ названіями позыва, воли, пожеланія или влеченія, соединить въ одно. Я могъ бы сказать, что пожеланіе есть сама сущность человѣка, поскольку она представляется опредѣленной къ какому-нибудь дѣйствию; но изъ этого опредѣленія (*по пол. 23 части II*) не вытекало бы, что душа можетъ сознать свое пожеланіе или свой позывъ. Итакъ, чтобы включить въ опредѣленіе причину этого сознанія, необходимо было (*по тому же пол.*) прибавить: поскольку она разсматривается какъ опредѣленная какимъ-нибудь даннымъ состояніемъ ея. Ибо подъ состояніемъ человѣческой сущности мы разумѣемъ всякое ея расположеніе, будетъ ли оно врожденное, или же она будетъ опредѣляться однимъ атрибутомъ мышленія, или однимъ атрибутомъ протяженія, или, наконецъ, будетъ относиться къ тому и другому вмѣстѣ. Итакъ, подъ име-

немъ пожеланія я разумѣю всякія стремленія людей, ихъ порывы, позывы и желанія, которые, смотря по различному устройству одного и того же человѣка, могутъ быть различны и нерѣдко бываютъ противоположны другъ другу, такъ что человѣкъ влечется въ различныя стороны и не знаетъ, куда ему обратиться.

II.

Радость есть переходъ человѣка отъ меньшаго къ большому совершенству.

III.

Печаль есть переходъ человѣка отъ большаго къ меньшему совершенству.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Я говорю переходъ. Ибо радость не есть само совершенство. Вѣдь если бы человѣкъ уже родился съ совершенствомъ, къ которому онъ переходитъ, тогда онъ пользовался бы этимъ совершенствомъ безъ аффекта радости, что яснѣе видно изъ аффекта печали, который противоположенъ ему. Ибо никто не можетъ отрицать того, что печаль состоитъ въ переходѣ къ меньшему совершенству, а не въ самомъ меньшемъ совершенствѣ, такъ какъ человѣкъ не можетъ печалиться постольку, поскольку онъ имѣетъ въ себѣ какое-нибудь совершенство. Не можемъ мы также сказать, что печаль состоитъ въ лишеніи большаго совершенства; ибо лишеніе есть ничто, аффектъ же печали есть актъ, и онъ поэтому не можетъ состоять ни въ чемъ другомъ, какъ только въ актѣ перехода къ меньшему совершенству, т. е. въ актѣ, который уменьшаетъ или стѣсняетъ способность человѣка къ дѣятельности. См. *схемю* пол. 11 этой части. А затѣмъ я опускаю опредѣленія веселости, игривости, меланхолии и скорби, потому что они главнымъ образомъ относятся къ тѣлу и суть только виды радости или печали.

IV.

Удивленіе есть воображеніе какой-нибудь вещи, на которомъ душа останавливается долго потому, что это отдѣльное воображеніе не имѣетъ никакой связи съ другими. См. пол. 52 съ ея схоліей.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Въ схоліи положенія 18 части II мы показали, какая причина того, почему душа отъ представленія одной вещи тотчасъ же переходитъ къ представленію или мышленію другой, именно потому, что образы этихъ вещей взаимно связаны между собою и расположены такъ, что одинъ слѣдуетъ за другимъ, но этого нельзя себѣ представить, когда является новый образъ вещи, а душа будетъ останавливаться на представленіи этой вещи, пока другія причины не опредѣлятъ ее къ мышленію о чемъ-нибудь другомъ. Такимъ образомъ, воображеніе новой вещи, разсматриваемое само въ себѣ, по природѣ своей таково же, какъ и всѣ остальные; по этой причинѣ я не причисляю удивленія къ аффектамъ, да и не вижу причины, почему бы это можно было сдѣлать, такъ какъ это отвлеченіе души происходитъ не вслѣдствіе какой-нибудь положительной причины, которая бы отвлекала душу отъ другихъ вещей, но лишь вслѣдствіе того, что не достаетъ причины, которая бы отвлекала душу отъ представленія одной вещи къ мышленію другой. Итакъ (какъ я уже сказалъ въ схол. пол. II этой части), я признаю только три первоначальныхъ или первичныхъ аффекта, именно *радости, печали и пожеланія*; а я заговорилъ объ удивленіи только потому, что вообще принято нѣкоторые изъ аффектовъ, происходящихъ отъ трехъ первоначальныхъ аффектовъ, обозначать особннымъ названіемъ, когда они относятся къ предметамъ, которымъ мы удивляемся. Это же основаніе заставляетъ меня также точно прибавить здѣсь и опредѣленіе презрѣнія.

V.

Презрѣніе есть воображеніе какой-нибудь вещи, которая такъ мало занимаетъ душу, что присутствіемъ самой вещи душа побуждается воображать скорѣе то, чего нѣтъ въ самой вещи, чѣмъ то, что въ ней есть. См. *схол. пол. 52 этой части.*

Опредѣленія *почитанія* и *пренебреженія* я здѣсь пропускаю, потому что, насколько мнѣ извѣстно, никакіе аффекты по нимъ не называются.

VI.

Любовь есть радость, сопровождаемая идеей внѣшней причины.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Это опредѣленіе довольно ясно выражаетъ сущность любви. Напротивъ, опредѣленіе тѣхъ авторовъ, которые опредѣляютъ любовь какъ желаніе любящаго соединиться съ любимою вещью, выражаетъ не сущность любви, но ея свойство, и такъ какъ эти авторы не поняли сущности любви, то и не могли составить себѣ яснаго понятія и объ ея свойствѣ, а вслѣдствіе этого всѣ находятъ ихъ опредѣленіе слишкомъ темнымъ. Но нужно замѣтить, что когда я говорю, что въ любящемъ есть свойство соединяться волею съ любимою вещью, то подъ волею я не разумѣю ни согласія, ни разсужденія, ни свободного рѣшенія души (*ибо, что это фиктивно, я показалъ въ пол. 48 части 11*), ни пожеланія соединяться съ любимою вещью, когда она отсутствуетъ, или продолжать быть вмѣстѣ съ нею, когда она присутствуетъ (*ибо любовь можетъ быть представлена безъ того или другого пожеланія*); но подъ волею я разумѣю успокоеніе, которое происходитъ въ любящемъ отъ присутствія любимой вещи, усиливающего или по крайней мѣрѣ поддерживающего радость любящаго.

VII.

Ненависть есть печаль, сопровождаемая идеей внѣшней причины.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

То, что здѣсь нужно замѣтить, ясно видно изъ сказаннаго въ *объясн. предвид. пол. См., кромѣ того, схол. пол. 13 этой части.*

VIII.

" Склонность есть радость, сопровождаемая идеей какой-нибудь вещи, которая случайно можетъ быть предметомъ радости.

IX.

Отвращеніе есть печаль, сопровождаемая идеей какой-нибудь вещи, которая случайно можетъ быть причиною печали. Объ этомъ *см. схол. пол. 15 этой части.*

X.

Преданность есть любовь къ тому, кому мы удивляемся.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Мы показали въ *положеніи 52 этой части*, что удивленіе рождается изъ новизны вещи. Итакъ, если случится, что мы часто будемъ воображать то, чему удивляемся, то мы перестанемъ удивляться ему; и потому мы видимъ также, что аффектъ преданности легко выродается въ обыкновенную любовь.

XI.

Издѣвательство есть радость, происходящая отъ того, что то, что мы презираемъ въ ненавистной намъ вещи, мы воображаемъ дѣйствительно въ ней находящимся.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

Поскольку мы презираемъ ненавистную вещь, постольку отрицаемъ въ ней существованіе (*см. схол. пол. 52 этой части*) и постольку (*по пол. 20 этой части*) радуемся. Но такъ какъ мы предполагаемъ, что человѣкъ то, надъ чѣмъ онъ издѣвается, все-таки ненавидитъ, то изъ этого слѣдуетъ, что эта радость не можетъ быть прочною. *См. схолію положенія 47 этой части.*

XII.

Надежда есть непостоянная радость, происходящая изъ идеи вещи будущей или прошедшей, относительно исхода которой мы до нѣкоторой степени сомнѣваемся.

XIII.

Страхъ есть непостоянная печаль, происходящая изъ идеи будущей или прошедшей вещи, относительно которой мы до нѣкоторой степени сомнѣваемся. *См. объ этомъ схолію 2 полож. 18 этой части.*

ОБЪЯСНЕНИЕ.

Изъ этихъ опредѣленій слѣдуетъ, что нѣтъ надежды безъ страха и страха безъ надежды. Ибо, кто питаетъ надежду и сомнѣвается въ исходѣ вещи, тотъ предполагается воображающимъ нѣчто такое, что исключаетъ существованіе будущей вещи; а потому онъ печалится (*по пол. 19 этой части*) и, слѣдовательно, пока онъ питаетъ надежду, боится, что вещь не случится. Кто же, напротивъ, находится въ страхѣ, т. е. сомнѣвается въ исходѣ ненавистной ему вещи, тотъ также воображаетъ нѣчто, что исключаетъ существованіе этой вещи; поэтому (*по пол. 20 этой части*) онъ радуется и, слѣдовательно, постольку имѣетъ надежду, что она не случится.

XIV.

Безопасность есть радость, происходящая изъ идеи будущей или прошедшей вещи, относительно которой устранена причина сомнѣнія.

XV.

Отчаяніе есть печаль, происходящая изъ идеи будущей или прошедшей вещи, относительно которой устранена причина сомнѣнія.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Такимъ образомъ, изъ надежды является безопасность, а изъ страха отчаяніе, когда устраняется причина сомнѣнія относительно исхода вещи; а это бываетъ отъ того, что человѣкъ прошедшую вещь воображаетъ присутствующей и созерцаетъ ее какъ настоящую, или отъ того, что воображается что-нибудь другое, исключющее существованіе тѣхъ вещей, которыя причиняли ему сомнѣніе. Ибо, хотя въ исходѣ отдѣльныхъ вещей (*по королл. пол. 31 части II*) мы никогда не можемъ быть увѣрены, однако же можетъ быть такъ, что мы не сомнѣваемся въ исходѣ ихъ. Ибо, какъ мы показали (*см. схол. пол. 49 части II*), иное дѣло не сомнѣваться въ вещи, и иное дѣло имѣть увѣренность въ ней; и поэтому можетъ случиться, что образъ прошедшей или будущей вещи произведетъ въ насъ такую же радость, какъ и образъ вещи настоящей, какъ это мы доказали въ положеніи 18 этой части, которое и см. съ его схолией 2.

XVI.

Веселость есть радость, сопровождаемая идеей прошедшей вещи, которая случилась сверхъ ожиданія.

XVII.

Угрызеніе совѣсти есть печаль, сопровождаемая идеей прошедшей вещи, которая случилась сверхъ ожиданія.

XVIII.

Соболѣзнованіе есть печаль, сопровождаемая идеей несчастія, случившагося съ другимъ, кого мы воображаемъ подобнымъ себѣ. См. *схолію* пол. 22 и *схолію* пол. 27 этой части.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Между соболѣзнованіемъ и состраданіемъ нѣтъ другого различія, кромѣ того, что соболѣзнованіе относится къ отдѣльному аффекту, а состраданіе къ общему характеру его.

XIX.

Благорасположеніе есть любовь къ тому, кто дѣлаетъ добро другому.

XX.

Негодование есть ненависть къ тому, кто дѣлаетъ зло другому.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Я знаю, что эти слова въ общепринятомъ языкѣ значать нѣчто иное. Но моя цѣль не въ томъ, чтобы объяснить значеніе словъ, но природу вещей, и обозначать вещи такими названіями, значеніе которыхъ въ обыкновенномъ словоупотребленіи не слишкомъ уклоняется отъ того значенія, въ которомъ я хочу употреблять ихъ, что достаточно высказать одинъ разъ. Впрочемъ, причину этихъ аффектовъ см. въ *королл.* I пол. 27 и въ *схол.* пол. 22 этой части.

XXI.

Превознесеніе состоитъ въ томъ, что о комъ-нибудь изъ любви къ нему имѣютъ мнѣніе больше надлежащаго.

XXII.

Пренебреженіе состоитъ въ томъ, что о комъ-нибудь изъ ненависти къ нему имѣютъ мнѣніе меньше надлежащаго.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Итакъ, провознесеніе есть дѣйствіе или свойство любви, а пренебреженіе—ненависти; и потому превознесеніе можно еще опредѣлить такъ, что оно есть любовь, поскольку она обнаруживаетъ на человѣка такое дѣйствіе, что онъ о любимой вещи имѣетъ мнѣніе больше надлежащаго, а пренебреженіе есть ненависть, поскольку она производитъ на человѣка такое дѣйствіе, что онъ о томъ, кого ненавидитъ, имѣетъ мнѣніе меньше надлежащаго. *См. объ этомъ схол. пол. 26 этой части.*

XXIII.

Зависть есть ненависть, поскольку она производитъ такое дѣйствіе на человѣка, что онъ печалится отъ счастья другого и, напротивъ, радуется по причинѣ несчастья другого.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Зависти обыкновенно противопоставляется сочувствіе, которое можно опредѣлить такъ:

XXIV.

Сочувствіе есть любовь, поскольку она производитъ такое дѣйствіе на человѣка, что онъ радуется счастью другого и, наоборотъ, печалится при видѣ несчастья другого.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Впрочемъ, о зависти *см. еще схолію пол. 24 и схолію пол. 32 этой части.* Разсмотрѣнные до сихъ поръ аффекты радости и печали суть тѣ, которые сопровождаются

идеей внѣшней вещи, какъ причиной самой по себѣ или случайно. Отсюда я перехожу къ другимъ аффектамъ, которые сопровождаются идеей внутренней вещи, какъ причиной.

XXV.

Самодовольство есть радость, происходящая отъ того, что человѣкъ созерцаетъ себя самого и свою способность къ дѣятельности.

XXVI.

Униженность есть печаль, происходящая отъ того, что человѣкъ созерцаетъ свое безсиліе или слабость.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Самодовольство противопоставляется униженности, поскольку мы разумѣемъ подъ нимъ радость, происходящую отъ того, что мы созерцаемъ нашу способность къ дѣятельности. Но, поскольку мы понимаемъ подъ нимъ также радость, сопровождаемую идеей какого-нибудь поступка, который мы считаемъ сдѣланнымъ по свободному опредѣленію души, оно тогда противопоставляется раскаянію, которое мы опредѣляемъ такъ:

XXVII.

Раскаяніе есть печаль, сопровождаемая идеей какого-нибудь поступка, который мы считаемъ сдѣланнымъ по свободному опредѣленію души.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Причины этихъ аффектовъ мы показали въ *схоліи пол. 51 этой части, въ пол. 53, 54, 55 и въ схол. послѣднюю*. О свободномъ же рѣшеніи души см. *схолію пол. 35 части 11*. Но здѣсь нужно еще замѣтить, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что всѣ дѣйствія, которыя мы по привычкѣ называемъ *несправедливými*, сопровождаются

печалью, а тѣ, которыя называются *справедливыми*, радостью. Это большею частью происходитъ отъ воспитанія, какъ легко видѣть изъ сказаннаго выше. Вслѣдствіе того, что родители порицали первыя и часто бранили за нихъ дѣтей, а, напротивъ, внушали вторыя и хвалили за нихъ, и происходитъ то, что первыя возбуждаютъ движенія печали, а вторыя—радости. И это подтверждается также опытомъ. Ибо привычки и религія не одинаковы у всѣхъ; но, напротивъ, что одни считаютъ священнымъ, то другіе признаютъ нечистивымъ, и что для однихъ почетно, то для другихъ позорно. Итакъ, смотря по тому, какъ кто воспитанъ, онъ или раскаивается въ извѣстномъ поступкѣ, или хвалится имъ.

XXVIII.

Гордость состоитъ въ томъ, что изъ любви къ себѣ имѣютъ о себѣ мнѣніе больше надлежащаго.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Итакъ, гордость отличается отъ превознесенія тѣмъ, что это послѣднее относится къ внѣшнему объекту, гордость же относится къ самому человѣку, имѣющему о себѣ мнѣніе больше надлежащаго. Но какъ превознесеніе есть дѣйствіе или свойство любви, такъ гордость есть свойство и дѣйствіе самолюбія; и ее можно еще опредѣлить такъ, что она есть любовь къ самому себѣ, поскольку она производитъ такое дѣйствіе на человѣка, что онъ думаетъ о себѣ больше надлежащаго. *См. схолю пол. 26 этой части.* Этотъ аффектъ не имѣетъ противоположнаго себѣ. Ибо никто изъ ненависти къ себѣ не цѣнитъ себя меньше надлежащаго; даже никто не цѣнитъ себя меньше надлежащаго, поскольку онъ воображаетъ, что онъ не можетъ сдѣлать того или другого. Ибо если человѣкъ воображаетъ, что онъ не можетъ чего-нибудь сдѣлать, то воображаетъ это необходимо, и этимъ воображеніемъ онъ настраивается такъ, что онъ дѣйстви-

тельно не можетъ сдѣлать того, о чемъ воображаетъ, что онъ его не можетъ сдѣлать. Пока онъ воображаетъ, что онъ не можетъ сдѣлать того или другого, до тѣхъ поръ онъ не опредѣляется къ дѣятельности; и, слѣдовательно, до тѣхъ поръ для него невозможно дѣлать это. Однако же, если мы обратимъ вниманіе на то, что зависитъ только отъ одного мнѣнія, то мы можемъ представить себѣ возможность того, что человѣкъ имѣетъ о себѣ мнѣніе меньше надлежащаго. Ибо можетъ случиться, что кто-нибудь, представляя себѣ съ печалью свою слабость, вообразить, что всѣ презираютъ его, между тѣмъ какъ другіе менѣе всего думаютъ о томъ, чтобы презирать его. Кромѣ того, человѣкъ можетъ имѣть о себѣ мнѣніе меньше надлежащаго, если онъ въ настоящемъ отрицаетъ въ себѣ что-нибудь по отношенію къ будущему времени, относительно чего онъ не увѣренъ; также какъ если онъ думаетъ, что онъ ничего не можетъ понять достовѣрнаго и ничего другого не можетъ желать или дѣлать, кромѣ несправедливаго, гнуснаго и т. д. Затѣмъ, мы можемъ сказать, что человѣкъ имѣетъ о себѣ мнѣніе меньше надлежащаго, когда мы видимъ, что онъ по излишнему опасенію осрамиться не отваживается на то, на что отваживаются другіе, равные ему. Такимъ образомъ, этотъ аффектъ мы можемъ противопоставлять гордости, который я назову *самоуничиженіемъ*. Ибо, какъ изъ самодовольства проистекаетъ гордость, такъ изъ униженности—самоуничиженіе, которое поэтому мы опредѣляемъ такъ:

XXIX.

Самоуничиженіе состоитъ въ томъ, что вслѣдствіе печали имѣютъ о себѣ мнѣніе меньше надлежащаго.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Обыкновенно гордости противопоставляется униженность; но это бываетъ тогда, когда мы обращаемъ вниманіе бо-

лѣе на дѣйствія той и другой, а не на ихъ природу. Обыкновенно мы называемъ *юрдымъ* того, кто слишкомъ прославляетъ себя (*см. схол. пол. 30 этой части*), кто относительно себя рассказываетъ только о добродѣтеляхъ, а относительно другихъ рассказываетъ только о порокахъ, кто желаетъ, чтобы его предпочитали всѣмъ, и кто, наконецъ, выступаетъ съ такою важностью и пышностью, которая обычна только людямъ, стоящимъ гораздо выше его. Наоборотъ, мы считаемъ *униженнымъ* (смирненнымъ) того, кто слишкомъ часто краснѣетъ, кто сознается въ своихъ порокахъ и рассказываетъ о добродѣтеляхъ другихъ, кто уступаетъ всѣмъ, и кто, наконецъ, ходитъ съ опущенной головой и не любитъ украшаться. Впрочемъ эти аффекты, именно смиреніе и самоуничиженіе, встрѣчаются весьма рѣдко. Ибо природа человѣческая, разсматриваемая сама въ себѣ, возстаетъ противъ нихъ, насколько можетъ (*см. пол. 15 и 54 этой части*); и потому тѣ, которыхъ считаютъ смиренными и самоуничиженными, большею частью бываютъ особенно честолюбивы и завистливы.

XXX.

Слава есть радость, сопровождающаяся идеей каго-нибудь нашего дѣйствія, о которомъ мы воображаемъ, что другіе хвалятъ его.

XXXI.

Стыдъ есть печаль, сопровождающаяся идеей каго-нибудь дѣйствія, о которомъ мы воображаемъ, что другіе порицаютъ его.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Объ этомъ *см. схолю пол. 30 этой части*. Но здѣсь нужно замѣтить разницу, которая существуетъ между стыдомъ и стыдливостью. Ибо стыдъ есть печаль, слѣдующая за поступкомъ, котораго стыдятся; *стыдливость* же есть боязнь или опасеніе позора, удерживающее чело-

вѣка отъ того, чтобы онъ не совершилъ чего-нибудь позорнаго. Стыдливости обыкновенно противоплагаютъ *безстыдство*, которое собственно не есть аффектъ, какъ я покажу въ своемъ мѣстѣ; но названія аффектовъ, какъ я уже сказалъ, соотнобщаются больше съ обыкновеннымъ словоупотребленіемъ, чѣмъ съ природою аффектовъ. Теперь я кончилъ съ тѣми аффектами радости и печали, которые я предположилъ себѣ объяснить. Итакъ, я перехожу къ тѣмъ, которые я отношу къ *пожеланію*.

XXXII.

Тоска (по чѣмъ-нибудь) есть желаніе или позывъ обладать какою-нибудь вещью, который поддерживается воспоминаніемъ этой вещи и вмѣстѣ задерживается воспоминаніемъ тѣхъ вещей, которыя исключаютъ существованіе желаемой вещи.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Когда мы вспоминаемъ о какой-нибудь вещи, то, какъ мы часто заявляли, этимъ самымъ мы располагаемся къ тому, чтобы представлять ее съ тѣмъ же аффектомъ, какъ если бы вещь дѣйствительно присутствовала; но это расположеніе или стремленіе, когда мы находимся въ бодрственномъ состояніи, часто сдерживается образами вещей, исключających существованіе той вещи, которую мы вспоминаемъ. Итакъ, когда мы вспоминаемъ вещь, которая намъ причиняетъ какой-нибудь видъ радости, то этимъ самымъ мы стремимся представлять ее съ тѣмъ же аффектомъ радости, какъ если бы она дѣйствительно присутствовала; но это стремленіе тотчасъ же сдерживается воспоминаніемъ вещей, которыя исключаютъ ея существованіе. Поэтому тоска (по чѣмъ-нибудь) есть собственно печаль, которая противоположна той радости, которая возникаетъ вслѣдствіе отсутствія ненавистой намъ вещи; см. о ней *схолію* пол. 47 этой части. Но такъ какъ тоска,

повидимому, относится къ пожеланію, то я и отношу этотъ аффектъ къ аффектамъ пожеланія.

XXXIII.

Соревнованіе есть пожеланіе какой-нибудь вещи, которое возникаетъ въ насъ вслѣдствіе того, что мы воображаемъ, что другіе желаютъ ея.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Кто бѣжитъ потому, что видитъ бѣгущими другихъ, или кто боится потому, что видитъ боящимися другихъ, кто, видя, какъ другой обжегъ себѣ руку, притягиваетъ къ себѣ свою руку и дѣлаетъ такія движенія тѣломъ, какъ будто онъ самъ обжегъ свою руку, о томъ мы скажемъ, что онъ подражаетъ аффекту другого, но не скажемъ, что онъ соревнуетъ ему; и это не потому, что причина соревнованія одна, а причина подражанія другая, но просто потому, что принято называть соревнующимъ только человѣка, который подражаетъ тому, что мы считаемъ честнымъ, полезнымъ или пріятнымъ. Впрочемъ, о причинѣ соревнованія *см. положеніе 27 этой части съ ея схоліей*. Но почему съ этимъ аффектомъ большею частью соединена зависть, объ этомъ *см. положеніе 32 этой части съ ея схоліей*.

XXXIV.

Признательность или *благодарность* есть пожеланіе или побужденіе любви, по которому мы стремимся дѣлать добро тому, кто, по такому же аффекту любви, оказалъ намъ благодѣяніе. *См. положеніе 39 со схоліей положенія 41 этой части*.

XXXV.

Благожеланіе есть пожеланіе дѣлать добро тому, кого мы жалѣемъ. *См. схолію положенія 27 этой части*.

XXXVI.

Гнѣвъ есть пожеланіе, которымъ мы изъ ненависти побуждаемся причинить зло тому, кого мы ненавидимъ. *См. положеніе 39 этой части.*

XXXVII.

Местъ есть пожеланіе, которымъ мы, вслѣдствіе взаимной ненависти, побуждаемся причинять зло тому, кто, по такому же аффекту, нанесъ намъ вредъ. *См. королларій 2 положенія до этой части съ ея схоліей.*

XXXVIII.

Жестокость или *свирѣпость* есть пожеланіе, которымъ кто-нибудь побуждается наносить зло тому, кого мы любимъ или кого мы жалѣемъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Жестокости противопоставляется *милосердіе*, которое не есть страсть, но способность души, которою человѣкъ умѣряетъ гнѣвъ и мстительность.

XXXIX.

Опасеніе есть пожеланіе посредствомъ меньшаго зла избѣжать большаго, котораго мы боимся. *См. схолію положенія 39 этой части.*

XL.

Смѣлость есть пожеланіе, которымъ кто-нибудь побуждается дѣлать что-нибудь съ опасностью, подвергнуться которой бояться ему равные.

XLI.

Малодушіе признается въ томъ, чьи пожеланія сдерживаются страхомъ передъ опасностью, которой не бояться подвергнуться равные ему.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Итакъ, малодушіе есть не что иное, какъ боязнь какого-нибудь зла, котораго многіе обыкновенно не боятся. Поэтому я не отношу его къ аффектамъ пожеланія. Но я хотѣлъ объяснить его здѣсь потому, что, поскольку мы рассматриваемъ пожеланія, оно, дѣйствительно, противоплагается аффекту смѣлости.

XLII.

Смущеніе приписывается тому, у кого пожеланіе избѣжать зла задерживается удивленіемъ къ злу, котораго онъ боится.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Стало быть смущеніе есть видъ малодушія. Но такъ какъ смущеніе происходитъ отъ двойного страха, то удобнѣе опредѣлить его такъ, что оно есть страхъ, который приводитъ человѣка въ такое ошеломленіе и колебаніе, что онъ не можетъ устранять зла. Я говорю *въ ошеломленіе* потому, что его способность избѣжать зла подавляется удивленіемъ къ нему. Я говорю *въ колебаніе*, поскольку мы понимаемъ, что это пожеланіе подавляется страхомъ передъ другимъ зломъ, которое его также мучить; отъ этого происходитъ, что онъ не знаетъ, какое изъ двухъ золъ ему слѣдуетъ отвратить. *См. объ этомъ схолю положенія 39 и схолю положенія 52 этой части.* О малодушіи и смѣлости *см. схолю положенія 51 этой части.*

XLIII.

Въжливость или *скромность* есть пожеланіе дѣлать то, что нравится людямъ, и оставлять то, что имъ не нравится.

XLIV.

Честолобіе есть неумѣренное пожеланіе славы.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

Честолюбіе есть пожеланіе, которымъ поддерживаются и усиливаются всѣ аффекты (*по пол. 27 и 31 этой части*); и потому этотъ аффектъ почти непреодолимъ. Ибо пока человѣкъ одержимъ какимъ-нибудь пожеланіемъ, онъ въ то же время необходимо бываетъ одержимъ и этимъ. «Лучшіе люди», говоритъ Цицеронъ *), «всего болѣе руководятся славой. Даже философы на тѣхъ книгахъ, въ которыхъ пишутъ о презрѣніи къ славѣ, выставляли свое имя» и проч.

XLV.

Сластолюбіе есть неумѣренное пожеланіе или даже любовь къ пиршествамъ.

XLVI.

Пьянство есть неумѣренное пожеланіе и любовь къ напиткамъ.

XLVII.

Корыстолюбіе есть неумѣренное пожеланіе и любовь къ богатству.

XLVIII.

Сладострастіе есть также пожеланіе и любовь къ тѣлесному совокупленію.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

Умѣренно ли это пожеланіе половыхъ удовольствій, или неумѣренно, оно обыкновенно называется сладострастіемъ. Далѣе, эти пять аффектовъ (*какъ я уже упомянулъ въ схоліи пол. 56 этой части*) не имѣютъ противоположныхъ себѣ. Ибо скромность есть видъ честолю-

*) См. Cicer. pro Archia, cap. 11. Cp. Tuscul. disput. l. 1, cap. 15.

бія, о чемъ *см. схиолю положенія 29 этой части*. Затѣмъ, что умѣренность, трезвость и цѣломудріе указываютъ на силу души, а не на страсть, объ этомъ я также упоминалъ. И хотя можетъ быть, что человѣкъ корыстолюбивый, честолубивый или робкій воздерживается отъ неумѣренности въ пищѣ, питьѣ и половомъ соитіи, но корыстолюбіе, честолубіе и робость не противоположны сластолюбію, пьянству или сладострастію. Ибо корыстолюбецъ часто желаетъ поѣсть и попить на чужой счетъ. Честолубецъ же, если бы только онъ былъ увѣренъ, что все останется въ тайнѣ, ни въ чемъ не будетъ воздерживаться, и если бы ему пришлось жить между пьяницами и людьми сладострастными, то по тому самому, что онъ честолубивъ, онъ еще болѣе будетъ предаваться этимъ порокамъ. Наконецъ, робкій дѣлаетъ то, чего самъ не хочетъ. Хотя корыстолюбецъ для избѣжанія смерти и можетъ бросить въ море свои богатства, однако онъ все-таки останется корыстолюбцемъ; и хотя человѣкъ сладострастный и печалится о томъ, что онъ не можетъ обуздать своей страсти, однако онъ отъ того не перестаетъ быть сладострастнымъ. И вообще эти аффекты имѣютъ своею сущностью не столько самыя дѣйствія пированія, пьянства и проч., сколько самый позывъ и любовь къ нимъ. Итакъ, этимъ аффектамъ ничего не можетъ быть противопоставлено, кромѣ благородства и энергіи души, о чемъ рѣчь будетъ дальше.

Опредѣленіе *ревности* и остальныхъ волненій души я пройду молчаніемъ, какъ потому, что они происходятъ отъ соединенія аффектовъ, которые мы уже опредѣлили, такъ и потому, что многія изъ нихъ не имѣютъ названій, что показываетъ, что для практической жизни достаточно знать ихъ вообще. Да притомъ, изъ опредѣленій аффектовъ, объясненныхъ нами, видно, что всѣ они происходятъ отъ пожеланія, радости или печали, или, вѣрнѣе, что нѣтъ другихъ, кромѣ этихъ трехъ, изъ которыхъ каждый обыкновенно называется разными именами по ихъ различ-

нымъ отношеніямъ и внѣшнимъ признакамъ. Если же мы захотимъ вникнуть въ эти три первоначальныхъ аффекта и въ то, что мы сказали выше о природѣ души, то мы будемъ имѣть возможность опредѣлить аффекты, поскольку они относятся только къ душѣ, такимъ образомъ:

ОБЩЕЕ ОПРЕДѢЛЕНІЕ АФФЕКТОВЪ.

Аффектъ, который называется страстью души, есть смутная идея, которою душа утверждаетъ большую или меньшую, чѣмъ прежде, силу существованія своего тѣла или какой-нибудь его части, и которою, когда она дана, душа опредѣляется къ мышленію болѣе объ одномъ, чѣмъ о другомъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Я говорю прежде всего, что аффектъ или страсть души есть *смутная идея*. Ибо мы показали (см. пол. 3 этой части), что душа страдаетъ лишь постольку, поскольку имѣетъ неполныя или спутанныя идеи. Затѣмъ, я говорю, *которою душа утверждаетъ большую или меньшую, чѣмъ прежде, силу существованія своего тѣла или какой-нибудь его части*. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ идеи тѣла, которыя мы имѣемъ, показываютъ больше дѣйствительное состояніе нашего тѣла (по королл. 2 пол. 16 части II), чѣмъ природу внѣшняго тѣла; а идея, которая составляетъ форму аффекта, должна показывать или выражать то состояніе тѣла или какой-нибудь его части, въ которомъ находится само тѣло или какая-нибудь его часть, на томъ основаніи, что его способность къ дѣятельности или существованію увеличивается или уменьшается, поддерживается или стѣсняется. Но нужно замѣтить, что, когда я говорю *большую или меньшую, чѣмъ прежде, силу существованія*, я разумѣю подъ этимъ не то, что душа сравниваетъ настоящее состояніе тѣла съ прошедшимъ, но только то, что идея, составляющая форму аффекта, утверждаетъ о

тѣлѣ нѣчто такое, что, дѣйствительно, содержитъ больше или меньше реальности, чѣмъ прежде. И такъ какъ сущность души состоитъ (по пол. II и 3 части II) въ томъ, что она утверждаетъ дѣйствительное существованіе своего тѣла, а подѣ совершенствомъ мы разумѣемъ самую сущность вещи, то изъ этого слѣдуетъ, что душа переходитъ къ большому или меньшему совершенству, когда ей случается утверждать о своемъ тѣлѣ или о какой-нибудь его части что-нибудь такое, что содержитъ больше или меньше реальности, чѣмъ прежде. Поэтому, когда я выше сказалъ, что способность мышленія души увеличивается или уменьшается, то я не хотѣлъ понимать подѣ этимъ ничего другого, какъ то, что душа образуетъ такую идею своего тѣла или какой-нибудь части, которая выражаетъ болѣе или менѣе реальности, чѣмъ она утверждала прежде о своемъ тѣлѣ. Ибо превосходство идей и дѣйствительная способность мышленія оцѣниваются по превосходству предмета. Наконецъ, я прибавилъ, *и которую, когда она дана, душа опредѣляется къ мышленію болѣе объ одномъ, чѣмъ о другомъ*, для того, чтобы, кромѣ природы радости или печали, которую объясняетъ первая часть опредѣленія, выразить также и природу пожеланія.

Э Т И К И

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ РАБСТВѢ ИЛИ О СИЛѢ АФФЕКТОВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Человѣческое безсиліе въ дѣлѣ умѣренія и сдерживанія аффектовъ я называю рабствомъ. Ибо человѣкъ, преданный аффектамъ, не располагаетъ собою, а находится во власти случая, и до такой степени, что часто принужденъ бываетъ слѣдовать худшему, хотя и видитъ лучшее для себя *). Какая причина этого, и что, кромѣ того, аффекты имѣютъ въ себѣ хорошаго или дурного, я предположилъ доказывать въ этой части. Но прежде, чѣмъ начать, желательнo сказать нѣсколько словъ о совершенствѣ и несовершенствѣ и о добрѣ и злѣ.

Если кто-нибудь рѣшился сдѣлать какую-нибудь вещь и окончилъ ее, то эту вещь назоветъ оконченною не только самъ онъ, но также и всякій, кто хорошо знаетъ мысль творца этого дѣла и цѣль его или думаетъ, что знаетъ. Напр., если кто-нибудь увидитъ какую-нибудь работу (которую я предполагаю еще неоконченною) и узнаетъ, что цѣль творца этой работы была построить домъ, то онъ назоветъ домъ неоконченнымъ, и, напротивъ, назоветъ его оконченнымъ, когда увидитъ, что дѣло доведено до того конца, который предполагалъ ему дать задумавшій строить. Но если кто видитъ какую-нибудь работу, похожей на которую онъ никогда не видалъ, и не знаетъ мысли ея производителя, то онъ,

*) См. Овидіевы *Метаморф.* VII, 20 слд.

конечно, не можетъ знать, оконченная ли это или неоконченная работа. Таково, вѣроятно, было первое значеніе словъ: совершенный и несовершенный. Но, послѣ того какъ люди начали составлять общія идеи и придумывать образцы домовъ, строеній, башенъ и проч. и начали одни образцы предпочитать другимъ, каждый сталъ называть совершеннымъ то, что ему казалось согласнымъ съ общею идеею, которую онъ составилъ себѣ о вещи, и, напротивъ, несовершеннымъ то, что казалось ему менѣе согласнымъ съ его образцовымъ представленіемъ, хотя оно, по мнѣнію самого сдѣлавшаго, было вполне закончено. Не иная, повидимому, была причина и того, почему и естественныя вещи, т. е. которыя не сдѣланы человѣческими руками, также называются обыкновенно совершенными или несовершенными; ибо люди привыкли составлять общія идеи какъ естественныхъ, такъ и искусственныхъ вещей; и эти идеи они считаютъ какъ-бы образцами вещей, на которыя, какъ они думаютъ, смотрѣла и которыя имѣла передъ собою какъ образцы и природа (которая, по ихъ мнѣнію, ничего не дѣлала безъ какой-либо цѣли). Поэтому когда они видятъ въ природѣ что-нибудь такое, что не такъ согласно съ образцовымъ представленіемъ, которое они имѣютъ о вещи этого рода, то они думаютъ, что у природы самой не хватило силъ или что она сдѣлала промахъ и оставила эту вещь несовершенною. Итакъ, мы видимъ, что люди привыкли называть естественныя вещи совершенными или несовершенными болѣе по предразсудку, чѣмъ на основаніи истиннаго знанія ихъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ *приложеніи къ первой части* мы показали, что природа не дѣйствуетъ ради цѣли; ибо то вѣчное и безконечное существо, которое мы называемъ Богомъ или природою, дѣйствуетъ по такой же необходимости, по какой оно существуетъ. Мы показали, что съ какою необходимостью природы оно существуетъ, съ такою же и дѣйствуетъ. *См. пол. 16 части 1.* Итакъ, основаніе или причина, почему Богъ или природа дѣйствуетъ и почему онъ существуетъ, одна и та же. Слѣдовательно, какъ онъ существуетъ безъ всякой цѣли, тамъ и дѣйствуетъ безъ всякой цѣли; но онъ не имѣетъ никакого принципа или цѣли какъ существованія, и такъ и дѣятельности, Причина же, которая называется конечною, есть не что иное, какъ самъ позывъ чело-вѣка, поскольку онъ разсматривается какъ принципъ или первая причина какой-нибудь вещи. Напр., когда мы говоримъ, что обитаніе есть конечная причина того или другого дома, то подъ

этимъ разумѣемъ конечно лишь то, что человѣкъ, вообразивши удобство жизни въ домѣ, почувствовалъ позывъ построить домъ. Поэтому обитаніе, поскольку оно разсматривается какъ конечная причина, есть не что иное, какъ этотъ частный позывъ, который, дѣйствительно, есть дѣйствующая причина, разсматриваемая какъ первая, потому что люди вообще не знаютъ причинъ своихъ позывовъ. Они, какъ я уже часто говорилъ, сознаютъ свои дѣйствія и позывы, но при этомъ не знаютъ причинъ, которыя опредѣляютъ ихъ позывы къ чему-нибудь. Все же что обыкновенно говорить, будто природа иногда оказывается не въ силахъ или ошибается и производить несовершенныя вещи, я причисляю къ тѣмъ выдумкамъ, о которыхъ я уже говорилъ въ приложеніи къ первой части. Итакъ, совершенство или несовершенство на самомъ дѣлѣ суть только образы мышленія, именно, понятія, которыя мы обыкновенно придумываемъ, сравнивая между собою индивидуумовъ одного и того же вида или рода. И по этой причинѣ я сказалъ выше (*опр. 6 части II*), что подъ реальностью и совершенствомъ я разумѣю одно и то же. Ибо мы относимъ обыкновенно всѣхъ индивидуумовъ природы къ одному роду, который называется самымъ общимъ, именно — къ понятію существа, которое обнимаетъ собою рѣшительно всѣхъ индивидуумовъ природы. Итакъ, поскольку мы относимъ индивидуумовъ природы къ этому роду, сравниваемъ ихъ между собою и узнаемъ, что одни изъ нихъ имѣютъ болѣе реальности или существованія, чѣмъ другіе, постольку называемъ ихъ болѣе совершенными, чѣмъ другіе; а поскольку мы приписываемъ имъ нѣчто такое, что содержитъ въ себѣ отрицаніе, какъ напр., предѣлъ, конецъ, безсиліе и проч., постольку называемъ ихъ несовершенными, на томъ основаніи, что они не такъ дѣйствуютъ на нашъ духъ, какъ тѣ, которые мы называемъ совершенными, а не потому, чтобы имъ недоставало того, что имъ свойственно, или чтобы природа погрѣшила въ нихъ. Ибо къ природѣ каждой вещи принадлежитъ только то, что вытекаетъ изъ необходимости природы дѣйствующей причины; а все, что не вытекаетъ изъ необходимости природы дѣйствующей причины, совершается необходимо.

Что же касается добра и зла, то они не обозначаютъ также ничего положительнаго въ вещахъ, разсматриваемыхъ сами въ себѣ, и суть не что иное, какъ образы мышленія или понятія, которыя мы составляемъ, сравнивая вещи между собою. Ибо одна и та же

вещь въ одно и то же время можетъ быть и хорошею и дурною и даже безразличною; напр., музыка для меланхолика хороша, а для человѣка, находящагося въ слезахъ, дурна; для глухого же ни хороша, ни дурна. Но хотя на дѣлѣ это и такъ, однако мы должны удержать эти слова. Ибо такъ какъ мы желаемъ составить идею человѣка, какъ образецъ человѣческой природы, чтобы имѣть его передъ глазами, то намъ полезно будетъ удержать эти слова, придавая имъ значеніе, указанное мною. Такимъ образомъ подъ добромъ я буду разумѣть дальше вездѣ то, о чемъ мы навѣрное знаемъ, что оно есть средство для того, чтобы намъ болѣе и болѣе приближаться къ образцу человѣческой природы, какой мы себѣ ставимъ; подъ зломъ — то, о чемъ мы знаемъ навѣрное, что оно препятствуетъ намъ осуществлять этотъ образецъ. Затѣмъ, мы будемъ называть людей болѣе совершенными, или болѣе несовершенными, поскольку они болѣе или менѣе приближаются къ этому образцу. И нужно замѣтить особенно, что когда я говорю, что кто-нибудь переходитъ отъ меньшаго совершенства къ большому, и наоборотъ, то я не разумѣю при этомъ того, что онъ изъ одной сущности или формы измѣняется въ другую (ибо лошадь, напр., все равно уничтожается, измѣнится ли она въ человѣка или въ наѣкомое), но только то, что уменьшается или увеличивается въ нашемъ представленіи его способность къ дѣятельности, поскольку мы познаемъ ее изъ его природы. Наконецъ, подъ совершенствомъ, какъ я уже сказалъ, я разумѣю вообще реальность, т. е. сущность каждой вещи, поскольку она существуетъ и дѣйствуетъ извѣстнымъ образомъ безъ всякаго отношенія къ ея продолжаемости. Ибо нельзя сказать ни о какой отдѣльной вещи, что она совершеннѣе потому, что сохраняетъ свое существованіе болѣе продолжительное время: продолжительность вещей не можетъ быть опредѣлена изъ ихъ сущности, на томъ основаніи, что сущность вещей не заключаетъ въ себѣ извѣстнаго и опредѣленнаго времени существованія; но всякая вещь, будетъ-ли она совершенна болѣе, или менѣе, тою же силою, по которой она начала существовать, всегда можетъ и сохранять свое существованіе, такъ что въ этомъ отношеніи всѣ вещи одинаковы между собою.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ.

I. Подъ *добромъ* я разумѣю то, о чемъ мы навѣрное знаемъ, что оно полезно намъ.

II. Подъ зломъ я разумѣю то, о чемъ мы навѣрное знаемъ, что оно препятствуетъ намъ пользоваться какимъ-нибудь добромъ.

См. объ этомъ выше предисловіе въ концѣ.

III. Отдѣльныя вещи я называю *случайными*, поскольку мы, рассматривая только одну ихъ сущность, не находимъ ничего, что необходимо полагало бы ихъ существованіе, или же необходимо исключало бы его.

IV. Эти же отдѣльныя вещи я называю *возможными*, поскольку мы, рассматривая причины, которыми онѣ должны быть произведены, не знаемъ, дѣйствительно ли онѣ опредѣлены къ тому, чтобы произвести ихъ.

Въ *схоліи* I пол. 33 части I я не сдѣлалъ никакого различія между возможнымъ и случайнымъ, потому что тамъ не было надобности тщательно различать ихъ.

V. Подъ *противоположными аффектами* я буду дальше разумѣть тѣ, которые влекутъ человѣка въ разныя стороны, хотя и принадлежать къ одному роду, какъ напр., роскошь и корыстолюбіе, которыя составляютъ виды любви, но они противоположны не по природѣ, а случайно.

VI. Что я разумѣю подъ *аффектомъ* къ вещи будущей, настоящей и прошедшей, это я объяснилъ въ *схол.* I и 2 пол. 18 части III,—что и смотри.

Но здѣсь нужно еще замѣтить, что мы можемъ отчетливо вообразить какъ разстояніе мѣста, такъ и разстояніе времени только до какой-нибудь извѣстной границы, т. е. мы обыкновенно воображаемъ, что всѣ тѣ предметы, которые отстоятъ отъ насъ больше чѣмъ на двѣсти футовъ, или разстояніе которыхъ отъ мѣста, занимаемаго нами, превосходитъ то разстояніе, которое мы можемъ вообразать отчетливо, находятся отъ насъ на одинаковомъ разстояніи и какъ будто даже въ одной плоскости; и такъ же точно мы воображаемъ, что предметы, время существо-

ванія которыхъ отдалено отъ настоящаго на болѣе продолжительный промежутокъ, чѣмъ какой мы обыкновенно можемъ представить отчетливо, всѣ одинаково отдалены отъ настоящаго и мы относимъ ихъ какъ бы къ одному времени.

VII. Подъ *цѣлью*, для которой мы что-нибудь дѣлаемъ, я разумѣю позывъ.

VIII. Подъ *добродѣтелью* и *способностью* я разумѣю одно и то же, т. е. (по пол. 7 части III) добродѣтель, поскольку она относится къ человѣку, есть сама сущность или природа человѣка, поскольку онъ имѣетъ силу дѣлать то, что можетъ быть понятно только изъ законовъ его природы.

АКСИОМА.

Нѣтъ въ природѣ вещей ни одной отдѣльной вещи, сильнѣе и могущественнѣе которой не было бы другой вещи. Но какая бы вещь ни была дана, всегда есть другая, болѣе могущественная, которая можетъ разрушить данную.

ПОЛОЖЕНИЕ I.

Ничто изъ того, что ложная идея имѣетъ положительнаго, не уничтожается присутствіемъ истиннаго, поскольку оно истинно.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ложность состоитъ только въ одномъ недостаткѣ познанія, который свойственъ неполнымъ идеямъ (по пол. 35 части II), и онѣ не имѣютъ ничего положительнаго, ради чего называются ложными (по пол. 33 части II); но, напротивъ, поскольку онѣ относятся къ Богу, онѣ истинны (по пол. 32 части II). Если бы, такимъ образомъ, то, что ложная идея имѣетъ въ себѣ положительнаго, уничтожалось присутствіемъ истиннаго, поскольку

оно истинно, то истинная идея могла бы уничтожить саму себя, что (по пол. 4 части 111) нелѣпо. Слѣдовательно, присутствіе истиннаго. и проч.,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Это положеніе яснѣ можно понять изъ *королл. 2 пол. 16 части 11*. Ибо представленіе воображенія есть идея, которая показываетъ болѣе настоящее состояніе человѣческаго тѣла, чѣмъ природу внѣшняго тѣла, но не отчетливо, а смутно; вслѣдствіе этого и говорится, что умъ ошибается. Напр., когда мы смотримъ на солнце, то воображаемъ, что оно отстоитъ отъ насъ футовъ на двѣсти; и мы остаемся въ этомъ заблужденіи до тѣхъ поръ, пока не знаемъ его истиннаго разстоянія. Когда же мы узнали это разстояніе, то уничтожается ошибка, но не представленіе воображенія, т. е. идея солнца, которая выражаетъ его природу лишь постольку, поскольку оно производитъ впечатлѣніе на тѣло; поэтому хотя мы и знаемъ его истинное разстояніе, но тѣмъ не менѣе продолжаемъ воображать, что оно близко къ намъ. Ибо, какъ мы сказали въ *схоліи пол. 35 части 11*, мы не потому воображаемъ солнце близкимъ, что не знаемъ его истиннаго разстоянія, но потому, что душа представляетъ величину солнца постольку, поскольку оно производитъ впечатлѣніе на тѣло. Когда лучи солнца, падая на поверхность воды, отражаются къ нашимъ глазамъ, то мы его и воображаемъ такъ, какъ будто бы оно было въ водѣ, хотя и знаемъ его истинное мѣсто. Такимъ же образомъ и всѣ остальные представленія воображенія, которыми обманывается умъ, выражаютъ ли они естественное состояніе тѣла, или увеличиваютъ, или уменьшаютъ его способность къ дѣятельности, на дѣлѣ не противоположны истинному и не исчезаютъ отъ его присутствія. Случается, конечно, что, когда мы боимся какого-либо ложнаго зла, страхъ исчезаетъ, если мы услышимъ вѣрное извѣстіе; но бываетъ и

наоборотъ, что, когда мы боимся зла, которое навѣрное случится, страхъ исчезаетъ, если мы услышимъ ложное извѣстіе. И поэтому представленія воображенія исчезаютъ не отъ присутствія истиннаго, поскольку оно истинно, а потому, что имъ противодѣйствуютъ другія сильнѣйшія представленія, исключаяющія настоящее существованіе вещей, которыя мы воображаемъ, какъ это мы показали въ пол. 17 части II.

ПОЛОЖЕНІЕ II.

Мы страдаемъ постольку, поскольку составляемъ такую часть природы, которая не можетъ быть представлена сама по себѣ безъ другихъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Говорится, что мы страдаемъ тогда, когда въ насъ происходитъ что-нибудь такое, чего мы бываемъ лишь частною причиною (по опр. 2 части III), т. е. (по опр. 1 части III) что-нибудь такое, что не можетъ быть выведено изъ однихъ законовъ нашей природы. Итакъ, мы страдаемъ, поскольку составляемъ такую часть природы, которая не можетъ быть представлена сама по себѣ безъ другихъ,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ III.

Сила, которою человекъ поддерживается въ своемъ существованіи, ограничена, и ее бесконечно превосходитъ могущество вѣнннхъ причинъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

явствуетъ изъ аксіомы этой части. Ибо, если данъ извѣстный человекъ, то дано нѣчто другое, положимъ А, что могущественнѣе его; а если дано А, то дано опять другое, положимъ В, которое могущественнѣе А, и такъ въ бесконечность. Поэтому-то могущество человека определяется могуществомъ другой вещи, и его бесконечно

превосходить могущество внѣшнихъ причинъ,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ IV.

Невозможно, чтобы человекъ не былъ частью природы и чтобы онъ не могъ претерпѣвать никакихъ измѣненій, кромѣ тѣхъ, которыя могутъ быть поняты изъ одной ея природы, и которыхъ онъ составляетъ полную причину.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Могущество, которымъ отдѣльныя вещи, а слѣдовательно и человекъ, сохраняютъ свое существованіе, есть само могущество Бога или природы (*по королл. пол. 24 части 1*), не поскольку оно безконечно, но поскольку оно можетъ выражаться дѣйствительною человѣческою сущностью (*по пол. 7 части 111*). Итакъ, могущество человека, поскольку оно выражается его дѣйствительною сущностью, есть часть безконечнаго могущества Бога или природы, т. е. (*по пол. 34 части 1*) сущности. Это первое. Затѣмъ, если бы было возможно, чтобы человекъ не претерпѣвалъ никакихъ измѣненій, кромѣ тѣхъ, которыя могутъ быть поняты изъ одной природы самого человека, то изъ этого слѣдовало бы (*по пол. 4 и 6 части 111*), что онъ не можетъ погибнуть и необходимо долженъ всегда существовать. И это должно было бы слѣдовать изъ причины, могущество которой или конечно, или безконечно, именно, или изъ одного могущества человека, которое имѣло бы настолько силы, чтобы устранить отъ себя всѣ прочія измѣненія, какія могли бы возникнуть отъ внѣшнихъ причинъ, или изъ безконечнаго могущества природы, которая все отдѣльное направляла бы такимъ образомъ, чтобы человекъ не могъ претерпѣвать никакихъ другихъ измѣненій, кромѣ тѣхъ, которыя служатъ къ его сохраненію. Но первое (*по предвид. пол.*, доказательство котораго имѣетъ общій характеръ и можетъ быть примѣнено ко всѣмъ отдѣльнымъ вещамъ) нелѣпо.

Стало быть, если бы было возможно, чтобы человекъ не претерпѣвалъ никакихъ измѣненій, кромѣ тѣхъ, которые могутъ быть поняты изъ одной природы человека и, слѣдовательно, какъ мы уже показали, чтобы онъ необходимо существовалъ всегда, то это должно было бы вытекать изъ безконечнаго могущества Бога, и, слѣдовательно (*по пол. 16 части I*), изъ необходимости божественной природы, поскольку она разсматривается подъ дѣйствиемъ на нее идеи какого-нибудь человека, слѣдовало бы вывести порядокъ всей природы, поскольку она разсматривается подъ атрибутами протяженія и мышленія. А отсюда (*по пол. 21 части I*) слѣдовало бы, что человекъ безконеченъ, что (*по I части этого доказательства*) нелѣпо. Итакъ, не можетъ быть, чтобы человекъ не претерпѣвалъ никакихъ другихъ измѣненій, кромѣ тѣхъ, которыхъ онъ есть полная причина, — что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Отсюда слѣдуетъ, что человекъ всегда необходимо подверженъ страстямъ, слѣдуетъ обыкновенному порядку природы, повинуется ему и приспособляется къ нему, насколько того требуетъ природа вещей.

ПОЛОЖЕНІЕ V.

Сила и возрастаніе каждой страсти и упорство ея въ существованіи опредѣляется не тѣмъ могуществомъ, по которому мы стремимся сохранить свое существованіе, но могуществомъ внешней причины, сравниваемымъ съ нашимъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Сущность страсти не можетъ быть объяснена одною только нашею сущностью (*по опр. I и 2 части III*), т. е. (*по пол. 7 части III*) сила страсти не можетъ быть объяснена тою силою, по которой мы стремимся под-

держивать наше существованіе, но (какъ показано въ пол. 16 части I I) необходимо должна опредѣляться могуществомъ внѣшней причины, сравниваемымъ съ нашимъ, — что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ VI.

Сила какой-нибудь страсти или аффекта можетъ превосходить остальные дѣйствія или могущество человека, такъ что аффектъ упорно держится въ человѣкѣ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Сила и возрастаніе каждой страсти и сохраненіе ея существованія опредѣляются силою внѣшней причины, сравниваемою съ нашей (по пред. пол.); поэтому (по пол. 3 этой части) могутъ превосходить могущество человѣка, и проч., — что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ VII.

Аффектъ не можетъ быть ни укрощенъ, ни уничтоженъ иначе, какъ противоположнымъ и болѣе сильнымъ аффектомъ, чѣмъ аффектъ, подлежащій укрощенію.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Аффектъ, поскольку онъ относится къ душѣ, есть идея, которою душа утверждаетъ большую или меньшую силу существованія своего тѣла, чѣмъ прежде (согласно общему опредѣленію аффектовъ, находящемуся въ концѣ I I I части). Такимъ образомъ, когда душа волнуется какимъ-нибудь аффектомъ, то и тѣло испытываетъ на себѣ впечатлѣніе, которое увеличиваетъ или уменьшаетъ его способность къ дѣятельности. Далѣе, это впечатлѣніе тѣла (по пол. 5 этой части) получаетъ отъ своей причины силу сохранять свое существованіе, а эта причина не можетъ быть ни задержана, ни уничтожена иначе, какъ тѣлесною же причиною (по пол. 4 части I I I), которая производитъ на тѣло впечатлѣніе, противоположное

тому (по пол. 5 части III) и болѣе сильное (по аксіомѣ этой части); а чрезъ это (по пол. 12 части II) и душа испытываетъ дѣйствіе идеи аффекта болѣе сильнаго и противоположнаго первому, т. е. (по общему опред. афф.) душа будетъ испытывать аффектъ сильнѣйшій и противоположный первому, который и исключить или уничтожить существованіе прежняго; и, слѣдовательно, аффектъ не можетъ быть ни укрощенъ, ни уничтоженъ иначе, какъ только противоположнымъ и сильнѣйшимъ, — что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Аффектъ, поскольку онъ относится къ душѣ, не можетъ быть ни укрощенъ, ни уничтоженъ иначе, какъ идеей тѣлеснаго впечатлѣнія, болѣе сильнаго и противоположнаго тому впечатлѣнію, которое мы испытываемъ. Ибо аффектъ, которымъ мы страдаемъ, не можетъ быть ни укрощенъ, ни уничтоженъ иначе, какъ только аффектомъ сильнѣйшимъ и противоположнымъ ему (по предгид. пол.), т. е. (по общему опред. афф.) иначе, какъ идеей тѣлеснаго впечатлѣнія, болѣе сильнаго и противоположнаго тому, которое мы испытываемъ.

ПОЛОЖЕНІЕ VIII.

Познаніе добра и зла есть не что иное, какъ аффектъ радости или печали, поскольку мы сознаемъ его.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Мы называемъ добромъ или зломъ то, что полезно или вредно для сохраненія нашего существованія (по опред. I и 2 этой части), т. е. (по пол. 7 части III), что увеличиваетъ или уменьшаетъ, поддерживаетъ или стѣсняетъ нашу способность къ дѣятельности. Итакъ (по опред. радости и печали, которыя см. въ схолиі пол. II части III), поскольку мы ощущаемъ, что какая-нибудь вещь причиняетъ намъ радость или печаль, постольку мы называемъ

ее доброю или злою; а потому знаніе добра и зла есть не что иное, какъ идея радости или печали, которая необходимо вытекаетъ изъ самаго аффекта радости или печали (*по пол. 22 части 11*). Но эта идея такимъ же образомъ соединена съ аффектомъ, какъ душа соединена съ тѣломъ (*по пол. 21 части 11*), т. е. (*какъ показано въ схоли того же пол.*) эта идея отличается отъ самаго аффекта, или (*по общему опред. афф.*) отъ идеи впечатлѣнія тѣла не чѣмъ другимъ, какъ только умственнымъ представленіемъ. Слѣдовательно, это познаніе добра и зла есть не что иное, какъ самый аффектъ, поскольку мы сознаемъ его,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ IX.

Аффектъ, причину котораго мы воображаемъ присутствующею при насъ въ настоящемъ, бываетъ сильнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы мы воображали ее не присутствующею.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Представленіе воображенія есть идея, въ которой душа созерцаетъ вещь какъ бы присутствующею (*см. опр. ея въ схоли пол. 17 части 11*), но которая однако указываетъ болѣе состояніе человѣческаго тѣла, чѣмъ природу внѣшней вещи (*по королю. 2 пол. 16 части 11*). Такимъ образомъ, аффектъ (*по общему опред. афф.*) есть представленіе воображенія, поскольку оно указываетъ состояніе тѣла. Но представленіе воображенія (*по пол. 17 части 11*) бываетъ интенсивнѣе, пока мы не воображаемъ ничего, что исключаетъ настоящее существованіе внѣшней вещи. Слѣдовательно, аффектъ, причину котораго мы воображаемъ присутствующею при насъ въ настоящемъ, будетъ интенсивнѣе или сильнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы мы не воображали ее присутствующею,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Когда выше (въ пол. 18 части III) я сказалъ, что образъ будущей или прошедшей вещи производить въ насъ такой же аффектъ, какъ если бы вещь, воображаемая нами, присутствовала при насъ, то нарочно замѣтилъ, что это вѣрно, поскольку мы имѣемъ въ виду только образъ самой вещи (ибо онъ бываетъ одинаковъ по природѣ, воображаемъ ли мы вещи, или нѣтъ); но я не отрицалъ того, что онъ дѣлается слабѣе, когда мы представляемъ присутствующими другія вещи, которыя исключаютъ настоящее существованіе будущей вещи. Не сдѣлалъ же я тамъ этого замѣчанія потому, что предполагалъ говорить о силахъ аффектовъ въ этой части.

КОРОЛЛАРІЙ.

Образъ вещи будущей или прошедшей, т. е. вещи, которую мы представляемъ относительно будущаго или прошедшаго времени съ исключеніемъ настоящаго, при прочихъ равныхъ условіяхъ будетъ слабѣе образа настоящей вещи и, слѣдовательно, аффектъ къ будущей или прошедшей вещи, при прочихъ равныхъ условіяхъ, будетъ слабѣе аффекта къ вещи настоящей.

ПОЛОЖЕНІЕ X.

Аффектъ къ будущей вещи, появленіе которой мы воображаемъ въ близкомъ будущемъ, бываетъ напряженнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы мы воображали время ея существованія болѣе отдаленнымъ отъ настоящаго времени; и воспоминаніе о вещи, которую мы воображаемъ недавно миновавшею, бываетъ напряженнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы мы воображали, что она давно миновала.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо когда мы воображаемъ, что вещь будетъ съ нами въ близкомъ будущемъ, или что она недавно миновала,

то тѣмъ самымъ воображаемъ нѣчто такое, что менѣе исключаетъ присутствіе вещи, чѣмъ то, какъ если бы мы воображали ея будущее существованіе отстоящимъ дальше отъ настоящаго времени, или то, что уже давно миновало (*какъ это ясно само собою*); поэтому (*по предъид. пѣл.*) тѣмъ напряженнѣе будетъ аффектъ къ ней,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Изъ примѣчанія, сдѣланнаго нами къ опред. 6 этой части, слѣдуетъ, что мы испытываемъ одинаково слабый аффектъ къ предметамъ, которые удалены отъ настоящаго болѣе длиннымъ промежуткомъ времени, чѣмъ какое мы можемъ опредѣлить воображеніемъ, хотя бы мы и понимали, что между собою они раздѣлены большимъ промежуткомъ времени.

ПОЛОЖЕНІЕ XI.

Аффектъ къ вещи, которую мы воображаемъ необходимою, при прочихъ равныхъ условіяхъ, бываетъ напряженнѣе, чѣмъ къ вещи возможной, случайной, или не необходимой.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Поскольку мы воображаемъ какую-нибудь вещь необходимою, постольку утверждаемъ ея существованіе, и, наоборотъ, мы отрицаемъ существованіе вещи, поскольку воображаемъ, что она не необходима (*по схол. 1 пол. 33 части 1*); и поэтому (*по пол. 9 этой части*) аффектъ къ необходимой вещи бываетъ напряженнѣе, чѣмъ къ не необходимой,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XII.

Аффектъ къ вещи, о которой мы знаемъ, что она не существуетъ въ настоящемъ, и которую мы воображаемъ возможною, при прочихъ равныхъ условіяхъ, бываетъ напряженнѣе, чѣмъ къ вещи случайной.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Когда мы воображаемъ вещь случайною, то не испытываемъ впечатлѣнія никакого образа другой вещи, которая полагала бы существованіе этой вещи (*по опр. 3 этой части*); напротивъ (*по предположенію*), воображаемъ нѣчто такое, что исключаетъ ея настоящее существованіе. Но, поскольку мы воображаемъ вещь возможною въ будущемъ, постольку воображаемъ нѣчто, что полагаетъ ея существованіе (*по опр. 4 этой части*), т. е. (*по пол. 18 части III*), что поддерживаетъ надежду или опасеніе. И потому аффектъ къ вещи возможной бываетъ сильнѣе, — что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРИЙ.

Аффектъ къ вещи, о которой мы знаемъ, что она не существуетъ въ настоящемъ, и которую мы воображаемъ случайною, бываетъ гораздо слабѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы мы воображали, что вещь присутствуетъ при насъ въ настоящемъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Аффектъ къ вещи, которую мы воображаемъ присутствующею въ настоящемъ, бываетъ напряженнѣе, чѣмъ если бы мы воображали ее будущее (*по королл. пол. 9 этой части*), и гораздо сильнѣе, если мы воображаемъ, что будущее время не очень далеко отъ настоящаго (*по пол. 10 этой части*). Такимъ образомъ, аффектъ къ вещи, время существованія которой мы воображаемъ очень отдаленнымъ отъ настоящаго, бываетъ гораздо слабѣе, чѣмъ если бы мы воображали ее настоящей, и тѣмъ не менѣе (*по предгид. пол.*) онъ бываетъ напряженнѣе, чѣмъ если бы мы воображали вещь случайною. И поэтому аффектъ къ вещи случайной будетъ гораздо слабѣе, чѣмъ если бы мы воображали вещь присутствующею при насъ въ настоящемъ, — что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XIII.

Аффектъ къ вещи случайной, о которой мы знаемъ, что она не существуетъ въ настоящемъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, бываетъ слабѣе, чѣмъ къ вещи прошедшей.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Когда мы воображаемъ вещь случайною, то не испытываемъ впечатлѣнія никакого образа другой вещи, которая полагала бы существованіе этой вещи (*по опр. 3 этой части*). Напротивъ (*по предположенію*), воображаемъ нѣчто такое, что исключаетъ ея настоящее существованіе. Но поскольку мы воображаемъ ее относящуюся къ прошедшему времени, постольку предполагается, что мы воображаемъ нѣчто такое, что приводитъ ее на память, или что возбуждаетъ образъ вещи (*см. пол. 18 части 11 съ ею схол.*), и отсюда постольку производитъ то, что мы ее представляемъ какъ бы присутствующею (*по королл. пол. 17 части 11*). А слѣдовательно (*по пол. 9 этой части*), аффектъ къ вещи случайной, о которой мы знаемъ, что она не существуетъ въ настоящемъ, при равныхъ условіяхъ, будетъ слабѣе, чѣмъ аффектъ къ вещи прошедшей,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XIV.

Истинное познаніе добра и зла, поскольку оно истинно, не можетъ укротить никакого аффекта, но лишь поскольку оно разсматривается какъ аффектъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Аффектъ есть идея, которою душа утверждаетъ болѣшую или меньшую силу существованія своего тѣла, чѣмъ прежде (*по общ. опр. афф.*), и поэтому (*по пол. 1 этой части*) не имѣетъ ничего положительнаго, что могло бы быть уничтожено присутствіемъ истиннаго; а слѣдовательно, истинное познаніе добра и зла, поскольку оно

истинно, не можетъ укротить никакого аффекта. Но лишь постольку, поскольку оно есть аффектъ (*см. пол. 8 этой части*), оно (*по пол. 7 этой части*) можетъ сдерживать аффектъ, если оно сильнѣе того аффекта, который нужно сдерживать,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ XV.

Пожеланіе, вытекающее изъ истиннаго познанія добра и зла, можетъ быть подавлено и сдержано многими другими пожеланіями, вытекающими изъ аффектовъ, которыми мы буруеваемся.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Изъ истиннаго познанія добра и зла, поскольку оно (*по пол. 8 этой части*) есть аффектъ, необходимо вытекаетъ пожеланіе (*по 1 опр. афф.*), которое тѣмъ больше, чѣмъ больше аффектъ, изъ котораго оно рождается (*по пол. 37 части III*). Но такъ какъ это пожеланіе (*по предположенію*) рождается изъ того, что мы нѣчто понимаемъ истинно, то, слѣдовательно, оно является въ насъ тогда, когда мы дѣйствуемъ (*по пол. 3 части III*). А потому оно должно быть понимаемо посредствомъ одной только нашей сущности (*по опр. 2 части III*); и, слѣдовательно (*по пол. 7 части III*), его сила и возрастаніе должны опредѣляться одною только человѣческою способностью. Далѣе, пожеланія, происходящія изъ аффектовъ, которыми мы буруеваемся, бываютъ тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе эти аффекты; поэтому ихъ сила и возрастаніе (*по пол. 5 этой части*) должны опредѣляться способностью или силою внѣшнихъ причинъ, которая, если ее сравнить съ нашею силою, безконечно превосходитъ нашу (*по опр. 3 этой части*). И потому пожеланія, возникающія изъ подобныхъ аффектовъ, могутъ быть сильнѣе того, которое происходитъ отъ истиннаго познанія добра и зла; а отсюда (*по пол. 7 этой части*) они могутъ сдерживать или подавлять его,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XVI.

Пожеланіе, которое возникаетъ изъ познанія добра и зла, поскольку это познаніе касается будущаго, легче можетъ быть сдержано или подавлено пожеланіемъ вещей, которыя пріятны въ настоящемъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Аффектъ къ вещи, которую мы воображаемъ будущею, бываетъ слабѣ аффекта къ настоящей вещи (по королл. пол. 9 этой части). Но пожеланіе, рождающееся изъ истиннаго познанія добра и зла, хотя бы это познаніе относилось къ вещамъ, которыя хороши въ настоящемъ, можетъ быть подавлено или сдержано какимъ-нибудь безразсуднымъ пожеланіемъ (по предъид. пол., доказательство котораго имѣетъ общій характеръ). Слѣдовательно, пожеланіе, которое возникаетъ изъ того же познанія, поскольку это познаніе относится къ будущему, можетъ быть легче задержано или подавлено,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XVII.

Пожеланіе, возникающее изъ истиннаго познанія добра и зла, поскольку это познаніе относится къ вещамъ случайнымъ, можетъ быть еще легче сдержано пожеланіемъ вещей, которыя находятся налицо.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это положеніе такимъ же образомъ, какъ и предъидущее, доказывается изъ королл. пол. 12 этой части.

. СХОДІЯ.

Этимъ, полагаю, я показалъ, почему люди руководятся больше мнѣніемъ, чѣмъ истиннымъ разумомъ, и почему истинное познаніе добра и зла возбуждаетъ душевныя движенія и часто уступаетъ всякаго рода похоти. Отсюда

и произошло это изреченіе поэта. «Вижу лучшее и одобряю, а слѣдую худшему» *). Это же кажется имѣль въ мысли и Экклезіастъ, когда сказалъ **): «Кто умножаетъ знаніе, тотъ умножаетъ печаль». Но я говорю это не съ тою цѣлью, чтобы вывести изъ этого заключеніе, что гораздо лучше быть невѣжественнымъ, чѣмъ знать, или что въ дѣлѣ умѣренія аффектовъ глупый человѣкъ ничѣмъ не отличается отъ умнаго, но потому, что необходимо знать какъ силу, такъ и безсиліе нашей природы, чтобы мы могли опредѣлить, что разумъ можетъ сдѣлать и чего не можетъ при умѣреніи аффектовъ. И я сказалъ, что въ этой части рѣчь будетъ идти только о человѣческомъ безсиліи; ибо о силѣ разума надъ аффектами я положилъ говорить отдѣльно.

ПОЛОЖЕНІЕ XVIII.

Пожеланіе, рождающееся изъ радости, при прочихъ равныхъ условіяхъ, бываетъ сильнѣе пожеланія, которое рождается изъ печали.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Пожеланіе есть сама сущность человѣка (по 1 опред. афф.), т. е. (по пол. 7 части III) стремленіе, по которому человѣкъ стремится сохранить свое существованіе. Поэтому пожеланіе, рождающееся изъ радости, поддерживается или усиливается самимъ аффектомъ радости (по опред. радости, которое см. въ схолии пол. 2 части III); то же, которое, наоборотъ, рождается изъ печали, уменьшается или сдерживается самимъ аффектомъ печали (по той же схолии). И такимъ образомъ сила пожеланія, возникающаго изъ радости, должна опредѣляться человѣческимъ могуществомъ, и вмѣстѣ могуществомъ внѣшней причины; сила же пожеланія, вытекающаго изъ

*) Метамор. Овид. VII, 20,

**) Эккл. I, 18.

печали, опредѣляется только человѣческимъ могуществомъ,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Этимъ немногими замѣчаніями я объяснилъ причины человѣческаго безсилія и непостоянства, а также и то, почему люди не слѣдуютъ предписаніямъ разума. Остается еще показать, что же именно предписываетъ намъ разумъ, какіе аффекты согласуются съ правилами человѣческаго разума и какіе, наоборотъ, противны имъ. Но прежде, чѣмъ я начну доказывать это подробно своимъ геометрическимъ методомъ, я хочу кратко показать здѣсь самыя *предписанія* разума, чтобы каждый могъ легче понять то, что я думаю. Такъ какъ разумъ не требуетъ ничего противъ природы, то онъ, стало быть, требуетъ, чтобы каждый любилъ самого себя, искалъ своей пользы, того, что для него дѣйствительно полезно, и стремился бы ко всему тому, что дѣйствительно ведетъ человѣка къ большому совершенству, и вообще чтобы каждый стремился, насколько можетъ, сохранить свое существованіе. Это столь же необходимо истинно, какъ и то, что цѣлое больше своей части (*см. пол. 4 части 111*). Далѣе, такъ какъ добродѣтель есть не что иное (*по опр. 8 этой части*), какъ дѣйствованіе по законамъ собственной природы, а всякій стремится сохранить свое существованіе (*по пол. 7 части 111*) лишь по законамъ своей природы, то изъ этого слѣдуетъ, *во-первыхъ*, что основаніе добродѣтели есть само стремленіе сохранить собственное существованіе и что счастье состоитъ въ томъ, что человѣкъ можетъ сохранять свое существованіе. *Во-вторыхъ*, слѣдуетъ, что къ добродѣтели нужно стремиться изъ-за нея самой, и что нѣтъ ничего такого, что было бы предпочтительнѣе ея или что было бы для насъ полезнѣе, изъ-за чего мы должны были бы стремиться къ ней. Наконецъ, *въ-третьихъ*, слѣдуетъ, что самоубійцы слабы духомъ, и что они вполнѣ побѣждаются внѣшними причинами,

враждебными ихъ природѣ. Далѣе, изъ *постулата 4 части 1* слѣдуетъ, что мы никогда не можемъ сдѣлать такъ, чтобы мы для сохраненія нашего существованія не нуждались ни въ чемъ внѣ насъ, и чтобы мы жили такъ, чтобъ не имѣть никакихъ сношеній съ вещами, которыя находятся внѣ насъ; и если мы, кромѣ того, обратимъ вниманіе на нашу душу, то дѣйствительно разумъ нашъ былъ бы менѣе совершеннымъ, если бы душа существовала только одна и ничего не понимала бы, кромѣ самой себя. Итакъ, внѣ насъ существуетъ многое, что намъ полезно и къ чему мы поэтому стремимся. Въ числѣ этого нельзя придумать ничего превосходнѣе того, что вполне согласно съ нашей природой. Въ самомъ дѣлѣ, если напр., соединятся между собою два индивидуума совершенно одинаковой природы, то они составляютъ индивидуумъ вдвое могущественнѣе единичнаго. Такимъ образомъ, для человѣка ничего не можетъ быть полезнѣе другого человѣка; ничего лучшаго, говорю я, люди не могутъ желать для сохраненія своего существованія, какъ то, чтобы всѣ соглашались во всемъ, чтобы души и тѣла всѣхъ составляли какъ бы одну душу и одно тѣло, и чтобы всѣ вмѣстѣ, насколько могутъ, стремились сохранить свое существованіе и всѣ вмѣстѣ искали для себя общей пользы. Изъ этого слѣдуетъ, что люди, которые управляются разумомъ, т. е. люди, которые ищутъ своей пользы подъ руководствомъ разума, ничего не желаютъ себѣ такого, чего они не желали бы другимъ людямъ, и что они поэтому справедливы, вѣрны и честны.

Вотъ тѣ предписанія разума, которыя я хотѣлъ здѣсь показать вкратцѣ, прежде чѣмъ начать доказывать ихъ подробнѣе по порядку; это я сдѣлалъ для того, чтобы, если это можетъ случиться, привлечь къ себѣ вниманіе тѣхъ, которые думаютъ, что этотъ принципъ, т. е. что каждый стремится искать своей пользы, есть основаніе нечестія, а не добродѣтели и благочестія. Показавши кратко, что на дѣлѣ это вовсе не такъ, я стану продол-

жать доказывать это тѣмъ же путемъ, которымъ мы шли доселѣ.

ПОЛОЖЕНІЕ XIX.

Каждый, по законамъ своей природы, или необходимо стремится къ тому, что онъ считаетъ добромъ, или отвращается отъ того, что онъ считаетъ зломъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Познаніе добра и зла есть (по пол. 8 этой части) самый аффектъ радости или печали, поскольку мы сознаемъ его; и потому (по пол. 28 части III) каждый необходимо стремится къ тому, что, по его мнѣнію, добро, и отвращается отъ того, что зло. Но это стремленіе есть не что иное, какъ сама сущность или природа человѣка (по опр. позыва, которое см. въ схоли пол. 9 части III и I опред. афф.). Слѣдовательно, каждый только по законамъ своей природы необходимо имѣетъ позывъ или отвращеніе къ тому, и проч.,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XX.

Чѣмъ болѣе каждый ищетъ своей пользы, т. е. старается и можетъ сохранить свое существованіе, тѣмъ болѣе онъ одаренъ нравственною силою (virtute); и, наоборотъ, поскольку каждый не радуетъ о своей пользѣ, т. е. о сохраненіи своего существованія, постольку онъ безсильнъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Нравственная сила (virtus) есть сама человѣческая мощь, которая опредѣляется только сущностью человѣка (по опр. 8 этой части), т. е. (по пол. 7 части III), которая опредѣляется однимъ усиленіемъ, по которому человѣкъ стремится сохранить свое существованіе. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе кто-нибудь стремится сохранить свое существованіе, тѣмъ болѣе онъ одаренъ нравственною силой и, слѣдовательно (по пол. 4 и 6 части III), поскольку

кто-нибудь не радѣть о сохраненіи своего существованія, постольку онъ безсиленъ,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Такимъ образомъ, только тотъ, кто побѣжденъ внѣшними и противоположными своей природѣ причинами, пренебрегаетъ стремленіемъ къ своей пользѣ и сохраненіемъ своего существованія. Только принуждаемый, говорю я, не необходимостью своей природы, а внѣшними причинами, человѣкъ отказывается отъ пищи или умерщвляетъ себя,—что можетъ случиться различнымъ образомъ. Именно, кто-нибудь убиваетъ себя, принуждаемый другимъ, который поворачиваетъ его правую руку, въ которой случайно былъ мечъ и заставляетъ направить остріе меча въ свое собственное сердце, или же пускаетъ, по повелѣнію тиранна, какъ Сенека, кровь изъ своихъ жилъ, т. е. желаетъ избѣжать большаго зла посредствомъ меньшаго; или же, наконецъ, потому, что какія-нибудь скрытныя внѣшнія причины такъ настраиваютъ его воображеніе и такъ удручаютъ тѣло, что оно принимаетъ другую природу, которая противоположна прежней, и идеи которой не можетъ быть въ душѣ (по пол. 10 части III). Но чтобы человѣкъ необходимостью своей природы побуждался не существовать или измѣниться въ другую форму, это такъ же невозможно, какъ и то, чтобы изъ ничего могло произойти что-нибудь, какъ это каждый можетъ видѣть даже при посредственномъ размышленіи.

ПОЛОЖЕНІЕ XXI.

Никто не можетъ желать быть счастливымъ, хорошо дѣйствовать и хорошо жить, кто вмѣстѣ съ тѣмъ не желалъ бы быть, дѣйствовать и жить, т. е. дѣйствительно существовать.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Доказательство этого положенія или, лучше, самый предмет его ясенъ самъ собою, а также и изъ опредѣленія пожеланія. Ибо пожеланіе (*по 1 опред. афф.*) счастливо или хорошо жить, дѣйствовать и проч. есть сама сущность человѣка, т. е. (*по пол. 7 части III*) стремленіе, по которому каждый стремится сохранить свое существованіе. Слѣдовательно, никто не можетъ желать, и проч.,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXII.

Нельзя представить себѣ ни одной добродѣтели, которая предшествовала бы этой (именно стремленію сохранить свое существованіе).

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Стремленіе сохранять себя есть сама сущность вещи (*по пол. 7 части III*). Такимъ образомъ, если бы можно было представить какую-нибудь добродѣтель, которая предшествовала бы этой, именно этому стремленію, тогда сама сущность вещи представлялась бы (*по опр. 8 этой части*) предшествующею себѣ самой,—что (*какъ ясно само собою*) нелѣпо. Слѣдовательно, нельзя представить ни одной добродѣтели, и проч.,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Стремленіе сохранять себя есть первое и единственное основаніе добродѣтели. Ибо прежде этого принципа нельзя представить никакого другого (*по предвид. пол.*), а безъ него (*по пол. 21 этой части*) нельзя представить никакой добродѣтели.

ПОЛОЖЕНІЕ XXIII.

О человѣкѣ, поскольку онъ опредѣляется къ какому-нибудь дѣйствию тѣмъ, что онъ имѣетъ неполныя идеи, нельзя

вполнѣ сказать, что онъ дѣйствуетъ по добродѣтели (нравственной силѣ); это можно сказать лишь, поскольку онъ опредѣляется тѣмъ, что онъ понимаетъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Поскольку человѣкъ опредѣляется къ какому-либо дѣйствію тѣмъ, что онъ имѣетъ неполныя идеи, постольку (по пол. 1 части III) онъ страдаетъ, т. е. (по опр. 1 и 2 части III) дѣлаетъ нѣчто такое, что не можетъ быть представлено посредствомъ одной только его сущности, т. е. (по опр. 8 этой части), что не слѣдуетъ изъ его добродѣтели (нравственной силы). Но поскольку онъ опредѣляется къ какому-нибудь дѣйствію тѣмъ, что онъ понимаетъ, постольку (по тому же пол. 1 части III) онъ дѣйствуетъ, т. е. (по опр. 2 части III) дѣлаетъ нѣчто такое, что можетъ быть представлено только посредствомъ одной его сущности, или (по опр. 8 этой части) что вполнѣ вытекаетъ изъ его добродѣтели,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXIV.

Дѣйствовать вполнѣ по добродѣтели значитъ въ насъ не что иное, какъ дѣйствовать по руководству разума, жить, сохранять свое существованіе (эти три акта означаютъ одно и то же) на основаніи исканія своей собственной пользы.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Дѣйствовать вполнѣ по добродѣтели значитъ (по опр. 8 этой части) дѣйствовать по законамъ собственной природы. Но мы дѣйствуемъ лишь постольку, поскольку понимаемъ (по пол. 3 части III). Слѣдовательно, дѣйствовать по добродѣтели значитъ не что иное въ насъ, какъ дѣйствовать по руководству разума, жить и сохранять свое существованіе, и притомъ (по королл. пол. 22 этой

части) на основаніи исканія своей пользы,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXV.

Никто не стремится сохранять свое существованіе ради другой вещи.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Стремленіе, по которому каждая вещь стремится сохранить свое существованіе, опредѣляется только сущностью самой вещи (*по пол. 7 части III*); и только изъ того, что дана эта сущность, а не изъ необходимости другой вещи необходимо слѣдуетъ (*по пол. 6 части III*), чтобы каждый стремился сохранять свое существованіе. Кромѣ того, это положеніе явствуетъ изъ *королларія пол. 22 этой части*. Ибо если бы человѣкъ стремился сохранять свое существованіе ради другой вещи, то эта вещь была бы первымъ основаніемъ добродѣтели (*какъ ясно само собою*), что (*по вышеуказанному королл.*) нелѣпо. Итакъ, никто не стремится, и проч.,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXVI.

Все то, къ чему мы стремимся по разуму, есть не что иное, какъ пониманіе; и душа, поскольку она пользуется разумомъ, ничему не считаетъ для себя полезнымъ, кромѣ того, что ведетъ къ пониманію.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Стремленіе сохранять себя есть не что иное, какъ сама сущность вещи (*по пол. 7 части III*), которая, поскольку существуетъ, какъ таковая, представляется въ умѣ имѣющею силу сохранять свое существованіе и дѣлать то, что необходимо вытекаетъ изъ данной ея природы. См. *опред. позова въ схол. пол. 9 части III*. Но сущность разума есть не что иное, какъ наша душа, по-

скольку она понимаетъ ясно и отчетливо. *См. опред. его во 2 схол. пол. 40 части II.* Итакъ (*по пол. 40 части II*), все то, къ чему мы стремимся по разуму, есть не что иное, какъ пониманіе. Затѣмъ, такъ какъ это стремленіе души, по которому душа, поскольку она разсуждаетъ, стремится сохранить свое существованіе, есть не что иное, какъ пониманіе (*по первой части этого пол.*); то изъ этого слѣдуетъ, что это стремленіе къ пониманію (*по королл. пол. 22 этой части*) есть первое и единственное основаніе добродѣтели, и что мы стремимся понимать вещи не для какой-нибудь цѣли (*по пол. 25*); но, напротивъ, душа, поскольку она разсуждаетъ, можетъ представлять добромъ для себя только то, что ведетъ къ пониманію (*по опр. I этой части*),—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXVII.

Ни о чемъ другомъ мы не знаемъ навѣрное, что оно добро или зло, какъ только о томъ, что дѣйствительно ведетъ насъ къ пониманію, или что можетъ препятствовать пониманію.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Душа, поскольку она разсуждаетъ, не стремится ни къ чему другому, какъ къ пониманію, и считаетъ полезнымъ для себя только то, что ведетъ къ пониманію (*по предгид. пол.*). Но душа (*по пол. 41 и 43 части II и схол. этого послѣд. пол.*) съ достовѣрностью знаетъ вещи только тогда, когда она имѣетъ полныя идеи, или (*что то же по схол. 2 пол. 40 части II*) поскольку она разсуждаетъ. Слѣдовательно, ни о чемъ другомъ мы не знаемъ навѣрное, что оно добро, какъ только о томъ, что дѣйствительно ведетъ къ пониманію, и, наоборотъ, то есть зло, что можетъ препятствовать пониманію,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXVIII.

Высшее благо души есть познаніе Бога и высшая добродѣтель души—это познавать Бога.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Самое высшее, что можетъ понимать душа, есть Богъ, т. е. (по опр. 6 части 1) абсолютно безконечное существо, безъ котораго ничто не можетъ существовать и ничто не можетъ быть представлено. Поэтому (по пол. 26 и 27 этой части) высшая польза души или (по опр. 1 этой части) высшее добро есть познаніе Бога. Далѣе, душа, поскольку она понимаетъ, постольку лишь и дѣйствуетъ (по пол. 1 и 3 части III) и постольку лишь (по пол. 23 этой части) можно безусловно сказать, что она дѣйствуетъ по добродѣтели. Итакъ, безусловная добродѣтель души есть пониманіе. Но самое высшее, что душа можетъ понимать, есть Богъ (какъ мы уже доказали). Слѣдовательно, высочайшая добродѣтель души—это понимать или познавать Бога, — что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXIX.

Каждая отдѣльная вещь, природа которой совершенно отлична отъ нашей, не можетъ ни содѣйствовать, ни стѣснять нашей способности къ дѣятельности, и вообще никакая вещь не можетъ быть для насъ доброю или злою, если она не имѣетъ чего-нибудь общаго съ нами.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Могущество каждой отдѣльной вещи, а слѣдовательно (по королл. пол. 10 части II), и человѣка, по которому они существуютъ и дѣйствуютъ, опредѣляется только другою отдѣльною вещью (по пол. 28 части I), природа которой (по пол. 6 части II) должна быть понимаема подъ тѣмъ же атрибутомъ, посредствомъ котораго представляется человѣческая природа. Итакъ, наша способ-

ность къ дѣятельности, какимъ бы образомъ она ни представлялась въ умѣ, можетъ опредѣляться, а слѣдовательно, поддерживаться или стѣсняться способностью другой отдѣльной вещи, которая имѣетъ что-нибудь общее съ нами, а не способностью вещи, природа которой совершенно отлична отъ нашей. И такъ какъ мы называемъ добромъ или зломъ то, чтѣ бываетъ причиною радости или печали (*по пол. 8 этой части*), т. е. (*по схол. пол. II части III*) чтѣ увеличиваетъ или уменьшаетъ, поддерживаетъ или стѣсняетъ нашу способность къ дѣятельности, то, слѣдовательно, вещь, природа которой совершенно отлична отъ нашей, не можетъ быть для насъ ни доброю ни злою,—чтѣ и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXX.

Никакая вещь не можетъ быть злою посредствомъ того, чтѣ она имѣетъ общаго съ нашей природою: но она есть зло для насъ постольку, поскольку она противоположна нашей природѣ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Мы называемъ зломъ то, чтѣ бываетъ причиною печали (*по пол. 8 этой части*), т. е. (*по схол. пол. II части III*) чтѣ стѣсняетъ или уменьшаетъ нашу способность къ дѣятельности. Итакъ, если бы какая-нибудь вещь могла быть для насъ зломъ черезъ то, чтѣ она имѣетъ общаго съ нами, то она могла бы уменьшать или стѣснять то самое, чтѣ она имѣетъ общаго съ нами, а это (*по пол. 4 части III*) нелѣпо. Стало быть, никакая вещь посредствомъ того, чтѣ она имѣетъ общаго съ нами, не можетъ быть зломъ для насъ; но, напротивъ, поскольку она зло, т. е. (*какъ мы уже показали*), поскольку она можетъ уменьшать или стѣснять нашу способность къ дѣятельности, постольку (*по пол. 5 части III*) она противоположна намъ,—чтѣ и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXI.

Поскольку какая-нибудь вещь согласна съ нашей природой, постольку она необходимо есть добро.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо если какая-нибудь вещь согласна съ нашей природой, то она (*по предъид. пол.*) не можетъ быть зломъ. Слѣдовательно, она будетъ необходимо или доброю или безразличною. Если мы предположимъ это, именно, что она не есть ни добро, ни зло, то (*по аксіомъ этой части*) изъ природы ея не будетъ вытекать ничего, что служить къ сохраненію нашей природы, т. е. (*по предположенію*) что служить къ сохраненію природы самой вещи. Но это (*по пол. 6 части III*) нелѣпо. Слѣдовательно, поскольку она согласна съ нашей природой, постольку необходимо есть добро,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ болѣе какая-нибудь вещь согласна съ нашей природой, тѣмъ болѣе полезно и доброю она будетъ для насъ; и, наоборотъ, чѣмъ полезнѣе для насъ какая-нибудь вещь, тѣмъ она болѣе согласна съ нашей природой. Ибо поскольку она несогласна съ нашей природой, постольку она необходимо будетъ отлична отъ нашей природы или противоположна ей. Если она отлична, то (*по пол. 29 этой части*) не можетъ быть ни добромъ, ни зломъ; если же противоположна ей, то будетъ также противоположна и тому, что согласно съ нашей природой, т. е. (*по предъид. пол.*) противоположна добру или злу. Значить, можетъ быть добромъ только то, что согласно съ нашей природой; и потому чѣмъ болѣе какая-нибудь вещь соотвѣтствуетъ нашей природѣ, тѣмъ она полезнѣе, и наоборотъ,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXII.

Поскольку люди подчинены страстямъ, постольку объ нихъ нельзя сказать, что они сходятся (между собою) по природѣ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Когда о чемъ-нибудь говорится, что оно сходствуетъ по природѣ, то разумѣется, что оно сходствуетъ своей силою (по пол. 7 части III), а не безсиліемъ или отрицаніемъ, а слѣдовательно (см. схол. пол. 3 части II) и не страстью. Поэтому, поскольку люди подчинены страстямъ, постольку объ нихъ нельзя сказать, что они сходятся (между собою) по природѣ,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Дѣло ясно само собою. Ибо кто говорить, что бѣлое и черное сходятся между собою лишь въ томъ, что ни одно изъ нихъ не есть красное, тотъ просто утверждаетъ, что они не сходятся между собою ни въ какомъ отношеніи. Также точно, если кто скажетъ, что камень и человѣкъ сходятся между собою лишь въ томъ, что оба они конечны, безсильны, или что не существуютъ по необходимости своей природы, наконецъ, или что ихъ безконечно превосходить могущество внѣшнихъ причинъ, тотъ конечно утверждаетъ, что человѣкъ и камень не сходятся между собою ни въ чемъ. Ибо то, что сходится въ одномъ только отрицаніи или въ томъ, чего въ немъ нѣтъ, то на дѣлѣ не сходится ни въ чемъ.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXIII.

Люди могутъ различаться между собою по природѣ, поскольку они волнуются аффектами, которые суть страсти, и постольку также одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть различенъ и непостояненъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Природа или сущность аффектовъ не можетъ быть объяснена одною только нашею сущностью или природою (по *опр. 1 и 2 части 111*), но должна опредѣляться силою, т. е. (по *пол. 7 части 111*) природою внѣшнихъ вещей сравнительно съ нашею природою. Вслѣдствіе этого происходитъ то, что столько есть видовъ каждаго аффекта, сколько видовъ предметовъ, которые оказываютъ на насъ дѣйствіе (см. *пол. 56 части 111*); далѣе то, что люди отъ одного и того же предмета испытываютъ различныя впечатлѣнія (см. *пол. 51 части 111*) и постольку они разнятся природою; наконецъ, то, что одинъ и тотъ же человѣкъ (по *тому же пол. 51 части 111*) испытываетъ по отношенію къ одному и тому же предмету разные аффекты и постольку бываетъ различенъ и проч.,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXIV.

Поскольку люди волнуются аффектами, которые суть страсти, постольку они могутъ быть взаимно противоположны.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Человѣкъ, напр. Петръ, можетъ быть причиною печали Павла вслѣдствіе того, что онъ имѣетъ нѣчто сходное съ тою вещью, которую ненавидитъ Павелъ (по *пол. 16 части 111*), или вслѣдствіе того, что одинъ Петръ обладаетъ какою-нибудь вещью, которую любитъ также и Павелъ (по *пол. 32 части 111 съ его схол.*), или вслѣдствіе другихъ причинъ (главныя изъ нихъ см. въ *схол. пол. 55 части 111*). Отъ этого происходитъ (по *опр. 7 афф.*), что Павелъ ненавидитъ Петра и, слѣдовательно, легко можетъ быть (по *пол. 40 части 111 съ его схол.*), что и Петръ будетъ ненавидѣть Павла, и поэтому (по *пол. 39 части 111*) они станутъ стремиться дѣлать зло другъ

другу, т. е. (по пол. 30 этой части) будутъ противоположны другъ другу. Но аффектъ печали всегда есть страсть (по пол. 59 части III); слѣдовательно, люди, поскольку волнуются аффектами, которые суть страсти, могутъ быть взаимно противоположны,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Я сказалъ, что Павелъ ненавидитъ Петра, потому что воображаетъ, что послѣдній обладаетъ тѣмъ, что любить также самъ Павелъ. При первомъ взглядѣ можетъ показаться, будто изъ этого слѣдуетъ, что они двое наносить вредъ другъ другу изъ-за того, что любятъ одно и то же и, слѣдовательно, изъ-за того, въ чемъ они согласуются по природѣ. А если это вѣрно, то значить ложны положенія 30 и 31 этой части. Но если мы рассмотримъ дѣло, какъ слѣдуетъ, то увидимъ, что все это совершенно согласно между собою. Ибо они враждебны другъ другу не поскольку они согласны между собою по природѣ, т. е. поскольку тотъ и другой любятъ одно и то же; но поскольку они разнятся между собою. Въ самомъ дѣлѣ тѣмъ, что они любятъ одно и то же, поддерживается любовь ихъ обоихъ (по пол. 31 части III), т. е. (по отф. 6 афф.) тѣмъ самымъ поддерживается радость обоихъ. Поэтому они враждебны другъ другу вовсе не потому, что они любятъ одно и то же и согласны по природѣ; но причина этого, какъ я сказалъ, не другая, какъ та, что они предполагаются разнящимися по природѣ. Именно мы предполагаемъ, что Петръ имѣетъ идею любимой вещи, которою онъ уже обладаетъ, а Павелъ идею любимой вещи, которой онъ лишенъ. Вслѣдствіе этого первый испытываетъ радость, а второй печаль; и постольку они взаимно противоположны. Этимъ способомъ мы можемъ легко показать, что и всѣ причины ненависти зависятъ отъ того одного, въ чемъ люди разнятся по природѣ, а не отъ того, въ чемъ они согласны.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXV.

Поскольку люди живутъ по руководству разума, постольку лишь они необходимо всегда сходятся между собою по природѣ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Поскольку люди предаются аффектамъ, которые суть страсти, постольку они могутъ быть различны по природѣ (*по пол. 33 этой части*) и взаимно противоположны (*по предъид. пол.*). Но о людяхъ говорится, что они дѣйствуютъ лишь постольку, поскольку они живутъ по руководству разума (*по пол. 3 части III*); и потому все, что вытекаетъ изъ человѣческой природы, поскольку она опредѣляется разумомъ (*по опр. 2 части III*), должно быть объясняемо одною человѣческою природою, какъ своею ближайшею причиною. Но такъ какъ каждый по законамъ своей природы имѣетъ влеченіе къ тому, что онъ считаетъ добромъ, и стремится устранить то, что считаетъ зломъ (*по пол. 19 этой части*), и такъ какъ то, что мы, по предписанію разума, считаемъ добромъ или зломъ, есть необходимо добро или зло (*по пол. 41 части II*), то люди, поскольку они живутъ по руководству разума, постольку лишь то необходимо дѣлаютъ, что для человѣческой природы и, слѣдовательно, для каждого человѣка необходимо есть добро, т. е. (*по королл. пол. 31 этой части*) что согласно съ природою каждого человѣка. Поэтому люди необходимо всегда сходятся между собою, поскольку они живутъ по руководству разума,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ I.

Въ природѣ вещей нѣтъ ничего отдѣльнаго такого, что могло бы быть болѣе полезно для человѣка, чѣмъ человѣкъ, живущій по руководству разума. Ибо для человѣка всего полезнѣе то, что наиболѣе согласно съ его природою (*по королл. пол. 31 этой части*), т. е. (какъ

ясно само собою) человѣкъ. Но человѣкъ дѣйствуетъ въполнѣ по законамъ своей природы тогда, когда живетъ по руководству разума (*по опр. 2 части III*), и постольку лишь всегда необходимо сходствуетъ съ природою другого человѣка (*по предвид. положенію*). Слѣдовательно, между отдѣльными вещами для человѣка нѣтъ ничего полезнѣе человѣка,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ II.

Когда каждый человѣкъ наиболѣе ищетъ своей пользы, тогда люди наиболѣе полезны другъ другу. Ибо чѣмъ болѣе каждый ищетъ своей пользы и стремится сохранять себя, тѣмъ болѣе онъ одаренъ нравственной силой (*по пол. 20 этой части*) или, что то же (*по опр. 8 этой части*), одаренъ тѣмъ болѣею способностью къ дѣятельности по законамъ своей природы, т. е. (*по пол. 3 части III*) къ жизни по руководству разума. Но люди тогда наиболѣе сходствуютъ между собою по природѣ, когда живутъ по руководству разума (*по предвид. пол.*), Слѣдовательно (*по предвид. королл.*), люди тогда будутъ наиболѣе полезны другъ другу, когда каждый изъ нихъ будетъ наиболѣе искать своей пользы, — что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

То, что мы сейчасъ доказали, подтверждаетъ ежедневно и опытъ многими и столь ясными свидѣтельствами, что почти у всѣхъ на устахъ выраженіе: человѣкъ есть Богъ для человѣка. Однако рѣдко бываетъ, что люди живутъ по руководству разума; но болѣею частью случается такъ, что они бываютъ завистливы и тягостны другъ для друга. Тѣмъ не менѣе они съ трудомъ могли бы сносить уединенную жизнь, и потому многимъ очень нравится то опредѣленіе, что человѣкъ есть животное общественное; и дѣйствительно, дѣло стоитъ такъ, что изъ сообщества людей приистекаетъ больше выгодъ, чѣмъ

невыгодъ. Итакъ, пусть сатирики смѣются, сколько хотятъ, надъ человѣческими дѣлами, пусть богословы питаютъ отвращеніе къ этимъ дѣламъ, пусть меланхолики восхваляютъ, насколько хватитъ силъ, простую деревенскую жизнь, пусть презираютъ людей и восхваляютъ животныхъ; однако же они по опыту знаютъ, что люди при взаимной помощи гораздо легче могутъ достать себѣ все, въ чемъ они нуждаются, и только соединенными силами могутъ избѣгать опасностей, повсюду угрожающихъ имъ, не говоря уже о томъ, что гораздо лучше и достойнѣе нашего познанія созерцать дѣла людей, чѣмъ звѣрей. Но объ этомъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXVI.

Высшее благо тѣхъ, которые слѣдуютъ добродѣтели, обще всѣмъ, и имъ всѣ одинаково могутъ наслаждаться.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Дѣйствовать добродѣтельно, значить дѣйствовать по руководству разума (по пол. 24 этой части), а все то, къ чему мы стремимся по разуму, состоитъ въ пониманіи (по пол. 26 этой части). Поэтому (по пол. 28 этой части) высшее благо тѣхъ, которые слѣдуютъ добродѣтели, состоитъ въ познаніи Бога, т. е. (по пол. 47 части 11 и ея схол.) оно есть благо, которое обще всѣмъ людямъ и которымъ всѣ люди одинаково могутъ обладать, поскольку имѣютъ одинаковую природу,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Если же кто-нибудь спросить: а что, еслибъ высшее благо тѣхъ, которые слѣдуютъ добродѣтели, не было обще для всѣхъ? Не слѣдовало ли бы изъ этого, какъ выше (см. пол. 34 этой части), что люди, которые живутъ по руководству разума, т. е. (по пол. 35 этой части) люди, поскольку они сходны по природѣ, взаимно про-

тивоположны? На это можно отвѣтить, что не случайно, а изъ самой природы разума происходитъ то, что высшее благо обще всѣмъ людямъ, потому именно, что оно выводится изъ самой человѣческой сущности, поскольку она опредѣляется разумомъ, и потому, что человѣкъ не могъ бы ни существовать, ни быть представленъ въ умѣ, если бы не имѣлъ способности наслаждаться этимъ высшимъ благомъ. Ибо (по пол. 47 части 11) къ сущности человѣческой души относится то, чтобы она имѣла полное познаніе вѣчной и безконечной сущности Бога.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXVII.

Блага, котораго желаетъ себѣ каждый, слѣдующій добродѣтели, онъ будетъ желать также и прочимъ людямъ, и тѣмъ больше, чѣмъ больше онъ будетъ имѣть познанія о Богѣ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Люди, поскольку они живутъ по руководству разума, наиболѣе полезны человѣку (по королл. 1 пол. 35 этой части); и поэтому (по пол. 19 этой части) по руководству разума мы необходимо будемъ стремиться сдѣлать такъ, чтобы люди жили по руководству разума. Но благо, котораго желаетъ для себя каждый, живущій по предписаніямъ разума, т. е. (по пол. 24 этой части) слѣдующій добродѣтели, есть пониманіе (по пол. 26). Слѣдовательно, блага, котораго каждый, слѣдующій добродѣтели, желаетъ для себя, онъ будетъ желать и другимъ людямъ. Затѣмъ, пожеланіе, поскольку оно относится къ душѣ, есть сама сущность души (по 1 опр. афф.); сущность же души состоитъ въ познаніи (по пол. 11 части 11), которое заключаетъ въ себѣ познаніе Бога (по пол. 47 части 11) и безъ котораго она (по пол. 15 части 1) не можетъ ни существовать, ни быть представлена. Поэтому, чѣмъ больше сущность души содержитъ въ себѣ познанія Бога, тѣмъ больше будетъ и то пожеланіе, по которому чело-

вѣкъ, слѣдующій добродѣтели, желаетъ и другимъ того блага, котораго онъ желаетъ для себя,—что и требовалось доказать.

ДРУГОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Благо, которое человѣкъ любить и котораго желаетъ для себя, онъ будетъ любить постоянно, если увидить, что и другіе его любятъ (*по пол. 31 части III*). Поэтому (*по королл. того же пол.*) онъ будетъ стремиться къ тому, чтобы и другіе любили то же благо. И такъ какъ это благо обще всѣмъ (*по предъид. пол.*), и всѣ могутъ имъ наслаждаться, то, слѣдовательно, онъ будетъ стремиться (*на томъ же основаніи*) къ тому, чтобы всѣ наслаждались имъ, и (*по пол. 37 части III*) будетъ стремиться тѣмъ больше, чѣмъ больше онъ пользуется этимъ благомъ,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ I.

Кто по одному лишь аффекту стремится къ тому, чтобы другіе любили то, что онъ самъ любитъ, и чтобы они жили согласно съ его пониманіемъ, тотъ дѣйствуетъ только порывомъ, и потому онъ бываетъ ненавистенъ, а особенно тѣмъ, которымъ нравится другое, и которые поэтому также прилагаютъ стараніе и съ такимъ же порывомъ стремятся къ тому, чтобы другіе жили, напротивъ, согласно съ ихъ пониманіемъ. Далѣе, такъ какъ высшее благо, къ которому люди стремятся по аффекту, часто бываетъ таково, что только одинъ можетъ быть причастнымъ ему, то отъ этого происходитъ, что тѣ, которые любятъ это благо, не увѣрены твердо въ душѣ и, высказывая похвалы той вещи, которую любятъ, боятся, чтобы слова ихъ не нашли вѣры. Но кто стремится вести другихъ по разуму, тотъ дѣйствуетъ не порывомъ, а гуманно и доброжелательно и какъ нельзя болѣе увѣренъ въ себѣ въ душѣ. Далѣе, все то, чего мы желаемъ, что мы дѣлаемъ, чего сами бываемъ причиною, поскольку мы

имѣемъ идею Бога, или поскольку мы познаемъ Бога, я отношу къ *религии*. Пожеланіе же дѣлать добро, возникающее изъ того, что мы живемъ по руководству разума, я называю *благочестіемъ*. Наконецъ, пожеланіе, по которому человѣкъ, живущій по руководству разума, стремится къ тому, чтобы соединить съ собой другихъ дружбою, я называю *честію*, а *честнымъ* называю то, что люди, живущіе по руководству разума, хвалятъ, постыднымъ же, напротивъ, то, что враждебно образованію дружбы. Кромѣ этого, я показалъ и то, каковы основанія гражданского общества. Далѣе, различіе между истинною добродѣтелью и безсиліемъ легко понять изъ сказаннаго выше: именно, что истинная добродѣтель есть не что иное, какъ жизнь по одному руководству разума; а потому безсиліе состоитъ только въ томъ, что человѣкъ дозволяетъ управлять собою вещамъ, которыя находятся внѣ его, и опредѣляется ими къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыхъ требуетъ общее устройство внѣшнихъ тѣлъ, а не къ тѣмъ, которыхъ требуетъ сама его природа, разсматриваемая лишь сама въ себѣ. Это и есть то, что я обѣщалъ доказать въ *схемѣ положенія 18 этой части* и изъ чего слѣдуетъ, что законъ, запрещающій убивать животныхъ, скорѣе основывается на пустомъ суевѣріи и бабьемъ сердоболіи, чѣмъ на здоровомъ разсудкѣ. Ибо разсудокъ учитъ, что мы для достиженія своей пользы должны входить въ связь съ людьми, а не съ звѣрями или вещами, природа которыхъ отлична отъ природы человѣческой; но что то право, которое они имѣютъ на насъ, и мы имѣемъ на нихъ. Даже, такъ какъ право каждаго опредѣляется душевной мощью или способностью каждаго, то люди имѣютъ гораздо большее право на животныхъ, чѣмъ животныя на людей. Впрочемъ я не отрицаю того, что животныя чувствуютъ; но я отрицаю то, что намъ по этой причинѣ непозволительно заботиться о своей пользѣ, пользоваться ими по своему произволу и поступать съ ними такъ, какъ это наиболѣе пригодно для насъ, такъ

какъ они не сходны съ нами по природѣ, и аффекты ихъ по природѣ отличны отъ человѣческихъ аффектовъ. *См. схол. пол. 57 части III.* Затѣмъ, остается объяснить, что такое справедливое и несправедливое, что такое грѣхъ и что, наконецъ, заслуга. Но объ этомъ *см. слѣдующую схолію.*

СХОЛІЯ II.

Въ приложеніи къ первой части я обѣщаль объяснить, что такое похвала и порицаніе, заслуга и грѣхъ, что справедливое и несправедливое. Что касается до похвалы и порицанія, это я объяснилъ въ *схоліи положенія 29 части III*; объ остальномъ же нужно сказать здѣсь. Но прежде необходимо сказать нѣсколько словъ о *естественномъ и гражданственномъ состояніи чловѣка.*

Каждый существуетъ по высшему праву природы, и, вслѣдствіе того, каждый по высшему праву природы дѣлаетъ то, что вытекаетъ изъ необходимости своей природы; и поэтому каждый по высшему праву природы судитъ о томъ, что добро и что зло, и по своимъ понятіямъ заботится о своей пользѣ (*см. пол. 19 и 20 этой части*), защищаетъ себя (*см. королл. 2 пол. 40 части III*) и стремится сохранить то, что любить, и разрушить то, что ненавидитъ (*см. пол. 28 части III*). Если бы люди жили по руководству разума, то каждый пользовался бы (*по королл. 1 пол. 35 этой части*) этимъ своимъ правомъ безъ всякаго вреда для другихъ. Но такъ какъ они подвержены аффектамъ (*по королл. пол. 4 этой части*), которые далеко превосходятъ человѣческую мощь или добродѣтель (*по пол. 6 этой части*), то поэтому они часто увлекаются въ разныя стороны (*по пол. 33 этой части*) и бываютъ враждебны другъ другу (*по пол. 34 этой части*), нуждаясь однако во взаимной помощи (*по схол. пол. 35 этой части*). Такимъ образомъ, чтобы люди могли жить согласно и оказывать другъ другу помощь, необходимо, чтобы они поступились своимъ естественнымъ правомъ и

дали другъ другу взаимное увѣреніе, что они не будутъ дѣлать ничего, что можетъ обратиться во вредъ другому. А какимъ образомъ это можетъ быть, т. е. какимъ образомъ люди, необходимо подверженные аффектамъ (*по королл. пол. 4 этой части*), непостоянные и измѣнчивые (*по пол. 33 этой части*), могутъ не лишать другъ друга спокойствія и довѣрять другъ другу, это явствуется изъ 7 положенія этой части и 39 положенія части III, именно, что каждый аффектъ можетъ быть сдерживаемъ не иначе, какъ другимъ аффектомъ, который сильнѣе сдерживаемаго и противоположенъ ему, и что каждый удерживается отъ нанесенія вреда боязнью большаго вреда. На этомъ законѣ можетъ утвердиться общество (*societas*), если только оно присвоить себѣ принадлежащее каждому въ отдѣльности право мстить за себя и судить о томъ, что добро и что зло; и общество поэтому можетъ имѣть власть предписывать общій образъ жизни, издавать законы и утверждать ихъ не разумомъ, который не можетъ сдерживать аффектовъ (*по схол. пол. 17 этой части*), а угрозами. Это общество, основанное для охраненія себя законами и властью, называется *гражданскимъ обществомъ* (*civitas*), а тѣ, которые находятся подъ защитою его права, называются *гражданами*. Отсюда мы ясно понимаемъ, что въ естественномъ состояніи нѣтъ ничего такого, что по общему согласію было бы добро или зло, такъ какъ каждый, находящійся въ естественномъ состояніи, заботится только о своей пользѣ и по своимъ понятіямъ и, соображаясь только съ своей пользою, рѣшаетъ, что добро и что зло, и никакимъ закономъ не обязывается повиноваться никому, кромѣ себя. Поэтому-то въ естественномъ состояніи не можетъ быть грѣха; но онъ можетъ быть въ гражданственномъ состояніи, гдѣ по общему соглашенію опредѣляется, что добро и что зло, и каждый обязывается подчиняться гражданскому обществу. Итакъ, *грѣхъ* есть не что иное, какъ неповиновеніе, которое поэтому наказывается только по праву общества;

и, наоборотъ, повиновеніе вмѣняется гражданину въ *заслугу*, такъ какъ за это самое онъ признается достойнымъ пользоваться выгодами общества. Затѣмъ, въ естественномъ состояніи никто по общему соглашенію не состоитъ владѣльцемъ какой-нибудь вещи, и въ природѣ нѣтъ ничего, что могло бы быть собственностью того, а не другого человѣка, а все принадлежитъ всѣмъ; и потому въ естественномъ состояніи нельзя представить желанія предоставлять каждому свое или отнимать у кого-нибудь то, что ему принадлежитъ, т. е. въ естественномъ состояніи не можетъ быть ничего, что могло бы называться *справедливымъ* или *несправедливымъ*; но это есть въ гражданственномъ состояніи, гдѣ по общему соглашенію опредѣляется, что принадлежитъ одному и что другому. Изъ этого явствуется, что справедливое и несправедливое, грѣхъ и заслуга суть внѣшнія понятія, а не атрибуты, которые выражаютъ природу души. Но довольно объ этомъ.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXVIII.

То, что располагаетъ человѣческое тѣло такимъ образомъ, что оно можетъ испытывать разныя впечатлѣнія; или что дѣлаетъ его способнымъ обнаруживать разныя дѣйствія на внѣшнія тѣла, полезно для человѣка, и тѣмъ полезнѣе. чѣмъ тѣло его дѣлается черезъ то способнѣе испытывать разныя впечатлѣнія и обнаруживать дѣйствіе на другія тѣла; и, наоборотъ, вредно то, что дѣлаетъ тѣло менѣе способнымъ къ этому.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Чѣмъ способнѣе къ этому дѣлается тѣло, тѣмъ душа становится способнѣе къ воспріятію (*по пол. 14 части II*), и потому то, что располагаетъ тѣло подобнымъ образомъ и дѣлаетъ его способнымъ къ этому, необходимо есть благо или полезно (*по пол. 26 и 27 этой части*), и тѣмъ полезнѣе, чѣмъ больше способнымъ къ этому дѣлаетъ

тѣло, и, наоборотъ (по тому же пол. 14 части II въ обратномъ видѣ и по пол. 26 и 27 этой части), оно вредно, если дѣлаетъ тѣло менѣе способнымъ къ этому,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXIX.

То, что содѣйствуетъ сохраненію того отношенія между движеніемъ и покоемъ, которое существуетъ въ частяхъ человѣческаго тѣла относительно другъ друга, есть благо; и наоборотъ, то есть зло, что производитъ другое взаимное отношеніе движенія и покоя въ частяхъ человѣческаго тѣла.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Человѣческое тѣло для своего сохраненія нуждается во многихъ другихъ тѣлахъ (по пост. 4 части II). Но то, что составляетъ форму человѣческаго тѣла, состоитъ въ томъ, что его части сообщаютъ другъ другу свои движенія нѣкоторымъ опредѣленнымъ образомъ (по опр. передъ леммой 4, которое см. послѣ пол. 13 части II). Слѣдовательно, то, что содѣйствуетъ сохраненію того отношенія между движеніемъ и покоемъ, которое существуетъ въ частяхъ человѣческаго тѣла относительно другъ друга, сохраняетъ форму человѣческаго тѣла и, стало быть, дѣлаетъ то (по пост. 3 и 6 части II), что тѣло человѣческое можетъ получать разныя впечатлѣнія и само можетъ дѣйствовать на внѣшнія тѣла разными способами; и поэтому (по предъид. пол.) есть благо. Далѣе, то, что заставляетъ части человѣческаго тѣла принять другое отношеніе движенія и покоя, производитъ (по тому же опр. части II) то, что человѣческое тѣло принимаетъ другую форму, т. е. (какъ это ясно само собою, и объ этомъ мы говорили въ концѣ предисловія къ этой части) что тѣло человѣческое разрушается и, слѣдовательно, становится совершенно неспособнымъ испытывать

разныя впечатлѣнія, и потому (по предвид. пол.) есть зло,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Насколько это можетъ быть вредно или полезно душѣ, я объясню въ пятой части. А здѣсь нужно замѣтить, что подъ смертью тѣла я разумѣю то, когда его части распадаются такимъ образомъ, что онѣ принимаютъ другое взаимное отношеніе движенія и покоя. Ибо я не отваживаюсь отрицать того, что тѣло, даже сохраняя свое кровообращеніе и все другое, отъ чего, какъ думаютъ, зависитъ жизнь тѣла, можетъ тѣмъ не менѣе принять другую, совершенно отличную отъ своей, природу. Нѣтъ никакого основанія, которое заставило бы меня утверждать, что тѣло умираетъ только тогда, когда превращается въ трупъ; даже самый опытъ убѣждаетъ, повидимому, въ другомъ. Въ самомъ дѣлѣ, бываетъ иногда, что человѣкъ претерпѣваетъ такія измѣненія, что послѣ нихъ едва ли можно сказать, что это тотъ же человѣкъ. Такъ, напр., я слышалъ разсказъ объ одномъ испанскомъ поэтѣ, который страдалъ какою-то болѣзнью и, хотя потомъ выздоровѣлъ, однако же до такой степени забылъ свою прежнюю жизнь, что написанныя имъ басни и трагедіи не считалъ своими; и, конечно, его можно было считать взрослымъ ребенкомъ, если бы онъ забылъ и родной языкъ. А если это кажется невѣроятнымъ, то что мы скажемъ о младенцахъ, природу которыхъ человѣкъ взрослый считаетъ до такой степени отличною отъ своей, что его нельзя было бы убѣдить въ томъ, что онъ былъ когда-то ребенкомъ, если бы онъ не дѣлалъ о себѣ заключенія по другимъ? Но чтобы не подавать суевѣрнымъ людямъ причины поднимать новые вопросы, я предпочитаю оставить это нерѣшеннымъ.

ПОЛОЖЕНИЕ XL.

Что ведетъ къ сообществу людей или содѣйствуетъ тому, чтобы люди жили согласно, то полезно, и, напротивъ, то, что вводитъ въ гражданское общество раздоръ, есть зло.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо то, что содѣйствуетъ тому, чтобы люди жили согласно, вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствуетъ и тому, чтобы они жили по руководству разума (по пол. 35 этой части), и поэтому (по пол. 26 и 27 этой части) есть благо, и (по тому же основанію) то, напротивъ, есть зло, что возбуждаетъ раздоры,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ XLI.

Радость прямо не есть зло, но добро; печаль же, напротивъ, прямо есть зло.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Радость (по пол. II части III съ ея схолей) есть аффектъ, которымъ усиливается или поддерживается способность тѣла къ дѣятельности; печаль же, напротивъ, есть аффектъ, который уменьшаетъ или задерживаетъ способность тѣла къ дѣятельности; поэтому (по пол. 38 этой части) радость есть прямо добро и проч.,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ XLII.

Веселость не можетъ имѣть излишества, но всегда есть добро, а, напротивъ, меланхолия всегда зло.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Веселость (см. опр. ея въ схол. пол. II части III) есть радость, которая, поскольку относится къ тѣлу, состоитъ въ томъ, что всѣ части тѣла одинаково получаютъ впечатлѣнія, т. е. (по пол. II части III) въ томъ,

что способность дѣйствія тѣла усиливается или поддерживается, такъ что всѣ его части получаютъ одинаковое взаимное отношеніе движенія и покоя; и поэтому (по пол. 39 этой части) веселость всегда есть добро и не можетъ имѣть излишества. Но меланхолія (см. также опр. ея въ схол. пол. II части III) есть печаль, которая, поскольку относится къ тѣлу, состоитъ въ томъ, что совершенно уменьшаетъ или задерживаетъ способность тѣла къ дѣятельности; поэтому (по пол. 38 этой части) всегда зло,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XLIII.

Игривость можетъ имѣть излишество и потому быть зломъ; скорбь же постольку можетъ быть добромъ, поскольку игривость или радость есть зло.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Игривость есть радость, которая, поскольку она относится къ тѣлу, состоитъ въ томъ, что одна или нѣсколько частей его испытываютъ больше впечатлѣній, чѣмъ остальные (см. опр. ея въ схол. пол. II части III), и сила этого аффекта можетъ быть такъ велика, что беретъ перевѣсъ надъ остальными дѣйствіями тѣла (по пол. 6 этой части), упорно держится въ немъ и потому препятствуетъ тому, чтобы тѣло было способно испытывать многія другія впечатлѣнія; потому игривость (по пол. 38 этой части) можетъ быть зломъ. Затѣмъ, скорбь, которая, наоборотъ, есть печаль, рассматриваемая сама въ себѣ, не можетъ быть добромъ (по пол. 14 этой части). Но такъ какъ ея сила и возрастаніе опредѣляются силою внѣшней причины сравнительно съ нашей силой (по пол. 5 этой части), то мы можемъ представить безчисленныя степени и состоянія силы этого аффекта (по пол. 3 этой части); и поэтому можемъ представить его такимъ, который можетъ сдерживать игривость, чтобы

она не имѣла излишества, и, сообразно съ этимъ (*по первой части этого пол.*), подѣйствовать такъ, чтобы тѣло не сдѣлалось менѣе способнымъ; и значить, постольку этотъ аффектъ можетъ быть добромъ,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XLIV.

Любовь и пожеланіе могутъ имѣть излишество.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Любовь есть радость (*по опр. 6 афф.*), сопровождаемая идеей внѣшней причины. Такимъ образомъ игривость (*по схол. пол. II части III*), сопровождаемая идеей внѣшней причины, есть любовь; и, слѣдовательно, любовь (*по предъид. пол.*) можетъ имѣть излишество. Затѣмъ, пожеланіе бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше аффектъ, изъ котораго оно вытекаетъ (*по пол. 37 части III*). Поэтому какъ аффектъ (*по пол. 6 этой части*) можетъ брать перевѣсъ надъ остальными дѣйствіями человѣка, такъ и пожеланіе, вытекающее изъ этого аффекта, можетъ брать перевѣсъ надъ остальными пожеланіями и, слѣдовательно, можетъ имѣть такой же излишекъ, какой имѣетъ игривость, какъ мы это показали въ предъидущемъ положеніи,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Веселость, которую мы назвали добромъ, легче представить, чѣмъ наблюдать. Ибо аффекты, которыми мы обуреваемся ежедневно, относятся большею частью къ какой-нибудь части тѣла, которая преимущественно передъ другими испытываетъ ихъ дѣйствіе, и потому аффекты какъ нельзя болѣе доходятъ до излишества и до такой степени удерживаютъ душу на созерцаніи одного лишь предмета, что она не можетъ мыслить о другихъ; и хотя люди подвержены весьма многимъ аффектамъ, и потому рѣдко встрѣчаются такіе, которые всегда борются съ

однимъ и тѣмъ же аффектомъ, однако же бываютъ и такіе, въ которыхъ упорно держится одинъ какой-нибудь аффектъ. Въ самомъ дѣлѣ мы иногда видимъ, что люди до такой степени испытываютъ на себѣ дѣйствіе одного предмета, что, хотя онъ и отсутствуетъ, они думаютъ однако, что имѣютъ его передъ собою; если это случается съ человѣкомъ не спящимъ, то мы называемъ его бредящимъ или помѣшаннымъ. Такъ же точно мы считаемъ помѣшанными тѣхъ, которые находятся въ любовной горячкѣ и день и ночь бредятъ только о возлюбленной или о продажной женщинѣ, такъ какъ они обыкновенно возбуждаютъ смѣхъ. Но когда корыстолюбецъ не думаетъ ни о чемъ другомъ, кромѣ наживы и денегъ, а честолюбецъ о славѣ и проч., мы не считаемъ ихъ бредящими, такъ какъ они бываютъ обыкновенно тягостны для другихъ и считаются достойными ненависти. Но на самомъ дѣлѣ корыстолюбіе, честолюбіе, сластолюбіе и проч. суть виды бреда, хотя они и не считаются въ числѣ болѣзней.

ПОЛОЖЕНІЕ XLV.

Ненависть никогда не можетъ быть добромъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Человѣка, котораго мы ненавидимъ, мы стремимся уничтожить (*по пол. 39 части III*), т. е. (*по пол. 37 этой части*) стремимся къ тому, что есть зло, слѣдовательно, и пр.,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ I.

Нужно замѣтить, что здѣсь и далѣе подъ ненавистью я разумѣю только ненависть къ людямъ.

КОРОЛЛАРІЙ I.

Зависть, осмѣяніе, презрѣніе, гнѣвъ, месть и другіе аффекты, которые относятся къ ненависти или изъ нея происходятъ, составляютъ зло, что явствуетъ и изъ *пол. 39 части III и пол. 37.*

КОРОЛЛАРИЙ II.

Все, къ чему мы стремимся, возбуждаемые ненавистью, постыдно и въ гражданскомъ обществѣ несправедливо. Это явствуетъ также изъ *пол. 39 части III* и изъ опредѣлений постыднаго и несправедливаго, которыя см. въ *схоліяхъ пол. 37 этой части*.

СХОЛІЯ II.

Между *осмѣянiемъ* (которое въ королл. I я называлъ *зломъ*) и *смѣхомъ* я признаю большое различіе. Ибо смѣхъ, какъ и шутка, есть просто радость; поэтому, если онъ не имѣетъ излишества, есть самъ по себѣ добро (*по пол. II этой части*). И въ самомъ дѣлѣ, развѣ только мрачное и печальное суевѣріе можетъ запрещать веселиться. Ибо почему же болѣе прилично утолять голодъ и жажду, чѣмъ прогонять меланхолію? Таково мое сужденіе, и такъ я объ этомъ думаю. Никакое божество и никто, кромѣ развѣ завистника, не можетъ радоваться моему безсилію и моимъ непріятностямъ и не можетъ вмѣнять намъ въ добродѣтель слезы, рыданія, страхъ и другое въ этомъ родѣ, что служить признаками безсильной души; напротивъ, чѣмъ большую мы испытываемъ радость, тѣмъ къ большему приходимъ совершенству, т. е. тѣмъ болѣе необходимо мы становимся участниками божественной природы. Итакъ, разумный человѣкъ пользуется вещами и, насколько возможно, наслаждается ими (но не до пресыщенія, ибо это не значить наслаждаться). Разумный человѣкъ, говорю я, доставляетъ себѣ удовольствіе умѣренною и пріятною пищею и питьемъ, равно какъ запахомъ и пріятнымъ видомъ зеленѣющихъ растений, хорошей одеждой, музыкой, гимнастическими играми, зрѣлищами и другими подобными предметами, которыми каждый можетъ пользоваться безъ всякаго вреда для другого. Ибо тѣло человѣческое слагается изъ многихъ частей различной природы, которыя постоянно нуждаются въ новомъ и разнообразномъ питаніи, чтобы все тѣло было

равно способно ко всему, что можетъ вытекать изъ его природы и, слѣдовательно, чтобы также и душа была равно способна понимать разомъ многое. Такимъ образомъ, этотъ порядокъ жизни прекрасно согласуется и съ нашими принципами, и съ обыкновенною практикою; поэтому онъ лучше, чѣмъ всякій другой, и всѣми способами можетъ быть рекомендованъ: объ этомъ нѣтъ надобности говорить яснѣе и подробнѣе.

ПОЛОЖЕНІЕ XLVI.

Кто живетъ по руководству разума, тотъ стремится, насколько можетъ, отвѣчать на ненависть къ нему, интѣвъ, презрѣніе другого любовью и великодушіемъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Всѣ аффекты ненависти составляютъ зло (*по королл. 1 пред. пол.*); поэтому, кто живетъ по руководству разума, тотъ будетъ стремиться, насколько можетъ, сдѣлать такъ, чтобы не волноваться аффектами ненависти (*по пол. 19 этой части*) и, слѣдовательно, будетъ стремиться къ тому, чтобы и другой не претерпѣвалъ этихъ аффектовъ. Но ненависть усиливается отъ взаимной ненависти и, напротивъ, можетъ быть изглажена любовью (*по пол. 43 части III*), такъ что ненависть переходитъ въ любовь (*по пол. 44 части III*). Слѣдовательно, кто живетъ по руководству разума, тотъ будетъ стремиться на ненависть другого и проч. отвѣчать любовью, т. е. великодушіемъ (*см. опредѣленіе ея въ схол. пол. 59 части III*), — что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Кто старается мстить за обиды взаимною ненавистью, тотъ живетъ поистинѣ жалкимъ образомъ. А кто, напротивъ, старается побѣдить ненависть любовью, тотъ боится радостно и безопасно; онъ одинаково легко противостоитъ какъ одному человѣку, такъ и многимъ, и

всего менѣе нуждается въ помощи счастья. Тѣ, которыхъ онъ побѣждаетъ, уступаютъ ему съ радостью, не вслѣдствіе недостатка, а вслѣдствіе возвышенія силъ. Все это до такой степени ясно вытекаетъ уже изъ однихъ только опредѣлений любви и разума, что нѣтъ надобности доказывать то же самое въ отдѣльности.

ПОЛОЖЕНІЕ XLVII.

Аффекты надежды и страха сами по себѣ не могутъ быть хороши.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Аффекты надежды и страха не бываютъ безъ печали. Ибо страхъ есть (по 13 опр. афф.) печаль, и надежда (см. объясненіе 12 и 13 опр. афф.) не можетъ быть безъ страха. И потому (по пол. 41 этой части) эти аффекты сами по себѣ не могутъ быть хороши, но лишь поскольку они могутъ сдерживать излишества радости (по пол. 43 этой части),—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Къ этому присоединяется еще то, что эти аффекты указываютъ на недостатокъ познанія и на безсиліе души; и по этой причинѣ также чувство безопасности, отчаяніе, удовольствіе и угрызеніе совѣсти суть признаки безсилія души. Ибо хотя увѣренность и удовольствіе суть аффекты радости, однако они предполагаютъ предшествующую имъ печаль, именно надежду и страхъ. Итакъ, чѣмъ больше мы стремимся жить по руководству разума, тѣмъ болѣе мы стараемся менѣе зависѣть отъ надежды, освободиться отъ страха, властвовать надъ фортуной, насколько можемъ, и направлять свои дѣйствія по опредѣленному совѣту разума.

ПОЛОЖЕНІЕ XLVIII.

Аффекты превознесенія и пренебреженія всегда дурны.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо эти аффекты (по 21 и 22 *опр. афф.*) противодѣйствуютъ разуму; поэтому (по пол. 26 и 27 *этой части*) составляютъ зло,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ XLIX.

Превознесение легко можетъ сдѣлать юрдымъ того, кого превозносятъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Если мы видимъ, что кто-нибудь изъ любви къ намъ имѣть о насъ преувеличенное мнѣніе, то легко станемъ тщеславиться (по *схол. пол. 41 части III*), другими словами, будемъ испытывать радость (по 30 *опр. афф.*) и легко повѣримъ (по пол. 25 *части III*) тому хорошему, что говорить о насъ. И поэтому изъ любви къ себѣ мы будемъ имѣть преувеличенное мнѣніе о себѣ, т. е. (по 28 *опр. афф.*) легко возгордимся,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ L.

Состраданіе въ человѣкѣ, который живетъ по руководству разума, есть само по себѣ зло и бесполезно.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо состраданіе (по 18 *опр. афф.*) есть печаль, и отсюда (по пол. 14 *этой части*) оно есть зло. Добро же, которое вытекаетъ изъ него, именно то, что мы стремимся освободить отъ бѣдствія человѣка, которому мы сострадаемъ (по *королл. 3 пол. 27 части III*), мы желаемъ дѣлать единственно только по предписанію разума (по пол. 37 *этой части*) и вообще по одному лишь предписанію разума мы можемъ дѣлать что-нибудь, о чемъ мы навѣрно знаемъ, что оно добро (по пол. 27 *этой части*). И поэтому состраданіе въ человѣкѣ, который живетъ по руководству разума, есть само по себѣ зло и бесполезно,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРИЙ.

Отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ, живущій по руководству разума, стремится, насколько можетъ, сдѣлать такъ, чтобы его не коснулось состраданіе.

СХОЛІЯ.

Кто вѣрно знаетъ, что все вытекаетъ изъ необходимости божественной природы и совершается по вѣчнымъ законамъ и правиламъ природы, тотъ конечно не найдетъ ничего такого, что было бы достойно ненависти, насмѣшки или презрѣнія, и не будетъ чувствовать состраданія ни къ кому; но, насколько возможно для человѣческой добродѣтели, будетъ стремиться *поступать хорошо*, какъ говорить, и быть радостнымъ. Къ этому присоединяется и то, что кто легко поддается аффекту состраданія и трогается бѣдствіемъ и слезами другого, тотъ часто дѣлаетъ нѣчто такое, въ чемъ самъ впоследствии раскаивается, какъ потому, что мы по аффекту не дѣлаемъ ничего такого, о чемъ мы навѣрное знаемъ, что оно добро, такъ и потому, что мы легко вводимся въ заблужденіе ложными слезами. Но я здѣсь прямо говорю о человѣкѣ, который живетъ по руководству разума. Ибо тотъ, кто не побуждается ни разумомъ, ни состраданіемъ къ тому, чтобы помогать другимъ, справедливо называется безчеловѣчнымъ, такъ какъ онъ (по пол. 27 части III) представляется не похожимъ на человѣка.

ПОЛОЖЕНІЕ LI.

Благорасположеніе не противно разуму, но можетъ быть согласно съ нимъ и происходитъ изъ него.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо благорасположеніе есть любовь къ тому, кто дѣлаетъ добро другому (по 19 опр. афф.). И поэтому оно можетъ относиться къ душѣ, поскольку она называется дѣйствующей (по пол. 59 части III), т. е. (по пол. 3

части III) поскольку понимаетъ; а отсюда оно согласно съ разумомъ, и проч.,—что и требовалось доказать.

ДРУГОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Кто живетъ по руководству разума, тотъ и другому хочетъ того добра, котораго желаетъ для себя (*по пол. 37 этой части*). Поэтому при видѣ того, какъ кто-нибудь дѣлаетъ добро другому, поощряется и его стремленіе къ дѣланію добра, т. е. (*по пол. II части III*) онъ будетъ радоваться, и это (*по предположенію*) въ сопровожденіи идеи того, кто дѣлаетъ добро другому; а отсюда (*по 19 опр. афф.*) онъ чувствуетъ благорасположеніе къ нему,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Негодованіе, какъ оно опредѣляется нами (*см. 20 опр. афф.*), необходимо есть зло (*по пол. 45 этой части*). Но нужно замѣтить, что когда верховная власть, побуждаемая желаніемъ обезпечить спокойствіе, наказываетъ гражданина, причинившаго обиду другому, то я не говорю, что она негодуетъ на гражданина, такъ какъ она наказываетъ гражданина, не будучи побуждаема ненавистью погубить его, но движимая чувствомъ долга.

ПОЛОЖЕНІЕ III.

Довольство собою можетъ проистекать изъ разума, и единственно то довольство, которое истекаетъ изъ разума, есть высшее довольство, какое можетъ существовать,

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Довольство собою есть радость, возникающая изъ того, что человѣкъ представляетъ себѣ себя самого и свою способность къ дѣятельности (*по 25 опр. афф.*). Но истинная способность къ дѣятельности у человѣка или добродѣтель есть самъ разумъ (*по пол. 3 части III*), который человѣкъ созерцаетъ ясно и отчетливо (*по пол. 40*

и 43 части II). Следовательно, довольство собою вытекает изъ разума. Далѣе, человекъ, когда онъ созерцаетъ самого себя, воспринимаетъ ясно, отчетливо или полно только то, что вытекаетъ изъ его способности къ дѣятельности (по *опр. 2 части III*), т. е. (по *пол. 3 части III*) что вытекаетъ изъ его способности пониманія. Поэтому высшее довольство собою, какое только можетъ быть, возникаетъ лишь изъ этого созерцанія себя,—что и требовалось доказать.

ОХОЛІЯ.

Дѣйствительно, довольство собою есть самое высшее, чего мы можемъ надѣяться. Ибо (какъ мы показали въ *пол. 25*) никто не стремится сохранить свое бытіе для какой-нибудь цѣли; и такъ какъ это довольство собою болѣе и болѣе поддерживается и усиливается похвалами (по *королл. пол. 53 части III*) и, наоборотъ, болѣе и болѣе смущается порицаніемъ (по *королл. 1 пол. 55 части III*), то поэтому мы болѣе всего руководимся славой и едва можемъ сносить жизнь съ позоромъ.

ПОЛОЖЕНІЕ LIII.

Смиреніе (униженность) не есть добродѣтель, или не происходитъ изъ разума.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Смиреніе есть печаль, происходящая отъ того, что человекъ созерцаетъ свое безсиліе (по 26 *опр. афф.*). Но поскольку человекъ познаетъ себя истиннымъ разумомъ, постольку онъ предполагается понимающимъ свою сущность, т. е. (по *пол. 7 части III*) свою силу. Поэтому, если человекъ, созерцая себя, замѣчаетъ какое-нибудь безсиліе, то это происходитъ не отъ того, что онъ понимаетъ себя, но (какъ мы показали въ *пол. 55 части III*) отъ того, что ограничивается его способность къ дѣятельности. Если же мы предположимъ, что человекъ по-

знаетъ свое безсиліе изъ того, что узнаетъ что-нибудь сильнѣе себя и познаніемъ этого опредѣляетъ свою способность къ дѣятельности, то мы ничего другого не представляемъ себѣ, кромѣ того, что человѣкъ отчетливо понимаетъ самого себя (*по пол. 26 этой части*), чѣмъ его способность къ дѣятельности поддерживается. Поэтому смиреніе или печаль, происходящая отъ того, что человѣкъ созерцаетъ свое безсиліе, возникаетъ не изъ истиннаго созерцанія или разума, и есть не добродѣтель, а страсть,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ LIV.

Раскаяніе не есть добродѣтель, друими словами, не происходитъ изъ разума, но тотъ, кто раскаивается въ сдѣланномъ, вдвойнѣ жалокъ или безсиленъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Первая часть этого положенія доказывается такъ же, какъ предыдущее положеніе. Вторая же часть явствуетъ изъ опредѣленія этого аффекта (*см. опр. 27 афф.*). Ибо человѣкъ допускаетъ себя поддаться сначала превратному пожеланію, а потомъ печали.

СХОЛІЯ.

Такъ какъ люди рѣдко живутъ по предписанію разума, то эти два аффекта, именно смиреніе и раскаяніе, а кромѣ ихъ надежда и страхъ, приносятъ больше пользы, чѣмъ вреда, и поэтому ужъ если грѣшить, то лучше грѣшить въ этомъ направленіи. Ибо если бы безсильные духомъ люди всѣ были одинаково горды, то они ничего не стыдились бы и ничего не боялись бы, чѣмъ могли бы быть обузданы и связаны. Чернь страшна, если сама не имѣетъ страха. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что пророки, имѣвшіе въ виду пользу не немногихъ, а всѣхъ, особенно проповѣдывали смиреніе, покаяніе и благоговѣніе. И, дѣйствительно, людей, подверженныхъ

этимъ аффектамъ, гораздо легче, чѣмъ другихъ, довести до того, чтобы они наконецъ жили по руководству разума, т. е. чтобы они были свободны и наслаждались жизнью блаженныхъ.

ПОЛОЖЕНИЕ LV.

Величайшая гордость или самоуничиженіе есть величайшее незнаніе себя.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это явствуется изъ 28 и 29 опр. афф.

ПОЛОЖЕНИЕ LVI.

Величайшая гордость или самоуничиженіе указываютъ на величайшее безсиліе души.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Первое основаніе добродѣтели состоитъ въ сохраненіи своего существованія (по королл. пол. 22 этой части), и притомъ по руководству разума (по пол. 24 этой части). Итакъ, кто не знаетъ самого себя, тотъ не знаетъ основанія всѣхъ добродѣтелей и, слѣдовательно, не знаетъ никакихъ добродѣтелей. Затѣмъ, дѣйствовать добродѣтельно значить не что иное, какъ дѣйствовать по руководству разума (по пол. 24 части II), а кто дѣйствуетъ по руководству разума, необходимо долженъ знать, что онъ дѣйствуетъ по руководству разума (по пол. 43 части II). Кто, такимъ образомъ, не знаетъ самого себя и, слѣдовательно (какъ мы только-что показали), не знаетъ никакихъ добродѣтелей, тотъ наименѣе дѣйствуетъ добродѣтельно, т. е. (какъ явствуется изъ опр. 8 этой части) наиболѣе безсиленъ духомъ; и потому (по предъид. пол.) величайшая гордость или самоуничиженіе указываетъ на величайшее безсиліе духа,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Изъ этого яснѣйшимъ образомъ слѣдуетъ, что гордые и самоуничиженные наиболѣе подвержены аффектамъ.

СХОЛІЯ.

Впрочемъ самоуничиженіе легче можно исправить чѣмъ гордость, потому что послѣдняя есть аффектъ радости, а первая аффектъ печали; и потому (*по пол. 18 этой части*) послѣдняя сильнѣе первой.

ПОЛОЖЕНІЕ LVII.

Гордый любитъ присутствіе прихлебателей или льстецовъ, а присутствіе благородно-мыслящихъ ненавидитъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Гордость есть радость, происходящая отъ того, что человѣкъ имѣетъ о себѣ преувеличенное мнѣніе (*по 28 и 6 стр. афф.*), и это мнѣніе гордый человѣкъ будетъ стремиться, сколько возможно, поддерживать (*см. схол. пол. 13 части III*). И потому гордецы любятъ присутствіе прихлебателей или льстецовъ (*опредѣленія ихъ я пропустилъ, такъ какъ они слишкомъ извѣстны*) и избѣгаютъ людей благородно-мыслящихъ, которые думаютъ о нихъ, какъ слѣдуетъ,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Было бы слишкомъ долго перечислять здѣсь всѣ дурныя стороны гордости, потому что гордые подвержены всѣмъ аффектамъ, но менѣе всего аффектамъ любви и милосердія. Но здѣсь не слѣдуетъ умолчать о томъ, что гордымъ называется также и тотъ, кто о другихъ думаетъ меньше надлежащаго, и въ этомъ смыслѣ гордость слѣдуетъ опредѣлить такъ, что она есть радость, происходящая изъ ложнаго мнѣнія, по которому человѣкъ считаетъ себя выше другихъ. А въ противоположность гор-

дости самоуничиженіе слѣдуетъ опредѣлить такъ, что оно есть печаль, происходящая изъ ложнаго мнѣнія, по которому человѣкъ считаетъ себя ниже другихъ. Принявши это, мы легко поймемъ, что гордый необходимо бываетъ завистливъ (см. *схол. пол. 55 части III*) и всего болѣе ненавидитъ тѣхъ, которыхъ много хвалятъ за добродѣтели, не легко сдерживаетъ свою ненависть, которую они хотятъ побѣдить любовью и благодареніемъ (см. *схол. пол. 41 части III*), и ему доставляетъ удовольствіе присутствіе только тѣхъ, которые подлаживаются подъ его безсильный духъ и изъ дурака дѣлаютъ его сумасшедшимъ. Хотя самоуничиженіе противоположно гордости, однакоже самоуничиженный весьма близокъ къ гордому. Ибо такъ какъ его печаль происходитъ отъ того, что онъ о своемъ безсиліи судить по силѣ или добродѣтели другихъ, то эта печаль облегчится, т. е. онъ будетъ радоваться, если его воображеніе будетъ занято созерцаніемъ недостатковъ другихъ, откуда и произошла пословица: *утѣшеніе для несчастныхъ имѣть товарищей по несчастію*; и, наоборотъ, онъ тѣмъ больше будетъ печалиться, чѣмъ больше будетъ считать себя ниже другихъ. Отъ этого происходитъ, что никакіе люди столько не склонны къ зависти, какъ люди самоуничиженные, что они особенно стараются наблюдать человѣческія дѣйствія больше для порицанія, чѣмъ для исправленія ихъ, хвалятъ только самоуничиженіе и похваляются имъ, но такъ, чтобы они все-таки казались самоуничиженными. И это вытекаетъ изъ аффекта столь же необходимо, какъ изъ природы треугольника вытекаетъ, что три его угла равны двумъ прямымъ. А я уже сказалъ, что эти и подобные аффекты я называю зломъ, поскольку я имѣю въ виду лишь человѣческую пользу. Но законы природы относятся къ общему порядку природы, часть которой составляетъ человѣкъ; это я хотѣлъ замѣтить здѣсь мимоходомъ для того, чтобы кто-нибудь не подумалъ, что я здѣсь рассказываю о порокахъ и нелѣпыхъ поступкахъ людей, а не хочу по-

казать природу и свойства вещей. Ибо, какъ я сказалъ въ предисловіи къ третьей части, я разсматриваю человѣческіе аффекты и ихъ свойства совершенно такъ же, какъ и всѣ другія естественныя вещи. И дѣйствительно, человѣческіе аффекты свидѣтельствуютъ, если не о человѣческой силѣ, то о силѣ и искусствѣ природы не менѣе, чѣмъ многое другое, чему мы удивляемся и созерцаніе чего доставляетъ намъ удовольствіе. Затѣмъ, я продолжаю указывать въ аффектахъ то, что приносить людямъ пользу или что приносить имъ вредъ.

ПОЛОЖЕНІЕ LVIII.

Слава не противна разуму, но можетъ происходить отъ него.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это явствуется изъ 30 *опр. афф.* и изъ *опредѣленія* честности, которое см. въ *схоліи* 1 *пол. 37 этой части.*

СХОЛІЯ.

То, что называется пустою славой, есть довольство собою, которое поддерживается только мнѣніемъ толпы, и когда это мнѣніе прекращается, то прекращается и довольство собою, т. е. (*по схоліи пол. 52 этой части*) высшее благо, которое любить каждый. Отъ этого происходитъ, что человѣкъ, который чванится мнѣніемъ толпы, ежедневно съ тревожнымъ безпокойствомъ хлопочетъ, дѣлаетъ, пробуетъ дѣлать такъ, чтобы сохранить свою славу. Ибо толпа измѣнчива и непостоянна, и потому слава у ней скоро изглаживается, если ее не поддерживать. Къ тому же, такъ какъ всѣ желаютъ снискать одобреніе толпы, каждый легко стѣсняетъ славу другого, а отсюда, такъ какъ дѣло здѣсь идетъ о томъ, что считается высшимъ благомъ, является горячее желаніе взаимно подавлять другъ друга какимъ бы то ни было способомъ, и кто наконецъ выходитъ побѣдителемъ,

тотъ болѣе хвалится тѣмъ, что повредилъ другому, чѣмъ тѣмъ, что принесъ пользу себѣ. Такимъ образомъ, это довольство собою или эта слава на самомъ дѣлѣ пуста, такъ какъ она вовсе не слава.

Что нужно замѣтить о стыдѣ, то легко сообразить изъ того, что мы сказали о милосердіи и раскаяніи. Я прибавлю только то, что подобно состраданію и стыдъ, хотя и не есть добродѣтель, все-таки есть добро, такъ какъ онъ показываетъ, что у человѣка, чувствующаго стыдъ, есть пожеланіе жить честно; все равно какъ боль, которая называется добромъ постольку, поскольку показываетъ, что поврежденная часть еще не сгнила. Поэтому хотя человѣкъ, стыдящійся за какой-нибудь проступокъ, дѣйствительно, печаленъ, однако онъ совершеннѣе того безстыднаго человѣка, который не имѣетъ никакого пожеланія жить честно.

Вотъ то, что я хотѣлъ замѣтить объ аффектахъ радости и печали. Что же касается пожеланій, то они бываютъ добромъ или зломъ, смотря по тому, происходятъ ли они изъ добрыхъ или дурныхъ аффектовъ. Но на самомъ дѣлѣ всѣ они, поскольку возникаютъ въ насъ изъ аффектовъ, которые суть страсти, слѣпы (какъ это легко сообразить изъ того, что мы сказали *въ схоліи пол. 44 этой части*), и они были бы безъ всякаго употребленія, если бы людей легко было довести до того, чтобы они жили только по предписаніямъ разума, какъ я въ немногихъ словахъ покажу.

ПОЛОЖЕНИЕ LIX.

Ко всѣмъ дѣйствіямъ, къ которымъ мы опредѣляемся аффектомъ, составляющимъ страсть, мы можемъ опредѣляться также и безъ него, однимъ разумомъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Дѣйствовать по разуму значитъ не что иное (*по пол. 3 и опр. 2 части III*), какъ дѣлать то, что вытекаетъ изъ

необходимости нашей природы, разсматриваемой сама въ себѣ. Но печаль есть зло постольку, поскольку она уменьшаетъ или задерживаетъ эту способность къ дѣятельности (*по пол. 41 этой части*). Слѣдовательно, этотъ аффектъ не можетъ опредѣлить насъ ни къ какому дѣйствию, котораго мы не могли бы сдѣлать, если бы руководились разумомъ. Кромѣ того, радость лишь постольку есть зло, поскольку она препятствуетъ тому, чтобы человѣкъ былъ способенъ къ дѣятельности (*по пол. 41 и 43 этой части*); а поэтому мы и тутъ не можемъ опредѣляться ни къ какому дѣйствию, какого мы не могли бы сдѣлать, если бы руководствовались разумомъ. Наконецъ, поскольку радость есть добро, постольку она согласна съ разумомъ (ибо она состоитъ въ томъ, что усиливается или поддерживается способность дѣятельности человѣка), и бываетъ страстью, лишь поскольку способность къ дѣятельности человѣка не увеличивается до такой степени, чтобы онъ вполнѣ понималъ себя и свои дѣйствія (*по пол. 3 части III съ ею схол.*). Поэтому, еслибъ человѣкъ, испытывающій радость, доходилъ до такого совершенства, чтобъ могъ вполнѣ понимать себя и свои дѣйствія, то онъ былъ бы способенъ и даже еще способнѣе къ такимъ дѣйствіямъ, къ которымъ онъ опредѣляется уже аффектами, составляющими страсти. Но всѣ аффекты относятся къ радости, печали или пожеланію (*см. объясненіе 4 опр. афф.*), а пожеланіе (*по 1 опр. афф.*) есть не что иное, какъ само стремленіе къ дѣятельности. Слѣдовательно, ко всѣмъ дѣйствіямъ, къ которымъ мы опредѣляемся аффектомъ, составляющимъ страсть, мы можемъ опредѣляться и безъ него, однимъ только разумомъ,—что и требовалось доказать.

И н а ч е.

Всякое дѣйствіе называется дурнымъ постольку, поскольку оно возникаетъ изъ того, что мы испытываемъ ненависть или какой-нибудь другой дурной аффектъ (*по*

королл. пол. 45 этой части). Но никакое дѣйствіе не можетъ быть ни хорошимъ, ни дурнымъ, если его разсматривать само въ себѣ (*какъ мы показали въ предисловіи къ этой части*), но одно и то же дѣйствіе бываетъ то хорошимъ, то дурнымъ. Слѣдовательно, къ тому же самому дѣйствію, которое теперь дурно, или которое вытекаетъ изъ какого-нибудь дурного аффекта, мы можемъ быть приведены и разумомъ (*по пол. 19 этой части*), — что и требовалось доказать.

СХОДИЯ.

Это лучше можно пояснить примѣромъ. Напр. дѣйствіе нанесенія удара, разсматриваемое какъ физическое дѣйствіе, когда мы обращаемъ вниманіе только на то, что человѣкъ поднимаетъ руку, сжимаетъ кулакъ и сообщаетъ всей рукѣ быстрое движеніе внизъ, есть хорошее дѣйствіе, которое объясняется устройствомъ человѣческаго тѣла. Такимъ образомъ, если человѣкъ, движимый гнѣвомъ или ненавистью, опредѣляется къ сжатію кулака или къ движенію руки, то это, какъ мы показали во второй части, происходитъ отъ того, что одно и то же дѣйствіе можетъ соединяться со всякими образами вещей; поэтому мы можемъ опредѣляться къ одному и тому же дѣйствію образами какъ тѣхъ вещей, которыя мы понимаемъ смутно, такъ и тѣхъ, которыя представляемъ ясно и отчетливо. Изъ этого явствуется, что всякое пожеланіе, происходящее изъ аффекта, составляющаго страсть, не имѣло бы никакого употребленія, если бы люди могли руководиться разумомъ. Посмотримъ теперь, почему пожеланіе, происходящее изъ аффекта, составляющаго страсть, мы называемъ слѣпымъ.

ПОЛОЖЕНІЕ LX.

Пожеланіе, происходящее изъ радости или печали, которая относится къ одной или нѣсколькимъ, но не ко

всѣмъ частямъ тѣла, не имѣть въ виду пользы всего чловѣка.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Предположимъ напр., что часть тѣла А такъ окрѣпла отъ вліянія внѣшней причины, что взяла перевѣсъ надъ остальными частями (*по пол. 6 этой части*). Эта часть не будетъ стремиться терять свои силы для того, чтобы остальныя части тѣла могли производить свои отправленія, ибо въ такомъ случаѣ она должна была бы имѣть силу или способность терять свои силы, что (*по пол. 6 части III*) нелѣпо. Итакъ, эта часть, а слѣдовательно (*по пол. 7 и 12 части III*) и душа, будетъ стремиться сохранить такое состояніе; а потому пожеланіе, происходящее изъ такого аффекта радости, не заботится о цѣломъ. Если же мы, напротивъ, предположимъ, что часть А стѣснена, и вслѣдствіе этого другія части берутъ перевѣсъ надъ нею, то такимъ же образомъ можно доказать, что и пожеланіе, возникающее изъ печали, не заботится о цѣломъ, —что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Такъ какъ радость большею частью (*по схол. пол. 44 этой части*) относится къ одной какой-нибудь части тѣла, то мы большею частью заботимся о сохраненіи своего существованія, не принимая въ расчетъ общаго нашего здоровья. Къ этому присоединяется еще и то, что пожеланія, особенно сильно овладѣвающія нами (*по королл. пол. 9 этой части*), имѣютъ въ виду только настоящее время, но не будущее.

ПОЛОЖЕНІЕ LXI.

desire

Пожеланіе, происходящее изъ разума, не можетъ имѣть измѣщенства.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Пожеланіе (*по 1 опр. афф.*), рассматриваемое безотносительно, есть сама сущность человѣка, поскольку она представляется опредѣленною къ какому-нибудь дѣйствію какимъ бы то ни было образомъ. Поэтому пожеланіе, которое происходитъ изъ разума, т. е. (*по пол. 3 части III*) которое возникаетъ въ насъ, поскольку мы дѣйствуемъ, есть сама сущность или природа человѣка, поскольку она представляется опредѣленною дѣлать то, что вполне понимается только посредствомъ сущности человѣка (*по опр. 2 части III*). Такимъ образомъ, еслибъ это пожеланіе могло имѣть излишество, то, значить, и человѣческая природа, рассматриваемая сама въ себѣ, могла бы превъшать сама себя или дѣлать болѣе, чѣмъ сколько для нея возможно, что есть очевидное противорѣчіе. А потому это пожеланіе не можетъ имѣть излишества,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ LXII.

Когда душа представляетъ себѣ вещи по предписанію разума, то она испытываетъ одинаковое впечатлѣніе, будетъ ли то идея вещи будущей или прошедшей, или настоящей.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Все то, что душа представляетъ себѣ по руководству разума, она представляетъ подъ одною и тою же формою вѣчности или необходимости (*по королл. 2 пол. 44 части II*) и испытываетъ впечатлѣніе одинаковой увѣренности (*по пол. 43 части II и ея схол.*). Поэтому, будетъ ли то идея вещи будущей или прошедшей, или настоящей, душа представляетъ себѣ вещь съ одинаковою необходимостью и испытываетъ одинаковую увѣренность, или, будетъ ли то идея вещи будущей или прошедшей, или настоящей, она будетъ тѣмъ не менѣе одинаково истинна

(по пол. 41 части II), т. е. (по отр. 4 части II) будетъ всегда имѣть одни и тѣ же свойства полной идеи. Поэтому, когда душа представляетъ себѣ вещи по предписанію разума, она получаетъ одинаковое впечатлѣніе, будетъ ли то идея вещи будущей или прошедшей, или настоящей,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Если бы мы о продолжительности вещей могли имѣть полное познаніе и могли бы опредѣлить разумомъ время ихъ существованія, то мы съ одинаковымъ аффектомъ созерцали бы вещи будущія и настоящія, и къ добру, которое душа представляетъ будущимъ, она стремилась бы такъ же, какъ и къ добру настоящему и, слѣдовательно, необходимо пренебрегала бы настоящимъ меньшимъ добромъ въ видахъ большаго добра будущаго и наименѣе стремилась бы къ тому, что въ настоящемъ было бы добромъ, но могло бы быть причиною какого-нибудь будущаго зла, какъ мы это скоро докажемъ. Но о продолжительности вещей (по пол. 31 части II) мы можемъ имѣть лишь очень неполное познаніе, а время существованія вещей мы (по схол. пол. 44 части II) опредѣляемъ однимъ только воображеніемъ, которое получаетъ неодинаковое впечатлѣніе отъ образа вещи настоящей и отъ образа вещи будущей; отсюда и происходитъ, что истинное познаніе добра и зла, какое мы имѣемъ, есть лишь отвлеченное или общее, и наше сужденіе, которое мы дѣлаемъ о порядкѣ вещей и связи причинъ, чтобы имѣть возможность опредѣлить, что для насъ въ настоящемъ добро или зло, есть болѣе воображаемое, чѣмъ реальное. А поэтому неудивительно, что пожеланіе, происходящее отъ познанія добра и зла, поскольку оно относится къ будущему, легко можетъ быть побѣждено пожеланіемъ, относящимся къ вещамъ, которыя пріятны въ настоящемъ, о чемъ см. положеніе 16 этой части.

ПОЛОЖЕНІЕ LXIII.

Кто руководится страхомъ и дѣлаетъ добро, чтобы избѣжать зла, тотъ не руководится разумомъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Всѣ аффекты, относящіеся къ душѣ, поскольку она дѣйствуетъ, т. е. (по пол. 3 части III) относящіеся къ разуму, не могутъ быть не чѣмъ инымъ, какъ только аффектами радости и пожеланія (по пол. 59 части III); а потому (по 13 опред. афф.), кто руководится страхомъ и дѣлаетъ добро изъ боязни зла, тотъ не руководится разумомъ,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Суевѣрные люди, которые лучше умѣютъ порицать пороки, чѣмъ учить добродѣтелямъ, и которые стараются не руководить людей разумомъ, но такъ держать ихъ въ страхѣ, чтобы они скорѣе избѣгали зла, чѣмъ любили добродѣтель, стремятся достигнуть этимъ только того, чтобы и остальные люди были такъ же жалки, какъ и они сами; и поэтому, неудивительно, что они большею частью тягостны и ненавистны людямъ.

КОРОЛЛАРІЙ.

Черезъ пожеланіе, которое происходитъ изъ разума, мы прямо слѣдуемъ добру и косвенно избѣгаемъ зла.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо пожеланіе, происходящее изъ разума, можетъ происходить единственно изъ аффекта радости, которая не есть страсть (по пол. 59 части III), т. е. изъ радости, которая не можетъ имѣть излишества (по пол. 61 этой части), а не изъ печали. И потому это пожеланіе (по пол. 8 этой части) происходитъ изъ познанія добра, а не зла. Такимъ образомъ, подъ руководствомъ разума

мы прямо стремимся къ добру и лишь постольку избѣгаемъ зла,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Этотъ королларій можетъ быть объясненъ примѣромъ больного и здороваго. Больной, боясь смерти, принимаетъ то, что ему противно; здоровый же получаетъ удовольствіе отъ пищи и такимъ образомъ пользуется своею жизнью гораздо лучше, чѣмъ если бы онъ боялся смерти и желалъ бы прямо избѣжать ея. Такъ судья, присуждающій виновнаго къ смерти, не по ненависти, гнѣву и проч., но по одной любви къ общественному благу, руководится однимъ разумомъ.

ПОЛОЖЕНІЕ LXIV.

Познаніе зла есть неполное познаніе.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Познаніе зла (*по пол. 8 этой части*) есть сама печаль, поскольку мы сознаемъ ее. Печаль же есть переходъ къ меньшему совершенству (*по 3 отр. афф.*) и потому она не можетъ быть понятна изъ самой сущности человѣка (*по пол. 6 и 7 части III*). Значитъ она (*по отр. 2 части III*) есть страсть, которая (*по пол. 3 части III*) зависитъ отъ неполныхъ идей, и, слѣдовательно (*по пол. 29 части II*), познаніе ея, именно познаніе зла, неполно, — что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРИЙ.

Отсюда слѣдуетъ, что, если бы человѣческая душа имѣла лишь полныя идеи, она не могла бы составить себѣ никакого понятія о злѣ.

ПОЛОЖЕНІЕ LXV.

По руководству разума мы изъ двухъ благъ будемъ слѣдовать большему, а изъ двухъ золъ меньшему.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Благо, мѣшающее намъ пользоваться бѳльшимъ благомъ, есть на дѣлѣ зло; ибо мы приписываемъ вещамъ добро и зло (*какъ мы показали въ предисловіи къ этой части*), когда сравниваемъ ихъ между собою, а (*на такомъ же основаніи*) меньшее зло на самомъ дѣлѣ есть добро. Поэтому (*по королл. предъид. пол.*) по руководству разума мы будемъ стремиться только къ бѳльшему благу и меньшему злу,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

По руководству разума мы будемъ слѣдовать меньшему злу для бѳльшаго блага и пренебрегать меньшимъ благомъ, которое служить причиною бѳльшаго зла. Ибо зло, которое здѣсь называется меньшимъ, на дѣлѣ есть добро, а добро, наоборотъ, зло. Поэтому (*по королларію пол. 63*) мы будемъ желать перваго и пренебрегать послѣднимъ,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ LXVI.

По руководству разума мы будемъ стремиться къ будущему бѳльшему благу вмѣсто меньшаго и къ настоящему меньшему злу вмѣсто будущаго бѳльшаго.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Если бы душа могла имѣть полное познаніе о будущей вещи, то она и къ будущей вещи возбуждалась бы такимъ же аффектомъ, какимъ возбуждается къ настоящей (*по пол. 62 этой части*). Поэтому, поскольку мы имѣемъ въ виду самый разумъ, какъ мы и предполагаемъ себя поступающими въ этомъ положеніи, вещь будетъ одна и та же, предполагается ли она бѳльшимъ добромъ или зломъ будущимъ или настоящимъ. Отсюда мы будемъ стремиться (*по пол. 65 этой части*) къ бѳльшему будущему благу вмѣсто настоящаго меньшаго и проч.,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

По руководству разума мы будемъ стремиться къ меньшему настоящему злу, которое служить причиной большаго будущаго добра, и будемъ пренебрегать меньшимъ настоящимъ добромъ, которое служитъ причиной большаго будущаго зла. Этотъ королларій такъ относится къ предъидущему положенію, какъ королларій положенія 65 къ самому 65 положенію.

СХОЛІЯ.

Итакъ, если мы сличимъ это съ тѣмъ, что мы показали въ этой части до 18 положенія относительно силы аффектовъ, то легко увидимъ, чѣмъ отличается человѣкъ, руководящійся аффектомъ или мнѣніемъ, отъ человѣка, руководящагося разумомъ. Первый, желаетъ ли онъ этого, или не желаетъ, дѣлаетъ то, чего вовсе не знаетъ, второй же сообразуется только съ самимъ собою и дѣлаетъ только то, что онъ считаетъ въ жизни первымъ, и чего поэтому онъ наиболѣе желаетъ. И потому перваго я называю *рабомъ*, а втораго *свободнымъ*; о характеръ и образъ жизни этого послѣдняго нужно сказать еще кое-что.

ПОЛОЖЕНІЕ LXVII.

Свободный человѣкъ ни о чемъ такъ мало не думаетъ, какъ о смерти, и его мудрость есть размышленіе не о смерти, а о жизни.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Человѣкъ свободный, т. е. живущій только по предписанію разума, не руководится страхомъ смерти (*по пол. 63 этой части*), но прямо желаетъ добра (*по королл. того же пол.*), т. е. (*по пол. 24 этой части*) желаетъ жить, дѣйствовать и сохранять свое существованіе на основаніи исканія собственной пользы, и потому онъ ни о чемъ такъ мало не думаетъ, какъ о смерти, но его мудрость есть размышленіе о жизни,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ LXVIII.

Если бы люди рождались свободными, то не могли бы составить себѣ понятія о добрѣ и злѣ, пока оставались бы свободными.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Я называю свободнымъ того, кто руководится только разумомъ. Итакъ, кто рождается свободнымъ и остается свободнымъ, тотъ имѣетъ только полныя идеи и поэтому не можетъ составить никакого понятія о злѣ (*по королл. пол. 64 этой части*), а слѣдовательно (ибо добро и зло соотносительны) и о добрѣ,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Что предположеніе этого положенія ложно и можетъ быть понято не иначе какъ лишь постольку, поскольку мы имѣемъ въ виду одну человѣческую природу или, лучше, Бога, не поскольку онъ безконеченъ, а поскольку есть лишь причина человѣческаго существованія, — это видно изъ 4 положенія этой части. Это, какъ и другое, что мы уже доказали, повидимому, указывается Моисеемъ въ его исторіи перваго человѣка. Ибо въ ней не представляется никакое другое могущество Божіе, какъ то, которымъ онъ создалъ человѣка, т. е. могущество, по которому онъ заботился лишь о пользѣ человѣка. И соотвѣтственно этому тамъ повѣствуется, что Богъ запретилъ свободному человѣку вкушать отъ древа познанія добра и зла и что, какъ только онъ вкуситъ отъ него, тотчасъ же станетъ бояться смерти больше, чѣмъ желать жить. Затѣмъ, когда человѣкъ нашелъ жену, которая была совершенно согласна съ его природою, то призналъ, что въ природѣ нѣтъ ничего, что было бы для него полезнѣе, чѣмъ она; но, когда онъ подумалъ, что животныя подобны ему, онъ тотчасъ сталъ подражать ихъ аффектамъ (*см. пол. 27 части III*) и потерялъ свою свободу, которую впослѣдствіи возстановили патріархи, руководи-

мые духомъ Христа, т. е. идеи Бога, отъ которой одной зависитъ то, что человѣкъ бываетъ свободнымъ, и что онъ и другимъ желаетъ того же добра, какого хочетъ для себя, какъ мы доказали выше (*по пол. 37 этой части*).

ПОЛОЖЕНІЕ LXIX.

Сила души свободнаго человека является равно великою, какъ въ избѣжаніи, такъ и въ преодоленіи опасностей.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Аффектъ можетъ быть задержанъ или уничтоженъ не иначе, какъ аффектомъ сильнѣйшимъ и противоположнымъ задерживаемому (*по пол. 7 этой части*). Но слѣпая отвага и страхъ суть аффекты, которые можно представить равно великими (*по пол. 5 и 3 этой части*). Слѣдовательно, одинаково великая сила души или храбрость (*см. опр. ея въ схол. пол. 59 части III*) требуется для отваги, какъ и для обузданія страха, т. е. (*по опр. 40 и 41 афф.*) свободный человѣкъ съ тою же силою души отклоняетъ опасности, съ какою пытается преодолѣть ихъ,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Такимъ образомъ, свободный человѣкъ одинаково руководится мужествомъ какъ въ своевременномъ бѣгствѣ, такъ и въ битвѣ; или свободный человѣкъ съ тѣмъ же мужествомъ или присутствіемъ духа выбираетъ бѣгство, съ какимъ и сраженіе.

СХОЛІЯ.

Что такое мужество, и что я разумѣю подъ нимъ, это я объяснилъ въ *схоліи пол. 59 части III*. Подъ опасностью же я разумѣю все то, что можетъ быть причиною какого-нибудь зла, именно печали, ненависти, раздора и проч.

ПОЛОЖЕНИЕ LXX.

Свободный человекъ, живущій между невѣждами, старается, насколько можетъ, отклонять ихъ благодѣянія.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Каждый по своему уму судить о томъ, что такое добро (см. *схол. пол. 39 части III*). Такимъ образомъ, невѣжественный человекъ, оказывающій кому-нибудь благодѣяніе, будетъ цѣнить это благодѣяніе по своему уму, и если онъ видитъ, что его не такъ много цѣнить тотъ, кому оно оказано, то онъ будетъ печалиться (*по пол. 42 части III*). Но свободный человекъ старается привязать къ себѣ остальныхъ людей дружбою (*по пол. 37 этой части*) и не оплачиваетъ людямъ подобными благодѣяніями по ихъ аффекту, но желаетъ себя и другихъ руководить свободнымъ сужденіемъ разума и стремится дѣлать только то, что самъ считаетъ первымъ. Слѣдовательно, свободный человекъ, чтобы не возбуждать ненависти въ невѣжественныхъ людяхъ и чтобы не повиноваться ихъ влеченіямъ, а одному разуму, будетъ стараться, насколько можетъ, отклонять ихъ благодѣянія,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Я говорю *насколько можетъ*. Ибо хотя люди и невѣжественны, но они все-таки, люди, которые въ нуждѣ могутъ оказать человѣческую помощь, лучше которой ничего не можетъ быть; а потому часто случается, что необходимо бываетъ принимать отъ нихъ благодѣянія и, слѣдовательно, отблагодаривать ихъ согласно съ ихъ понятіями. Къ этому присоединяется еще то, что, даже отклоняя ихъ благодѣянія, нужно наблюдать осторожность, чтобы не показалось, будто мы презираемъ ихъ, или по скупости боимся отплаты, и такимъ образомъ, чтобы, избѣгая ихъ ненависти, намъ тѣмъ самымъ не

оскорбить ихъ. Поэтому при отклоненіи благодѣяній нужно имѣть въ виду пользу и честь.

ПОЛОЖЕНІЕ LXXI.

Только свободные люди бываютъ другъ другу наиболѣе благодарны.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Только свободные люди наиболѣе полезны другъ другу, взаимно соединяются тѣснѣйшими узами дружбы (*по пол. 35 и 1 ея королл.*) и стремятся дѣлать другъ другу благодѣянія съ одинаковымъ усердіемъ любви (*по пол. 37 этой части*). Поэтому (*по 34 опр. афф.*) только свободные люди бываютъ другъ другу наиболѣе благодарны, — что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Благодарность, которую питають другъ къ другу люди, руководящіеся слѣпыми пожеланіями, есть скорѣе торгъ или хитрость, чѣмъ благодарность. Далѣе, неблагодарность не есть аффектъ. Однако же неблагодарность постыдна, потому что она болѣею частью показываетъ, что человѣкъ находится подъ вліяніемъ чрезмѣрной ненависти, гнѣва, гордости или корыстолюбія и проч. Ибо того, кто по глупости не умѣетъ оплачивать за подарки, нельзя назвать неблагодарнымъ, а тѣмъ менѣе того, кого подарки продажной женщины не соблазняютъ развратничать съ нею, или подарки вора не заставляютъ скрывать его воровство, или еще кого-нибудь въ этомъ родѣ. Напротивъ, такой человѣкъ показываетъ, что у него твердый духъ, котораго никакими подарками нельзя подкупить на что-нибудь гибельное для него или для всѣхъ.

ПОЛОЖЕНІЕ LXXII.

Свободный человѣкъ никогда не дѣйствуетъ съ злымъ умысломъ, но всегда дѣйствуетъ съ прямодушіемъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Если бы свободный человекъ, поскольку онъ свободенъ, дѣлалъ что-нибудь съ злымъ умысломъ, то онъ дѣлалъ бы это по предписанію разума (ибо только въ такомъ случаѣ мы называемъ его свободнымъ); поэтому дѣйствовать съ злымъ умысломъ было бы добродѣтельно (*по пол. 24 этой части*) и слѣдовательно (*по тому же пол.*), каждому для сохраненія своего существованія было бы лучше дѣйствовать съ злымъ умысломъ, т. е. (*какъ это ясно само собою*) для людей было бы гораздо лучше соглашаться между собою только на словахъ, а на дѣлѣ противодѣйствовать другъ другу, — что (*по королл. пол. 31 этой части*) нелѣпо. Слѣдовательно, свободный человекъ и проч.,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Если бы предложено было такое возраженіе: «если человекъ посредствомъ вѣроломства можетъ избавиться отъ опасности немедленной смерти, ужели разумъ не внушаетъ ему, чтобы онъ для сохраненія своего существованія сдѣлался вѣроломнымъ?», то на него нужно отвѣчать такимъ образомъ: если бы разумъ посовѣтывалъ это, то, значитъ, онъ совѣтуетъ это также всѣмъ людямъ, и поэтому разумъ вообще совѣтуетъ людямъ, чтобы они вступали между собою въ договоры, соединяли свои силы и имѣли общія права только съ злымъ умысломъ, т. е. чтобъ они на самомъ дѣлѣ не имѣли общихъ правъ, — что нелѣпо.

ПОЛОЖЕНІЕ LXXIII.

Человѣкъ, руководящійся разумомъ, болѣе свободенъ въ гражданскомъ обществѣ, гдѣ онъ живетъ сообразно съ общими постановленіями, чѣмъ въ уединеніи, гдѣ онъ повинуетъ только одному себѣ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Человѣкъ, руководящійся разумомъ, повинуется не по страху (*по пол. 63 этой части*), но поскольку онъ стремится сохранять свое существованіе по предписанію разума, т. е. (*по схол. пол. 66 этой части*) стремится жить свободно, сообразоваться съ общей жизнью и пользой (*по пол. 37 этой части*) и слѣдовательно (*какъ мы показали въ схол. 2 пол. 37 этой части*) желаетъ жить согласно съ общими постановленіями гражданскаго общества. Слѣдовательно, человѣкъ, руководящійся разумомъ, чтобы жить свободнѣе, желаетъ соблюдать общія права гражданскаго общества,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Это и подобное, что мы показали объ истинной свободѣ человека, относится къ храбрости, т. е. (*по схол. пол. 59 части III*) къ мужеству и великодушію. И я не считаю стоящимъ труда доказывать здѣсь отдѣльно всѣ свойства мужества и еще менѣе то, что мужественный человѣкъ ни къ кому не питаетъ ненависти, ни на кого не гнѣвается, никому не завидуетъ, не приходится въ негодованіе, никѣмъ не пренебрегаетъ и нисколько не гордится. Ибо это и многое, что относится къ истинной жизни и религіи, легко выясняется изъ положенія 37 и 46 этой части, именно что ненависть нужно побѣждать любовью, и что каждый, руководящійся разумомъ, желаетъ и другимъ того добра, какого хочетъ для себя. Къ этому присоединяется еще то, на что мы указали въ схоліи положенія 50 этой части и въ другихъ мѣстахъ, именно, что мужественный человѣкъ прежде всего имѣетъ въ виду то, что все вытекаетъ изъ необходимости божественной природы, и отсюда все, что онъ считаетъ тягостнымъ и злымъ и что, кромѣ того, кажется нечестивымъ, ужаснымъ, несправедливымъ и постыднымъ, происходитъ отъ того, что онъ представляетъ себѣ вещи въ безпорядоч-

номъ, изуродованномъ и спутанномъ видѣ; и по этой причинѣ онъ прежде всего старается понимать вещи, какъ онѣ есть въ себѣ, и устранять припятствія къ истинному познанію, каковы: ненависть гнѣвъ, зависть, осмѣяніе, гордость и остальное въ этомъ родѣ, что мы отмѣтили выше; а потому онъ, какъ мы сказали, стремится, насколько можетъ, хорошо поступать и радоваться. Но до чего можетъ простираться человѣческая способность въ достиженіи этого и что для нея возможно, это я покажу въ слѣдующей части.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Сказанное мною въ этой части о разумномъ образѣ жизни расположено не такъ, чтобы могло быть обнято однимъ взглядомъ, но было доказываемо разбросанно, сообразно съ тѣмъ, какъ я могъ выводить одно изъ другого. Поэтому я рѣшился собрать это здѣсь вмѣстѣ и свести къ главнымъ пунктамъ.

ГЛАВА I.

Всѣ наши стремленія или пожеланія вытекаютъ изъ необходимости нашей природы такимъ образомъ, что могутъ быть поняты или только посредствомъ ея одной, какъ ихъ ближайшей причины, или поскольку мы составляемъ часть природы, которая (часть) не можетъ быть представлена полно сама по себѣ безъ другихъ индивидуумовъ.

ГЛАВА II.

Пожеланія, которыя вытекаютъ изъ нашей природы такимъ образомъ, что могутъ быть поняты посредствомъ ея одной, суть тѣ, которыя относятся къ душѣ, поскольку она представляется въ умѣ состоящею изъ полныхъ идей; остальные же пожеланія относятся къ душѣ, лишь поскольку она представляетъ вещи неполно, и ихъ сила и возрастаніе должны быть опредѣляемы силою не чело-

вѣческаго, но тѣхъ вещей, которыя находятся внѣ насъ. Потому-то первыя вѣрно называются дѣйствіями, а вторыя страстями. Ибо первыя всегда показываютъ нашу силу, а послѣднія, напротивъ, свидѣтельствуютъ о нашемъ безсиліи и обрубленномъ знаніи.

ГЛАВА III.

Наши дѣйствія, т. е. тѣ пожеланія, которыя опредѣляются силою человѣка или разумомъ, всегда добры; остальные же могутъ быть какъ добрыми, такъ и злыми.

ГЛАВА IV.

Такимъ образомъ, въ жизни прежде всего полезно совершенствоваться умъ или разумъ, и въ этомъ одномъ состоитъ величайшее счастье или блаженство человѣка; такъ какъ *блаженство* есть не что иное, какъ довольство души, проистекающее изъ интуитивнаго познанія Бога. А совершенствоваться умъ значитъ не что иное, какъ понимать Бога, его атрибуты и дѣйствія, которыя вытекаютъ изъ необходимости его природы. Поэтому послѣдняя цѣль человѣка, руководящагося разумомъ, т. е. высшее пожеланіе, которымъ онъ стремится умѣрять всѣ остальные, состоитъ въ томъ, чтобы вполне представлять умомъ себя и всѣ вещи, которыя могутъ подпадать подъ его пониманіе.

ГЛАВА V.

Итакъ, нѣтъ *разумной жизни* безъ пониманія, и вещи лишь постольку составляютъ добро, поскольку помогаютъ человѣку пользоваться жизнью души, которая опредѣляется пониманіемъ. Наоборотъ, все то, что мѣшаетъ человѣку совершенствоваться разумъ и пользоваться разумною жизнью, мы называемъ зломъ.

ГЛАВА VI.

Но такъ какъ все то, чего человѣкъ есть дѣйствующая причина, необходимо есть добро, то человѣкъ мо-

жетъ подвергаться злу только отъ внѣшнихъ причинъ, именно поскольку онъ составляетъ часть цѣлой природы, законамъ которой человѣческая природа принуждена повиноваться и приспособляться къ ней почти безконечными способами.

ГЛАВА VII.

Невозможно, чтобы человѣкъ не былъ частью природы и не слѣдовалъ общему ея порядку; но если онъ вращается среди такихъ индивидуумовъ, которые согласуются съ природою человѣка, то тѣмъ самымъ поддерживается и усиливается его способность къ дѣятельности. Если же, напротивъ, онъ находится въ средѣ такихъ индивидуумовъ, которые всего менѣе согласуются съ его природой, то онъ едва ли можетъ приспособиться къ нимъ безъ большого измѣненія себя.

ГЛАВА VIII.

Все то въ природѣ вещей, что мы считаемъ зломъ или что можетъ препятствовать нашему существованію и нашему пользованію разумною жизнью, мы можемъ устранять тѣмъ способомъ, который кажется намъ вѣрнѣйшимъ. И, наоборотъ, все то, что мы считаемъ *благомъ* или *полезнымъ* для сохраненія нашего существованія и для пользованія разумною жизнью, мы можемъ обращать на свое употребленіе и пользоваться этимъ какимъ намъ угодно способомъ. И вообще каждому высшимъ правомъ природы предоставлено то, что онъ считаетъ содѣйствующимъ своей пользѣ.

ГЛАВА IX.

Ничто не можетъ болѣе согласоваться съ природою какой-нибудь вещи, чѣмъ другіе индивидуумы того же вида; поэтому (по *м.* 7) для человѣка ничего не можетъ быть полезнѣе для сохраненія его существованія и для пользованія разумною жизнью, какъ другой *человѣкъ*, *ру-*

ководящийся разумомъ. Затѣмъ, такъ какъ между отдѣльными вещами мы не знаемъ ничего превосходящаго чело-вѣка, руководящагося разумомъ, то никто ничѣмъ не можетъ больше показать, на сколько онъ силенъ геніемъ и искусствомъ, какъ такимъ воспитаніемъ людей, чтобы они жили подъ исключительною властью разума.

ГЛАВА X.

Поскольку люди относятся другъ къ другу съ завистью или съ какимъ-нибудь аффектомъ ненависти, постольку они взаимно противоположны и, слѣдовательно, ихъ тѣмъ болѣе нужно бояться, чѣмъ они сильнѣе другихъ индивидуумовъ природы.

ГЛАВА XI.

Сердца побѣждаются однако не оружіемъ, но *любовью и великодушіемъ.*

ГЛАВА XII.

Людямъ прежде всего полезно заводить общеніе между собой и соединяться взаимно такими узами, вслѣдствіе которыхъ они были бы способнѣе изъ всѣхъ себя дѣлать одно, и вообще дѣлать то, что служить къ укрѣпленію дружбы.

ГЛАВА XIII.

Но для этого требуется *искусство и бдительность.* Ибо люди измѣнчивы (рѣдки между ними такіе, которые живутъ по предписанію разума), и однакоже большею частью завистливы и болѣе расположены къ мести, чѣмъ къ милосердію. Нужна, слѣдовательно, особенная сила духа для того, чтобы каждый поступалъ согласно съ своими понятіями и воздерживался отъ подражанія ихъ аффектамъ. Но тѣ, напротивъ, которые умѣютъ нападать на людей и скорѣе порицать пороки, чѣмъ учить добродѣтелямъ, не укрѣпляютъ сердца людей, а разбивать ихъ, и себѣ и дру-

гимъ тягостны. Отсюда многіе по излишней нетерпѣливости души и по ложной религіозной ревности желали лучше жить между звѣрями, чѣмъ между людьми, подобно тѣмъ мальчикамъ или юношамъ, которые не могутъ равнодушно переносить родительской журьбы и убѣгаютъ въ военную службу, предпочитая трудности войны и деспотическую дисциплину домашнимъ удобствамъ и родительскимъ увѣщаніямъ и соглашаясь нести всевозможныя тягости, только бы отмстить родителямъ.

ГЛАВА XIV.

Итакъ, хотя люди дѣлаютъ все большею частью по своимъ прихотямъ, все-таки отъ *соединенія ихъ въ общество* происходитъ гораздо больше выгодъ, чѣмъ невыгодъ. Поэтому лучше равнодушно переносить ихъ обиды и ревностно заботиться о томъ, что служить къ приобретению согласія и дружбы.

ГЛАВА XV.

Порождаетъ *согласіе* все то, что относится къ *правосудію, справедливости и честности*. Ибо люди, кромѣ того что несправедливо и незаконно, также неохотно переносятъ то, что считается постыднымъ, или то, когда кто-нибудь нарушаетъ принятые обычаи общества. Къ снисканію же любви прежде всего необходимо то, что относится къ *религии и благочестію*. Объ этомъ см. *схол. 1 и 2 пол. 37, схол. пол. 46 и схол. пол. 73 части IV.*

ГЛАВА XVI.

Согласіе, кромѣ того, часто достигается и посредствомъ страха, но въ немъ нѣтъ вѣрности. Къ этому призовокупѣ, что страхъ происходитъ отъ безсилія души и потому не относится къ пользованію разумомъ, также какъ и состраданіе, хотя оно по наружности и имѣетъ видъ благочестія.

ГЛАВА XVII.

Кромѣ того, людей можно располагать къ себѣ еще щедростію, особенно тѣхъ, которые не имѣютъ, откуда доставать то, что необходимо для поддержанія жизни. Впрочемъ, оказываніе помощи всякому нуждающемуся далеко превышаетъ силы и пользу каждаго частнаго лица. Ибо богатство частнаго лица далеко для доставленія этой помощи недостаточно. Кромѣ того, способности одного человѣка слишкомъ ограниченны для того, чтобы онъ могъ всѣхъ привязать къ себѣ дружбою; поэтому попеченіе о бѣдныхъ принадлежитъ къ обязанности цѣлаго общества и имѣетъ въ виду только общую пользу.

ГЛАВА XVIII.

Въ дѣлѣ полученія благодарѣній и воздаянія благодарности должна быть совершенно другая забота, о *которой см. схол. пол. 70 и схол. пол. 71 части IV.*

ГЛАВА XIX.

Развратная любовь, т. е. половыя влеченія, возбуждаемая внѣшнимъ видомъ, и вообще всякая любовь, признающая, кромѣ свободы духа, другую причину, легко переходитъ въ ненависть, если только она, что еще хуже, не есть видъ помѣшательства, и тогда она питается больше раздоромъ, чѣмъ согласіемъ. *См. королл. пол. 31 части III.*

ГЛАВА XX.

Что касается брака, то несомнѣнно, что онъ сообразенъ съ разумомъ, если пожеланіе къ тѣлесному совокупленію возбуждается не одной только внѣшностію, но также стремленіемъ къ рожденію дѣтей и мудрому ихъ воспитанію; и кромѣ того, если любовь какъ мужчины, такъ и женщины имѣетъ причиной не одну только наружность, но преимущественно свободу духа.

ГЛАВА XXI.

И лестъ также рождаетъ согласіе, но гнуснымъ преступленіемъ рабства или вѣроломствомъ; никто вѣдь такъ не поддается на лестъ, какъ гордецы, которые желаютъ, но не могутъ быть первыми.

ГЛАВА XXII.

Въ смирении заключается ложный видъ благочестія и религіозности. И хотя смиреніе противоположно гордости, однако смиренный очень близокъ къ гордому. См. *схол. пол. 57 части IV.*

ГЛАВА XXIII.

Стыдъ можетъ вести къ согласію только въ такихъ вещахъ, которыхъ нельзя скрыть. Затѣмъ, такъ какъ самый стыдъ есть видъ печали, то онъ не относится къ употребленію разума.

ГЛАВА XXIV.

Прочіе аффекты печали, относящіеся къ людямъ, прямо противоположны правосудію, справедливости, честности, благочестію и религіи, и хотя негодованіе, повидимому, похоже на справедливость, но тамъ *живутъ безъ закона*, гдѣ всякій можетъ произносить судъ надъ дѣйствіями другого и (самъ) защищать право свое или другого.

ГЛАВА XXV.

Скромность, т. е. желаніе нравиться людямъ, которое опредѣляется разумомъ, относится къ благочестію (*какъ мы сказали въ схол. I пол. 37 части IV*). Но если она происходитъ изъ аффекта, то она есть честолюбіе или пожеланіе, которое ложнымъ видомъ благочестія часто возбуждаетъ между людьми раздоры и возмущенія. Ибо кто желаетъ помогать другимъ совѣтомъ или дѣломъ, чтобы и они пользовались высшимъ благомъ, тотъ ста-

рается главнымъ образомъ привязать ихъ къ себѣ любовью, а не возбуждать въ нихъ удивленіе къ себѣ, такъ чтобы наука отъ него получала названіе, и вообще не давать никакихъ причинъ къ зависти. Далѣе, въ общественныхъ разговорахъ онъ будетъ остерегаться затрогивать человѣческіе пороки и вообще будетъ стараться поменьше говорить о человѣческомъ безсиліи, а, напротивъ, будетъ распространяться о человѣческой доблести или силѣ и о томъ, какъ можно совершенствоваться, чтобы такимъ образомъ люди старались жить по предписаніямъ разума, сколько отъ нихъ зависитъ, не изъ страха или отвращенія, а движимые однимъ аффектомъ радости.

ГЛАВА XXVI.

Кромѣ людей, въ природѣ нѣтъ ничего отдѣльнаго такого, душой чего мы могли бы любоваться или что мы могли бы привязать къ себѣ дружбою или какимъ-нибудь родомъ привязанности; и потому сохраненія всего, что только существуетъ въ природѣ внѣ людей, не требуетъ соображеніе о нашей пользѣ, но, смотря по различному употребленію этихъ вещей, оно учитъ насъ ихъ сохранять, разрушать, или всякими способами примѣнять ихъ къ нашему пользованію.

ГЛАВА XXVII.

Польза, которую мы извлекаемъ изъ вещей, находящихся внѣ насъ, состоитъ, кромѣ опыта и познанія, приобрѣтаемаго тѣмъ, что мы наблюдаемъ ихъ и изъ данныхъ формъ измѣняемъ въ другія, главнымъ образомъ въ сохраненіи тѣла; и въ этомъ отношеніи полезными вещами называются прежде всего тѣ, которыя такъ могутъ поддерживать и питать тѣло, что всѣ его части могутъ правильно совершать свои отправленія. Ибо чѣмъ тѣло способнѣе къ тому, чтобы испытывать разныя впечатлѣнія и обнаруживать разное дѣйствіе на внѣшнія тѣла, тѣмъ и душа способнѣе къ мышленію (см. пол. 38 и 39

части iv). Но, кажется, въ природѣ весьма мало вещей такого качества. Поэтому для надлежащаго питанія тѣла необходимо употреблять пищевыя вещества разнаго рода. Дѣло въ томъ, что человѣческое тѣло состоитъ изъ многихъ частей различной природы, которыя нуждаются въ постоянной и различной пищѣ, чтобы все тѣло было равно способно ко всему, что можетъ вытекать изъ его природы, и, слѣдовательно, чтобы и душа была равно способна воспринимать многое.

ГЛАВА XXVIII.

Чтобы достать все это, для этого едва ли были бы достаточны силы отдѣльнаго человѣка, если бы люди не оказывали другъ другу взаимной помощи. *Деньги* представляютъ въ сокращенномъ видѣ всѣ вещи; отъ этого происходитъ, что образъ денегъ обыкновенно наиболѣе занимаетъ душу толпы, такъ какъ она не можетъ вообразить какой-нибудь видъ радости иначе, какъ въ сопровожденіи идеи денегъ, какъ причины.

ГЛАВА XXIX.

Но этотъ порокъ свойственъ только тѣмъ, которые стараются пріобрѣтать деньги не изъ нужды въ нихъ и не для удовлетворенія потребностей, но потому, что они изучили искусство пріобрѣтенія ихъ, которымъ очень гордятся. Впрочемъ они тѣло питаютъ по привычкѣ, но скудно, такъ какъ они считаютъ потерянными тѣ свои средства, которыя тратятъ на сохраненіе тѣла. Но тѣ, которые знаютъ настоящее употребленіе денегъ и мѣру богатства опредѣляютъ только потребностями, живутъ, довольствуясь малымъ.

ГЛАВА XXX.

Такимъ образомъ, коль скоро тѣ вещи составляютъ благо, которыя содѣйствуютъ частямъ тѣла совершать свои отправленія, и коль скоро радость состоитъ въ томъ,

что поддерживаетъ или увеличиваетъ силу человѣка, поскольку онъ состоитъ изъ души и тѣла, то поэтому все то — благо, что доставляетъ радость. Но такъ какъ, наоборотъ, вещи дѣйствуютъ не на тотъ конецъ, чтобы доставлять намъ радость, и ихъ сила дѣйствія не соображается съ нашей пользой, и такъ какъ, наконецъ, радость часто относится главнымъ образомъ къ одной части тѣла, то часто аффекты радости (если при этомъ не дѣйствуетъ разумъ и бдительность), а слѣдовательно, и пожеланія, возникающія изъ нихъ, имѣютъ излишество. Къ этому еще то присоединяется, что мы въ аффектѣ считаемъ первымъ то, что пріятно въ настоящемъ, и не можемъ цѣнить будущаго съ такимъ же душевнымъ аффектомъ. *См. схол. пол. 44 и схол. пол. 60 части IV.*

ГЛАВА XXXI.

Но суетворіе, напротивъ, повидимому, утверждаетъ, что благо то, что производитъ печаль, а зло то, что возбуждаетъ радость. Но, какъ мы уже сказали (*см. схол. пол. 45 части IV*), никто, кромѣ завистника, не можетъ радоваться моему безсилію и моимъ непріятностямъ. Ибо, чѣмъ больше мы радуемся, тѣмъ переходимъ къ большому совершенству и, слѣдовательно, становимся тѣмъ болѣе причастными божественной природѣ; и радость никогда не можетъ быть зломъ, если она управляется истиннымъ соображеніемъ о нашей пользѣ. Но кто, наоборотъ, руководится страхомъ и дѣлаетъ добро, чтобы избѣжать зла, тотъ не руководится разумомъ. *См. пол. 63 части IV.*

ГЛАВА XXXII.

Но человѣческая сила весьма ограничена и ее бесконечно превосходитъ сила внѣшнихъ причинъ; поэтому мы не имѣемъ неограниченной власти, чтобы приспособлять къ нашему пользованію вещи, находящіяся внѣ насъ. Впрочемъ, мы будемъ равнодушно переносить то, что случается съ нами вопреки требованіямъ нашей пользы, если

будемъ сознать, что мы исполнили свой долгъ, что наша сила не простирается до того, чтобы мы могли устранить это, и что мы составляемъ часть всей природы, порядку которой мы слѣдуемъ. Если мы поймемъ все это ясно и отчетливо, то та часть насъ самихъ, которая называется пониманіемъ, т. е. лучшая наша часть, вполнѣ успокоится на этомъ и будетъ стремиться оставаться въ такомъ успокоеніи. Ибо, поскольку у насъ есть пониманіе, мы можемъ желать только того, что необходимо и можемъ вполнѣ успокоиться только на томъ, что истинно; а поскольку мы все это понимаемъ вѣрно, постольку стремленіе лучшей нашей части согласуется съ порядкомъ цѣлой природы.

Э Т И К И

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

О МОГУЩЕСТВѢ РАЗУМА ИЛИ О ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ СВОБОДѢ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наконецъ, я перехожу къ другой части этики, которая трактуетъ о способѣ или пути, ведущемъ къ свободѣ. Въ ней, стало быть, я буду говорить о силѣ разума, показывая, что въ состояніи сдѣлать разумъ противъ аффектовъ, и, затѣмъ, что такое *свобода души* или *блаженство*; изъ этого мы увидимъ, насколько мудрый человѣкъ лучше невѣжды. Какимъ же образомъ или какимъ путемъ нужно совершенствоваться умъ и какое искусство нужно прилагать къ заботѣ о тѣлѣ, чтобы оно могло надлежащимъ образомъ совершать свои отправленія, это сюда не относится: послѣднимъ занимается *медицина*, а первымъ *лошкя*. Итакъ, здѣсь, какъ я сказалъ, я буду говорить только о силѣ души или разума и прежде всего покажу, какую власть онъ имѣетъ противъ аффектовъ, въ дѣлѣ ихъ обузданія и умѣренія. Что мы не имѣемъ надъ ними безусловной власти, это мы уже доказали выше. Но *стоики* думали, что аффекты вполнѣ зависятъ отъ нашей воли, и что мы безусловно можемъ повелѣвать надъ ними. Однакоже, побуждаемые противорѣчающимъ имъ опытомъ, а не своими принципами, они должны были сознаться, что для сдерживанія и умѣренія страстей требуется не малое упражненіе и усиліе. Кто-то пытался доказать это примѣромъ двухъ собакъ, и притомъ (если я хорошо помню) одной домашней собаки, а другой охотничьей, именно, что ему посредствомъ упражненія удалось достигнуть того, что домашняя собака приучилась къ охотѣ, а охотничья, напротивъ, отъучилась преслѣ-

довать зайцевъ. Этому мнѣнію не мало благопріятствовалъ и Декартъ. Именно онъ утверждалъ, что духъ или душа соединена главнымъ образомъ съ извѣстною частью головного мозга, т. е. съ железкой, называемой *pinealis*, посредствомъ которой душа ощущаетъ всѣ движенія, совершающіяся въ тѣлѣ, и внѣшніе предметы, и которую душа можетъ разнообразно приводить въ движеніе однимъ тѣмъ, чего желаетъ. Онъ утверждалъ, что эта железа такимъ образомъ привѣшена въ срединѣ головного мозга, что она можетъ двигаться отъ малѣйшаго движенія животныхъ духовъ. Затѣмъ, онъ утверждалъ, что эта железа привѣшивается въ мозгу столькими различными способами, сколькими способами ударяють въ нее животные духи, и что, кромѣ того, на ней напечатлѣвается столько различныхъ слѣдовъ, сколько различныхъ внѣшнихъ предметовъ наталкиваютъ на нее животныхъ духовъ. Отсюда происходитъ, что если железа въ послѣдствіи отъ дѣйствія различнымъ образомъ движущей ее воли души приметъ то или другое положеніе, какое она уже имѣла прежде отъ дѣйствія такимъ или другимъ образомъ двигавшихся духовъ, тогда сама железа будетъ толкать и опредѣлять животныхъ духовъ такимъ же образомъ, какимъ они были отталкиваемы прежде, вслѣдствіе подобнаго положенія железъ. Кромѣ того, онъ утверждалъ, что каждое желаніе души по природѣ соединено съ какимъ-нибудь извѣстнымъ движеніемъ железы. Напр., если кто-нибудь имѣетъ желаніе смотрѣть на отдаленный предметъ, то это желаніе производитъ то, что зрачекъ расширяется; но если онъ подумаетъ о расширеніи зрачка, то ни къ чему не поведетъ то, что онъ имѣетъ такое желаніе, потому что природа соединила движеніе железы, служащее для того, чтобы толкать духовъ къ зрительному нерву такимъ способомъ, который соотвѣтствуетъ суженію или расширенію зрачка, не съ желаніемъ расширять или суживать его, но только съ желаніемъ смотрѣть на отдаленные или близкіе предметы. Наконецъ, онъ утверждалъ, что хотя каждое движеніе этой железки, повидимому, связано по природѣ съ каждою изъ нашихъ мыслей съ самаго начала нашей жизни, однакоже привычкою можно соединить ихъ съ другими, что онъ старается доказать относительно страстей души, въ стат. 50 части I *). Изъ этого

*) Страсти души. Сочиненіе *Рене Декарта*, написанное имъ по-французски, но теперъ въ удовольствіе иностранцамъ переведенное на латин-

онъ выводитъ заключеніе, что нѣтъ столь слабой души, которая при правильномъ руководствѣ не могла бы пріобрѣсти неограниченной власти надъ своими страстями. Ибо, по его опредѣленію, страсти суть воспріятія, ощущенія или движенія души, которыя специально относятся къ ней, и которыя возбуждаются, сохраняются и усиливаются какимъ-нибудь движеніемъ духовъ. См. Декарта Страсти души, ч. 1, ст. 27. Но такъ какъ съ каждымъ желаніемъ воли мы можемъ связать всякое движеніе железы, а слѣдовательно и духовъ, то и опредѣленіе воли находится въ исполнѣ въ нѣщей власти. Поэтому, если мы опредѣлимъ нашу волю извѣстными и твердыми рѣшеніями, сообразно съ которыми мы желаемъ направлять наши дѣйствія, и съ этими рѣшеніями соединимъ движенія страстей, какія мы желаемъ имѣть, то этимъ пріобрѣтемъ неограниченную власть надъ нашими страстями. Таково мнѣніе этого знаменитаго человѣка (насколько можно понять изъ его словъ), и если бы оно было менѣе остроумно, то я едва повѣрилъ бы, что оно высказано такимъ человѣкомъ. Я поистинѣ не могу достаточно надивиться тому, что философъ, рѣшившійся выводить все единственно только изъ принциповъ, которые ясны сами по себѣ, и утверждать только то, что онъ понимаетъ ясно и отчетливо, и который такъ часто порицалъ схоластиковъ за то, что они хотѣли объяснять темныя вещи темными качествами, высказываетъ гипотезу, которая темнѣе, чѣмъ всякое темное качество. Я спрашиваю: что онъ разумѣетъ подъ соединеніемъ души съ тѣломъ? Какое же, говорю я, ясное и отчетливое понятіе онъ имѣетъ о мышленіи, которое тѣснѣйше связано съ какою-то частичкою количества? Я желалъ бы, чтобы онъ объяснилъ это соединеніе его ближайшею причиною. Но онъ представлялъ себѣ душу до такой степени отличною отъ тѣла, что не могъ указать никакой особенной причины ни этого соединенія, ни самой души, но ему было необходимо прибѣгнуть къ причинѣ всей вселенной, т. е. къ Богу. Далѣе, я очень желалъ бы знать, какую степень движенія можетъ сообщить душа этой (pinealis) железнѣ и съ какою силою можетъ держать ее привѣшенною? Ибо я не знаю, что медленнѣе или скорѣе движетъ эту железу, душа или животныя духи, и не мо-

скій языкъ Г. Д. М. Амстердамъ, 1656 г. in 4°. Часть 1. О страстяхъ вообще и по этому случаю о всей природѣ человѣка. II. О числѣ и порядкѣ страстей и объясненіе шести первоначальныхъ. III. Объ отдѣльныхъ страстяхъ.

гутъ ли движенія страстей, которыя мы тѣсно связали съ твердыми рѣшеніями, снова отдѣлиться отъ нихъ черезъ дѣйствія тѣлесныхъ причинъ; отъ этого могло бы произойти, что хотя бы душа и твердо рѣшилась итти навстрѣчу опасности и съ этимъ рѣшеніемъ соединила бы движеніе смѣлости, но при видѣ опасности железа пришла бы въ такое положеніе, что душа могла бы помышлять только о бѣгствѣ. И дѣйствительно, коль скоро нѣтъ никакого отношенія между желаніемъ и движеніемъ, то не можетъ быть никакого сравненія между властью души и тѣла или силами; и, слѣдовательно, силы послѣдняго не могутъ опредѣляться силами перваго. Къ этому нужно прибавить, что эта железа не такъ помѣщена въ серединѣ мозга, чтобы могла такъ легко и столь разнообразно двигаться въ разныя стороны, и что не всѣ нервы доходятъ до полостей головного мозга. Наконецъ, я здѣсь опускаю все то, что онъ утверждаетъ о волѣ и ея свободѣ, такъ какъ ложность этого я предостаточно показалъ выше. Такимъ образомъ, такъ какъ сила души, какъ я показалъ выше, опредѣляется однимъ только пониманіемъ, средства противъ аффектовъ, которые, я думаю, испытывали всѣ люди, но не тщательно наблюдали и не отчетливо видѣли ихъ, мы опредѣлимъ однимъ познаніемъ души и выведемъ изъ него все, что относится къ ея блаженству.

АКСІОМЫ.

I. Если въ одномъ и томъ же субъектѣ будутъ возбуждены два противоположныя дѣйствія, то должно будетъ необходимо произойти измѣненіе или въ обоихъ, или только въ одномъ, пока они перестанутъ быть противоположными.

II. Сила дѣйствія опредѣляется силою его причины, поскольку сущность его объясняется или опредѣляется сущностью самой причины.

Эта аксіома явствуеть изъ пол. 7 части III.

ПОЛОЖЕНІЕ I.

Смотря по тому, какъ мысли и идеи вещей располагаются и связываются въ душѣ, такъ точно располагаются и связываются въ тѣлѣ впечатлѣнія тѣла или образы вещей.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Порядокъ и связь идей тѣ же (по пол. 7 части II), какъ порядокъ и связь вещей, и, наоборотъ, порядокъ и связь вещей тѣ же (по королл. пол. 6 и 7 части II), какъ порядокъ и связь идей. Поэтому, какъ порядокъ и связь идей въ душѣ совершаются по порядку и связи впечатлѣній тѣла (по пол. 18 части II), такъ, и наоборотъ (по пол. 2 части III), порядокъ и связь впечатлѣній тѣла совершаются сообразно тому, какъ располагаются и связываются въ душѣ мысли и идеи вещей, — что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ II.

Если мы душевное движеніе или аффектъ отделимъ въ мысли отъ внешней причины и соединимъ его съ другими мыслями, то любовь или ненависть къ внешней причинѣ, равно какъ и колебанія души, возникающія изъ этихъ аффектовъ, уничтожатся.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо то, что составляетъ форму любви или ненависти, есть радость или печаль, сопровождаемая идеей внѣшней причины (по 6 и 7 опр. афф.). Такимъ образомъ, когда послѣдняя устраняется, то вмѣстѣ съ тѣмъ устраняется форма любви или ненависти; а потому уничтожаются и тѣ аффекты, которые изъ нихъ происходятъ, — что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ III.

Аффектъ, который, есть страсть, перестаетъ быть страстью, какъ только мы составимъ о немъ ясную и отчетливую идею.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Аффектъ, который есть страсть, есть спутанная идея (по общ. опр. афф.). Итакъ, если мы составимъ о самомъ

аффектъ ясную и опредѣленную идею, то эта идея будетъ отличаться отъ самаго аффекта, поскольку онъ относится къ одной душѣ, только отношеніемъ (*по пол. 21 части II съ ея схол.*); поэтому (*по пол. 3 части III*) аффектъ перестаетъ быть страстью,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Такимъ образомъ, аффектъ тѣмъ болѣе находится въ нашей власти и душа тѣмъ меньше страдаетъ отъ него, чѣмъ больше мы знаемъ его.

ПОЛОЖЕНІЕ IV.

Нѣтъ ни одного впечатлѣнія въ тѣлѣ, о которомъ мы не могли бы составить какого-либо яснаго и отчетливаго понятія.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Что обще всѣмъ, то не можетъ быть представлено иначе, какъ только полно (*по пол. 38 части II*). Поэтому (*по пол. 12 и лемма 2, слѣдующей за схол. пол. 13 части II*) нѣтъ ни одного тѣлеснаго впечатлѣнія, о которомъ мы не могли бы составить какого-либо яснаго и отчетливаго понятія,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Изъ этого слѣдуетъ, что нѣтъ аффекта, о которомъ мы не могли бы составить какого-либо яснаго и отчетливаго представленія. Ибо аффектъ есть идея впечатлѣнія тѣла (*по общ. отр. афф.*), которая поэтому (*по пред. пол.*) должна содержать въ себѣ какое-либо ясное и отчетливое понятіе.

СХОЛІЯ.

Такъ какъ нѣтъ ничего, изъ чего не вытекало бы какое-нибудь дѣйствіе (*по пол. 36 части I*), и такъ какъ все, вытекающее изъ идеи, которая полна въ насъ, мы

понимаемъ ясно и отчетливо (*по пол. 40 части II*), то изъ этого слѣдуетъ, что каждый имѣетъ возможность понимать себя и свои аффекты, если не вполне, то хоть отчасти ясно и отчетливо и, слѣдовательно, сдѣлать такъ, чтобы меньше страдать отъ нихъ. Наши усилія должны быть преимущественно направлены на то, чтобы мы познавали каждый аффектъ, насколько возможно, ясно и отчетливо, чтобы такимъ образомъ душа побуждалась аффектомъ мыслить то, что она представляетъ ясно и отчетливо и на чемъ она можетъ вполне успокоиться, и притомъ такъ, чтобы самъ аффектъ отдѣлился отъ мысли о внѣшней причинѣ и соединился съ истинными мыслями. Слѣдствіемъ этого будетъ то, что не только уничтожатся любовь, ненависть и проч. (*по пол. 2 этой части*), но и позывы или пожеланія, обыкновенно возникающіе изъ такихъ аффектовъ, не могутъ имѣть излишества (*по пол. 61 части IV*). Ибо прежде всего нужно замѣтить то, что позывъ, по которому человѣкъ дѣйствуетъ и по которому онъ страдаетъ, остается одинъ и тотъ же. Напр., мы показали, что природа человѣческая устроена такъ, что каждый желаетъ, чтобы всѣ жили согласно съ его понятіями (*см. схол. пол. 31 части III*). Это стремленіе въ человѣкѣ, не руководящемся разумомъ, есть страсть, которая называется честолюбіемъ и не многимъ отличается отъ гордости; но въ человѣкѣ, живущемъ по предписанію разума, тотъ же позывъ есть дѣйствіе или добродѣтель, которая называется благочестіемъ (*см. схол. I пол. 37 части IV и 2 док. той же пол.*). Такимъ же образомъ всѣ позывы или пожеланія могутъ быть страстями лишь постольку, поскольку они происходятъ изъ неполныхъ идей, и они же будутъ причислены къ добродѣтели, когда возбуждаются или производятся полными идеями. Ибо всѣ пожеланія, которыми мы опредѣляемся къ какому-нибудь дѣйствию, могутъ происходить какъ отъ полныхъ, такъ и отъ неполныхъ идей. *См. пол. 59 части IV*. Но (чтобъ возвратиться туда, откуда я вышелъ) нельзя придумать

другого, находящагося въ нашей власти, средства противъ аффектовъ, болѣе дѣйствительнаго, чѣмъ то, которое состоитъ въ вѣрномъ пониманіи ихъ, такъ какъ нѣтъ другой способности души, кромѣ способности мыслить и составлять полныя идеи, какъ мы показали выше (по пол. 3 части III).

ПОЛОЖЕНІЕ V.

Аффектъ къ вещи, которую мы воображаемъ просто, а не какъ необходимую, или возможную, или случайную, будетъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, наибольшимъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Аффектъ къ вещи, которую мы воображаемъ свободно, бываетъ больше, чѣмъ къ необходимой (по пол. 49 части III) и, слѣдовательно, еще больше, чѣмъ къ той, которую мы воображаемъ возможною или случайною (по пол. II части IV). Но воображать какую-либо вещь свободно значитъ не что иное, какъ воображать вещь просто, когда мы не знаемъ причинъ, которыми она была опредѣлена къ дѣятельности (на основаніи того, что мы показали въ схол. пол. 35 части II). Такимъ образомъ, аффектъ къ вещи, которую мы воображаемъ просто, будетъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, больше, чѣмъ къ вещи необходимой, возможной или случайной, и, слѣдовательно, наибольшимъ, — что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ VI.

Поскольку душа понимаетъ всѣ вещи какъ необходимыя, постольку имѣетъ большую силу противъ аффектовъ, или меньше страдаетъ отъ нихъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Душа понимаетъ, что всѣ вещи необходимы (по пол. 29 части I), и что онѣ опредѣляются къ существованію и дѣятельности безконечною связью причинъ (по пол. 28

части 1). Поэтому (*по пред. пол.*) она дѣлаетъ такъ, чтобы меньше страдать отъ аффектовъ, которые возникаютъ изъ нихъ и (*по пол. 48 части III*) меньше чувствовать къ нимъ аффектовъ,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Чѣмъ болѣе это знаніе, т. е. что вещи необходимы, относится къ отдѣльнымъ вещамъ, которыя мы воображаемъ отчетливѣе и живѣе, тѣмъ больше бываетъ власть души надъ аффектами; это подтверждается и опытомъ. Ибо мы видимъ, что печаль по поводу потери какого-нибудь добра ослабѣваетъ, какъ только потерявшій человѣкъ подумаетъ о томъ, что онъ никакимъ образомъ не могъ бы сохранить этого добра. Также мы видимъ, что никто не жалѣетъ о ребенкѣ по поводу того, что онъ не умѣетъ говорить, ходить, разсуждать и что столько лѣтъ живетъ, какъ бы не сознавая себя. Но если бы люди большею частью рождались взрослыми и только тотъ или другой родились бы дѣтьми, тогда каждый жалѣлъ бы этихъ дѣтей; потому что тогда всѣ считали бы дѣтство не естественнымъ или необходимымъ дѣломъ, но ошибкою или грѣхомъ природы. И мы могли бы привести многое другое въ этомъ родѣ.

ПОЛОЖЕНІЕ VII.

Аффекты, которые происходятъ изъ разума или возбуждаются имъ, бываютъ, если брать въ разсчетъ время, сильнѣе аффектовъ, относящихся къ отдѣльнымъ вещамъ, которыя мы представляемъ отсутствующими.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Мы представляемъ себѣ какую-нибудь вещь отсутствующею не посредствомъ аффекта, съ которымъ мы воображаемъ ее, но посредствомъ того, что тѣло испытываетъ впечатлѣніе другого аффекта, который исключаетъ существованіе этой вещи (*по пол. 17 ч. II*). По-

этому аффектъ, относящійся къ вещи, которую мы представляемъ отсутствующею, не имѣетъ такого свойства, чтобы онъ бралъ перевѣсъ надъ остальными дѣйствіями и способностью человѣка (*объ этомъ см. пол. 6 части IV*), но, напротивъ, онъ имѣетъ такое свойство, что онъ можетъ какимъ-нибудь образомъ задерживаться тѣми аффектами, которые исключаютъ существованіе его внѣшней причины (*по пол. 9 части IV*). Но аффектъ, который происходитъ изъ разума, необходимо относится къ общимъ свойствамъ вещей (*см. опр. разума во 2 схол. пол. 40 части II*), которыя мы всегда представляемъ себѣ присутствующими (ибо нѣтъ ничего, что исключало бы ихъ настоящее существованіе) и которыя мы всегда воображаемъ одинаковымъ образомъ (*по пол. 38 части II*). Поэтому такой аффектъ вещи всегда остается одинаковымъ и, слѣдовательно (*по акс. I*), аффекты, которые противоположны ему и которые не поддерживаются своими внѣшними причинами, должны будутъ болѣе и болѣе приспособляться къ нему, пока не перестанутъ быть противоположными; и въ этомъ смыслѣ аффектъ, происходящій изъ разума, сильнѣе,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ VIII.

Чѣмъ больше причинъ, одновременно дѣйствующихъ, возбуждаютъ какой-нибудь аффектъ, тѣмъ онъ бываетъ больше.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Многія причины, дѣйствующія вмѣстѣ, могутъ сдѣлать больше, чѣмъ немногія (*по пол. 7 части III*). Поэтому (*по пол. 5 части IV*), чѣмъ большими причинами одновременно возбуждается какой-нибудь аффектъ, тѣмъ онъ бываетъ сильнѣе,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Это положеніе явствуетъ также изъ аксіомы 2 этой части.

ПОЛОЖЕНИЕ IX.

Аффектъ, относящійся ко многимъ и различнымъ причинамъ, которыя душа представляетъ себѣ вмѣстѣ съ самимъ аффектомъ, бываетъ менѣе вреденъ, менѣе заставляетъ насъ страдать и менѣе ставитъ насъ въ страдательное положеніе къ каждой причинѣ, чѣмъ другой одинаково сильный аффектъ, который относится лишь къ одной причинѣ или къ немногимъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Аффектъ лишь постольку бываетъ злымъ или вреднымъ, поскольку онъ препятствуетъ душѣ мыслить (по пол. 26 и 27 части IV). Поэтому тотъ аффектъ, который опредѣляетъ душу къ представленію многихъ предметовъ одновременно, менѣе вреденъ, чѣмъ другой одинаково сильный аффектъ, который до того задерживаетъ душу на представленіи одного или немногихъ предметовъ, что она уже не можетъ мыслить о другихъ. Это первое. Затѣмъ, такъ какъ сущность души, т. е. сила (по пол. 7 части III) состоитъ въ одномъ только мышленіи (по пол. II части III), то душа отъ аффекта, которымъ она опредѣляется къ представленію многаго одновременно, менѣе страдаетъ, чѣмъ отъ одинаково сильного аффекта, который занимаетъ и задерживаетъ душу созерцаніемъ одного или немногихъ предметовъ. Это второе. Наконецъ, этотъ аффектъ (по пол. 48 части III), поскольку онъ относится ко многимъ внѣшнимъ причинамъ, бываетъ меньше по отношенію каждой изъ нихъ. Это и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ X.

Пока мы не обуеваемся аффектами, которые противоположны нашей природѣ, до тѣхъ поръ мы имѣемъ власть располагать и связывать по порядку въ умъ впечатлѣнія нашего тѣла.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Аффекты, которые противоположны нашей природѣ, т. е. (по пол. 30 части iv) которые составляютъ зло, составляютъ зло постольку, поскольку они препятствуютъ душѣ понимать (по пол. 27 части iv). Итакъ, пока мы не обуреваемся аффектами, которые противоположны нашей природѣ, до тѣхъ поръ не стѣсняется способность души, которою мы понимаемъ вещи (по пол. 26 части iv). Поэтому до тѣхъ поръ мы имѣемъ власть составлять ясныя и отчетливыя идеи и выводить однѣ изъ другихъ (см. схол. 2 пол. 40 и схол. пол. 47 части ii); и слѣдовательно (по пол. 1 этой части), до тѣхъ поръ мы имѣемъ власть располагать и связывать впечатлѣнія тѣла по порядку въ умѣ,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Посредствомъ этой власти располагать и связывать впечатлѣнія тѣла мы можемъ сдѣлать такъ, что не легко намъ будетъ страдать отъ дурныхъ аффектовъ. Ибо (по пол. 7 этой части) требуется большая сила для того, чтобы сдержать расположенные и связанные въ умѣ по порядку аффекты, чѣмъ неопредѣленные и разсѣянные. Такимъ образомъ, самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать, пока не имѣемъ совершеннаго познанія о нашихъ аффектахъ,—это установить правильный порядокъ жизни или извѣстныя правила жизни, напечатлѣть ихъ въ памяти и постоянно примѣнять ихъ къ часто встрѣчающимся въ жизни частнымъ случаямъ, чтобы наше воображеніе широко воспринимало ихъ дѣйствіе и чтобы они всегда были наготовѣ. Напр., между правилами жизни мы поставили (см. пол. 46 части iv съ ею схол.), что ненависть нужно побѣждать любовью или великодушіемъ, а не платить за нее взаимною ненавистью. Но, чтобы имѣть всегда наготовѣ это предписаніе разума, гдѣ окажется надобность въ немъ, мы должны часто взвѣшивать и обдумывать обыкновенныя человѣческія обиды и то, какъ и

какимъ путемъ можно отразить ихъ великодушіемъ. Ибо такимъ образомъ мы соединимъ въ воображеніи образъ обиды съ образомъ этого правила, и оно у насъ (*по пол. 18 части II*) будетъ на лицо, какъ только намъ нанесено будетъ оскорбленіе. Если же мы будемъ также постоянно имѣть наготовѣ соображенія нашей истинной пользы, равно какъ и добро, которое вытекаетъ изъ взаимной дружбы и сообщества людей, и, кромѣ того, то, что изъ разумнаго образа жизни вытекаетъ высшее довольство души (*по пол. 52 части IV*), а также и то, что люди, какъ и все остальное, дѣйствуютъ по естественной необходимости, тогда обида или ненависть, обыкновенно вытекающая изъ нея, будетъ занимать малѣйшую часть воображенія и легко можетъ быть пересилена. Также и гнѣвъ, обыкновенно вызываемый большими оскорбленіями, если и не будетъ пересилень такъ легко, то все-таки онъ будетъ пересилень, хотя и не безъ душевнаго колебанія, въ далеко меньшій промежутокъ времени, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы мы не предавались указаннымъ размышленіямъ, какъ явствуетъ изъ *пол. 6, 7 и 8 этой части*. Подобнымъ же образомъ нужно размышлять о мужествѣ, чтобы освободиться отъ страха; именно, мы должны перебирать и часто воображать обыкновенныя опасности и думать, какимъ образомъ можно лучше избѣжать или преодолѣть ихъ присутствіемъ духа и мужествомъ. Но нужно замѣтить, что приводя въ порядокъ наши помыслы и образы, мы всегда должны имѣть въ виду то (*по королл. пол. 63 части IV и по пол. 59 части III*), что есть добраго въ каждой вещи, чтобы такимъ образомъ всегда по аффекту радости опредѣляться къ дѣятельности. Напр., если кто-нибудь замѣчаетъ, что онъ слишкомъ гоняется за славой, то онъ долженъ размышлять о правильномъ употребленіи ея, о томъ, съ какою цѣлью слѣдуетъ гоняться за нею, и какими средствами она можетъ быть достигнута, но не о злоупотребленіи ею, суетности, непостоянствѣ людей или о чемъ-нибудь другомъ въ этомъ

родѣ, о чемъ не размышляетъ никто иначе, какъ по душевной тревогѣ. Въ самомъ дѣлѣ, такими размышленіями честолюбцы больше всего мучать себя, когда они отчаиваются въ достиженіи славы, къ которой стремятся, и, изрыгая гнѣвъ, хотятъ казаться мудрыми. Поэтому вѣрно, что наиболѣе жадны къ славѣ тѣ, которые наиболѣе кричатъ объ ея злоупотребленіи и о суетности міра. И это есть свойство не однихъ честолюбцевъ, но оно обще всѣмъ тѣмъ, кому неблагопріятствуетъ фортуна и кто безсиленъ духомъ. Ибо бѣдный, самъ будучи корыстолюбивъ, не перестаетъ говорить о злоупотребленіи деньгами и о порокахъ богатыхъ; чтó показываетъ только то, что онъ самъ себя мучитъ и показываетъ другимъ, что онъ съ озлобленіемъ относится не только къ своей бѣдности, но и къ богатству другихъ. Точно также тѣ, кого дурно принимаютъ ихъ любовницы, ни о чемъ другомъ не думаютъ, какъ только о непостоянствѣ женщинъ, объ ихъ обманахъ и о другихъ, постоянно повторяемыхъ всѣми, ихъ порокахъ; но все это немедленно предается забвенію, какъ только любовница снова ласково приметъ такого человѣка. Поэтому, кто желаетъ умѣрить свои аффекты и позывы по одной любви къ свободѣ, тотъ, насколько возможно, будетъ стараться знать добродѣтели и ихъ причины и наполнять душу радостью, которая происходитъ отъ истиннаго познанія ихъ, а не заниматься пороками людей, не поносить людей и не радоваться ложному виду свободы. Кто все это тщательно будетъ наблюдать (это вѣдь не трудно) и будетъ исполнять, тотъ въ короткое время будетъ въ состояніи направлять свои дѣйствія большею частью согласно съ предписаніями разума.

ПОЛОЖЕНІЕ XI.

Чѣмъ къ большему числу вещей относится какой-нибудь образъ, тѣмъ чаще онъ повторяется, или тѣмъ чаще онъ возстаетъ и тѣмъ больше занимаетъ душу.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Чѣмъ къ большему числу вещей относится образъ или аффектъ, тѣмъ больше есть причинъ, которыми онъ можетъ возбуждаться и поддерживаться и которыя всѣ (по предположенію) душа созерцаетъ одновременно изъ самого аффекта. И поэтому аффектъ тѣмъ чаще является или возстаетъ передъ нами и (по пол. 8 этой части) тѣмъ больше занимаетъ душу,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XII.

Образы вещей легче соединяются съ образами, относящимися къ вещамъ, которыя мы понимаемъ ясно и отчетливо, чѣмъ съ другими.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Вещи, которыя мы понимаемъ ясно и отчетливо, суть или общія свойства вещей или тѣ, которыя изъ нихъ выводятся (см. опред. разума въ 2 схол. пол. 40 части II), и, слѣдовательно, чаще возбуждаются въ насъ (по предвид. пол.). Поэтому легче можетъ случиться, что мы будемъ представлять себѣ другія вещи скорѣе вмѣстѣ съ ними, чѣмъ съ другими, и, слѣдовательно (по пол. 18 части II), онѣ легче будутъ соединяться съ ними, чѣмъ съ другими,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XIII.

Чѣмъ съ большимъ числомъ другихъ образовъ соединенъ какой-нибудь образъ, тѣмъ чаще онъ возникаетъ передъ нами.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо чѣмъ съ большимъ числомъ другихъ образовъ соединенъ извѣстный образъ, тѣмъ (по пол. 18 части II) больше есть причинъ, которыя могутъ возбуждать его,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ XIV.

Душа можетъ сдѣлать такъ, чтобы всѣ впечатлѣнія тѣла или образы вещей относились къ идеѣ Бога.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Нѣтъ ни одного впечатлѣнія тѣла, о которомъ душа не могла бы составить яснаго и отчетливаго понятія (по пол. 4 этой части). Поэтому она можетъ сдѣлать такъ (по пол. 15 части 1), чтобы всѣ они относились къ идеѣ Бога,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ XV.

Кто ясно и отчетливо понимаетъ себя и свои аффекты, тотъ любитъ Бога, и тѣмъ больше, чѣмъ больше онъ понимаетъ себя и свои аффекты.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Кто ясно и отчетливо понимаетъ себя и свои аффекты, тотъ радуется (по пол. 53 части III), и притомъ въ сопровожденіи идеи Бога (по предвид. пол.); а потому (по 6 отр. афф.) онъ любитъ Бога, и (на томъ же основаніи) тѣмъ больше, чѣмъ больше понимаетъ себя и свои аффекты,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ XVI.

Эта любовь къ Богу должна наиболѣе занимать душу.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо эта любовь соединена со всѣми впечатлѣніями тѣла (по пол. 14 этой части), которыя всѣ поддерживаютъ ее (по пол. 15 этой части); а потому она (по пол. II этой части) должна наиболѣе занимать душу,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XVII.

Богъ не подверженъ страстямъ и не испытываетъ никакой аффекта радости или печали.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Всѣ идеи, поскольку онѣ относятся къ Богу, истинны (по пол. 32 части II), т. е. (по отр. 4 части II) полны; а потому (по общ. отр. афф.). Богъ не подверженъ страстямъ. Далѣе, Богъ не можетъ переходить ни къ большому, ни къ меньшему совершенству (по 2 королл. пол. 20 части I); а потому (по 2 и 3 отр. афф.) не испытываетъ никакого аффекта ни радости, ни печали,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Собственно говоря, Богъ никого не любитъ и ни къ кому не питаетъ ненависти. Ибо Богъ (по предъид. пол.) не испытываетъ никакого аффекта ни радости, ни печали и, слѣдовательно (по 6 и 7 отр. афф.), никого не любить и ни къ кому не питаетъ ненависти.

ПОЛОЖЕНІЕ XVIII.

Никто не можетъ ненавидѣть Бога.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Идея Бога, существующая въ насъ, полна и совершенна (по пол. 46 и 47 части II). Поэтому, поскольку мы созерцаемъ Бога, постольку дѣйствуемъ (по пол. 3 части III), и, слѣдовательно (по пол. 59 части III), не можетъ быть никакой печали, сопровождаемой идеей Бога, т. е. (по 7 отр. афф.) никто не можетъ имѣть ненависти къ Богу,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Любовь къ Богу не можетъ превратиться въ ненависть.

СХОЛІЯ.

Но могутъ возразить на это, что если мы признаемъ Бога причиной всѣхъ вещей, то тѣмъ самымъ считаемъ его причиной печали. На это я отвѣчаю, что, поскольку мы понимаемъ причину печали, постольку (по пол. 3 этой части) она перестаетъ быть страстью, т. е. (по пол. 59 части III) постольку перестаетъ быть печалью, а потому, поскольку мы признаемъ Бога причиной печали, постольку радуемся.

ПОЛОЖЕНІЕ XIX.

Кто любитъ Бога, тотъ не можетъ стремиться къ тому, чтобъ и Богъ его любилъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Если бы человѣкъ стремился къ этому, то онъ желалъ бы также (по королл. пол. 17 этой части), чтобы Богъ, котораго онъ любитъ, не былъ Богомъ, и, слѣдовательно (по пол. 19 части III), желалъ бы печалиться,—что (по пол. 28 части III) нелѣпо. Слѣдовательно, кто любитъ Бога и проч.—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XX.

Эта любовь къ Богу не можетъ быть омрачена аффектомъ ни зависти, ни ревности; но она тѣмъ болѣе подкрѣпляется, чѣмъ большее число людей мы воображаемъ соединенными тою же связью любви съ Богомъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Эта любовь къ Богу есть высочайшее благо, какого только мы можемъ желать по указанію разума (по пол. 28 части IV); оно обще всѣмъ людямъ (по пол. 36 части IV), и мы желаемъ, чтобы всѣ наслаждались имъ (по пол. 37 части IV). Поэтому (по 23 отр. афф.) любовь эта не можетъ быть запятнана аффектомъ зависти, а также

(по пол. 18 и опр. ревности въ схол. пол. 35 части III) и аффектомъ ревности; но, напротивъ (по пол. 31 части III), должна тѣмъ болѣе подкрѣпляться, чѣмъ бѣльшее число людей мы воображаемъ наслаждающимися ею, — что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Подобнымъ же образомъ мы можемъ показать, что нѣтъ ни одного аффекта, который былъ бы прямо противоположенъ этой любви и который могъ бы уничтожить ее; а потому мы можемъ заключить, что эта любовь къ Богу есть самый постоянный изъ всѣхъ аффектовъ и, поскольку она относится къ тѣлу, можетъ разрушиться только вмѣстѣ съ самимъ тѣломъ. Какова же природа ея, поскольку она относится къ одной душѣ, это мы увидимъ въ послѣдствіи.

Такимъ образомъ я рассмотрѣлъ здѣсь всѣ средства противъ аффектовъ или все то, что можетъ сдѣлать противъ аффектовъ душа, разсматриваемая сама въ себѣ. Изъ этого явствуетъ, что власть души надъ аффектами состоитъ 1) въ самомъ познаніи аффектовъ. См. схол. пол. 4 этой части. 2) Въ томъ, что она отдѣляетъ аффекты отъ мысли о внѣшней причинѣ, которую мы воображаемъ смутно. См. пол. 2 съ ею схол. и пол. 4 этой части. 3) Въ томъ, что по времени аффекты, относящіеся къ вещамъ, понимаемымъ нами, превышаютъ тѣ, которые относятся къ вещамъ, понимаемымъ нами смутно или не въ полномъ видѣ. См. пол. 7 этой части. 4) Во множествѣ причинъ, которыми поддерживаются аффекты, относящіеся къ общимъ свойствамъ вещей или къ Богу. См. пол. 9 и 11 этой части. 5) Наконецъ въ порядкѣ, въ которомъ душа можетъ располагать и взаимно связывать свои аффекты. См. схол. пол. 10 и сверхъ того пол. 12, 13 и 14. Но чтобы лучше понять эту власть души надъ аффектами, нужно особенно замѣтить, что мы называемъ аффекты сильными, когда сравниваемъ аффектъ одного человѣка съ аффек-

томъ другого и видимъ, что тѣмъ же самымъ аффектомъ одинъ волнуется больше, чѣмъ другой, или когда сравниваемъ между собою аффекты одного и того же человѣка и видимъ, что одинъ аффектъ удручаетъ или возбуждаетъ его болѣе, чѣмъ другой. Ибо (по пол. 5 части iv) сила каждаго аффекта опредѣляется силою внѣшней причины сравнительно съ нашею силою. Но сила души опредѣляется однимъ познаніемъ; безсиліе же или страсть оцѣнивается лишеніемъ познанія, т. е. тѣмъ, почему идеи называются неполными. Изъ этого слѣдуетъ, что та душа наиболѣе страдаетъ, большую часть которой составляютъ неполныя идеи, такъ что она распознается больше по тому, въ чемъ она страдаетъ, чѣмъ по тому, въ чемъ она дѣйствуетъ. И наоборотъ, та душа наиболѣе дѣйствуетъ, большую часть которой составляютъ полныя идеи, такъ что хотя бы у нея было столько же неполныхъ идей, какъ и у первой, однако она характеризуется болѣе тѣми, которыя приписываются человѣческой силѣ, чѣмъ тѣми, которыя свидѣтельствуютъ о человѣческомъ безсиліи. Далѣе, нужно замѣтить, что душевныя страданія и несчастія большею частью происходятъ отъ излишней любви къ вещи, которая подвержена многимъ переменамъ и которою мы никогда не можемъ обладать. Ибо всякій заботится и беспокоится только о той вещи, которую любить; и обиды, подозрѣнія, вражда и проч. происходятъ не иначе, какъ только изъ любви къ вещамъ, которыми на дѣлѣ никто не можетъ обладать. Изъ этого мы легко поймемъ, что можетъ сдѣлать съ аффектами ясное и отчетливое познаніе, и въ особенности тотъ третій родъ познанія (по схол. пол. 47 части i), основаніе котораго есть познаніе Бога; именно, оно если не совершенно уничтожаетъ аффекты, поскольку они суть страсти (см. пол. 3 съ его схол. и пол. 4 этой части), то по крайней мѣрѣ производитъ то, что они составляютъ самую меньшую часть души. См. пол. 14 этой части. Затѣмъ, оно рождаетъ любовь къ неизмѣняемому и вѣчному предмету (см. пол.

15 этой части), которому мы дѣйствительно сопричастны (см. пол. 45 части II), и по этой причинѣ такая любовь не можетъ быть запятнана никакими недостатками, собственными обыкновенной любви, но она постоянно можетъ становиться больше и больше (по пол. 15 этой части), занимать наибольшую часть души (по пол. 16 этой части) и широко на нее дѣйствовать. Этимъ я сказалъ все, что касается настоящей жизни. Ибо если я сказалъ въ началѣ этой схолии, что я въ немногихъ словахъ объясъ всѣ средства противъ аффектовъ, то это легко можетъ видѣть каждый, кто обратитъ вниманіе на то, что мы сказали въ этой схолии, и вмѣстѣ съ тѣмъ на опредѣленія души и ея аффектовъ и, наконецъ, на пол. I и 3 части III. Итакъ, теперь время перейти къ тому, что относится къ продолжительности души безъ отношенія къ тѣлу.

ПОЛОЖЕНІЕ XXI.

Душа ничего не можетъ вообразать и не можетъ вспоминать о прошедшихъ вещахъ иначе, какъ только при существованіи тѣла.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Душа выражаетъ дѣйствительное существованіе своего тѣла и представляетъ впечатлѣнія тѣла какъ дѣйствительныя не иначе, какъ при существованіи тѣла (по королл. пол. 8 части II), и, слѣдовательно (по пол. 26 части II), представляетъ каждое тѣло дѣйствительно существующимъ не иначе, какъ при существованіи своего тѣла. Отсюда душа ничего не можетъ вообразить (см. опр. воображенія въ схол. пол. 17 части II) и не можетъ вспомнить о прошедшихъ вещахъ иначе, какъ только при существованіи тѣла (см. опр. памяти въ схол. пол. 18 части II),—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ XXII.

Въ Богѣ однако необходимо есть идея, которая выражаетъ сущность того или другого человеческого тѣла подѣ формой вѣчности.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Богъ есть причина не только существованія того или другого человеческого тѣла, но также и сущности его (по пол. 25 части I), которая поэтому необходимо должна быть представляема въ умѣ посредствомъ самой сущности Бога (по акс. 4 части I), и притомъ съ нѣкоторою вѣчною необходимостью (по пол. 16 части I), каковое представлѣніе необходимо должно быть въ Богѣ (по пол. 3 части II),—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ XXIII.

Человѣческая душа не можетъ совершенно разрушиться вмѣстѣ съ тѣломъ, но отъ нея остается нѣчто такое, что вѣчно.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Въ Богѣ необходимо есть представлѣніе или идея, которая выражаетъ сущность человеческого тѣла (по пред. пол.) и которая поэтому необходимо есть нѣчто такое, что относится къ сущности человѣческой души (по пол. 13 части II). Но мы приписываемъ человѣческой душѣ продолжаемость, которая можетъ быть опредѣлена временемъ лишь постольку, поскольку она выражаетъ дѣйствительное существованіе тѣла, которое можетъ выражаться продолжаемостью и можетъ опредѣляться временемъ, т. е. (по королл. пол. 8 части II), мы приписываемъ ей продолжаемость только при существованіи тѣла. Но такъ какъ тѣмъ не менѣе есть нѣчто такое, что по вѣчной необходимости представляется посредствомъ самой сущности Бога (по пред. пол.), то это нѣчто, отно-

сящееся къ сущности души, необходимо будетъ вѣчно,— что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Эта идея, которая выражаетъ сущность тѣла подъ формою вѣчности, есть, какъ мы сказали, опредѣленный образъ мышленія, который принадлежитъ къ сущности души и который есть необходимо вѣченъ. Однако не можетъ быть, чтобы мы помнили, что мы существовали прежде тѣла, такъ какъ ни въ тѣлѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ этого, ни самая вѣчность не можетъ опредѣляться временемъ и имѣть какое-либо отношеніе къ времени. Но тѣмъ не менѣе мы чувствуемъ и сознаемъ, что мы вѣчны. Ибо душа не меньше чувствуетъ тѣ вещи, которыя она представляетъ себѣ пониманіемъ, чѣмъ тѣ, которыя имѣетъ въ памяти. Глаза души, которыми она видитъ и наблюдаетъ вещи, суть сами доказательства. Такимъ образомъ, хотя мы и не помнимъ, что мы существовали прежде тѣла, однако чувствуемъ, что душа наша, поскольку она заключаетъ въ себѣ сущность тѣла подъ формою вѣчности, вѣчна, и что ея существованіе не можетъ опредѣляться временемъ или объясняться продолжаемостью. Итакъ, о нашей душѣ можно сказать, что она продолжается, и ея существованіе можетъ опредѣляться извѣстнымъ временемъ лишь постольку, поскольку она заключаетъ въ себѣ дѣйствительное существованіе тѣла; и лишь постольку она имѣетъ силу опредѣлять временемъ существованіе вещей и представлять ихъ подъ формою продолжаемости.

ПОЛОЖЕНІЕ XXIV.

Чѣмъ болѣе мы понимаемъ отдѣльныя вещи, тѣмъ болѣе мы понимаемъ Бога.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это явствуетъ изъ *королл. пол. 25 части 1.*

ПОЛОЖЕНИЕ XXV.

Высшее стремление души и высшая добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобы понимать вещи третьимъ родомъ познанія.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Третій родъ познанія исходитъ изъ полной идеи нѣкоторыхъ атрибутовъ Бога и приходитъ къ полному познанію сущности вещей (см. *его опред.* во 2 *схол. пол.* 40 *части* 11), и чѣмъ болѣе мы понимаемъ вещи этимъ способомъ, тѣмъ болѣе (по *предвид. пол.*) мы понимаемъ Бога. А отсюда (по *пол.* 28 *части* 1v) высшая добродѣтель души, т. е. (по *опр.* 8 *части* 1v) сила или природа души, или (по *пол.* 7 *части* 111) высшее стремление состоитъ въ томъ, чтобы понимать вещи третьимъ родомъ познанія,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ XXVI.

Чѣмъ способнѣе душа къ пониманію вещей третьимъ родомъ познанія, тѣмъ болѣе она желаетъ понимать вещи этимъ родомъ познанія.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это ясно. Ибо поскольку мы представляемъ душу способною къ пониманію вещей этимъ родомъ познанія, постольку мы представляемъ ее опредѣленною къ пониманію вещей тѣмъ же родомъ познанія, и, слѣдовательно (по 1 *опр. афф.*), чѣмъ способнѣе душа къ этому, тѣмъ болѣе желаетъ этого,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНИЕ XXVII.

Изъ этого третьяго рода познанія истекаетъ высшее довольство души, какое только возможно.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Высшая добродѣтель души есть познаніе Бога (*по пол. 28 части IV*) или пониманіе вещей третьимъ родомъ познанія (*по пол. 25 этой части*), и эта добродѣтель бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше душа познаетъ вещи этимъ родомъ познанія (*по пол. 24 этой части*). Поэтому кто познаетъ вещи этимъ родомъ познанія, тотъ переходитъ къ высшему человѣческому совершенству, и, слѣдовательно (*по 2 опр. афф.*), испытываетъ высшую радость, которая (*по пол. 43 части II*) сопровождается идеей себя и своей добродѣтели; а отсюда (*по 25 опр. афф.*) изъ этого рода познанія истекаетъ высшее довольство, какое только возможно,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXVIII.

Стремленіе или пожеланіе знать вещи третьимъ родомъ познанія не можетъ происходить изъ перваго, а всячески изъ втораго рода познанія.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Это положеніе ясно само собою. Ибо все, что мы понимаемъ ясно и отчетливо, понимаемъ или посредствомъ его самого, или посредствомъ другого, что представляется въ умѣ посредствомъ себя самого; т. е. идеи, которыя ясны и отчетливы въ насъ, или которыя относятся къ третьему роду познанія (*см. 2 схол. пол. 40 части II*), не могутъ происходить изъ неполныхъ и спутанныхъ идей, которыя (*по той же схол.*) относятся къ первому роду знанія, но изъ идей полныхъ, или (*по той же схол.*) изъ втораго и третьяго рода познанія. Отсюда (*по 1 опр. афф.*) пожеланіе знать вещи третьимъ родомъ познанія не можетъ происходить изъ перваго, а происходить изъ втораго,—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXIX.

Все, что душа понимаетъ подъ формою вѣчности, она понимаетъ не изъ того, что она представляетъ настоящее дѣйствительное существованіе тѣла, но изъ того, что она представляетъ сущность тѣла подъ формою вѣчности.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Поскольку душа представляетъ себѣ настоящее существованіе своего тѣла, постольку представляетъ продолжаемость, которая можетъ опредѣляться временемъ, и лишь постольку она имѣетъ способность представлять вещи съ отношеніемъ ко времени (*по пол. 21 этой части и пол. 26 части II*). Но вѣчность не можетъ выражаться продолжаемостью (*по опр. 8 части I и его объясненію*). Слѣдовательно, не поэтому душа имѣетъ силу представлять вещи подъ формою вѣчности, но потому, что природѣ разума свойственно представлять вещи подъ формою вѣчности (*по 2 королл. пол. 44 части II*), и къ природѣ души принадлежитъ представлять сущность тѣла подъ формою вѣчности (*по пол. 23 этой части*), а кромѣ этихъ двухъ свойствъ ничто не относится къ сущности души (*по пол. 13 части II*). Итакъ, эта способность представлять вещи подъ формою вѣчности принадлежитъ душѣ лишь постольку, поскольку она представляетъ сущность тѣла подъ формою вѣчности, — что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Мы представляемъ вещи какъ дѣйствительныя двумя способами: или поскольку представляемъ ихъ существующими съ отношеніемъ къ извѣстному мѣсту и времени, или поскольку представляемъ, что онѣ содержатся въ Богѣ и вытекаютъ изъ необходимости божественной природы. Тѣ вещи, которыя этимъ вторымъ способомъ представляются какъ истинныя или реальныя, мы предста-

вляемъ подѣ формою вѣчности, и идеи ихъ содержать въ себѣ вѣчную и безконечную сущность Бога, какъ мы показали въ пол. 45 части II (см. также его схолю).

ПОЛОЖЕНІЕ XXX.

Душа наша, поскольку познаетъ себя и тѣло подѣ формою вѣчности, постольку необходимо имѣетъ познаніе Бога и знаетъ, что она находится въ Богѣ и можетъ быть представлена посредствомъ Бога.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Вѣчность есть сама сущность Бога, поскольку она содержитъ въ себѣ необходимое существованіе (по отр. 8 части I). Стало быть, представлять вещи подѣ формою вѣчности значить представлять ихъ, поскольку онѣ представляются посредствомъ сущности Бога, какъ дѣйствительныя существа, или поскольку онѣ содержатъ въ себѣ посредствомъ сущности Бога существованіе. Поэтому наша душа, поскольку она представляетъ себя и тѣло подѣ формою вѣчности, постольку необходимо имѣетъ познаніе Бога и знаетъ и проч.—что и требовалось доказать.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXI.

Третій родъ познанія зависитъ отъ души, какъ отъ формальной причины, поскольку душа сама вѣчна.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Душа ничего не представляетъ себѣ подѣ формою вѣчности иначе, какъ поскольку она представляетъ сущность своего тѣла подѣ формою вѣчности (по пол. 29 этой части), т. е. (по пол. 21 и 23 этой части) поскольку она вѣчна. Поэтому (по предъид. пол.), поскольку она вѣчна, она имѣетъ познаніе Бога, которое необходимо бываетъ полно (по пол. 46 части II); а отсюда душа, по-

сколько она вѣчна, способна къ познанію всего того, что можетъ вытекать изъ этого даннаго познанія о Богѣ (по пол. 40 части II), т. е. къ познанію вещей третьимъ родомъ познанія (см. его опр. во 2 схол. пол. 40 части II), полной или формальной причиной котораго поэтому есть душа (по опр. I части III), поскольку она вѣчна,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Итакъ, чѣмъ болѣе кто-либо обладаетъ этимъ родомъ знанія, тѣмъ лучше онъ знаетъ себя и Бога, т. е. тѣмъ онъ совершеннѣе и блаженнѣе, что еще яснѣе будетъ видно изъ слѣдующаго. Но здѣсь нужно замѣтить, что хотя мы уже убѣдились, что душа вѣчна, поскольку она представляетъ вещи подъ формою вѣчности, однакоже для болѣе легкаго и лучшаго пониманія того, что мы хотимъ показать, мы будемъ разсматривать ее такъ, какъ будто она только начинаетъ теперь существовать и только еще теперь начинаетъ понимать вещи подъ формою вѣчности, какъ мы доселѣ и дѣлали; это мы можемъ сдѣлать, не опасаясь большой ошибки, если только мы будемъ соблюдать ту осторожность, чтобы выводить заключенія не иначе, какъ изъ очевидныхъ посылокъ.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXII.

Все, что мы понимаемъ третьимъ родомъ познанія, радуетъ насъ, и притомъ въ сопровожденіи идеи Бога, какъ причины.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Изъ этого рода познанія проистекаетъ высшее, какое только возможно, спокойствіе души, т. е. (по 25 опр. афф.) проистекаетъ радость, и притомъ сопровождаемая идеей самого себя, и, слѣдовательно (по пол. 30 этой части), сопровождаемая также идеей Бога, какъ причиной,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Изъ третьяго рода познанія необходимо проистекаетъ интеллектуальная любовь къ Богу. Ибо изъ этого рода познанія (*по предъид. пол.*) проистекаетъ радость, сопровождаемая идеей Бога, какъ причиной, т. е. (*по 6 отр. афф.*) любовь къ Богу, не поскольку мы воображаемъ его присутствующимъ (*по пол. 29 этой части*), но поскольку мы понимаемъ, что Богъ вѣченъ, а это я и называю интеллектуальной любовью.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXIII.

Интеллектуальная любовь къ Богу, проистекающая изъ третьяго рода познанія, вѣчна.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ибо третій родъ познанія вѣченъ (*по пол. 31 этой части и акс. 3 части 1*); поэтому (*по той же акс. части 1*) любовь, проистекающая изъ него, также необходимо вѣчна,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Хотя эта любовь къ Богу не имѣетъ начала (*по предъид. пол.*), однакоже она имѣетъ всѣ совершенства любви, какъ будто бы она имѣла происхожденіе, какъ мы его предположили въ *королл. предъид. пол.* И разница здѣсь состоитъ только въ томъ, что душа всѣ эти совершенства, которыя, по нашему предположенію, она пріобрѣтаетъ только теперь, она уже имѣла вѣчно, и притомъ въ сопровожденіи идеи Бога, какъ вѣчной причины. Если радость состоитъ въ переходѣ къ большому совершенству, то блаженство, конечно, должно состоять въ томъ, что душа одарена самимъ совершенствомъ.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXIV.

Душа только при существованіи тѣла подвержена аффектамъ, относящимся къ страстямъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Воображеніе чего-либо есть идея, которою душа представляет какую-нибудь вещь какъ присутствующую (*см. сн. опр. въ схол. пол. 17 части II*), но которая однако показываетъ скорѣе состояніе человѣческаго тѣла, чѣмъ природу внѣшней вещи (*по 2 королл. пол. 16 части II*). Итакъ, аффектъ (*по общ. опр. афф.*) есть воображеніе чего-нибудь, поскольку оно показываетъ настоящее состояніе тѣла; а потому (*по пол. 21 этой части*) душа только при существованіи тѣла подвержена аффектамъ, относящимся къ страстямъ,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Отсюда слѣдуетъ, что одна только интеллектуальная любовь вѣчна.

СХОЛІЯ.

Если мы рассмотримъ общепринятое мнѣніе людей, то увидимъ, что они тоже сознаютъ вѣчность своей души, но смѣшиваютъ ее съ продолжаемостью и приписываютъ ее воображенію или памяти, которая, какъ они думаютъ, сохраняется и по смерти.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXV.

Богъ любитъ самою себя безконечною интеллектуальною любовью.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Богъ абсолютно безконеченъ (*по опр. 6 части I*), т. е. (*по опр. 6 части II*) природа Бога наслаждается безконечнымъ совершенствомъ, и притомъ (*по пол. 3 части II*) въ сопровожденіи идеи себя, т. е. (*по пол. II и акс. I части I*) идеи своей причины, а это и есть то, что мы въ королл. пол. 32 этой части назвали интеллектуальною любовью.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXVI.

Интеллектуальная любовь души къ Богу есть сама любовь Бога, которою Богъ любитъ самого себя, не посколькy онъ безконеченъ, но посколькy онъ можетъ выражаться сущностью человѣческой души подъ формою вѣчности, т. е. интеллектуальная любовь души къ Богу есть часть безконечной любви, которою Богъ любитъ самого себя.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Эта любовь души должна относиться къ дѣйствіямъ души (по королл. пол. 32 этой части и по пол. 3 части III); и она есть дѣйствіе, которымъ душа созерцаетъ саму себя въ сопровожденіи идеи Бога, какъ причины (по пол. 32 и ея королл.), т. е. (по королл. пол. 25 части I и королл. пол. II части II) дѣйствіе, которымъ Богъ, посколькy онъ можетъ выражаться человѣческою душою, созерцаетъ самого себя въ сопровожденіи идеи самого себя; а потому (по предвид. пол.) эта любовь души есть часть безконечной любви, которою Богъ любитъ самого себя,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Отсюда слѣдуетъ, что Богъ, посколькy онъ любитъ самого себя, любить людей, и, стало быть, что любовь Бога къ людямъ и интеллектуальная любовь души къ Богу одно и то же.

СХОЛІЯ.

Изъ этого мы ясно понимаемъ, въ чемъ состоитъ наше спасеніе или блаженство или свобода; именно въ постоянной и вѣчной любви къ Богу, или въ любви Бога къ человеку. И эта любовь или блаженство въ священнѣхъ книгахъ называется *славой* *), и не безъ основанія. Ибо, отно-

*) פְּבוֹרַ Ис. 6, 3. Пс. 8, 6. 113, 4 וְהִדְבַּחъ Иоан. 11, 40. Римл. 3, 23. Еф. 1, 17, 18.

сится ли эта любовь къ Богу или къ душѣ, ее справедливо можно назвать довольствомъ души, которое на самомъ дѣлѣ не отличается отъ славы (*по 25 и 30 отр. афф.*). Ибо, поскольку она относится къ Богу, она есть (*по пол. 35 этой части*) радость (если мнѣ можно еще употребить это слово), сопровождаемая идеей себя, также какъ и поскольку она относится къ душѣ (*по пол. 27 этой части*). Затѣмъ, такъ какъ сущность нашей души заключается въ одномъ только познаніи, принципъ и основаніе котораго есть Богъ (*по пол. 15 части I и схол. полож. 47 части II*), то отсюда очевидно для насъ, какъ и какимъ способомъ душа наша по своей сущности и существованію вытекаетъ изъ божественной природы и постоянно зависитъ отъ Бога. Это я считалъ нужнымъ замѣтить здѣсь, чтобы на этомъ примѣрѣ показать, какъ много значитъ познаніе отдѣльных вещей, которое я назвалъ интуитивнымъ или третьяго рода (*см. схол. 2 пол. 40 части II*), и какъ оно сильнѣе общаго познанія, которое я назвалъ познаніемъ второго рода. Ибо хотя я въ первой части показалъ вообще, что все (а слѣдовательно и человѣческая душа) зависитъ по сущности и существованію отъ Бога; однако это доказательство, несмотря на то, что оно само по себѣ основательно и исключаетъ сомнѣніе, не такъ дѣйствуетъ на нашу душу, какъ когда то же самое выводится изъ самой сущности какой-нибудь отдѣльной вещи, которая, какъ мы сказали, зависитъ отъ Бога.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXVII.

Нѣтъ ничего въ природѣ, что было бы противно этой интеллектуальной любви или что могло бы уничтожить ее.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Эта интеллектуальная любовь необходимо вытекаетъ изъ природы души, поскольку она разсматривается посредствомъ природы Бога, какъ вѣчная истина (*по пол.*

33 и 29 этой части). Итакъ, если бы было что-нибудь противное этой любви, то оно было бы противно истинѣ, и, слѣдовательно, то, что могло бы уничтожить эту любовь, могло бы сдѣлать и то, чтобы истинное сдѣлалось ложнымъ, — что (*какъ ясно само собою*) нелѣпо. Слѣдовательно, нѣтъ ничего въ природѣ, и проч.,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Аксиома четвертой части относится къ отдѣльнымъ вещамъ, поскольку онѣ разсматриваются съ отношеніемъ къ извѣстному времени и мѣсту, въ чемъ, я думаю, никто не станетъ сомнѣваться.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXVIII.

Чѣмъ большее число вещей душа понимаетъ вторымъ и третьимъ родомъ познанія, тѣмъ меньше она страдаетъ отъ аффектовъ, составляющихъ зло, и тѣмъ меньше боится смерти.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Сущность души состоитъ въ познаніи (*по пол. II части II*). Такимъ образомъ, чѣмъ большее число вещей душа познаетъ вторымъ и третьимъ родомъ познанія, тѣмъ большая часть ея сохраняется (*по пол. 29 и 23 этой части*) и, слѣдовательно (*по предъид. пол.*), тѣмъ большая часть ея не подвергается аффектамъ, которые противоположны нашей природѣ, т. е. (*по пол. 30 части IV*), которые составляютъ зло. Итакъ, чѣмъ большее число вещей душа понимаетъ вторымъ и третьимъ родомъ познанія, тѣмъ большая часть ея сохраняется неприкосновенною и, слѣдовательно, тѣмъ меньше она страдаетъ отъ аффектовъ, и проч.,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Отсюда мы понимаемъ то, чего я коснулся въ *схол. пол. 39 части IV* и что обѣщаль объяснить въ этой части,

именно, что смерть тѣмъ менѣе вредна, чѣмъ больше ясное и отчетливое познаніе души, и, слѣдовательно, чѣмъ больше душа любитъ Бога. Далѣе, такъ какъ (по пол. 27 этой части) изъ третьяго рода познанія проистекаетъ высшее довольство, какое только возможно, то изъ этого слѣдуетъ, что человѣческая душа можетъ имѣть такую природу, что то, что изъ нея исчезаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ (см. пол. 21 этой части), не будетъ имѣть никакого значенія сравнительно съ тѣмъ, что отъ нея остается. Но объ этомъ сейчасъ скажемъ подробнѣе.

ПОЛОЖЕНІЕ XXXIX.

Кто имѣетъ тѣло, способное ко многуму, тотъ имѣетъ душу, наибольшая часть которой вѣчна.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Кто имѣетъ тѣло, способное къ многообразной дѣятельности, тотъ менѣе всего волнуется злыми аффектами (по пол. 38 части IV), т. е. (по пол. 30 части IV) аффектами, которые противоположны нашей природѣ; а потому (по пол. 10 этой части) онъ имѣетъ силу располагать и связывать впечатлѣнія тѣла по порядку и, слѣдовательно, производить то (по пол. 14 этой части), чтобы всѣ впечатлѣнія тѣла относились къ идеѣ Бога, слѣдствіемъ чего будетъ (пол. 15) то, что онъ будетъ чувствовать любовь къ Богу, которая должна занимать или составлять наибольшую часть души (по пол. 16 этой части); а отсюда (по пол. 33 этой части) онъ имѣетъ душу, наибольшая часть которой вѣчна,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Такъ какъ человѣческія тѣла способны къ весьма многуму, то нѣтъ сомнѣнія, что они могутъ имѣть такую природу, что могутъ относиться къ душамъ, которыя имѣютъ большое познаніе о себѣ и о Богѣ, и которыхъ наибольшая или главная часть вѣчна, и потому не бояться

смерти. Но, чтобы яснѣе понять это, нужно замѣтить здѣсь, что мы живемъ въ постоянномъ измѣненіи, и сообразно съ тѣмъ, измѣняемся ли къ лучшему, или къ худшему, называемся отъ этого *счастливыми*, или *несчастливыми*. Кто въ младенествѣ или отрочествѣ перешелъ въ трупъ, тотъ называется несчастнымъ, и, напротивъ, считается счастьемъ, когда кто-нибудь прожилъ всю жизнь съ здоровымъ духомъ въ здоровомъ тѣлѣ. И дѣйствительно, кто, подобно младенцу или отроку, имѣетъ тѣло, способное къ весьма немногому и сильно зависящее отъ внѣшнихъ причинъ, тотъ имѣетъ душу, которая, разсматриваемая сама въ себѣ, почти вполнѣ не сознаетъ ни себя, ни Бога, ни вещей; и, наоборотъ, кто имѣетъ тѣло, способное къ весьма многому, тотъ имѣетъ душу, которая, разсматриваемая сама въ себѣ, много сознаетъ себя, Бога и вещи. Такимъ образомъ, въ сей жизни мы стремимся главнымъ образомъ къ тому, чтобы тѣло дѣйства измѣнялось, насколько это допускаетъ его природа и насколько это сообразно съ нею, въ другое, которое было бы способно къ весьма многому и которое относилось бы къ душѣ, способной наиболѣе сознать себя, Бога и вещи, и притомъ такъ, чтобы все то, чтó относится къ ея памяти или воображенію, не имѣло почти никакого значенія въ сравненіи съ пониманіемъ, какъ я уже сказалъ въ схоліи предыдущаго положенія.

ПОЛОЖЕНІЕ XL.

Чѣмъ больше совершенства имѣетъ каждая вещь, тѣмъ больше она дѣйствуетъ и меньше страдаетъ, и, наоборотъ, чѣмъ больше она дѣйствуетъ, тѣмъ бываетъ совершеннѣе.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Чѣмъ совершеннѣе каждая вещь, тѣмъ больше она имѣетъ реальности (по опр. 6 части II) и, слѣдовательно (по пол. 3 части III съ ея схол.), тѣмъ больше дѣйствуетъ и меньше страдаетъ. Такъ же точно ведется это доказа-

тельство и въ обратномъ порядкѣ; изъ чего слѣдуетъ, что вещь тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе дѣйствуетъ,—что и требовалось доказать.

КОРОЛЛАРІЙ.

Отсюда слѣдуетъ, что та часть души, которая сохраняется, какова бы она ни была по количеству, совершеннѣе остальной части. Ибо вѣчная часть души (*по пол. 23 и 29 этой части*) есть разумъ, по которому мы называемся дѣйствующими (*по пол. 3 части III*); та же, относительно которой мы показали, что она уничтожается, есть само воображеніе (*по пол. 21 этой части*), по которому одному мы называемся страдающими (*по пол. 3 части III и по общ. отр. афф.*); а потому (*по предъид. пол.*) первая, какова бы она ни была по количеству, совершеннѣе второй,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Это и есть то, что я положилъ высказать о душѣ, поскольку она разсматривается безъ отношенія къ существованію тѣла. Изъ этого и вмѣстѣ изъ *пол. 21 части I*, какъ и изъ другихъ мѣстъ, явствуетъ, что наша душа, поскольку она понимаетъ, есть вѣчное состояніе (*modus*) мышленія, которое опредѣляется какимъ-нибудь другимъ вѣчнымъ состояніемъ (*modus*) мышленія, а это опять другимъ и такъ въ безконечность, такъ что всѣ они вмѣстѣ составляютъ вѣчный и безконечный разумъ Бога.

ПОЛОЖЕНІЕ ХLI.

Хотя бы мы и не знали, что наша душа вѣчна, но все-таки считали бы самымъ важнымъ благочестіе, религію и вообще все то, что, какъ мы показали въ четвертой части, относится къ мужеству и великодушію.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Первое и единственное основаніе добродѣтели или правильного образа жизни (*по королл. пол. 22 и пол. 24*

части IV) состоитъ въ томъ, чтобы искать своей пользы. Но для опредѣленія того, что предписываетъ намъ разумъ, какъ полезное, мы не прибѣгали къ вѣчности духа, о которой мы узнали лишь подъ конецъ въ этой пятой части. Такимъ образомъ, хотя мы до сихъ поръ не знали, что душа вѣчна, однако считали самымъ важнымъ то, что, какъ мы показали, относится къ мужеству и великодушію; а потому, хотя бы мы и теперь еще не знали этого, мы все-таки считали бы самымъ важнымъ предписанія разума,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Но общее мнѣніе толпы, повидимому, иное. Ибо многіе, кажется, думаютъ, что они свободны постольку, поскольку могутъ служить своимъ похотямъ, и отказываются отъ своихъ правъ постольку, поскольку обязаны жить по предписаніямъ божественнаго закона. Благочестіе же и религію и вообще все, относящееся къ душевному мужеству, они считаютъ тягостью, отъ которой они надѣются избавиться послѣ смерти, и надѣются получить награду за свое рабство, именно за благочестіе и религіозность. И не эта надежда только, но также, и даже главнымъ образомъ, страхъ, чтобы послѣ смерти не подвергнуться наказанію жестокими муками, побуждаютъ ихъ жить по предписаніямъ божественнаго закона, насколько то позволяетъ ихъ слабость и безсиліе души. И если бы въ людяхъ не было этой надежды и страха, а напротивъ, если бы они были увѣрены, что души погибаютъ вмѣстѣ съ тѣломъ, и что несчастнымъ, истомленнымъ тяжестью благочестія, не предстоитъ продолженія жизни, то они обратились бы къ жизни по своему вкусу, все устроили бы по своимъ похотямъ и повиновались бы скорѣе фортунѣ, чѣмъ самимъ себѣ. Это мнѣ кажется не менѣе нелѣпымъ, какъ если бы кто-нибудь на томъ основаніи, что онъ не увѣренъ, что ему придется всегда питать свое тѣло хорошою пищею, сталъ бы питаться смер-

тоносными ядами, или, если бы кто-нибудь, видя, что душа не вѣчна и не безсмертна, захотѣлъ бы по этой причинѣ быть безумнымъ и жить безъ разума. Все это до того нелѣпо, что не заслуживаетъ разсмотрѣнія.

ПОЛОЖЕНИЕ XLII.

Блаженство не есть награда за добродѣтель, но сама добродѣтель, и мы не потому наслаждаемся имъ, что сдерживаемъ наши похоти, а напротивъ, мы можемъ сдерживать наши похоти потому, что наслаждаемся имъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

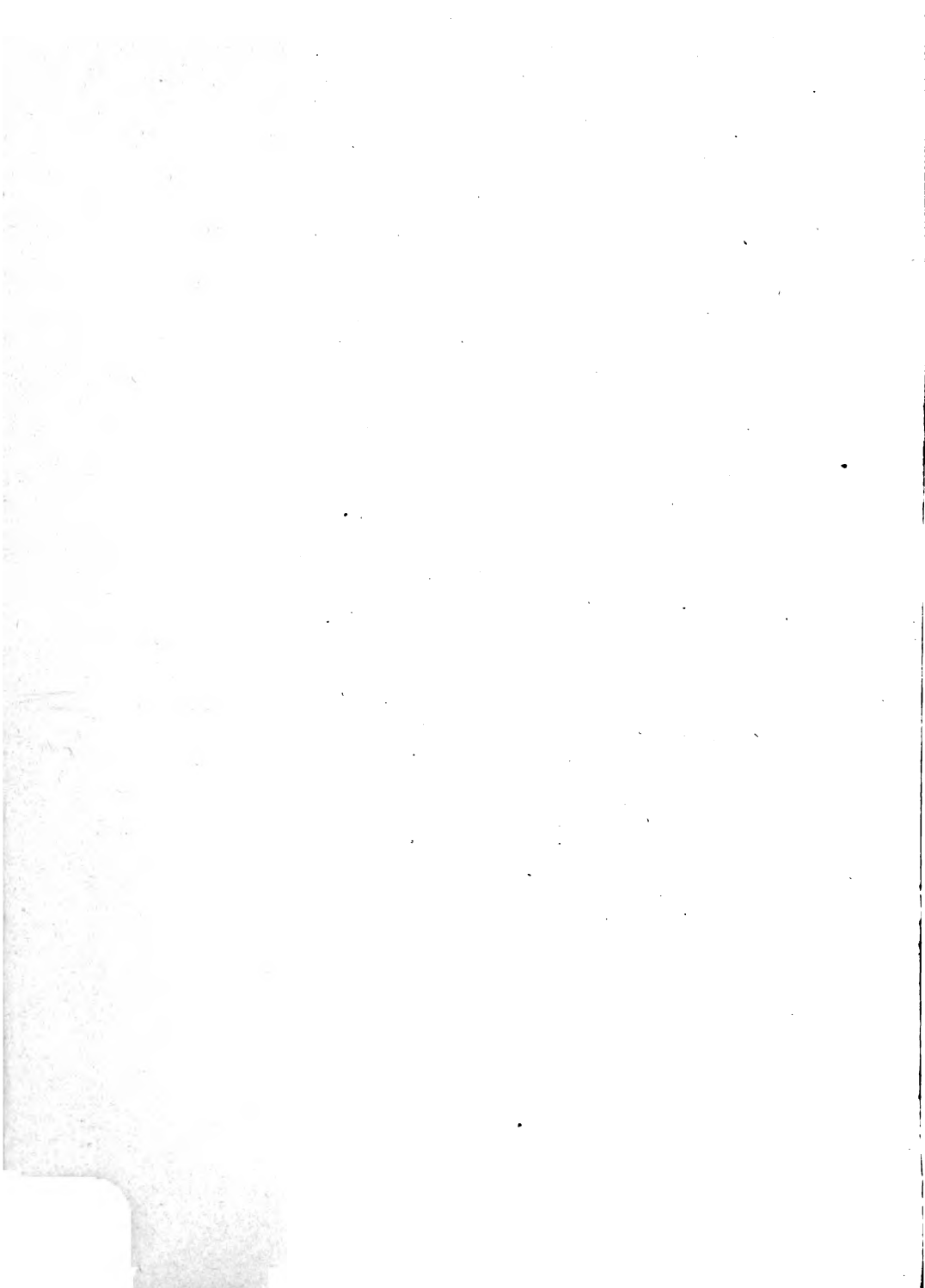
Блаженство состоитъ въ любви къ Богу (по пол. 36 и ея схол.), которая истекаетъ изъ третьяго рода познанія (по королл. пол. 32 этой части); потому эта любовь (по пол. 59 и 3 части III) должна относиться къ душѣ, поскольку она дѣйствуетъ, а отсюда (по опред. 8 части IV) она есть сама добродѣтель. Это первое. Затѣмъ, чѣмъ болѣе душа наслаждается этою божественною любовью или блаженствомъ, тѣмъ болѣе она понимаетъ (по пол. 32 этой части), т. е. (по королл. пол. 3 этой части) тѣмъ болѣе имѣетъ силу надъ аффектами и (по пол. 38 этой части) тѣмъ менѣе страдаетъ отъ дурныхъ аффектовъ. Поэтому черезъ то самое, что душа наслаждается этою божественною любовью или блаженствомъ, она имѣетъ власть сдерживать свои похоти. А такъ какъ человѣческая сила сдерживать похоти состоитъ въ одномъ только разумѣ, то, слѣдовательно, никто не наслаждается блаженствомъ потому, что онъ сдержалъ аффекты, но, напротивъ, власть сдерживать похоти истекаетъ изъ самаго блаженства,—что и требовалось доказать.

СХОЛІЯ.

Этимъ я закончилъ все, что я хотѣлъ показать о силѣ души противъ аффектовъ и о свободѣ души. Изъ этого

видно, что въ состояніи сдѣлать мудрый, и насколько онъ сильнѣе невѣжды, который руководится одной похотью. Ибо невѣжда, не говоря уже о томъ, что онъ разнымъ образомъ волнуется отъ дѣйствія внѣшнихъ причинъ и никогда не имѣетъ истиннаго душевнаго довольства, живетъ почти не сознавая ни себя, ни Бога, ни вещей, и какъ только перестаетъ страдать, то вмѣстѣ съ тѣмъ перестаетъ и существовать; тогда какъ, напротивъ, мудрый, поскольку онъ разсматривается какъ таковой, едва волнуется душою, но, сознавая по нѣкоторой вѣчной необходимости себя, Бога и вещи, никогда не перестаетъ существовать, а всегда обладаетъ истиннымъ довольствомъ души. Если путь, который я показалъ, какъ ведущій къ этому, и кажется очень труднымъ, то все-таки его можно найти. И дѣйствительно, должно быть въ самомъ дѣлѣ трудно то, что такъ рѣдко находятъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы спасеніе было такъ легко, и если бы его можно было найти безъ большого труда, то отчего же могло бы происходить то, что всѣ почти не радѣютъ о немъ? Но все прекрасное такъ же трудно, какъ оно рѣдко.

КОНЕЦЪ.

КАТАЛОГЪ ИЗДАНІЙ Л. Ф. ПАНТЕЛѢВА. 1877—1892 гг.

АНТРОПОЛОГІЯ

ТОПИНАРА. Переводъ подъ редакціею профессора И. И. Мечникова.
Съ 52 рис. въ текстѣ. 435 стр. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 30 к.

ИСТОРІЯ МАТЕРІАЛИЗМА

И КРИТИКА ЕГО ЗНАЧЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Фр. Альб. ЛАНГЕ. Перев. съ 3-го нѣм. изд. Н. Н. Страхова.

Томъ I-й: Исторія матеріализма до Канта. 398 стр.

Томъ II-й: Исторія матеріализма послѣ Канта. 496 стр.

Цѣна каждаго тома 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

Сочиненія ДАВИДА РИКАРДО. Пер. *Н. Зибера*,
съ приложен. переводчика. 685 стр. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р

ИСТОРІЯ ТЕОРИИ СТАТИСТИКИ.

Въ монографіяхъ Вагнера, Рюмелина, Этингена и Швабе. Пер. съ
нѣм. подъ редакціею и съ дополненіями проф. Янсона, съ 3-мя табли-
цами чертежей, 270 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

В. А. ЗАЙЦЕВЪ.

РУКОВОДСТВО ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ ВОСТОКА.

Съ 4 картами, 2 таблицами іероглифическихъ и клинообразныхъ
письменъ, 287 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ ЗАПАДА.

Эллиническая эпоха, съ 2 картами. 646 стр. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 к.

ОСНОВЫ НАУКИ.

ТРАКТАТЪ О ЛОГИКѢ И НАУЧНОМЪ МЕТОДѢ.

СТЕННИ ДЖЕВОНСА.

Пер. съ англ. **М. А. Антоновича.** 735 стр. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р.

Ст. Джевонсъ. ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ УЧЕБНИКЪ ЛОГИКИ
ДЕДУКТИВНОЙ И ИНДУКТИВНОЙ, съ вопросами и примѣрами.
Пер. съ англ. **М. А. Антоновича.** 336 стр. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

З В У К Ъ.

Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ
предметомъ явленія звука, для всѣхъ возрастовъ. **Альфреда Мар-**
шалла Майера. Съ 60 рисунками. Перев. съ англ. **М. А. Антоновича.**
165 стр. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

С В Ъ Т Ъ.

Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ
предметомъ явленія свѣта, для всѣхъ возрастовъ. **А. Майера и Бар-**
нара. Съ 29 рис. Пер. съ англ. **М. А. Антоновича.** 84 стр. Ц. 50 к.
съ пересылкою 65 к.

ОВЩЕДОСТУПНЫЙ КОСМОСЪ.

Лекція Роско: Изъ чего составлена земля.—**Локаверъ:** Почему таковъ
составъ земли, каковъ онъ есть.—**Уильямсонъ:** Послѣдовательность
жизни на землѣ. Съ 50 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

О НОВѢЙШИХЪ УСПѢХАХЪ ФИЗИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ.

Лекція проф. Эдингб. унив. П. Г. Тэта. Пер. подъ редакц. **И. М. Стѣчкова**
Съ 24 рис. въ текстѣ. 339 стр. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

СЕРІЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ УЧЕБНИКОВЪ.

Переводъ съ англійскаго М. А. Антоновича.
Введеніе. Проф. Генсли. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.—**Химія**. Проф. Роско.
Съ 86 рис. въ текстѣ. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.—**Физика**. Проф. Бальф.
Стьюарта. Съ 48 рис. въ текстѣ. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.—**Физическая**
географія. Проф. Гейни. Съ 20 рис. въ текстѣ. Ц. 60 к., съ пер. 70 к.
Геологія. Проф. Гейни. Съ 46 рис. въ текстѣ. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.
Физиологія. Д-ра Фостера. Съ 18 рис. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.
Астрономія. Нормана Лонаера. Съ 48 рис. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

ПРАКТИЧЕСКІЯ РАБОТЫ ПО БОТАНИКѢ И ЗООЛОГІИ.

ГЕСКЛИ И МАТИНА. А. Пер. съ англ. А. Я. Гердъ.
Ц. 1 руб. 25 коп., съ пер. 1 руб. 50 коп.

КРАТКІЙ КУРСЪ ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЯ.

Составилъ А. Я. Гердъ.

Удостоенъ преміи Императора Петра Великаго и въ первомъ
изданіи одобренъ какъ руководство для гимназій. Въ 3 част. съ 207
рисунк. въ текстѣ. Изд. 4-е. 257 стр. Ц. 1 р. 60 к. съ пер. 1 р. 80 к.

ОПЫТНАЯ МЕХАНИКА. С. С. ВОЛЬ.

Курсъ лекцій, чит. въ Корол. Ирл. Кол. Наукъ. Пер. съ англ. подъ ред.
Н. Н. Любавина. Съ 100 рис. въ текстѣ. 358 стр. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 80 к.

УЧЕБНИКЪ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ.

Проф. А. Гейни. Пер. съ англ. А. Я. Гердъ. Съ 78 рис. въ текстѣ и
10 картин. въ прилож. 370 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 80 к.

ГИМНАСТИКА ГОЛОСА, ОСКАРА ГУТМАНА.

ОСНОВАННАЯ НА ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАКОНАХЪ.

Руководство къ упражненію и правильному употребленію органа рѣчи и пѣнія.
128 стр. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

О ПСИХОМОТОРНЫХЪ ЦЕНТРАХЪ

И РАЗВИТІИ ИХЪ У ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ.

Проф. И. Р. Тарханова. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ЛЕКЦІИ ОБЩЕЙ ТЕРАПІИ. Проф. В. МАНАССЕЙНА.

Часть 1-я. 268 стр. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

ДОМАШНІЙ УХОДЪ ЗА БОЛЬНЫМИ.

Д-ра Курвуазье, Съ предисл. проф. Манассейна. Съ рис. въ текстѣ.
Пер. съ 3-го нѣмецк. изд. М. Ловцовой. Ц. 75 к., съ перес. 85 к.

ЭЛЕМЕНТЫ ОБЩЕЙ ФИЗИОЛОГІИ,

Кратко и общедоступно изложенные В. Прейеромъ, ординарн. проф. фи-
зиологіи. Пер. И. Р. Тарханова. 265 стр. Ц. 1 р. 25 к., съ перес.
1 р. 50 к.

БЕСѢДЫ О ЗЕМЛѢ И ТВАРЯХЪ НА НЕЙ ЖИВУЩИХЪ.

Проф. А. Н. Бекетова. Изд. 5-е, съ 18 рис. въ текстѣ. Ц. 80 к., съ
перес. 1 руб.

НАРОДЫ ТУРЦІИ.

Двадцать лѣтъ пребыванія среди болгаръ, грековъ, албанцевъ, турокъ и
армянъ. Пер. съ англ. 300 стр. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 80 к.

И. П. Минаевъ. ОЧЕРКИ ЦЕЙЛОНА И ИНДІИ. ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ РУССКАГО.

2 части. 522 стр. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

О ПОГЛОЩЕНИИ УГЛЕЙНОЙ КИСЛОТЫ СОЛЯНЫМИ РАСТВОРАМИ И КРОВЬЮ
И. М. Сиченова. 164 стр. бодльш. форм. Ц. 8 руб., съ перес. 3 р. 30 к.

СКОТОВОДСТВО.

Заттегаста. Перев. подь редакціею Д-ра О. А. Гримма. 2 тома.
съ 200 рис. въ текстѣ. Ц. 7 руб. съ пересылкою.

Е. СМАЙЛЬСЪ.

ИСТОРИЯ ШОТЛАНДСКАГО НАТУРАЛИСТА

Томаса Эдварда.

Перев. С. И. Смирновой. 163 стр. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ПИТАНІЕ ЧЕЛОВѢКА ВЪ ЕГО НАСТОЯЩЕМЪ И БУДУЩЕМЪ.

А. Н. Бекетовъ. Ц. 50 коп., съ пересылкою 60 к.

ЛИНГВИСТИКА.

Абея Оведама. Переводъ съ франц. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ЭЛЕМЕНТЫ ЭМВРІОЛОГІИ.

Фостера и Бальфура. Съ 70 рисунк. Пер. съ англ. подь ред. О. А. Гримма
350 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА.

ШЕСТЬ ЛЕКЦІЙ, ЧИТАННЫХЪ ВЪ КОРОЛЕВСКОМЪ ИНСТИТУТѢ ВЪ 1873 г., и
ЕДИНСТВО ИСТОРІИ.

Лекціи, читанныя въ Кембриджскомъ университетѣ, Эд. Фримана. Перев. съ
англ. Н. Корнунова. 376 стр. Ц. 2 р. 50 к. съ пересылкою 2 р. 80 к.

М. ФОСТЕРЪ. НАЧАЛЬНЫЙ ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ФИЗИОЛОГІИ.

Пер. съ англ. С. В. Пантелѣевой. 233 стр. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к

О НЕНОРМАЛЬНОСТИ МОЗГОВОЙ ЖИЗНИ

современнаго культурнаго человѣка. М. М. Манассеиной. Ц. 1 р. 25 к.

Клавіусъ. О запасахъ энергіи въ природѣ. пер. Флугъ; ц. 30 к.

БЛЕРКЪ-МАКСУЭЛЛЬ.

МАТЕРІЯ И ДВИЖЕНІЕ.

Пер. съ англійск. М. А. Антоновича. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

РУДОЛЬФЪ АРЕНДЪ. ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ХИМІИ.

Съ 178 рис. въ текстѣ, пер. съ нѣм. подь ред. проф. Тавилдарова. Ц. 1 р. 50 к.
съ пер. 1 р. 70 к.

В. Карпентеръ.

ЭНЕРГІЯ ВЪ ПРИРОДѢ.

Пер. съ англійск., съ 81 рисунк. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.

Грантъ Алленъ. Ч. Дарвинъ. Пер. съ англ. подь ред. А. Н. Энгельгардта
Ц. 1 р. 50 к.

О. А. ШТОФФЪ. (Женщина-врачъ.)

УХОДЪ ЗА РЕБЕНКОМЪ ВЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ЕГО ЖИЗНИ.

Практическіе совѣты матерямъ. Ц. 50 к.

Г. Д. ВАХТЕЛЬ. РУКОВОДСТВО КЪ ТЕХНИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ.

Цѣна 5 р.

РЭМСЕНЪ. ВВЕДЕНИЕ КЪ ИЗУЧЕНІЮ СОЕДИНЕНІЙ УГЛЕРОДА.
(Органическая химія.) Пер. Н. С. Дрендельна. Ц. 2 р.

П. ТѢТЪ. СВОЙСТВА МАТЕРІИ.

Перев. съ англ. И. М. Стъченова. Ц. 2 р. 50 к.

Баллингъ, К. Новѣйшіе способы изслѣдованія продуктовъ горнозаводскаго промисла. Пер. *К. Флуъ*. Ц. 2 р.

Гердъ, А. Я. Учебникъ Географіи 1 вып. 50 к.; 2 вып. 50 к. 3 и 4 вып. по 75 коп.

Вейсбахъ, А. Таблицы для опредѣленія минераловъ по внѣшнимъ признакамъ, пер. *С. И. Серебренникова*. Ц. 1 р. 50 к.

Гердъ, А. Я. Учебникъ географіи. Ч. I. Общій обзоръ земного шара. Ц. 50 к.
Ч. II. Азія. Ц. 50 коп. Ч. III. Австралія, Полинезія, Африка и Америка. Ц. 75 к. Ч. IV. Европа. Ц. 75 к.

" " " Краткій курсъ всеобщей географіи. Ц. 25 к.
" " " Міръ Божій. Книжка I. Земля, воздухъ и вода. Для учащихся въ начальной школѣ. 2-е изд. Съ 42 рисунками. Ц. 40 коп.

Гуржеевъ, С. М. Учебникъ механики. Ц. 1 р. 50 к.—Прикладная механика. Ц. 2 р. 50 к.

Дамскій, А. В. Равенства химическихъ превращеній. Повторительный курсъ по неорганической химіи. Ц. 1 р.

Лоджъ, О. Современные взгляды на электричество. Ц. 1 р. 50 к.

Леббокъ. Цвѣты, плоды и листья. Съ предисловіемъ профессора *А. Бекетова*. Переводъ съ англійскаго *А. Гердъ*. Цѣна 1 р. 25 к.

Стъченовъ, И. М. Физиологія нервныхъ центровъ. Цѣна 1 р. 50 к.

Тавилдаровъ, Н. И., проф. Сиб. Технол. Инстит. Химическая технология сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Томъ I съ 40 таблицами полиטיפажей, томъ II съ 36 табл. полиטיפажей. Цѣна за два тома 8 р.

Уффельманъ, Юлій. Руководство частной и общественной гігіены ребенка. Пер. съ нѣм. подъ ред. приватъ-доцента *В. Ф. Якубовича*. Ц. 2 р. 50 к.

Эмминггаусъ. Психическія разстройства въ дѣтскомъ возрастѣ. Переводъ съ нѣмецкаго *В. Ф. Якубовича*. Цѣна 2 р.

Якубовичъ, В. Ф. Руководство къ діагностикѣ дѣтскихъ болѣзней и способъ изслѣдованія дѣтей. Цѣна 2 р.

(См. продолженіе на обложкѣ).

Складъ изданій *Д. Ф. Пантелѣва* въ книжной торговлѣ *Н. П. Карбасникова*. С.-Петербургъ, Литейный проспектъ, д. № 46

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 января 1892 г.

Типографія и Литографія *В. А. Тиханова, Б. Садовая*, № 27.

